

Fustel de Coulanges

Фюстель де Куланж

THE ANCIENT CITY

A CLASSIC STUDY OF THE
RELIGIOUS AND CIVIL INSTITUTIONS
OF ANCIENT GREECE AND ROME

ДРЕВНИЙ ГОРОД

РЕЛИГИЯ, ЗАКОНЫ,
ИНСТИТУТЫ
ГРЕЦИИ И РИМА

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3
К90

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Оформление художника
И.А. Озерова*

Куланж Ф. де
К.90 Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. — 414 с.

ISBN 978-5-227-01968-4

Книга известного французского историка Фюстеля де Куланжа посвящена истории древних цивилизаций. Свое исследование автор начинает с изучения религии древних. По его мнению, «верования о душе и смерти» лежат в основе всех обычаев, обрядов, самого образа жизни древнего человека. Анализируя взаимоотношения между религией, законами и общественными институтами, Куланж пришел к выводу, что все более или менее значительные изменения в общественной жизни Греции и Рима были обусловлены изменениями, происходящими в сфере религиозных верований.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3

© Перевод, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2010
© Художественное оформление,
ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2010

ДРЕВНИЙ ГОРОД

РЕЛИГИЯ, ЗАКОНЫ,
ИНСТИТУТЫ
ГРЕЦИИ И РИМА

Введение
НЕОБХОДИМОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ
ДРЕВНЕЙШИХ ВЕРОВАНИЙ НАРОДОВ
ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ИХ ИНСТИТУТОВ

В этой книге мы рассматриваем те принципы и правила, на которых основывалось управление греческим и римским обществом. В этом исследовании мы объединили греков и римлян по той причине, что оба этих народа, принадлежавшие к одной расе, говорившие на наречиях, развившихся из общего языка, имели схожие институты и принципы управления и прошли через ряд похожих переворотов.

Мы попытаемся разобраться в существенных различиях между древними и современными народами. Современная система воспитания и образования с детства погружает нас в среду греков и римлян и приучает сравнивать их с собой, судить об их истории по истории собственной, объяснять наши революции их переворотами. То, что мы получили от них, заставляет нас думать, что мы с ними похожи. Нам трудно относиться к ним как к чуждым для нас народам; мы почти всегда видим в них самих себя. Отсюда множество заблуждений. Мы допустим ошибку, если станем рассматривать древние народы, опираясь на взгляды и реалии нашего времени.

Подобная ошибка крайне опасна. Современные исследователи часто шли именно по этому пути. Имея скудные сведения об институтах древнего города, они задались целью воссоздать их в современных условиях. Ошибка в понимании свободы у древних привела к тому, что в опас-

ности оказалась свобода современных народов. Последние восемьдесят лет нашей истории наглядно показали, каким препятствием на пути развития современного общества является привычка смотреть на все глазами древних римлян и греков.

Для того чтобы составить правильное представление о древних греках и римлянах, следует изучать их, не сравнивая с собой, словно они абсолютно чуждые нам народы, с той же беспристрастностью и отстраненностью, с какой мы изучаем историю народов Древней Индии или Аравии.

Если мы последуем этому правилу, изучая историю Греции и Рима, то поймем, что ни одно государство, ни в наши дни, ни в будущем, не окажется похожим на эти неповторимые государства. Мы постараемся показать, какие принципы были заложены в управление этими обществами, и сразу же станет ясно, что данный механизм уже никогда не будет использован для управления человечеством.

Откуда такая уверенность? Почему принципы управления людьми в современном мире отличаются от тех, что существовали в древние времена? Перемены, которые время от времени происходят в общественном строе, не являются просто делом случая или результатом применения силы.

Причина изменений всегда кроется в самом человеке. Если законы человеческого общества теперь не те, что были в древности, значит, что-то изменилось в самом человеке. Действительно, из века в век развиваются наши умственные способности, а в силу этого подвергаются изменениям институты и законы. У современного человека другое мышление, чем у его предка, жившего двадцать пять веков назад, а потому им уже невозможно управлять так, как управляли человеком в древности.

История Греции и Рима свидетельствует о тесной связи, которая всегда существует между интеллектуальным уровнем народа и социальным строем его общества. Если изучать институты древних народов, не задумываясь об их религиозных взглядах, они покажутся непонятными, странными и необъяснимыми. Что еще за патриции и плебеи, патроны и клиенты, эвпатриды и феты; откуда появились неизгладимые родовые различия между этими классами?

Какой смысл в институтах лакедемонян, которые представляются нам столь противоестественными? Как объяснить несправедливость древнего частного права; запрет на продажу земли в Коринфе и Фивах; неравенство в наследовании между братом и сестрой в Афинах и Риме? Что именно древние юристы понимали под агнацией и родом? По какой причине произошли перевороты в праве и политические перевороты? Что представлял собой тот ни на что не похожий патриотизм, заставлявший забывать естественные чувства? Что понималось под свободой, о которой постоянно говорили? Как случилось, что институты, столь отличные от современного понимания, могли возникнуть и господствовать столь долгое время? Какая высшая сила дала им власть над умами?

Но стоит рассмотреть эти институты и законы вместе с верованиями, как сразу все становится объяснимо. Если вернуться в первые века существования этих племен, то есть в то время, когда сформировались эти институты, выяснить, какие представления сложились у человека о жизни, смерти, будущей жизни, то мы сразу увидим тесную связь между этими представлениями и древними нормами частного права, между обрядами, вытекающими из этих представлений, и политическими институтами.

Сопоставление верований и законов показывает, что древняя религия создала римскую и греческую семью, учредила брак и власть отца, установила степени родства и освятила право собственности и наследования. Та же самая религия, увеличив семью, создала более многочисленное сообщество — общину, город, где продолжала господствовать так же, как и в семье. Все древние институты и древнее частное право основаны на религии. От нее город получил правила, обычаи, форму правления, магистратов. Но со временем древние верования изменились и исчезли, а вместе с ними изменились политические институты и частное право. Последовал ряд переворотов; развитие умственной деятельности всегда приводило к социальным преобразованиям.

Следовательно, в первую очередь нужно изучить верования этих народов, особенно важно узнать древнейшие верования, поскольку институты и верования, которые мы находим в период расцвета Греции и Рима, всего лишь ре-

зультат развития древнейших институтов и верований, и их корни следует искать в весьма отдаленном прошлом. Греческие и италийские племена появились за много веков до Ромула и Гомера. В древнейшую эпоху, в незапамятные времена сформировались их верования и появились их институты.

Но есть ли надежда получить сведения об этом отдаленном прошлом? Кто может сказать, о чем думали люди, жившие за десять или пятнадцать веков до нашей эры? Можно ли восстановить то, что столь неуловимо и мимолетно, — взгляды и верования? Мы знаем, о чем думали восточные арийцы тридцать пять веков назад; мы узнали об этом из гимнов Вед¹, которые, безусловно, являются очень древними, и из законов Ману, в которых есть места, относящиеся к очень отдаленной эпохе. Но где гимны древних греков? У греков, как и у италийцев, были древние гимны и древние священные книги, но они не дошли до нас. Что мы можем узнать о поколениях, не оставивших ни одной написанной строки?

К счастью, прошлое никогда не исчезает полностью. Человек может забыть его, но оно остается в нем, поскольку в любую эпоху человек является результатом, воплощением всех предшествующих эпох. Если он заглянет в свою душу, то сможет найти там эти различные эпохи, каждая из которых оставила в его душе свой след.

Посмотрим на греков времен Перикла и римлян времен Цицерона; они сохранили в себе явные следы отдаленных веков. Современник Цицерона (в особенности простой человек) знал великое множество легенд; эти легенды дошли до него из глубокой древности и являются свидетельством образа мыслей того времени. Современник Цицерона говорит на языке, корни которого были очень древними; этот язык, выражая мысли древних веков, сложился в соответствии с духом того времени и со-

хранил своеобразие, которое передавалось из века в век. Первоначальный смысл иногда может раскрыть древние взгляды или обычаи. Изменились воззрения, исчезли воспоминания о них, но остались слова — неизменные свидетели исчезнувших верований.

Современник Цицерона совершал обряды во время жертвоприношений и брачных церемоний; эти обряды пришли к нему из древности, и доказательством этому служит тот факт, что они не соответствовали его верованиям. Но если мы внимательно изучим совершаемые им обряды и приносимые им формулы, то найдем следы того, во что верили люди пятнадцатую или двадцатую веками ранее.

¹ Веды («знание», «учение») — сборник самых древних священных писаний индуизма на санскрите. На протяжении многих веков Веды передавались устно в стихотворной форме и только гораздо позднее были записаны. Индуистская традиция считает Веды не сотворенными человеком вечными богооткровенными писаниями, которые были даны человечеству через посредство святых мудрецов. Существуют четыре Веды: Веда гимнов, Веда жертвенных формул, Веда песнопений, Веда заклинаний.

Часть первая ДРЕВНИЕ ВЕРОВАНИЯ

Глава 1 ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДУШЕ И СМЕРТИ

ВПЛОТЬ ДО последних времен истории Греции и Рима в протонародной среде сохранялись взгляды и обычаи, уходящие корнями в далекое прошлое, которые дают нам возможность понять, какие представления складывались у человека относительно собственной природы, души и таинства смерти.

Заглянув насколько возможно дальше в историю индоевропейской расы, к которой относятся греческие и итальянские народы, мы обнаружим, что ни у одного из народов, относившихся к этой расе, не было и тени сомнения в том, что человеку уготована не одна лишь короткая земная жизнь. С древнейших времен, задолго до появления философов, люди верили в следующую жизнь — новую жизнь после смерти. Они рассматривали смерть не как конец существования, а как изменение формы жизни.

Но где и каким образом проходила эта вторая жизнь? Может, они считали, что бессмертный дух, однажды покинув одно тело, переходит в другое, чтобы оживить его? Нет, вера в метемпсихоз¹ никогда не укоренялась в умах греко-италийских народов и не являлась древнейшей верой восточных арийцев: гимны Вед пропагандируют другое учение.

¹ М е т е м п с и х о з — переселение душ, религиозно-мифологическое представление о перевоплощении души после смерти тела в новое тело какого-либо растения, животного, человека, божества. (Здесь и далее примеч. пер., кроме особо оговоренных случаев.)

Может, они верили в то, что дух восходит к небесам, к области света? Вовсе нет; мысль о том, что душа отправляется в небесное жилище, появилась на Западе сравнительно недавно; впервые ее высказал греческий поэт Фосилид. Пребывание на небесах рассматривалось исключительно как вознаграждение нескольким великим людям и благодетелям человечества. Согласно древнейшим верованиям италийцев и греков, тот мир, в котором душа проводила свою вторую жизнь, не чужероден этому миру; душа оставалась рядом с людьми и продолжала жить под землей.

Кроме того, долгое время сохранялась вера в то, что во второй жизни душа оставалась связанной с телом; они вместе появлялись на свет, и смерть не разделяла их — они вместе покоились в могиле.

Какими бы древними ни были эти верования, до нас дошли достоверные свидетельства, подтверждающие их. Этими свидетельствами являются погребальные обряды, которые, возникнув вместе с верованиями, намного их пережили. Эти обряды дают нам возможность разобраться в древних верованиях.

Погребальные обряды явно свидетельствуют о том, что при захоронении тела древние люди верили, что вместе с телом хоронят нечто живое. Вергилий, всегда подробно и детально описывавший религиозные церемонии, заканчивает рассказ о погребении Полидора такими словами: «Мы заключаем душу в могилу». Подобное выражение встречается у Овидия и Плиния Младшего; это не означает, что оно соответствовало представлениям этих авторов о душе, но это выражение, сохранившееся с незапамятных времен, свидетельствует о древних, общепринятых верованиях.

Существовал обычай по окончании погребальной церемонии трижды призвать душу усопшего, произнося имя, которым он был наречен при рождении. Усопшему желали счастливой жизни под землей. Трижды повторяли:

¹ Описание Вергилия относится к обычаю использовать кенотафы; в тех случаях, когда не представлялось возможным отыскать тело умершего, родственники могли совершить церемонию, в точности воспроизводящую обряд погребения; люди верили, что в этом случае, в отсутствие тела, они заключают в могилу душу.

«Будь счастлив» и добавляли: «Пусть земля тебе будет пухом». Они твердо верили, что человек продолжает жить под землей и там по-прежнему испытывает радость и страдание. На надгробии писали, что здесь покоится человек — высказывание, пережившее эту веру и через столетия дошедшее до наших дней. Мы употребляем его, хотя сегодня никто, конечно, не считает, что в могиле покоится бессмертный. Но в те давние времена люди были настолько уверены, что усопший продолжает жить под землей, что никогда не забывали положить в могилу предметы, которые могли понадобиться ему в новой жизни, — одежду, посуду, оружие. Рядом с могилой ставили кувшин с вином, чтобы он мог утолить жажду; оставляли пищу для утоления голода. Убивали рабов и лошадей с верой в то, что, похороненные вместе с усопшим, они будут служить ему и дальше, как служили при жизни. После взятия Трои, собираясь в обратный путь на родину, каждый грек берет с собой прекрасную пленницу, и Ахилл, лежащий под землей, тоже требует отдать ему пленницу, и ему отдают Поликсену¹.

Поэзия Пиндара² сохранила для нас доказательства воззрений людей тех древних времен.

Фрикс, спасаясь от преследований мачехи, покинул Грецию и добрался до Колхиды. Он умер в далекой Колхиде, но, даже будучи умершим, по-прежнему стремился вернуться в Грецию. Фрикс во сне явился Пелиасу, приказал отправиться в Колхиду и вернуть на родину его, Фрикса, душу. Его душа, конечно, тосковала по родной стране,

¹ Согласно одним источникам, Поликсену закололи на могиле Ахилла, согласно другим — греки принесли пленную Поликсену в жертву над кенотафом Ахилла, устроенным на фракийском берегу. Существует версия, что она покончила с собой на могиле Ахилла еще до взятия Трои.

² П и н д а р — древнегреческий поэт-лирик. Произведения Пиндара относятся к песнопениям религиозного и торжественного содержания, которые исполнялись хором на празднествах; это были гимны богам, писавшиеся на заказ дифирамбы, эпиникии (хоровые победные оды с музыкой и пляской в честь победителей на общегреческих играх). Слава Пиндара в Греции была так велика, что даже спустя сто лет, когда Александр Македонский покорил восставшие Фивы, он, приказав разрушить город до основания, повелел сохранить только храмы богов и дом Пиндара. Эпиникии Пиндара существенно повлияли на развитие жанра оды в европейской литературе.

по фамильной усыпальнице, но, прикованная к плотским останкам, не могла без них покинуть Колхиду.

Эта примитивная вера обусловила появление обряда погребения. Для того чтобы душа могла оставаться в подобающем виде для проведения следующей жизни в подземном обиталище, тело, с которым она была связана, тоже следовало предать земле. Душа, лишенная могилы, не имела пристанища. Она становилась блуждающим духом. Тщетно искала она желанного покоя, к которому стремилась после жизненных трудов и волнений. Ей суждено было вечно скитаться в образе призрака, не получая столь необходимых ей подношений, напитков и пищи. Обреченная на вечные скитания, она вскоре превращалась в злой дух. Она издевалась над живыми; насылала болезни; уничтожала урожай; пугала внезапными появлениями, и все это только ради того, чтобы внушить живым мысль о необходимости погребения ее тела и ее самой. Отсюда появилась вера в привидения. В древности все люди были убеждены, что блуждающая душа испытывает страдания, а погребение сделает ее счастливой. Похоронная церемония проводилась не ради того, чтобы предаваться печали, а ради вечного покоя и счастья усопшего.

Однако следует отметить, что одного предания тела земле было недостаточно. Следовало соблюсти необходимые обряды и произнести соответствующие заклинания. У Плавта¹ есть история о таком призраке — душе, вынужденной блуждать по свету, поскольку ее тело было предано земле без соблюдения необходимых обрядов.

Светоний² рассказывает, что тело Калигулы было предано земле без совершения погребальных церемоний, поэтому его душа скиталась по свету, являясь живой, пока не было, наконец, принято решение о перезахоронении Калигулы, но уже с соблюдением необходимых обрядов.

¹ П л а в т Тит Макций — выдающийся римский комедиограф, мастер паллиаты (название древнеримской так называемой комедии плаща, в которой актеры выступали в греческой одежде). Римляне противопоставляли паллиате так называемую комедию тоги, тогату.

² С в е т о н и й Гай Транквилл — римский писатель, историк и Ученый-энциклопедист, живший приблизительно между 75 и 160 годами н. э.

Эти два примера ясно показывают, какое значение придавалось обрядам и заклинаниям при выполнении погребальной церемонии. Без них души продолжали скитаться и являться к живым, а с ними души поселялись в могилах. Но у древних, наряду с заклинаниями, способными удерживать душу в могиле, были заклинания, наделенные противоположной силой. Они вызывали души умерших, заставляя их на какое-то время выходить из могилы.

В произведениях древних авторов явственно проступает терзающий человека страх, что после его смерти при захоронении не будут выполнены все необходимые обряды; это был источник постоянного беспокойства. Люди боялись не столько смерти, сколько того, что будут лишены необходимой церемонии похорон, а значит, под угрозой окажется их покой и вечное благоденствие. Не стоит слишком удивляться афинянам, казнившим своих полководцев после одержанной победы в морском сражении за то, что те пренебрегли погребением павших в сражении. Эти полководцы, ученики философов, уже ясно видели разницу между душой и телом и, поскольку не считали, что их участи взаимосвязаны, не видели особой разницы в том, где будет разлагаться труп — в земле или в воде. Надвигался шторм, и они не желали подвергать опасности живых только ради выполнения пустой формальности — подобрать всех погибших, чтобы похоронить их в земле. Но народ, даже в Афинах, продолжавший исповедовать древние верования, обвинил полководцев в нечестивости и осудил на смерть. Они одержали победу и спасли Афины, но пренебрегли древними законами и погубили тысячи душ. Родственники погибших, думая о вечных муках, на которые обречены души их погибших родных, явились в суд в траурных одеждах, требуя отмщения. В древних городах закон был суров в отношении особо тяжких преступлений, и лишить преступника погребения считалось самым страшным наказанием. В этом случае душа обрекалась на вечные муки.

Следует отметить, что среди древних народов существовало и другое мнение о местопребывании усопших. Они представляли пространство, тоже подземное, но несравненно большее, чем могила, где вместе находились все души, вдали от своих тел, и где воздаяния распределялись сооб-

разно тому образу жизни, который люди вели на земле. Но обряды погребения, о которых мы только что говорили, не согласуются с этим верованием; во времена, когда установились эти обряды, люди еще не верили ни в Тартар, ни в элизиум — загробный мир блаженства. В глубокой древности изначально бытовало мнение, что человек продолжает жить в могиле и душа не расстается с телом, оставаясь прикованной к той части земли, где зарыты кости. Кроме того, от человека не требовалось никакого отчета о прожитой жизни. Погребенный в могилу, он не ждал ни наград, ни наказаний. Представление, безусловно, незрелое, но оно лежало в основе будущего понятия о загробной жизни.

Человеческих слабостей живший под землей не чуждался, а поэтому в определенные дни года на могилу приносили пищу и напитки. Овидий и Вергилий дают описание этой церемонии, сохранившейся до их времен, несмотря на то что верования уже подверглись серьезным изменениям. По их рассказам, могилу окружали большие венки из трав и цветов; на могиле раскладывали хлеб, фрукты, могила поливалась молоком, вином, а иногда даже жертвенной кровью.

Мы сильно ошибаемся, если думаем, что эти подношения являлись не чем иным, как своего рода поминовением усопших. Пища, которую родственники приносили на могилу, предназначалась только для умершего, исключительно для него одного. Доказательством служит тот факт, что вино или молоко выливалось на могилу; для твердой пищи в земле выкапывали отверстие, через которое она могла попасть к усопшему; если приносили жертву, то сжигали целиком, чтобы никто из живых не мог ее отведать; произносили специальные священные слова, приглашая умершего отведать пищи и напитков; никто из родственников не притрагивался ни к еде, ни к питью, а уходя, обязательно оставляли на могиле сосуды с молоком и хлеб. Живые не имели права притрагиваться к подношениям, предназначенным для усопшего, дабы не осквернить его память.

Эти обычаи нашли отражение в произведениях древних авторов. «Я лью на могилу, — говорит Ифигения у Еврипида, — молоко, мед, вино, потому что все это радует мерт-

вых». У греков перед каждой могилой было специальное место для приношения жертвы и приготовления ее плоти. Составной частью римской могилы была *culina* — кухня, в которой специально готовилась пища для подземного обитателя. Плутарх пишет, что после битвы при Платеях погибших воинов похоронили на поле битвы, и ежегодно платейцы совершали жертвоприношения грекам, павшим и похороненным у стен их города. Плутарх присутствовал на шестисотой годовщине этого события и оставил подробное описание совершаемого обряда. «На заре устраивается процессия; во главе ее идет трубач, играющий сигнал «к бою», за ним следуют повозки, доверху нагруженные венками и миртовыми ветвями, черный бык и свободно-рожденные юноши, несущие в амфорах вино и молоко для возлияния и кувшины с маслом и благовониями. Замыкает шествие архонт Платей; в иное время ему запрещено прикасаться к железу и носить какую бы то ни было одежду, кроме белой, но в этот день, облаченный в пурпурный хитон, с мечом в руке, он берет в хранилище грамот сосуд для воды и через весь город направляется к могилам. Зачерпнув воду из источника, он сам обмывает надгробные камни и мажет их благовониями, потом, заколов быка и ввергнув его в костер, обращается с молитвой к Зевсу и Гермесу Подземному и призывает храбрых мужей, погибших за Грецию, на пир и кровавые возлияния. Затем он разбавляет в кратере вино и выливает его со словами: «Пью за мужей, которые пали за свободу Греции». Этот обычай платейцы соблюдают и по сей день»¹.

Позже древнегреческий писатель-сатирик Лукиан, подвергавший осмеянию все области тогдашней жизни и мысли, высмеивал и этот обычай, глубоко укоренившийся в сознании народа. «Умершие, — пишет Лукиан, — едят кушанья, которые мы ставим на их могилах, и пьют вино, которое мы выливаем на могилы; таким образом, умерший, которому никто не делает приношений, осужден на вечный голод».

Эти древнейшие верования кажутся необоснованными и нелепыми, однако на протяжении долгих лет они оказывали огромное влияние на человека. Они господствова-

¹ *Плутарх. Сравнительные жизнеописания. (Пер. С.П. Маркшца.)*

ли в умах, а позже мы увидим, что они даже управляли обществом и явились основой большинства домашних и социальных институтов древности.

Глава 2 КУЛЬТ МЕРТВЫХ

Верования, связанные с этим культом, заложили основы определенных правил поведения. Усопшие нуждались в пище и питье, и обязанность живых заключалась в удовлетворении этих потребностей. Это была святая обязанность, на которую не могли повлиять ни изменившиеся обстоятельства, ни изменчивые чувства людей. Так сложилась религия, связанная с культом мертвых, догматы которой давно исчезли из памяти, но обряды сохранялись вплоть до полного торжества христианства. Умершие считались существами сверхчеловеческими и божественными. Древние наделяли их самыми почтительными эпитетами, называя добрыми, святыми, блаженными. Они питали к ним все благоговение, которое только способен испытывать человек по отношению к божеству, вызывающему в нем любовь или страх. Живые считали, что каждый умерший был богом.

Обожествление не являлось привилегией выдающихся людей; между усопшими не делалось различия. Цицерон пишет: «Наши предки повелели причислять к богам тех, кто ушел из нашей жизни». Для этого было вовсе не обязательно быть добродетельным человеком; богом становились и добрые, и злые, но в следующей жизни человек сохранял все склонности, добрые и злые привычки, все страсти, которые были свойственны ему в земной жизни.

Греки называли умерших подземными богами. У Эсхила сын обращается к умершему отцу: «О ты, ставший богом под землей». Еврипид, рассказывая об Алкесте, говорит: «Так иной промолвит путник: «Умерла она за мужа, а теперь среди блаженных и сама богиней стала»¹.

Римляне называли умерших богами-манами. «Воздайте должное богам-манам, — пишет Цицерон, — это люди,

¹ *Еврипид. Алкеста. (Пер. И. Анненского.)*

которые покинули жизнь; считайте их за божественные существа».

Могилы были храмами этих божеств, поэтому на них была священная надпись: *Dis Manibus*. По словам Вергилия, там, под землей, обитал погребенный бог. Перед могилами стояли алтари для жертвоприношений, как и перед храмами богов.

Этот культ мертвых мы находим у эллинов, сабинян, латинов, этрусков и даже у ариев в Индии. О нем упоминается в гимнах Ригведы. Книга «Законов Ману» говорит о культе мертвых как о древнейшем культе в истории человечества. Представление о «переселении душ» возникло одновременно с появлением первых погребальных ритуалов еще до появления брахманизма. Составители «Законов Ману» не могли обойти вниманием учение о душах умерших предков и внесли правила древней религии в священную книгу. Своеобразие этой необычной книги заключается в том, что она закрепила своим содержанием нормы, касавшиеся древних верований, тогда как она составлялась во времена господства совершенно противоположных верований. Это ли не доказательство того, что если на изменение верований требуется много времени, то еще больше времени необходимо на изменение внешних проявлений и правил, продиктованных этими древними верованиями. Даже в наши дни, по прошествии стольких веков и переворотов, индусы продолжают приносить жертвы предкам. У индоевропейской расы нет ничего древнее и устойчивее этих идей и обрядов. В Греции и Италии культ был таким же, как в Индии. Индус совершал церемонию, называемую шраддха. Ежедневные шраддха состояли в принесении умершим предкам вареного риса, молока, корней, плодов, воды.

Индус верил, что во время совершения шраддха появлялись маны умерших предков, садились рядом и принимали пищу, которую он им приносил. Кроме того, он верил, что умершие получают большое наслаждение от этой трапезы. Согласно «Законам Ману», когда шраддха совершается согласно обрядам, предки того, кто совершает шраддха, испытывают полное удовлетворение.

Вначале восточные арии имели те же представления о судьбе человека после смерти, как и западные арии. До появления веры в переселение душ, которая предполагала

абсолютное различие между душой и телом, они верили в некое неопределенное существование человека, невидимого, но материального, а потому нуждающегося в пище.

Индус, как и грек, считал умершего божественным существом, наслаждающимся блаженным существованием, но счастье умерших полностью зависело от соблюдения одного условия — живые должны были регулярно обеспечивать умерших пищей. Если живые перестали совершать шраддха, то душа покидала свое жилище, превращалась в блуждающий дух и причиняла страдания живым. Таким образом, маны были богами только до тех пор, пока живые совершали обряды и поклонялись им.

Такие же представления были у греков и римлян. Если умерший лишался подношений, он немедленно покидал могилу, становился блуждающим духом, и в ночной тишине слышались его стоны. Он упрекал живых в несоблюдении ритуалов, стремился наказать их, насылая болезни и поражая бесплодием землю. Одним словом, он не давал живым покоя до тех пор, пока они не начинали опять приносить подношения на могилу. Жертвоприношения возвращали блуждающий дух в могилу, возвращали ему покой и божественные свойства. Между человеком и усопшим восстанавливался мир¹.

Если об усопшем забывали, он становился злым духом, в то время как почитаемый покойник делался богом-покровителем. Он любил тех, кто приносил ему пищу. Он продолжал принимать участие в делах живых, защищал их и зачастую играл важную роль. Он, хотя и умерший, знал, как быть сильным и деятельным. К нему обращались с просьбами, просили поддержки, добивались расположения. Встречая на пути могилы, останавливались и говорили: «Подземный бог, будь милостив ко мне».

О могуществе, приписываемом древними народами умершим, можно судить по молитве, с которой Электра обращается к душе своего отца: «Сжался надо мной и над моим братом Орестом; верни его в эту страну, услышь мою молитву, о мой отец, удовлетвори мои просьбы, принимая

¹ у Эсхила Клитемнестра, увидев зловещий сон и испугавшись, что мана (душа) Агамемнона гневается на нее, спешит отправить рабынь с подношениями на могилу мужа. (Примеч. авт.)

эти подношения». Судя по следующим словам Электры, эти могущественные божества оказывали не только материальную поддержку: «Не дай мне сделаться такой, какова моя мать; сохрани в смирении мое сердце, в чистоте мои руки». Так и индус просил манов о том, чтобы в его семье увеличилось число хороших людей, которые бы заботились об умерших.

Эти человеческие души, возводимые после смерти в ранг божества, назывались у греков демонами. Латины называли их ларвами, манами, гениями. Апулей говорит, что наши предки думали, что «люди становятся ларами, если жили добродетельно; лемурами, или ларвами, если жили порочно; богами же манами называются те, о которых с точностью неизвестно, были ли они добродетельны или порочны»¹.

В другом месте находим: «Наши предки считали, что гений и лар одно и то же существо», а по словам Цицерона, «тех, кого греки называют демонами, мы называем ларами».

Религия мертвых является, по всей видимости, самой древней из всех верований человеческой расы. Люди обожествляли умерших до того, как создали и возвеличили Индру и Зевса. Умершие внушали им страх, они обращались к ним с молитвами. Возможно, тогда и зародилось религиозное чувство. При виде смерти у человека впервые мелькнула мысль о сверхъестественном и появилась надежда на то, что находилось вне пределов видимого. Смерть стала первой тайной, указавшей человеку путь к другим тайнам. Она переключила его мысли с видимого на невидимое, с переходящего на вечное, от смертного к божественному.

Глава 3 СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ

В доме каждого грека и римлянина был алтарь, на котором обязательно лежало несколько горячих углей и кучка золы².

¹ Блаженный Августин. О граде Божьем.

² У греков было несколько названий алтаря, но чаще его называли «веста», впоследствии это имя получила богиня — покровительница семейного очага и жертвенного огня (в Древнем Риме — Веста, в Греции — Гестия). (Примеч. авт.)

Для хозяина дома поддержание днем и ночью огня было священной обязанностью. Горе тому дому, где он погаснет! Каждый вечер угли покрывались золой, чтобы сохранить их тлеющими до утра. Проснувшись, каждый прежде всего старался оживить этот огонь, подложив сухие щепки. Огонь на алтаре переставал гореть только тогда, когда погибала вся семья; угасший очаг и угасшая семья — у древних эти выражения были синонимами.

Не вызывает сомнений, что обычай поддержания неугасимого огня на алтаре соответствовал какому-то древнему верованию. Правила и обряды, связанные с этим обычаем, показывают, что этому обычаю придавалось большое значение. Не все породы деревьев разрешалось использовать для поддержания огня; различались породы деревьев, предназначенные для этой цели, и «нечестивые» породы деревьев.

Существовало требование, согласно которому огонь всегда должен оставаться чистым; в буквальном смысле это означало, что в него нельзя бросать ничего грязного, а в переносном — что перед этим огнем нельзя совершать никаких недостойных дел. Один день в году — у римлян это было 1 марта — каждая семья должна была погасить священный огонь и сразу же зажечь новый. Получение нового огня было связано с точным соблюдением соответствующего обряда. Особо подчеркивалось, что для получения огня нельзя использовать кремень и железо; искры, высекаемые при ударах железа о кремень, не давали «чистого» огня. Священный огонь зажигался только от сфокусированных солнечных лучей. Кроме того, разрешалось получать огонь посредством трения двух кусочков специальных пород дерева. Требования к исполнению ритуала достаточно ясно доказывают, что это был не просто процесс добычи и сохранения приносящего пользу и радость огня; древние люди видели в огне, горящем на алтаре, нечто особенное.

Этот огонь был чем-то вроде божества; ему поклонялись, создав самый настоящий культ огня. Его одаривали тем, что, по мнению древних, могло понравиться богу: цветами, фруктами, благовониями, вином. Его считали могущественным, а потому просили покровительства. К нему обращались с горячими молитвами в надежде обрести то, в чем всегда нуждался человек, — здоровье, счастье и бо-

гатство. В одной из молитв, дошедших до нас в собрании орфических гимнов, говорится следующее: «Сделай нас вечно процветающими, вечно счастливыми, о огонь; о ты, вечный, прекрасный, всегда юный, ты, питающий нас, прими благосклонно наши подношения и одари нас в ответ счастьем и здоровьем».

Итак, люди видели в огне благодетельного бога, который помогал выжить, богатого бога, который не скупился на дары, сильного бога, оберегавшего дом и семью. В минуту опасности к огню устремлялись в поисках убежища. Когда враги захватили город и ворвались во дворец, Гекуба, увидев Приама в доспехах, сказала: «Что за умысел страшный это оружие взять тебя заставил? Нет, не в таком подкрепленье, увы, не в таких ратоборцах время нуждается! <...> Так отойди же сюда! Защитит нас жертвенник этот, или же вместе умрем». И, промолвив, она привлекает старца к себе и сажает его в укрытие священном»¹.

Алкеста, пожертвовавшая собой ради спасения мужа, чувствуя, как из нее уходит жизнь, подходит к алтарю и обращается к жертвенному огню с мольбой: «Богиня, меня Аид в свой темный дом берет. И я теперь в последний раз припала к тебе: храни моих сирот, молю. Ты сыну дай жену по мысли, мужа дай дочери достойного, и пусть не так, как мать, без времени, а в счастье, свершивши путь житейский и вкусив его услад, в земле починут отчей»².

Если случалась беда, человек, обращаясь к жертвенному огню, засыпал его упреками, но в удачные дни он благодарил огонь. Воин, вернувшийся с поля брани, благодарил огонь за то, что тот позволил ему избежать опасностей. Эсхил рассказывает о возвращении Агамемнона из Трои, счастливого, покрывшего себя славой. Но первым делом он идет благодарить за это не Юпитера, он идет не в храм, чтобы излить там свою радость и благодарность, а в свой дом к алтарю, где приносит благодарственное жертвоприношение. «Теперь в покои, к очагу проследуем и первым делом воздадим богам хвалу. Они нас охраняли, привели они. Пускай и здесь победа нам сопутствует»³.

¹ Вергилий. Энеида. Кн. 2. (Примеч. авт.)

² Еврипид. Алкеста. (Пер. И. Анненского.)

³ Эсхил. Агамемнон. (Пер. С. Анта.)

Человек никогда не выходил из дома, не обратившись с молитвой к огню. По возвращении, прежде чем обнять жену и детей, он обращался с молитвой к огню, горящему на алтаре.

Жертвенный огонь был семейным богом. Его культ был весьма простым. Первое правило заключалось в том, что на алтаре должны были постоянно находиться тлеющие угли; если угасал огонь, то угасал и бог. Ежедневно в определенные часы в огонь подкладывали сухие травы и щепки, и бог являл свое присутствие в ярком пламени. Ему приносили жертвы, чтобы поддерживать священный огонь, то есть питать и давать возможность развиваться богу. Именно по этой причине в огонь в первую очередь подкладывали дерево, затем поливали алтарь вином — легко воспламеняющимся греческим вином, оливковым маслом или жиром жертвенных животных. Бог принимал и поглощал эти жертвы. Сияя от удовольствия, он поднимался над алтарем и своим сиянием освещал тех, кто ему поклонялся. В этот момент человек обращался к нему, и молитва исходила из его сердца.

Прием пищи семьей был религиозным актом. Бог сидел во главе стола. Это он выпекал хлеб и готовил еду, поэтому к нему обращались молитвы перед началом и по окончании трапезы. Прежде чем приступить к еде, на алтарь возлагали «первые плоды»¹.

Никто не сомневался в присутствии бога, в том, что он съест и выпьет все, что ему предложили. Разве не разгорался ярче огонь, получив свою порцию пищи? Таким образом человек разделял трапезу с богом. Это был священный ритуал, с помощью которого человек общался с богом. С течением времени древние верования забылись, но еще долго оставались обычаи и обряды, без которых не мог обойтись даже неверующий человек. Гораций, Овидий, Петроний ужинали перед очагом², совершали возлияния вина и обращали молитвы к огню³.

¹ Понятие «первые плоды» применимо не только к хлебу и вину, но также к виноградным гроздьям, возлагаемым на алтарь.

² «Ладан подай мне, слуга, чтобы стало пламя пышнее, и возлияний вино пусть на огне зашипит». Овидий. Скорбные элегии. (Пер. С. Шервинского.)

Культ священного огня исповедовали не только жители Греции и Италии. Мы находим этот культ и на Востоке. «Законы Ману», в том виде, в котором они дошли до нас, представляют сформировавшийся культ Брахмы, однако они сохранили свидетельства о более древней религии — культе священного огня, который культ Брахмы отодвинул на второй план, но не смог полностью уничтожить. Брахман (или брамин) поддерживает негасимый огонь, ежедневно утром и вечером подпитывая его щепками; как и у греков, дерево может быть только определенной породы. Греки и итальянцы возливали на алтарь вино, а индусы хмельной напиток под названием «сома»¹.

Прием пищи тоже являлся священнодействием, и связанные с ним ритуалы описаны в «Законах Ману». Индусы, как и греки, обращались с молитвой к огню; ему предлагались «первые плоды». В «Законах Ману» написано: «Дважды рожденный (брахман), поддерживающий священный огонь, не принеся жертвы новым зерном и животными, пусть не вкушает новую пищу из зерна или мяса, если он желает прожить долгую жизнь, ибо его огни, не будучи почтены новым (зерном) и приношением животных, жаждущие нового зерна и мяса, стараются присвоить (его) жизненные силы». Индусы, как греки и латины, считали, что боги жаждут не только почестей и уважения, но и пищи и напитков. Человек верил, что должен утолять их голод и жажду, если хочет избежать гнева богов.

Индийский бог огня носил имя Агни. Почти все книги Ригведы начинаются с гимнов Агни. Огонь у индусов, как и у греков, покровительствующее божество. «О Агни, ты жизненная сила, ты наш защитник... Защити от обмана

¹ Сома, или Хаома — опьяняющий напиток, обладавший галлюциногенными свойствами. В древнеиндийской мифологии божественный напиток и божество этого напитка (позже и луны) — Сома. По числу упоминаний в Ригведе Сома стоит среди богов на третьем месте (после Индры и Агни). Мифологический образ Сомы, как и культ растения и напитка, индоиранского происхождения. В древнеиндийской религиозной практике приготовление сока Сома составляло содержание особого ритуала. Стебли сомы (растение точно идентифицировать не удастся) вымачивали в воде, выжимали с помощью давящих камней, процеживали через сито из овечьей шерсти, разбавляли водой, смешивали с молоком или ячменем и разливали по деревянным сосудам.

безбожника! Защити от вредящего или желающего убить... За подношения и восхваления дай нам славу и богатство... О Агни, мудрый защитник и наш отец... Мы хотим, о Агни, почитать тебя гимнами, жертвенными возлияниями. Для нас возбуди богатство, состоящее из всего желанного! Нас надели всеми благами! <...> Тебе мы обязаны жизнью, мы твоя семья...» К Агни обращался человек с просьбой об урожае: «Сделай так, чтобы земля всегда была щедрой». У Агни человек просил здоровья: «О Агни, дай мне долго наслаждаться жизнью и приблизиться к старости, как солнце к закату». К Агни даже зывали о мудрости: «О Агни, ты наставляешь на истинный путь человека, который блуждал в потемках... Если мы совершим грех, если удалимся от тебя, прости нас». Огонь в очаге, как и в Греции, был чистым; запрещалось бросать в огонь грязное и даже греть над ним ноги. Как и в Греции, человек, совершивший проступок, не имел права приближаться к очагу до тех пор, пока не искупит вину.

Убедительным доказательством того, что эти верования восходят к глубокой древности, служит факт их одновременного существования у народов, живших на берегах Средиземного моря, и у обитателей полуострова Индостан. Конечно, ни греки не заимствовали эту религию у индусов, ни индусы не заимствовали ее у греков. Однако греки, итальянцы (латины) и индусы принадлежали к одной расе; их предки в глубокой древности вместе жили на территории Центральной Азии. Именно там зародились эти верования и возникли связанные с ними обряды. Поклонение священному огню относится к тем далеким временам, когда не было ни греков, ни итальянцев, ни индусов, а были только арии. Когда племена разделились, то каждый народ унес этот культ с собой: одни на берега Ганга, другие на побережье Средиземного моря. Позже одни из этих разделившихся народов, полностью утративших связь друг с другом, стали поклоняться Брахме, другие Зевсу, третьи Янусу; каждая общность создала своих богов, но все они сохранили, как древний завет, религию, выпестованную в общей колыбели их расы.

Если существование этого культа у всех индоевропейских народов не кажется достаточно убедительным доказательством его раннего происхождения, то можно найти

другие доказательства, обратившись к религиозным ритуалам греков и римлян. Во всех жертвоприношениях, даже совершаемых в честь Зевса или Афины, с первой молитвой всегда обращались к огню. Все молитвы, обращенные к любому богу, начинались и заканчивались молитвой к огню. В Олимпии первая жертва, которую совершала вся Греция, приносилась очагу, а вторая Зевсу. Точно так же и в Риме первую молитву всегда обращали к Весте, которая является не чем иным, как священным огнем. Овидий пишет, что это божество занимало первое место в религиозных ритуалах. В гимнах Ригведы мы тоже находим, что прежде всех прочих богов надлежит обращаться к Агни. Его достойное почитания имя произносится прежде имен всех бессмертных. «О Агни, только та жертва и тот обряд, который ты охватываешь со всех сторон, идут к богам». Таким образом, и во времена Овидия в Риме, и в Индии во времена брахманов огонь очага занимал главенствующее положение среди всех богов, но не потому, что Юпитер и Брахма не приобрели большого значения в религии, а потому, что люди помнили, что священный огонь старше остальных богов. На протяжении многих столетий огонь занимал первое место в религиозных ритуалах, и новые, более значимые боги не могли оттеснить его с этого места.

Религиозные представления с веками подвергались изменениям. Когда у народов Греции и Италии вошло в привычку представлять богов в качестве личностей, придавая им человеческий образ и наделяя каждого собственным именем, древний культ огня подчинился общему правилу, по которому в этот период человеческий разум перекраивал религию. Алтарь священного огня был персонифицирован. Его назвали Vesta — Веста; в общем древнем языке это слово означало не что иное, как алтарь. Как это часто бывает, имя нарицательное превратилось в имя собственное. Постепенно сложилась легенда. Божество стали представлять в образе женщины, поскольку слово, обозначающее алтарь, было женского рода. Затем появились статуи, изображавшие богиню, но так никогда и не изгладились следы первоначального верования, согласно которому это божество было огнем, горевшим на алтаре. Сам Овидий был вынужден признать, что Веста «живое пламя». «Пом-

ни, что Веста — не что иное, как пламя живое, а из огня никогда не возникают тела»¹.

Если сравнить культ священного огня с культом мертвых, то между ними обнаружится тесная взаимосвязь.

В первую очередь следует отметить, что огонь, который поддерживали на очаге, не был в представлении человека вещественным по своей природе. Люди видели в нем не просто физическое явление, согревающее или сжигающее, изменяющее тела, плавящее металлы и являющееся могучим орудием человеческой деятельности. Священный огонь совершенно иной по своей природе. Это чистый огонь, который можно получить исключительно при выполнении определенных ритуалов, и для его поддержания разрешалось использовать только специальные породы дерева. Это девственный огонь, который не допускал разнополого союза. У этого огня просили не только богатства и здоровья, но и чистого сердца, умеренности во всем и мудрости. «Сделай нас богатыми и процветающими, — говорится в одном орфическом гимне, — сделай нас также мудрыми и целомудренными». Огонь очага, следовательно, является своего рода нравственным существом; он освещает, согревает, готовит пищу, но в то же время обладает мышлением и совестью. Он осведомлен о людских обязанностях и следит за их выполнением. О нем можно говорить как о человеке, поскольку у него, как и у человека, двойственная природа. В физическом аспекте — он светится, движется, живет, обеспечивает достаток, готовит пищу, питает тело; в нравственном аспекте — он наделен чувствами и привязанностями, очищает и питает человеческую душу, наставляет на путь добра. Он одновременно является источником богатства, здоровья и нравственности. Это воистину бог человеческой природы. Позже, когда этот культ был оттеснен на второй план Брахмой и Зевсом, огонь очага по-прежнему оставался для человека самым понятным божеством. Он стал посредником между человеком и богами физической природы, на него была возложена обязанность возносить небесам молитвы и жертвоприношения и приносить оттуда людям божественные милости. Позже из мифа священного огня возникла великая Веста, богиня-девствен-

¹ Овидий. Фасты. (Примеч. авт.)

ница. Она не олицетворяла ни плодородие, ни могущество; она стала олицетворением порядка, но не строгого, чисто математического порядка, категорического и непреклонного закона, который издавна был замечен среди явлений физической природы. Она стала нравственным порядком. Весту представляли в виде некой мировой души, упорядочивающей движение различных миров, подобно тому, как человеческая душа управляет нашими органами.

Таким образом, за всем этим прослеживается мыслительная деятельность древнейших поколений. Суть этого культа вне физической природы, она кроется в том таинственном мире, имя которому — человек.

Это возвращает нас к культу мертвых. Оба культа уходят корнями в глубокую древность и связаны настолько тесно, что древние свели их в одну религию. Перемешались между собой демоны домашнего очага, герои, лары. Согласно Плавту и Колумелу, в обиходе не проводилось различий между очагом и домашним ларом, а во времена Цицерона не было различий ни между огнем очага и пенами, ни между пенами и ларами. Сервий пишет: «Древние олицетворяли очаг с ларами», а Вергилий, не видя разницы, пишет то «очаг», то «пенаты». В «Энеиде» Гектор говорит Энею: «Троя вручает тебе пенатов своих и святыни: в спутники судеб твоих ты возьми их, стены найди им, ибо, объехав моря, ты воздвигнешь город великий». Вымолвив так, своею рукой выносит он Весту, вечный огонь и повязки ее из священных убежищ»¹.

Эней, взывая к тем же богам, называет их пенами, ларами и Вестой.

Мы уже выяснили, что те, кого древние люди называли ларами или героями, были душами умерших, которым приписывалось сверхчеловеческое божественное могущество. Воспоминание об умершем всегда было связано с огнем очага. Поклоняясь одному, нельзя было забывать о другом. Они были связаны в почитании и в молитвах. Потомки, говоря об очаге, вспоминали имена предков. Так Орест, обращаясь к сестре, призывает ее вернуться к древнему очагу Пелопса, а Асканий, сын Энея, говоря о священном огне, называет его ларом Ассарака, словно видит в этом огне ду-

¹ Вергилий. Энеида. (Пер. С. Ошерова.)

шу своего предка: «Молю вас Весты седой очагом, Ассарака ларом, святыней наших пенатов».

Латинский грамматик Сервий, обладавший глубокими познаниями, особенно по древнеримским государственным и религиозным древностям, греческой и италийской мифологии, истории старинного латинского языка, пишет, что в глубокой древности существовал обычай хоронить умерших в их домах, и добавляет, что «благодаря этому обычаю ларам и пенам поклонялись в доме». Эта фраза дает ясное представление о связи между культом мертвых и культом огня домашнего очага. Можно предположить, что сначала домашний очаг был символом культа мертвых, под каменным очагом покоился предок, и в его честь был зажжен огонь. Этот огонь поддерживал в нем жизнь и олицетворял его душу.

Это не более чем догадка, ведь у нас нет никаких доказательств. Зато доподлинно известно, что древние племена, из которых вышли греки и римляне, поклонявшиеся умершим и огню очага, исповедовали религию, нашедшую богов не в явлениях природы, а в самом человеке. Объектом поклонения была некая невидимая, находящаяся в нас самих, духовная сила, которая оживляет наши тела и управляет ими.

Через какое-то время эта религия стала утрачивать власть над душой; и, хотя ее власть постепенно ослабевает, но все-таки полностью не исчезает. Современница первых веков арийской расы, эта древнейшая религия так глубоко укоренилась в душе человека, что «даже блестящая религия лучезарного греческого Олимпа была не в силах искоренить ее; для этого понадобилось христианство». Вскоре мы увидим, какое огромное влияние оказала эта религия на социальные институты древности. Эта религия возникла в те далекие времена, когда индоевропейская раса только приступила к формированию институтов и определила направление развития народов.

Глава 4

ДОМАШНЯЯ РЕЛИГИЯ

Не следует думать, что эта древняя религия была похожа на те религии, которые возникли на более высоких ступенях развития цивилизации. Изучение многовековой истории

человечества показало, что люди готовы признать любую религиозную доктрину только при соблюдении двух условий. Во-первых, бог должен быть один, и, во-вторых, религия должна охватывать все классы общества без исключения, быть доступной каждому человеку. Прimitивная религия не соблюдала этих условий. Она не только не давала людям возможности поклоняться единому богу, но и сами боги не принимали поклонения всех людей. Они не являлись богами всего рода человеческого. Они даже не были похожи ни на Брахму, который, по крайней мере, был богом большой касты, ни на Зевса, являвшегося богом целого народа. В примитивной религии каждая семья могла почитать своего бога. Религия была исключительно домашней, семейной.

Необходимо уяснить этот важный момент, иначе будет сложно понять тесную связь, существовавшую между древними верованиями и укладом греческой и римской семьи.

Култ мертвых никоим образом не походил на почитание христианами святых. Одно из первых правил этого культа заключалось в том, что каждая семья могла поклоняться только тем умершим, кто являлся ее родственниками по крови. Только ближайший родственник должен был неукоснительно соблюдать погребальный обряд. Что касается ритуала жертвенных подношений, происходившего в установленные дни, то присутствовать могли только члены семьи; категорически исключалось присутствие посторонних лиц. Считалось, что умерший принимает подношения только из рук родственников и хочет, чтобы его почитали только потомки. Присутствие посторонних, не являвшихся членами семьи, нарушало покой манов. По этой причине посторонним было запрещено подходить к могиле. Человек, даже случайно коснувшийся ногой могилы, должен был умиловить усопшего и очистить себя, поскольку подобный поступок считался нечестивым. Слово, которым древние обозначали культ мертвых (латины называли его *paternare*), свидетельствует о патриархальном укладе семьи. Отец, единственный истолкователь своей религии и единственный верховный жрец своей семьи, мог обучать ей только своего сына. Култ мертвых был не чем иным, как культом предков¹.

¹ По крайней мере, вначале. Позже в городах появились свои местные герои, но об этом мы поговорим чуть позже. (Примеч. авт.)

Нам совершенно ясно, что Лукиан высмеивал суеверия своих современников, когда говорил, что после смерти человек, не оставивший сына, не будет получать подношений, а значит, обречен на вечный голод.

В Индии, как и в Греции, подношения умершему могли делать только прямые потомки. У индусов постороннему, даже если это был друг, запрещалось присутствовать на поминальной трапезе. Закон был столь суров относительно подношений, которые должны делать только ближайшие родственники, что даже выдвигалось предположение, будто маны часто обращались с такой просьбой: «Пусть один за другим родятся в нашем роду сыновья, которые во все времена смогут предлагать нам рис, сваренный на молоке, с медом и маслом».

Из этого следует, что в Греции и Риме, как и в Индии, на сына была возложена обязанность совершать возлияния и приносить жертвы манам отца и всем предкам. Пренебрежение сыновним долгом считалось проявлением непочтительности, самым тяжелым проступком, какой мог совершить человек, поскольку несоблюдение культа сказывалось на всех умерших предках. Такое отношение приравнивалось к отцеубийству, причем помноженному на число всех умерших предков.

Но если жертвы всегда приносились в полном соответствии с установленным ритуалом, если еду приносили на могилу в назначенные дни, то умерший становился богом-покровителем.

Враждебно относившийся ко всем посторонним, он отгонял их от могилы и насылал болезни, если они все-таки подходили, но всегда с добротой и вниманием относился к членам своей семьи.

В каждой семье между живыми и умершими происходил взаимный обмен добрыми услугами. Умерший предок получал от потомка поминальные подношения, то есть то единственное удовольствие, которое было доступно ему в загробной жизни. Живые не могли обходиться без умерших, а умершие без живых. Таким образом, между всеми поколениями одной семьи устанавливалась крепкая связь, которая навечно превращала их в неделимое целое.

¹ *Законы Ману*. Гл. III. (Примеч. авт.)

У каждой семьи была своя могила, куда один за другим отправлялись на покой умершие члены семьи. Могила, как правило, находилась рядом с домом, недалеко от двери, с тем чтобы «сыновья, входя и выходя из дома, всегда могли обратиться к отцам с просьбой». Таким образом, умерший всегда оставался в кругу семьи; невидимый, он и после смерти был членом семьи, ее отцом. Бессмертный, счастливый, божественный, он продолжал принимать участие в делах и интересоваться всем, что происходило в земной жизни его семьи. Он знал нужды членов семьи и поддерживал их в минуту слабости, а рядом с тем, кто жил, трудился, кто, по древнему выражению, еще не выполнил жизненный долг, были советчики и помощники — его предки. В трудную минуту он прибегал к их мудрости; в горе просил у них утешения; он молил их о помощи в критические моменты и просил прощения за совершенные ошибки.

Сейчас нам трудно представить, как мог человек поклоняться отцу или своим предкам. Нам кажется неприемлемым с точки зрения религии делать из человека — бога. Нам почти так же трудно понять древние верования этих людей, как было бы им сложно представить себе нашу религию. Для них таинство рождения было тем же, чем для нас загадка мироздания. Глава родовой группы казался членам рода божественным существом, по этой причине они поклонялись своему предку. Они испытывали искреннее, очень сильное чувство по отношению к предкам, которое и легло в основу религии всех человеческих сообществ. Мы находим его у китайцев и у древних готов и скифов, у африканских племен и народов Нового Света¹.

Священный огонь, тесно связанный с культом мертвых, отличался важным свойством — он являлся собственностью только одной семьи. Огонь олицетворял предков и не имел ничего общего с огнем другой семьи. Семейный огонь защищал только свою семью и отвергал посторонних. Вся эта религия заключалась в недрах дома. Не было публичных отправлений религиозных обрядов; наоборот, все религиозные церемонии совершались только в тесном семейном

¹ У этрусков и римлян существовал обычай помещать в ниши атриума изображения умерших (бюсты, восковые маски). Что это было: обычные семейные реликвии или идола, которым поклонялись? (*Примеч. авт.*)

кругу. Очаг никогда не помещался вне дома, ни даже у наружной двери, где посторонний мог его слишком легко видеть. Греки всегда помещали очаг за оградой, защищавшей огонь от соприкосновения и даже от взоров посторонних. Римляне скрывали его во внутренней части дома. Все эти боги, очаг, лары, маны назывались священными, личными богами. Все обряды этой религии должны были совершаться в глубокой тайне; если религиозная церемония была замечена посторонним, то от одного его взгляда она считалась нарушенной и оскверненной.

Для домашней религии не существовало ни единых правил, ни общего ритуала. Каждая семья сама устанавливала свой культ и правила совершения обрядов. Отец был единовластным жрецом. Римские понтифики или афинские архонты могли поинтересоваться, соблюдает ли отец семьи религиозные обряды, но не имели права вносить изменения в установленный отцом ритуал. *Suo quisque ritu sacrificia faciat* — каждый совершает жертвоприношение по своему обряду. У каждой семьи были свои религиозные обряды, принадлежавшие только ей, свои молитвы и гимны. Отец, единственный толкователь религии и единственный жрец семьи, имел право обучать религии, но только своего сына. Обряды, молитвы, гимны, составлявшие основную часть домашней религии, были родовым наследием, священной собственностью семьи, которой ни с кем нельзя было делиться; строго запрещалось посвящать в нее посторонних. Это относится и к Индии. «Гимны, которые передал мне отец, укрепляют меня против врагов», — говорит брахман.

Таким образом, религиозными центрами были не храмы, а жилища; у каждого дома был свой бог; каждый бог покровительствовал только одной семье и был богом только в одном доме. У нас нет достаточных оснований считать, что эта религия придумана человеком, обладавшим сильным воображением, или кастой жрецов. Она спонтанно зародилась в умах людей, ее истоки кроются в семье; каждая семья создавала собственных богов.

Эта религия могла передаваться только внутри семьи. Отец, давая жизнь сыну, одновременно передавал ему свою веру, культ, право поддерживать священный огонь, совершать поминальные приношения, произносить молитвы. Рождение устанавливало таинственную связь между мла-

денцем, вышедшим в жизнь, и всеми семейными богами. Семейой родившегося ребенка были боги, в его жилах текла их кровь. С момента рождения ребенок получал право поклоняться богам и приносить им жертвы. Когда наступал его смертный час, он, обожествленный смертью, причислялся к богам своей семьи и становился объектом поклонения.

Однако следует отметить, что особенность домашней религии заключалась в том, что она передавалась только от мужчины к мужчине.

Это происходило, безусловно, от представления древних о том, что зарождение новой жизни связано исключительно с мужчиной. Отголоски этой древнейшей веры, отраженной в Ведах, мы находим в греческих и римских законах. По мнению древних, производительная сила заключалась исключительно в отце. Только отец обладал знанием таинства рождения и мог передать искру жизни. Следствием этого представления стало правило передавать «домашнюю религию от мужчины к мужчине и допускать к участию в ней женщину только через посредство отца или мужа, отсюда произошло и то, наконец, что по смерти она не имела равной доли с мужчиной в культе и жертвенных приношениях».

Дальше мы рассмотрим важные последствия этого представления древних, оказавшего влияние на закон о праве собственности и строй семьи.

Часть вторая СЕМЬЯ

Глава 1 РЕЛИГИЯ ЗАЛОЖИЛА ОСНОВЫ ДРЕВНЕЙ СЕМЬИ

Если мы мысленно перенесемся в далекие времена, то увидим в каждом доме алтарь, вокруг которого собиралась вся семья. Члены семьи встречали каждое утро молитвой, обращенной к священному огню, а вечером, собравшись у алтаря, возносили огню последнюю молитву. Днем они садились у огня, но, прежде чем приступить к трапезе, читали молитвы и совершали возлияния. Все религиозные обряды сопровождались гимнами, унаследованными от отцов, которые вся семья пела хором.

Рядом с домом находилась семейная могила — второй дом семьи. В ней вместе покоились несколько поколений предков; смерть не разлучала их. Они вместе жили в загробном мире, продолжая составлять одну неделимую семью¹.

Лишь небольшое расстояние, каких-нибудь несколько шагов, отделяет дом от могилы, живых членов семьи от умерших. В определенные дни, которые в каждой семье устанавливались в зависимости от ее домашней религии,

¹ Существует бесспорное доказательство использования древними семейных могил. Есть древняя история, в которой рассказывается о необходимости всех умерших членов семьи хоронить в семейной могиле. Во время войн между Спартой и Мессенией у воинов на правой руке была табличка с собственным именем и именем отца, чтобы можно было опознать погибших на поле боя и захоронить их в семейных могилах. На этот обычай часто ссылались греческие ораторы, Исей, Лисий, Демосфен, когда доказывали, что такой-то человек принадлежит именно к такой-то семье и обладает правом наследования.
(Примеч. авт.)

живые, собравшись у могилы предков, совершали возлияния молока и вина, выкладывали на могилу хлеб и фрукты, сжигали жертву. Взамен они просили предков, называя их богами, оказать покровительство, ниспослать плодородие полям, даровать процветание дому.

Но одно только рождение детей не являлось основой древней семьи. Дело в том, что сестра не имела тех же прав, что брат; освободившийся от родительской опеки сын и вышедшая замуж дочь уже не являлись членами семьи. И наконец, в подтверждение сказанного, существовало несколько существенных условий в греческом и римском законодательстве, которые мы рассмотрим дальше.

Естественное чувство привязанности тоже не служило основой древней семьи; греческое и римское право не принимало в расчет это чувство. Отец мог испытывать нежные чувства к дочери, но не имел права делать ее своей наследницей. Законы наследования, то есть те законы, которые наиболее ярко отражают представления древних людей о семье, находятся в явном противоречии и с продолжением рода, и с чувством естественной привязанности¹.

Историки, изучающие римское право, справедливо отметив, что ни факт рождения, ни родственные привязанности не служат фундаментом римской семьи, приходят к выводу, что в основе семьи лежит власть отца или мужа. На этом основании они создают первую структуру власти, но не объясняют, каким образом была учреждена эта власть, разве только благодаря превосходству силы мужа над женой и отца над детьми. Но мы жестоко ошибемся, если решим, что в основании права лежала сила. Дальше мы увидим, что родительская и супружеская власть были не первопричиной, а следствием, вытекающим из религии. Следовательно, превосходство в силе не было основой древней семьи.

То, что соединяло членов древней семьи, было нечто более могущественное, чем рождение, чем чувство, чем физическая сила, — это религия очага и предков. Религия

¹ Надо понимать, что здесь мы говорим о древнейшем законе, но скоро мы узнаем, что впоследствии эти законы подверглись изменениям. (Примеч. авт.)

формирует семью, делая ее единым организмом и в этой земной жизни, и в будущей, загробной. Древняя семья была скорее религиозным, а не родственным сообществом. Чуть позже мы узнаем, что женщина входила в семью только потому, что священный обряд брака посвящал ее в культ; что сын переставал считаться членом семьи, если он отказывался от культа или освобождался от родительской опеки, в то время как усыновленный, наоборот, делался истинным сыном, потому что, хотя его и не связывали с усыновившей семьей узы крови, соединяло нечто более важное — общность культа; что наследник, который отказывался принять культ наследователя, терял право наследования; и, наконец, родственные отношения и права на наследование устанавливались не в силу рождения, а в силу тех прав, установленных религией, которые член семьи имел на участие в культе. Конечно, не религия создала семью, но она, безусловно, диктовала семье свои правила, а потому строй древней семьи отличался от того, каким бы он был, если бы в основе его лежали естественные (родственные) чувства.

В древнегреческом языке есть слово, очень точно передающее смысл, который вкладывался в понятие «семья»; в переводе оно звучит как нечто, находящееся вокруг очага. Семья была группой людей, которым религия позволяла обращаться с молитвой к одному и тому же священному огню и приносить поминальные жертвы одним и тем же предкам.

Глава 2

БРАК

Судя по всему, первым институтом, созданным домашней религией, был брак.

Следует отметить, что культ священного огня и предков, передававшийся от мужчины к мужчине, тем не менее не принадлежал исключительно мужчинам: женщины тоже принимали участие в отправлении культа. Незамужняя дочь принимала участие в религиозных ритуалах, совершаемых отцом, а выйдя замуж — в ритуалах, совершаемых мужем.

Одного этого вполне достаточно, чтобы сделать вывод о характерной особенности супружеского союза древних народов. Жившие по соседству две семьи имели разных богов. В одной семье девушка с детства принимала участие в религиозных обрядах отца, возносила молитвы его священному огню, ежедневно совершала возлияния огню, в праздничные дни украшала алтарь цветочными гирляндами. Она молила огонь о покровительстве и благодарила его за благодеяния. Ее богом был отеческий очаг. Когда юноша из жившей рядом семьи просил ее в жены, то для девушки это был не просто переход из одного дома в другой, поскольку речь шла об изменении образа жизни. Выйдя замуж, она покидала отеческий очаг и начинала молиться семейному очагу мужа. Ей приходилось забыть о религии, известной с детства, принимать участие в других религиозных обрядах и произносить другие молитвы. Она должна была забыть о боге, знакомом с детства, и обращаться за покровительством к другому, неизвестному ей богу. Она не могла сохранять преданность одному, а почитать другого, поскольку в этой религии существовал непреложный закон: человек не мог молиться двум священным огням и двум группам предков. Выйдя замуж, женщина больше не имеет ничего общего с домашней религией отцов и приносит жертвы очагу своего мужа¹.

Однако заключение брака было серьезным шагом не только для девушки, но и для юноши, поскольку только человек, рожденный у семейного очага, мог поклоняться священному огню этого очага, а будущая жена родилась у другого очага. Женившись, мужчина приводил к своему очагу чужую женщину, вместе с ней он совершал таинственный культ, объяснял ей значение ритуалов и слова молитв. Одним словом, делился тайнами родового наследия своей семьи. У него не было ничего драгоценнее этого наследия; эти боги, обряды, гимны, полученные от предков, охраняли его, обеспечивали богатством и приносили счастье. Но вместо того, чтобы пользоваться самому этой охраняющей силой, как дикарь своим идолом или амулетом, он делился этой силой с женщиной, ставшей его женой.

1 Стефан Византийский. Этника. (Примеч. авт.)

Постигая представления древних, мы начинаем понимать, какое большое значение они придавали супружескому союзу и почему столь необходимым было вмешательство религии. Действительно ли было столь необходимо проводить девушку через некий священный обряд для того, чтобы приобщить ее к новой религии? Не было ли это своего рода посвящением, необходимым для того, чтобы она стала жрицей нового священного огня, с которым не была связана с рождения?

Брак был тем священным ритуалом, который давал девушке возможность приобщиться к новой религии. Греческие и римские писатели, говоря о браке, по привычке использовали слово, обозначающее религиозное действие. Поллукс¹, живший во времена Марка Аврелия Антонина, пишет, что в древние времена вместо того, чтобы называть брак его собственным именем, гамос, его обычно обозначали словом телос, что означает «священная цер-

¹ Поллукс (Полидевк) Юлий — из египетского города Накратиса, ученик ритора Адриана, известный лексикограф и софист II века н. э. Современники были о нем невысокого мнения; Лукиан жестоко осмеял его в одном из своих диалогов. До нас дошел его словарь *Onomastikon* («Ономастикой») в 10 книгах. Книги являются отдельными трактатами и содержат в себе наиболее важные слова, относящиеся к той или иной теме. Слова, помещенные в словарь, сопровождаются краткими толкованиями. Он был впервые опубликован в 1502 году в Венеции. Схема классификации, принятая в словаре Ю. Поллукса:

1. Боги. Места культа, алтари и храмы. Создание и разрушение. Жрецы. Провидцы и искусство провидения. Благочестивые и безбожники. Короли, купцы, ремесленники. Дом, корабль. Погода. Армия. Лошади и искусство верховой езды. Домашние животные. Сельское хозяйство, плуг, средства перемещения, пчелы.

2. Человек. Возрастные отличия. Рождение человека. Части тела.

3. Пол. Родство. Брак. Дети. Друзья. Господа и рабы. Строительное дело. Географическое положение. Путешествие. Печаль, радость.

4. Образование: грамматика и риторика. Философы и софисты. Поэты и музыканты. Музыкальные инструменты. Танцы, театр. Астрономия. Медицина и болезни.

5. Охота. Собаки. Животные, на которых охотятся. Женские украшения. Мужество, страх. Фармацевтическое дело. Молитва. Слава.

6. Гости. Вино и продукты. Еда. Застольная беседа.

7. Рынок. Купля и продажа. Торговцы. Товары. Деньги.

8. Суд. Судья. Процессы. Наказания. Доносчик.

9. Административное деление. Город. Общественные здания. Игры Детей и взрослых.

10. Утварь.

мония», поскольку брак был преимущественно священным обрядом.

Но религия, освящавшая брак, не была религией Юпитера, Юноны или других богов Олимпа. Брачная церемония происходила не в храме; она совершалась дома и под покровительством домашних богов. Когда господствующее положение стала занимать религия небесных богов, с мольбой также обращались и к богам неба, и впоследствии даже вошло в обычай отправляться предварительно в храмы и приносить этим богам жертвы; это называлось приготовлением к браку. Но основная часть церемонии брака обязательно происходила перед домашним очагом.

У греков обряд бракосочетания состоял, если можно так выразиться, из трех действий. Первое совершалось перед очагом отца, третье у очага мужа, второе было переходом от одного очага к другому.

1. В родительском доме, в присутствии жениха, отец невесты, обычно в окружении всей семьи, приносил жертву. По окончании жертвоприношения он объявлял, произнося священную клятву, что отдает свою дочь в жены присутствующему здесь молодому человеку. Это было необходимо по той причине, что девушка не могла сразу перейти в другой дом, чтобы поклоняться очагу мужа, пока отец не отрешит ее от очага предков. Для того чтобы она могла принять новую религию, ее следовало освободить от всех обязательств перед семьей и религией ее предков.

2. Девушку переводят в дом мужа. Иногда муж сам сопровождает ее. В некоторых городах обязанность привести невесту в дом мужа лежала на одном из тех священнослужителей, которые назывались «вестниками». Обычно невесту сажали на колесницу; ее лицо закрывали покрывалом, на голову надевали венки. У нас еще будет случай убедиться, что венки использовались во всех религиозных церемониях. Невеста была в белом платье. Обязательным цветом одеяний всех участников религиозных обрядов был белый цвет. Процессию возглавлял человек с факелом, который назывался брачным. На всем протяжении пути участники свадебной церемонии пели священный гимн, в котором повторялось имя Гименей. Значение этого гимна было столь велико, что его название получила брачная церемония.

Невеста не может по собственному желанию войти в новый дом. Туда ее должен ввести новобрачный, притворившись, что насильно заставляет невесту войти в дом. Девушка должна была вырываться, взывать о помощи, а сопровождающие ее женщины делать вид, что изо всех сил пытаются помочь ей. В чем смысл этого обряда? Символизировал ли он скромность невесты? Маловероятно. Еще не наступил момент, когда следовало демонстрировать скромность, поскольку религиозная церемония начиналась в доме мужа. А может, этот обряд должен был подчеркнуть, что женщина, которая будет приносить жертвы новому очагу, не имеет на это права, что она пришла к чужому очагу не по собственной воле, а была насильно приведена хозяином дома? Как бы то ни было, но после борьбы, разыгранной участниками свадебной процессии, жених вносил невесту в дом на руках, внимательно следя за тем, чтобы ее ноги не коснулись порога.

Но все это лишь приготовление к началу церемонии. Само священнодействие происходит в доме.

Все входят в дом. Новобрачную подводят к домашнему богу. Ее окропляют очистительной водой. Она прикасается к священному огню. Произносятся молитвы. Затем новобрачные съедают вместе хлеб.

Эта совместная трапеза, которая начиналась и заканчивалась возлиянием и молитвой, устанавливала религиозную связь между супругами, служившую символом супружеского общения и общения супругов с домашними богами.

Обряд бракосочетания у римлян очень напоминал греческий обряд и тоже состоял из трех актов: *tradio, deductio in domum, confarreatio*.

1. *Tradio*. Девушка покидает очаг предков. Поскольку она связана с домашним очагом не по праву рождения, а исключительно через отца семейства, только отец своей властью может отрешить ее от семейного очага. Таким образом, *tradio* — это обязательная церемония.

2. *Deductio in domum*. Девушку ведут в дом жениха. Как в Греции, ее лицо закрыто покрывалом, на голове венки, а во главе шествия несут свадебный факел. Члены процессии поют древний религиозный гимн. Со временем изменения, происходившие с верой и языком, по-

влекли за собой изменение слов гимна, но священный рефрен не подвергся изменениям. Этим рефреном было слово *Talassie* — Талассий I, значение которого было не более понятно римлянам времен Горация, чем грекам значение слова Гименей, и которое, по всей видимости, составляло священную и неприкосновенную часть древней молитвы.

Свадебная процессия останавливалась перед домом новобрачного. Невесте подавали огонь и воду. Огонь — символ домашнего бога, вода — очистительная вода, служившая семье во время проведения всех религиозных священнодействий. Прежде чем ввести невесту в дом, разыгрывалось, как и в Греции, ее насильственное похищение. Жених должен был на руках аккуратно, чтобы ее ноги не коснулись порога, внести невесту в дом.

3. *Confarreatio*. Новобрачную подводят к очагу, туда, где вокруг священного огня расположились пенаты, все домашние боги, и где находятся изображения предков. Новобрачные, как и в Греции, приносят жертву, совершают возлияние, произносят молитвы и вместе съедают хлеб из пшеничной муки (*panis farreus*).

Этот хлеб, съеденный новобрачными сообща между чтением молитв на глазах семейного бога, и являлся тем обрядом, который соединял в священном союзе мужа и жену. С этого момента они соединялись в одном культе. У жены были те же боги, те же обряды, те же молитвы и те же праздники, что и у мужа. Отсюда происходит то древнее опреде-

¹ «XV. Говорят, между похищенными тогда девушками выделялась одна своею замечательною красотою и высоким ростом. Какие-то простолудины повели девушку с собой, как вдруг им попало навстречу несколько знатных мужей, которые стали отнимать ее. Похитители стали кричать, что ведут ее к Талассию, молодому человеку, уважаемому за свои нравственные качества. Услыхав это, защитники девушки стали выражать ему добрые пожелания и на радостях хлопать в ладоши, некоторые же даже вернулись обратно и пошли следом за провожатыми в знак любви и уважения к Талассию, выкрикивая его имя. Вот почему римляне до сих пор еще во время свадьбы употребляют припев: «Талассий!», как греки «Гименей!». Говорят, Талассий был счастлив в браке. Карфагенянин Секстий Сулла, высокообразованный человек, говорил мне, что этот крик Ромул назначил как сигнал похищения. Все увидевшие девушек кричали: «Талассий!» — обычай, оставшийся вследствие этого и при свадьбах» (*Плутарх*. Тесей и Ромул).

ление брака, данное Модестином¹, которое сохранили для нас правоведы: *conjunctio maris et feminae, consortium omnis vitae, divini et humani juris communicatio* (союз мужа и жены, объединение всей жизни, общность божественного и человеческого права).

Это значит, что жена принимает религию мужа, та самая жена, которую, по выражению Платона, сами боги ввели в дом мужа.

Кроме того, женщина, вступившая в брак, поклоняется умершим, но уже не своим предкам она приносит поминальные жертвы. Теперь она лишена этого права. Брак окончательно отрешил ее от семьи, уничтожил все религиозные отношения с прежней семьей. Теперь она приносит жертвы предкам своего мужа, поскольку стала членом его семьи, а значит, его предки являются теперь ее предками. Брак становится для женщины вторым рождением; теперь она дочь своего мужа. Как говорят юристы — *filiae loco* (на положении дочери). Нельзя принадлежать ни двум семьям, ни двум религиям; жена всецело принадлежит семье мужа и его религии. Позже мы рассмотрим, какое отражение нашел этот закон в праве наследования.

Институт священного брака индоевропейской расы был таким же древним, как домашняя религия, поскольку они не могли существовать друг без друга. Религия учила человека, что супружеский союз — нечто большее чем отношение полов и мимолетная связь и соединял супругов крепкими узами одного и того же культа, одной и той же веры. Кроме того, церемония брака была столь торжественной и порождала столь серьезные последствия, что нет ничего удивительного в том, что в те далекие времена мужчины считали возможным иметь только одну жену. Эта религия не допускала полигамии (многоженства).

Понятно, что подобный брак был нерасторжимым и развод был практически невозможен. Римское право по-

¹ Модестин Геренний — римский юрист и государственный деятель III века н. э. Учился у известного римского юриста Ульпиана. Являлся автором нескольких юридических сочинений во всех областях права, из которых до нашего времени дошли только отрывки, вошедшие в состав *Дигестов* (345 фрагментов). Внес заметный вклад в формулирование некоторых вопросов юридической доктрины и практики — в 426 году его трудом законом о цитировании была придана обязательная юридическая сила.

звояло расторгнуть брак, заключенный в форме *coemptio* или *usui*¹.

Но расторжение религиозного брака, *confarreatio*, допускалось в редчайших случаях².

Для расторжения этого брака требовалось выполнение священной церемонии, поскольку только религия могла разорвать те узы, которыми она соединила супругов. Церемония расторжения *confarreatio* называется *diffarreatio*. Пожелавшие развестись супруги в последний раз представляли перед домашним очагом в присутствии жреца и свидетелей. Супругам, как и в день заключения брака, подавали хлеб из пшеничной муки. Но вместо того, чтобы разделить хлеб между собой, супруги отказывались принять его. Затем, вместо молитв, они произносили резкие, злобные, грубые слова, что-то вроде проклятий, с помощью которых жена отрекалась от культа и богов мужа. С этого момента религиозные узы были разорваны. У бывших супругов не было теперь ни общего культа, ни общих интересов. Брак считался расторгнутым.

Глава 3

ЗАПРЕЩЕНИЕ БЕЗБРАЧИЯ. РАСТОРЖЕНИЕ БРАКА В СЛУЧАЕ БЕСПЛОДИЯ. НЕРАВЕНСТВО МЕЖДУ СЫНОМ И ДОЧЕРЬЮ

Верования, связанные с умершими, и культ мертвых оказали влияние на формирование древней семьи и заложили большую часть правил, связанных с семейными отношениями. Мы уже говорили о том, что умерший считался существом божественным и блаженным, но только в том случае, если живые продолжали регулярно приносить ему поминальную пищу. Если об умершем забывали, то он превращался в несчастного, злобного демона. Когда

¹ *Coemptio* (купля) — при этом ритуале девушка в присутствии свидетелей символически «выкупалась» женихом у ее отца. *Usus* (по привычке, давности) — при этой форме брака женщина, прожившая безотлучно в доме своего фактического мужа один год, признавалась его законной женой.

² Плиний писал, что «ничего не было священнее уз брака, заключенного таким образом».

у древних людей только началось складываться представление о будущей жизни, они не думали о наградах и наказаниях. Они считали, что счастье умершего зависит не от того, какую жизнь он вел во время земного существования, а от отношения к нему живых потомков. Именно поэтому отец ждал от своих родных поминальных подношений, которые должны были обеспечить его манам покой и блаженство.

Это убеждение было основополагающим принципом семейного закона древних народов. Отсюда следовало правило, что в каждой семье должны сменяться поколения за поколениями, не давая угаснуть семейному роду, чтобы потомки могли ухаживать за умершими. В могиле, где продолжалась жизнь, умершие беспокоились только об одном — чтобы не угас их род. Они думали только о том, чтобы на земле всегда был мужчина, родственник им по крови, который мог бы приносить им на могилу поминальные жертвы. Индусы верили, что умершие непрерывно повторяют: «Пусть родятся в нашем потомстве сыновья, которые будут приносить нам рис, молоко и мед». «Предки падут, лишившись поминальных приношений пищи и воды».

Пресечение рода, говорили индусы, приводит к уничтожению религии этого рода, и у предков, лишенных приношений, начинается несчастливая жизнь. Народы Греции и Италии долгое время имели такие же представления. Хотя в дошедших до нас письменных источниках мы не находим достаточно ясно выраженных взглядов, как в древних восточных книгах, но их законы достаточно определенно свидетельствуют об их древних верованиях. В Афинах закон возлагал на главного судью города обязанность следить за тем, чтобы не угасала ни одна семья. Точно так же и римский закон был направлен на сохранение семьи. В речи одного афинского оратора говорится, что нет человека, который, зная, что когда-то умрет, столь мало думал о себе, что смог бы оставить семью без потомков, поскольку в этом случае некому было бы воздавать ему все необходимые умершему почести. По этой причине каждый был заинтересован в том, чтобы оставить после себя сына, поскольку от него зависело блаженное бессмер-

тие умершего. Кроме того, это был долг и по отношению к умершим предкам, так как их счастье длилось до тех пор, пока существовала семья. Согласно «Законам Ману» старший сын является тем, «кто рожден для выполнения долга».

Здесь мы коснулись одной из наиболее примечательных особенностей древней семьи. Религия, заложившая фундамент семьи, выдвинула требование о ее вечном существовании.

Если пресекался род, то исчезал его домашний культ. Мы должны составить представление об этих семьях в те времена, когда еще не изменились верования. У каждой семьи была своя религия, свои боги и свято соблюдаемый долг. Благочестивая семья более всего боялась пресечения рода, поскольку в этом случае исчезала семейная религия, угасал священный огонь и все умершие предки предавались забвению и обрекались на вечное страдание. Продолжение рода, а значит, и семейного культа имело первостепенное значение.

В силу подобных взглядов безбрачие являлось непочтительностью и горем. Непочтительностью потому, что тот, кто отказался от брака, подвергал опасности блаженное существование семейных манов, а горем, поскольку человек, не вступивший в брак, после смерти лишался поклонения и не мог познать, чем «наслаждаются маны». И для него самого, и для его предков это было своего рода проклятием.

Можно легко допустить, что долгое время этой веры, в отсутствие законов, было вполне достаточно, чтобы не допускать безбрачия. Но похоже, с появлением законов, безбрачие сразу отнесли к разряду правонарушений, достойных наказания. Дионисий Галикарнасский, исследовавший историю Рима с древнейших времен, утверждает, что обнаружил древний закон, обязывающий жениться молодых людей. «Древний закон предписывал, чтобы всякий гражданин был женат и воспитывал всех своих детей»¹.

¹ Дионисий Галикарнасский — греческий историк I века до н. э., ритор и критик, современник Юлия Цезаря. Его главный труд «Римские древности» в 20 книгах, в которых рассказана история Рима с древнейших времен до 1-й Пунической войны.

Трактат Цицерона «О законах», написанный в форме диалога, содержит закон, запрещающий безбрачие. В Спарте¹ согласно законам Ликурга² неженатый мужчина лишался гражданских прав.

Из многочисленных историй известно, что, когда безбрачие перестало преследоваться в законодательном порядке, древний обычай в отношении безбрачия продолжал существовать. Согласно Поллуксу, во многих греческих городах закон предусматривал наказание за безбрачие как за совершенное преступление, что находилось в соответствии с древними верованиями: человек не принадлежал себе — он принадлежал семье. Он не случайно родился; его произвели на свет для продолжения культа, и он не имел права уйти из жизни, не удостоверившись, что культ будет продолжаться после его смерти.

Но было недостаточно просто родить сына. Сын, которому предстояло стать продолжателем домашней религии, должен был являться ребенком, родившимся в результате заключения религиозного брака. Незаконнорожденный, внебрачный сын, тот, кого римляне называли *spurius*, не мог исполнять той роли, которую религия отводила сыну. Фактически сами по себе узы крови не являлись определяющим фактором при создании семьи; членов семьи должен был связывать общий культ. Таким образом, сын, рожденный от женщины, не связанной с культом мужа брачной церемонией, не мог принимать участие в культе отца. Он не имел права совершать поминальные приношения и не мог быть продолжателем семьи. Дальше мы увидим, что по этой же причине он не имел прав на наследство.

Итак, брак был обязателен, но целью его было не получение удовольствий, его основной задачей не было соединение двоих людей, которые испытывали взаимное влечение и желали вместе пройти через испытания, уготованные на жизненном пути, и разделить радость и горе. Цель брака

¹ С п а р т а , или Лакедемон — древнее государство в Греции в области Лакония на юге полуострова Пелопоннес, в долине реки Эвротас. В качестве официального названия Спарты почти всегда употреблялось название Лакедемон.

² Л и к у р г — законодатель Древней Спарты. По словам Плутарха, запретил спартамцам иметь писанные законы: его законы были сформулированы в виде кратких изречений, ретр, и заучивались наизусть. Одну из таких ретр сохранил нам Плутарх.

с точки зрения религии и законов заключалась в объединении двоих людей в одном домашнем культе для появления на свет третьего, способного стать продолжателем домашнего культа. Прекрасной иллюстрацией вышесказанного служит священная формула, произносившаяся в процессе обряда бракосочетания. «Uxorem ne liberosam quaerendorum habes?» («Для рождения ли детей берешь жену?») — спрашивал римский цензор мужчину и только после утвердительного ответа признавал его брак как *matrimonium iustum* (брак законный). Греки, как и римляне, видели сущность брака в рождении детей.

Поскольку брак заключался исключительно ради продолжения рода, он мог быть расторгнут из-за бесплодия жены. В этом случае у древних народов всегда существовало право на развод; вполне возможно, что развод был даже обязательным. В Индии развод с бесплодной женой по истечении восьми лет был обязателен. У нас нет письменных свидетельств, доказывающих существование подобных постановлений в Греции и Риме. Однако Геродот упоминает о двух спартанских царях, которые были вынуждены развестись с женами из-за их бесплодия. Что касается Рима, то всем известна история Карвилия Руги. Римский историк Авл Геллий в своих анналах сообщает, что в Древнем Риме вследствие строгости нравов на протяжении долгого времени не было ни одного случая развода, и первым развелся с женой патриций Карвилий Руга вследствие ее бесплодия. Он горячо любил свою жену, но счел долгом развестись с ней, так как его клятвенное брачное обещание гласило, что он женится для того, чтобы иметь детей.

Религия требовала, чтобы род не пресекался; это требование не принимало в расчет ни любви, ни привязанности. Если брак был бесплоден по вине мужа, род тем не менее не должен был пресекаться. В этом случае брат бесплодного мужа брал его жену, и потомство от этого сожигания считалось потомством мужа. Рожденный от брата сын считался сыном бесплодного мужа и продолжал его культ. Такими же были законы древних индусов. Об этом говорится в законах Афин и Спарты. Насколько сильна была власть этой религии! Религиозный долг был превыше всего!

Древние законы не останавливались даже перед таким, казалось бы, непреодолимым препятствием, как смерть мужа, предписывая бездетной вдове брак с ближайшим родственником мужа. Сын, родившийся в этом браке, считался сыном покойного. Рождение дочери не достигало цели брака. Действительно, дочь не могла быть продолжательницей семейного культа по той причине, что в день бракосочетания отрекалась от своей семьи и культа отца, входила в семью мужа и принимала его религию. Семья, как и культ, могли продолжаться только через мужское потомство — важное обстоятельство, последствия которого мы рассмотрим дальше.

Следовательно, сын был необходим, его ждали семья, предки и священный огонь. Согласно древним законам индусов, с помощью сына «отец платит долг манам своих предков и обеспечивает себе бессмертие». По мнению греков, сын обладал не меньшей ценностью, поскольку со временем должен был совершать поминальные приношения и сохранять домашнюю религию. Именно по этой причине Эсхил называет сына спасителем отеческого очага.

Появление в семье сына ознаменовывалось религиозным обрядом. Прежде всего, сына должен был признать отец, который, как глава семьи, хозяин дома, блюститель очага и представитель предков, должен был решить, является ли новорожденный членом семьи. Рождение ребенка свидетельствовало только о физической связи; заявление отца создавало религиозную и нравственную связь. Эта процедура считалась обязательной и в Греции, и в Риме, и в Индии.

Кроме того, сын должен был пройти своего рода обряд посвящения. Этот обряд происходил вскоре после рождения — на девятый день в Риме, на десятый в Греции и на десятый или двенадцатый день в Индии. В назначенный день отец собирал всю семью, созывал свидетелей и приносил жертву семейному огню. Ребенка представляли домашним богам; женщина брала ребенка на руки и быстро обносила его несколько раз вокруг священного огня. Церемония имела двойную цель. Во-первых, очистить ребенка огнем — то есть снять с него ту нечистоту, которая, по мнению древних, была на нем по той простой причине, что он находился в утробе матери, и, во-вторых, поручить ребенка покровительству домашних богов. С этого момен-

та ребенка принимали в священное сообщество, которое называлось семьей. Ребенок исповедовал ее религию, исполнял ее обряды, имел право произносить молитвы; он почитал предков и со временем сам должен был стать почитаемым предком.

Глава 4

УСЫНОВЛЕНИЕ И ВЫХОД ИЗ-ПОД РОДИТЕЛЬСКОЙ ОПЕКИ (ИЗ СЕМЬИ)

Необходимость сохранения семейного культа служила у древних народов основанием закона об усыновлении. Та самая религия, которая обязывала мужчину жениться, расторгать брак в случае бесплодия жены, которая заменяла мужа в случае его бесплодия или преждевременной смерти родственником, давала семье еще одно, последнее средство, возможность избежать страшного несчастья, каким являлось пресечение рода; этим средством было право на усыновление. Древний законодатель индусов гласит: «Кому природа не дала сына, может усыновить себе постороннего с тем, чтобы не прекращались поминальные приношения»¹.

Сохранилась речь афинского оратора Исея², произнесенная его безымянным клиентом (усыновленным неким Менеклом) на процессе, в котором оспаривалась законность усыновления.

Сначала он объясняет мотивы, которыми руководствовался человек, решившийся на усыновление: «Менекл думал о том, чтобы не остаться без детей, а найти кого-либо, кто бы во время его жизни заботился о его старости, похоронил бы его, когда он умрет, и воздавал бы из года в год надлежащие почести его могиле». Затем объясняет, что произойдет, если суд признает незаконность усыновления, и что произойдет не с ним, усыновленным, а с

¹ *Законы Ману. (Примеч. авт.)*

² И с е й — знаменитый афинский оратор. Фактически он был логографом, то есть автором написанных на заказ судебных речей, предназначенных для оглашения в дикастерии (суд в Афинах). Сохранились 11 речей Исея, посвященных делам о спорном наследовании и усыновлении.

тем, кто его усыновил. «Если вы не признаете законность моего усыновления, то оставите Менекла, уже умершего, без сына, и, значит, никто не будет приносить жертвы в его честь, никто не будет совершать поминальных приношений, и он останется без культа».

Усыновление означало заботу о сохранении домашней религии, поддержании священного огня, совершении поминальных приношений, спокойствию манов предков. Для усыновления не было никакой иной причины, кроме необходимости не допустить пресечения рода; право на усыновление имел только тот, у кого не было сына. Это четко оговаривалось в законах индусов¹.

Не менее точны и законы афинян; доказательством служат речи Демосфена² о наследстве.

В древних римских законах нет явных свидетельств, указывающих на ограничения в усыновлении. Но нам известно, что во времена Гая у человека могли быть одновременно и сыновья по крови, и усыновленные. Однако во времена Цицерона этот вопрос, похоже, еще не имел законодательной силы, поскольку в одной из речей оратор вопрошает: «Что закон говорит об усыновлении? Он говорит, что человек может усыновить детей, если находится в том возрасте, когда уже не может иметь своих, или в том случае, когда в свое время по каким-либо причинам не смог завести детей. Усыновлением он добивается от официально-го закона и религии того, что не смог получить от природы». Цицерон выступает против усыновления Клодия на том основании, что усыновивший его человек имеет собственного сына, и заявляет, что подобное усыновление противоречит закону.

После усыновления первым делом сына следовало посвятить в свой культ, «ввести в домашнюю религию в присутствии семейных пенатов, поэтому усыновление совершалось с помощью религиозной церемонии, практически полностью совпадавшей с церемонией, связанной с рождением сына. Новый член семьи допускался к очагу и при-

¹ *Законы Ману*: «Кому природа не дала сына, может усыновить себе постороннего с тем, чтобы не прекращались могильные жертвы». *(Примеч. авт.)*

² Д е м о с ф е н — один из знаменитейших ораторов Древнего мира. Его главным учителем красноречия был Исей.

соединялся к семейной религии. Теперь боги, священные предметы, обряды, молитвы были у него общие с приемным отцом. О приемном сыне говорили, что он перешел в культ своей новой семьи — *in sacra transit*. И отрекался от культа прежней семьи.

Мы уже знаем, что согласно древним верованиям один и тот же человек не мог приносить жертвы двум очагам и чтить предков двух семей. Старый дом делался для человека чужим, как только он входил в новый. Теперь у него не было ничего общего с очагом, у которого он родился, и он не мог не совершать поминальные приношения своим предкам. Родственные связи были разорваны, перво-степенное значение приобретали узы нового родства. Человек стал настолько чуждым своей прежней семье, что в случае смерти его родной отец не имел права устраивать его похороны. Приемный сын не имел права вернуться в семью, в которой родился, и только в том случае, если он оставлял собственного сына в усыновившей его семье, закон разрешал ему вернуться в прежнюю семью. Считалось, что, обеспечив продолжение рода, он может выйти из усыновившей его семьи, но в этом случае он полностью терял связь со своим сыном.

Усыновление соответствовало выходу из семьи. Для того чтобы приемный сын мог войти в новую семью, было необходимо, чтобы он имел возможность выйти из прежней семьи, то есть он должен был выйти из домашней религии. Фактически выход из семьи означал отказ от культа семьи, в которой он родился. Римляне обозначали этот акт *sacrorum detestatio*.

Глава 5

РОДСТВО. ЧТО РИМЛЯНЕ НАЗЫВАЛИ АГНАЦИЕЙ (РОДСТВО ПО ОТЦУ)

Согласно Платону, родство — это общность домашних богов. Демосфен, стремясь доказать родство двоих мужчин, объясняет, что они исповедуют один и тот же культ и совершают поминальные приношения на одной и той же могиле. Родство фактически устанавливалось по домашней религии. Два человека могли считать себя родственниками,

если у них были одни и те же боги, один и тот же священный огонь и общие поминальные приношения.

Мы уже говорили о том, что право приносить жертвы священному огню передавалось только от мужчины к мужчине и что культ мертвых относился только к предкам по мужской линии. Из этого правила следовало, что не существовало родства по женской линии. По мнению древних, женщина не передавала ни жизни, ни культа. Сын всем был обязан отцу. Кроме того, нельзя было принадлежать двум семьям и молиться двум очагам, и поэтому у сына не было ни другой семьи, ни другой религии, кроме отцовской. Как же он в таком случае мог иметь семью по материнской линии? Его мать сама в тот день, когда были выполнены священные брачные обряды, полностью отрекалась от своей семьи, в которой родилась; с этого момента она приносила поминальные жертвы предкам мужа, словно став их дочерью, и больше не совершала приношений собственным предкам, поскольку уже не считалась их потомком. Она теряла все связи с семьей, в которой родилась. С тем большим основанием ее сын не имел ничего общего с ее семьей.

Основой родства служил не факт рождения, а культ. Это хорошо видно в Индии. Там глава семьи дважды в месяц совершает поминальные приношения; один хлеб он приносит манам отца, другой — манам деда, а третий — манам прадеда, но никогда не совершает приношений предкам по материнской линии. Восходя дальше, но только по мужской линии, он совершает приношения предкам четвертого, пятого и шестого колена. Но приношения этим предкам ограничиваются возлиянием воды и несколькими рисовыми зернышками. Таковы поминальные приношения, и совершение этих обрядов обуславливает родство. Если два человека, совершающие порознь поминальные приношения, могут в восходящем ряду предков найти общего, они являются родственниками. Они называются саманодака, если их общий предок относится к тем, кому совершаются только возлияния воды, или сапинда, если он является одним из тех, кому в жертву приносят хлеб. Согласно нашим расчетам, родство сапинда восходило к седьмому колону, а саманодака — к четырнадцатому. В обоих случаях родство основывалось на том, что двое приносят

жертвы одному и тому же предку, и мы видим, что эта система исключает родство по женской линии.

Так же обстояло дело и на Западе. Вопрос, что понимали римские юристы под понятием агнация, вызывал многочисленные споры. Однако проблема решается довольно просто, если мы сопоставим агнацию с домашней религией. Подобно тому как религия могла передаваться только от мужчины к мужчине, так и два человека, по свидетельству древних юристов, могли быть агнатами только в том случае, если по мужской линии у них находились общие предки. Следовательно, закон агнации был тот же, что и закон культа. Между этими двумя понятиями явная связь. Агнация была не чем иным, как родством в том виде, каким его установила религия.

Для более ясного понимания этой истины рассмотрим родословное древо римской семьи.

Луций Корнелий Сципион умер около 250 г. до н. э.

Публий Сципион Гней Сципион

Луций Сципион Азиатский Луций Сципион Африканский Публий Сципион Назика

Луций Сципион Азиатский Публий Сципион Корнелия Публий Сципион Назика

(жена Семпрония Гракха)

Сципион Азиатский Сципион Эмилиан Сципион Серапион

Тиберий Серапион Гракх

Пятое поколение этой семьи, жившее в 140 году до н. э., представлено четырьмя личностями. Действительно ли они все состояли в родстве друг с другом? Согласно современным представлениям, они были родственниками; по мнению римлян, не все они были связаны родственными узами. Давайте выясним, был ли у них один и тот же домашний культ, то есть все ли они приносили жертвы одним и тем же предкам. Предположим, что третий Сципион Азиатский, единственный представитель своей ветви, приносит поминальные жертвы в какой-то конкретный день; восходя по мужской линии, он находит своим третьим предком Публия Сципиона. В свою очередь, Сципион Эмилиан, принося жертвы предкам, встречает среди них того же Публия Сципиона. Следовательно, Сципион Азиатский и Сципион Эмилиан состоят в родстве. Индусы называли

бы их сапинда. С другой стороны, Сципион Серапион имеет четвертым предком Луция Корнелия Сципиона, который является четвертым предком и Сципиона Эмилиана. Таким образом, и они состоят в родстве. Их индусы называли бы саманодака. Однако на юридическом и религиозном языке римлян эти три Сципиона — агнаты; первые двое находятся в шестой степени родства, а третий — в восьмой степени родства с обоими.

А вот с Тиберием Гракхом дело обстоит иначе. Этот человек, который, согласно современным взглядам, должен был бы являться ближайшим родственником Сципиона Эмилиана, вообще не считается его родственником, даже самым дальним. То, что Тиберий сын Корнелии, дочери Сципиона, не имеет никакого значения; ни он, ни Корнелия не принадлежат к этой семье по своей религии. У Тиберия нет других предков, кроме Семпрониев; им он приносит поминальные жертвы, и в восходящем ряду предков он не встречает Сципиона. Следовательно, Сципион Эмилиан и Тиберий Гракх не агнаты. Кровных уз недостаточно, чтобы установить родство, необходимое для общего культа.

Теперь понятно, почему согласно римскому закону два единокровных брата были агнатами, в то время как два единокровных — нет. Тем не менее нельзя говорить, что происхождение по мужской линии являлось непреложным принципом, на котором основывались родственные отношения. Агнатов определяли не по рождению, а по общности культа. Сын, вышедший из-под родительской опеки и отрешенный от домашнего культа, больше не являлся агнатом отца, в то время как посторонний человек, усыновленный, то есть принятый в домашний культ, становился агнатом приемного отца и даже всей семьи. Все вышесказанное подтверждает, что именно религия устанавливала родственные отношения.

В Индии и Греции, как и в Риме, наступило время, когда родственные отношения по культу больше не являлись единственным способом установления родства. По мере ослабления древней религии все громче звучал голос крови, и родство по рождению было признано законом. Римляне называли родство по рождению, абсолютно независимое от домашней религии, когнация. Читая сочинения

юристов, от Цицерона до Юстиниана, мы видим, как две эти системы родства соперничают между собой и оспаривают превосходство. Но во времена Законов Двенадцати таблиц единственным известным родством была агнация, и только она давала право на наследование. Дальше мы увидим, что в Греции была аналогичная ситуация.

Глава 6 ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ

Об этом институте древности не следует судить исходя из современных представлений. Древние основали право собственности на принципах отличных от современных принципов; в результате древние законы существенно отличались от современных законов о собственности.

Мы знаем, что существуют племена, которые так и не закрепили права на частную собственность, в то время как другие добились этого только ценой долгих и тяжких усилий. В зарождающемся обществе стояла непростая задача — определить, имеет ли право человек присвоить себе часть земли и установить такую связь между собой и этим участком земли, чтобы был вправе сказать: «Эта земля моя, эта земля часть меня». Татары понимают право собственности в том случае, когда речь идет о стадах, но не могут понять, если дело касается земли. У древних германцев земля не принадлежала никому; ежегодно племя отводило каждому члену племени земельный участок; каждый год участки менялись. Германцы владели плодами своего труда, но не землей. До сих пор так происходит у части семитических племен и некоторых славянских народов.

Что касается народов Греции и Италии, то они с глубокой древности придерживались принципа сохранения частной собственности. Не сохранилось никаких упоми-

¹ Законы Двенадцати таблиц — один из древнейших сводов римского обычного права на 12 досках-таблицах. Текст Законов Двенадцати таблиц не сохранился и реконструируется на основе упоминаний и ссылок, содержащихся в сочинениях римских писателей и юристов. Законы Двенадцати таблиц содержали постановления, относившиеся к судопроизводству, уголовному и гражданскому праву, некоторым полицейским правилам.

наний о временах, когда земля являлась общей собственностью, и нет никаких свидетельств о ежегодном распределении земельных участков, как было принято у германцев.

Здесь следует отметить важное обстоятельство. В то время как племена, не дававшие своим членам право личной собственности на землю, давали им право на плоды труда, то есть на собранный урожай, у греков было наоборот. Во многих городах граждане были обязаны хранить вместе собранный урожай, или, по крайней мере, большую его часть, и сообща потреблять эти запасы. Таким образом, человек не был полновластным хозяином собранного урожая, но в то же время, по странному противоречию, обладал полным правом собственности на землю. Для него земля была нечто большее чем источник урожая. У греков, похоже, отношение к личной собственности развивалось совершенно иным путем, нежели установленным порядком. Право личной собственности относилось не к урожаю, а уже потом к земле, а прежде всего к земле, и затем к урожаю.

С древнейших времен в греческом и итальянском обществах были основаны три института: домашняя религия, семья и право собственности. Эти три института с самого возникновения, казалось, были неотделимы друг от друга. Понятие о праве на частную собственность заключалось в самой религии. У каждой семьи был свой очаг и свои предки. Этим богам могла поклоняться только данная семья, и эти боги защищали только эту семью. Они были ее собственностью.

Между этими богами и землей древние люди видели таинственную связь. Давайте сначала рассмотрим очаг. Этот алтарь являлся символом оседлой жизни; само название указывает на это. Его следовало установить на земле, и, однажды установленный, он не мог менять своего места. Се-

¹ Некоторые историки высказывали мнение, что в Риме господствовали коллективные формы собственности, и до эпохи правления Нумы не было частной собственности. Эта ошибка является следствием неправильного толкования трех выдержек из сочинений Плутарха, Цицерона и Дионисия Галикарнасского. Эти три автора пишут, и это действительно так, что Нума поделил землю между гражданами, но подчеркивают, что эти земли были завоеваны его предшественником, Ромулом. Что касается римской земли — *ager romanus*, — то она являлась частной собственностью города. (*Примеч. авт.*)

мейный бог хотел иметь постоянное жилище; физически трудно сдвинуть камень, с которого сиял бог, но еще труднее с религиозной точки зрения. Человеку разрешалось сдвинуть его только в том случае, если к этому вынуждала крайняя необходимость: если враг изгонял его с земли или если земля не могла его прокормить. Устанавливая очаг, люди надеялись, что он будет вечно стоять на этом месте. Бог водворялся не на день и даже не на время одной человеческой жизни, а на все время существования семьи, пока хотя бы один оставшийся в живых член этой семьи будет в состоянии поддерживать огонь с помощью жертвоприношений. Таким образом, очаг являлся владельцем земли, превращая ее в свою собственность. Земля становилась собственностью бога.

И семья, которая по долгу и согласно религии группировалась вокруг алтаря, так же прочно закреплялась на земле, как и сам алтарь. Отсюда естественно возникает мысль о постоянном месте жительства. Семья связана с алтарем, алтарь связан с землей, а отсюда вытекает тесная связь между землей и семьей. Здесь должно быть постоянное жилище, и семья не может даже помышлять о том, чтобы покинуть его, если только ее не вынудят к этому непредвиденные обстоятельства. Семья, как и очаг, всегда будет занимать этот участок земли. Этот участок принадлежит ей, он является ее собственностью, — собственностью не одного человека, а всей семьи, все члены которой должны здесь, один за другим, появляться на свет и умирать.

Попробуем разобраться в представлениях древних. Два очага представляли собой двух различных божеств, которые никогда не объединялись; даже смешанный брак между двумя семьями не устанавливал связи между богами этих семей. Священный огонь следовало изолировать от всего мира; посторонний человек не должен приближаться к нему во время совершения священных обрядов, не должен видеть его. Именно по этой причине богов называли сокровенными, или внутренними, богами, пенатами. Для точного соблюдения этого религиозного закона вокруг очага на определенном расстоянии устанавливалась ограда. Не имело ни малейшего значения, из чего была сделана эта ограда — это могла быть деревянная изгородь или каменная стена. Какой бы ограда ни была, она служила грани-

цей, отделявшей участок, принадлежавший одному очагу, от участка другого. Эта ограда считалась священной. Переступить через нее было бесчестием. Бог следил за этой границей и охранял ее, поэтому бог получил эпитет «оградный». Эти ограды, установленные и охраняемые религией, являются бесспорным признаком, неоспоримым свидетельством права собственности.

Вернемся в первобытные времена арийской расы. Священная ограда отделяла довольно обширный участок земли, на котором находился дом, паслось стадо, принадлежавшее семье, и небольшое поле, на котором семья выращивала злаки. В центре возвышался очаг — бог-покровитель семьи. Двигаемся дальше. Племена, распространяясь по земле, достигли Греции и Италии и приступили к строительству городов. Расстояние между домами уменьшилось; они по-прежнему отделялись священной оградой, но уже значительно меньших размеров. Теперь это была небольшая стенка, канава, борозда или просто полоска земли шириной в несколько футов. Соседние дома ни в коем случае не должны были соприкасаться; дома не могли иметь общую стену, поскольку в этом случае исчезла бы священная ограда богов. Согласно римскому закону расстояние между домами должно было составлять два с половиной фута, и этот участок отводился «оградному божеству».

В результате этих религиозных законов у древних никогда не создавались общины. Древним ничего не было известно о фаланстерах¹.

Ни на одном этапе исторической жизни древних мы не находим ничего похожего на общинное владение в деревнях, принятое во Франции в XII столетии. Каждая семья, имея своих богов и исповедуя свой культ, должна была иметь свой участок земли, свое отдельное владение, свою собственность.

Греки утверждали, что очаг научил людей строить дома².

¹ Фаланстер — в учении утопического социализма Шарля Фурье специально устроенное здание, способное сочетать в себе черты как городской, так и сельской жизни, являющееся центром жизни фаланги — коммуны. Сам Фурье из-за отсутствия финансовой поддержки так и не смог основать ни одного фаланстера, но некоторым его последователям это удалось. Однако ни одна фаланга не просуществовала дольше 12 лет.

² Диодор Сицилийский. Кн. V. (Примеч. авт.)

Действительно, у человека, прикрепленного религией к одному месту, который считал своим долгом никогда не покидать его, должна была появиться мысль о возведении на этом месте прочного строения. Для араба подходит палатка, для татарина — кибитка, но семья, имеющая домашний очаг, нуждается в жилище. За хижиной, построенной из глины или дерева, вскоре последовал дом из камня. Строительство велось в расчете не на одну человеческую жизнь, а на поколения, которые будут жить в этом доме, сменяя друг друга.

Дом всегда окружала священная ограда. У греков четырехугольное пространство, находившееся внутри ограды, делилось на две части: первая часть была двором, а вторую занимал дом. Очаг располагался в центре и находился, таким образом, в глубине двора и рядом с входом в дом. В Риме расположение было иное, но принцип оставался тем же. Очаг размещался в центре огороженного пространства, а дом строился вокруг него, таким образом, что очаг оказывался в центре небольшого двора.

Легко понять, чем руководствовались римляне, выбрав такую схему строительства дома. Стены, возвышавшиеся вокруг очага, отделяли и защищали его от внешнего мира, и вполне уместно, следуя утверждению древних греков, сказать, что религия научила людей строить дома. Хозяйкой и собственницей этого дома была семья; домашний бог обеспечил ей это право. Дом освящался постоянным присутствием богов; он был храмом, под защитой которого находились боги.

«Что есть более святое, — пишет Цицерон, — более тщательно огражденное, чем дом каждого человека? Там его алтарь, его очаг, его домашние боги; там хранятся все его святыни». Войти в дом с дурными намерениями было кощунством. Жилище было неприкосновенным. По римским преданиям, домашний бог отгонял рабителей и не позволял приблизиться врагам.

Теперь давайте перейдем к другому объекту культа — к могиле. Могиле отводилось важное место в древней религии, поскольку, с одной стороны, был обязателен культ предков, а с другой — основная церемония этого культа — поминальная трапеза — должна была совершаться в том месте, где покоились предки.

У каждой семьи было общее место погребения, семейная могила, куда один за другим уходили на покой члены семьи. На семейную могилу распространялся тот же закон, что и на очаг. В одной могиле не разрешалось соединять членов двух разных семей, как нельзя было устанавливать два домашних очага в одном доме. Одинаковым бесчестием считалось похоронить умершего члена семьи не в семейной могиле и похоронить постороннего в семейной могиле. Домашняя религия, и при жизни, и после смерти, отделяла каждую семью от других семей и категорически отвергала любые проявления общности. Подобно тому как дома не должны были соприкасаться друг с другом, так и могилы должны были отстоять одна от другой, и каждую могилу, как и дом, окружало что-то наподобие ограды.

Как отчетливо проявляется во всем этом характер частной собственности! Умершие — это боги, которые принадлежат конкретной семье, и только она имела право молиться им. Эти боги владели землей; они жили под небольшой насыпью, и никто, кроме членов семьи, не мог даже помышлять о том, чтобы общаться с ними. Кроме того, никто не имел права лишать богов земли, которую они занимали; могилы нельзя было разрушать или переносить в другое место — относительно этого существовал строжайший запрет¹.

Таким образом, участок земли благодаря религии становится объектом вечной семейной собственности. Семья присваивает себе эту землю, погребая в ней своих умерших; здесь она обосновывается на веки вечные. Живой отпрыск этой семьи может на законном основании сказать, что это его земля. Она была настолько его, что он был неотделим от нее и не имел права отказаться от нее. Земля, в которой покоились умершие, была неотчуждаемой и неотъемлемой. Согласно римскому закону, семья, продававшая земельный участок, на котором находилась могила, оставалась собственником этой могилы и имела право проходить по этому участку к могиле для совершения культовых обрядов.

По древнему обычаю, умерших полагалось погребать в земле, но не на кладбище или вблизи дороги, а на поле, принадлежавшем семье. Доказательством этого древнего

¹ В Риме, чтобы изменить место захоронения, требовалось получить разрешение понтифика. (Примеч. авт.)

обычая служат законы Солона¹ и несколько отрывков из сочинений Плутарха.

Из одной из дошедших до нас речей Цицерона мы узнали, что даже в его время семьи хоронили умерших на своем поле и, после приобретения владения в Аттике, там было обнаружено место захоронения бывших владельцев. Что касается Италии, то этот же обычай подтверждается Законами Двенадцати таблиц, выдержками из выступлений двух юристов и следующей фразой Сикула Флакка: «В древности существовало два способа размещения могилы: одни помещали ее на краю поля, другие — в центре».

Мы видим, что собственность в виде небольшого холмика быстро увеличилась до поля, окружавшего этот холмик. В сочинениях Катона Старшего² приведена молитва италийского земледельца, в которой он просит манов следить за его полем, охранять от воров и радовать урожаем³.

¹ С о л о н — афинский политический деятель и социальный реформатор, поэт, один из «семи мудрецов» Древней Греции. Законы Солона должны были действовать в течение ста лет. Они были написаны на специальных досках, выставленных для всеобщего обозрения на городской площади, что свидетельствует о высоком уровне грамотности граждан.

² К а т о н Старший Марк Порций — писатель, основоположник римской литературной прозы и видный государственный деятель Древнего Рима. Относился к крупным землевладельцам и, являясь римским сенатором, отстаивал интересы своего сословия, а также интересы крупных торговцев и аристократов, занимавшихся предпринимательской деятельностью. В 195 году до н. э., будучи консулом, покорил большую часть Испании; в 191 году, как легат, одержал победу над Антиохом Сирийским при Фермопилах; как цензор, ревниво оберегал древнеримскую строгость нравов; был непримиримым врагом карфагенян и заключал каждую свою речь словами: «И все же, я полагаю, Карфаген должен быть разрушен». В конце жизни был цензором, что по функциям соответствовало статусу современного министра финансов. Катон являлся убежденным сторонником новых территориальных присоединений к Римской республике, прежде всего за счет земель соседнего Карфагена.

³ Эта молитва приводится Катонем Старшим в трактате «О земледелии»: «Марс-отец, молюсь тебе и прошу тебя, буди благ и милостив ко мне, к дому и к домочадцам моим: сего ради повелел я обойти шествием вокруг поля, земли и имения моего, да запретишь, защитишь и отвратишь болезни зримые и незримые, недород и голод, бури и ненастье; да пошлешь рост и благоденствие злакам, хлебу, лозам и посадкам; да сохранишь здоровыми и невредимыми пастухов и скот; да пошлешь здравие и преуспевание мне, дому и домочадцам нашим. Сего ради и ради очищения имения, земли и поля моего и свершения очищения, как я сказал, почтен буди сими животными-сосунками. Марс-отец, сего дела ради буди почтен сими животными-сосунками». (Пер. М.Е. Сергеевко.)

Таким образом, души умерших на правах собственников распространяли свое покровительство на конкретный участок земли. Благодаря им семья была полновластным хозяином этой земли. Захоронение установило неразрывную связь между семьей и землей, то есть собственностью.

В большинстве первобытных обществ религия установила право на собственность. В Библии Господь говорит Аврааму: «Я Господь, который вывел тебя из Ура Халдейского, чтобы дать тебе землю сию во владение», а Моисею Господь сказал: «Вот земля, о которой Я клялся Аврааму, Исааку и Иакову, говоря: «Семени твоему дам ее»; Я дал тебе увидеть ее глазами твоими...»

Таким образом, Господь, первый владелец по праву творения, передает человеку право собственности на часть земли. Нечто похожее было и у древних греко-италийских народов. Правда, не религия Юпитера установила это право, но, возможно, потому, что в те времена ее еще не было. Боги, даровавшие каждой семье право на землю, были домашними богами, священным огнем и манами. Первая религия, являясь властительницей умов древних людей, ввела понятие собственности и права на нее.

Совершенно ясно, что частная собственность была тем институтом, без которого не могла обойтись домашняя религия. Эта религия требовала изолированности жилья и могил; следовательно, об общественной жизни не могло быть и речи. Эта религия требовала, чтобы очаг был раз и навсегда установлен на определенном месте, а могилу нельзя было ни разрушать, ни переносить в другое место. Отмените право собственности, и очаг стали бы переносить с места на место, перемешались бы семьи, а об умерших забыли и лишили их культа. Благодаря стационарному очагу и постоянному месту погребения семья стала собственницей земли; земля была в некотором роде пропитана религией очага и предков. Таким образом, древние люди были избавлены от необходимости решать слишком сложные задачи. Без спора, без труда, без тени сомнения они сразу, только в силу религиозных верований, пришли к понятию о праве собственности — праве, которое является источником любой цивилизации, поскольку благодаря этому праву человек стал заботиться об улучшении земли и сам становился лучше.

³ Ф. Куланж

На первых порах религия, а не законы гарантировала соблюдение права собственности. Каждое владение находилось под присмотром домашнего бога. Каждое поле, как и каждый дом (о чем мы уже говорили), обязательно окружалось оградой, отделявшей его от полей, принадлежавших жившим по соседству семьям. Оградой была не каменная стена, а полоска земли в несколько футов шириной, эта полоска должна была оставаться необработанной, и никогда ее не касался плуг. Разделяющее поля пространство было священо: римский закон, по свидетельству Цицерона, объявлял его не подлежащим проскрипциям; оно принадлежало религии. В определенные дни месяца и года отец семейства обходил свое поле по этой священной линии; он гнал перед собой жертвенных животных, пел гимны и затем совершал жертвоприношения. Этим обрядом он рассчитывал вызвать благосклонность своих богов к своему полю и к своему дому, но в первую очередь, обходя свое поле и совершая обряды домашнего культа, он подчеркивал свое право собственности на это поле. Путь, которым следовали жертвенные животные и вдоль которого пелись молитвы, был нерушимым пределом владения.

Вдоль этого пути на некотором расстоянии друг от друга владелец земли размещал камни или деревянные чурбаки, которые назывались *termini* — термины¹ (или термы).

О том, что собой представляли эти межевые знаки и какие понятия были связаны с ними у древних, можно судить по тем обычаям, какие соблюдались благочестивыми людьми при их водружении на земле. «Вот как делали наши предки, — пишет Сикул Флакк. — Они начинали с того, что выкапывали небольшую яму, устанавливали на ее краю термин и увенчивали его гирляндами из трав и цветов. Затем совершали жертвоприношение. Они давали крови жертвы стекать в яму; туда же бросали тлеющие угли (по всей видимости, разожженные в священном огне очага), зерна, пироги, плоды и выливали немного вина и меда. Когда все это сгорало, то в еще теплую золу ставили камень или деревянный обрубок». Ясно видно, что целью всех этих об-

¹ Т е р м и н — в древнеримской мифологии бог — охранитель межей и пограничных межевых знаков, столбов, камней, которые считались священными.

рядов было сделать из термина нечто вроде священного представителя домашнего культа; чтобы сохранить за ним священный характер, над ним ежегодно возобновлялось священнодействие, с возлияниями и чтением молитвы. Водруженный на земле термин был как бы домашней религией, внедренной в землю для того, чтобы показать, что эта земля на веки вечные стала собственностью семьи. Позже, с помощью поэзии, термин превратился в бога.

Использование терминов, или священных межевых знаков, для обозначения границ полей было, по-видимому, свойственно всей индоевропейской расе. Этот обычай существовал в глубокой древности у индусов, и священные обряды установки границ имели много общего с обрядами, которые описывает Сикул Флакк. Мы находим термины у сабинян и у этрусков. У эллинов тоже были священные межевые знаки.

В мире не существовало той силы, которая могла бы переместить установленные с соблюдением необходимых обрядов термины. Они должны были вечно оставаться на одном и том же месте. Этот религиозный принцип нашел отражение в римской легенде. Юпитер, пожелавший расчистить место для своего храма на Капитолийском холме, не смог вытеснить с этого места бога Термина.

Это старое предание показывает, насколько священной считалась собственность; неподвижный Термин есть не что иное, как нерушимое право собственности.

Термин фактически охранял границу. Сосед не смел приближаться к ней слишком близко, «ибо тогда, — как говорит Овидий, — бог, почувствовав удар лемехом или мотыгой, кричал: «Остановись: это мое поле, а твое вон там»¹.

Для того чтобы завладеть чужим полем, надо было опрокинуть или переместить межевой столб, а между тем этот столб был богом. Это было страшное святотатство, и наказание было суровым. Согласно древнеримскому закону, если человек или его волю коснулись Термина, то они обречены, то есть и человек, и его волю будут принесены в жертву во искупление. Этрусский закон, от имени религии, гласил: «Кто коснется межевого столба или переместит его, будет осужден богами. Его дом будет разрушен; его род угас-

нет; его земля станет бесплодной; град и засуха погубят его урожай; члены (руки и ноги) виновного покроются язвами и отсохнут». До нас не дошли афинские законы по этому вопросу; сохранилось всего лишь три слова, означающие: «Не переступай границ». Но Платон, по-видимому, дополняет мысль законодателя, когда говорит: «Нашим первоочередным законом должен быть следующий: «Никто не должен касаться границы, отделяющей его поле от поля соседа, поскольку она должна оставаться нерушимой... Никому не позволено пытаться сдвигать даже самый маленький камень, который отделяет дружбу от вражды, камень, который поклялись сохранять на одном и том же месте».

Из всех этих верований, обычаев и законов следует, что именно домашняя религия научила человека сделать землю своей собственностью и обеспечила ему право владения землей.

Нетрудно понять, что задуманное и установленное таким образом право собственности было гораздо более полным и абсолютным в своих проявлениях, чем это возможно в современных обществах, где оно основывается на иных принципах. Собственность была настолько неотделима от домашней религии, что семья не могла отказаться от одной, не отказываясь от другой. Дом и поле входили, если можно так выразиться, в семью, и семья не могла лишиться их или отказаться от владения ими. Платон в учении о законах не претендует на то, что выдвигает новую мысль, когда запрещает владельцу продавать свое поле; он просто напоминает о старом законе. Все это заставляет нас высказать предположение, что в древности собственность была неотчуждаема. Известно, что в Спарте существовал запрет на продажу земли¹.

Такой же запрет существовал в законах локров и в законах Левкады. В Коринфе по законам Фидона должны были приниматься специальные меры к поддержанию соответствия между числом граждан и числом земельных наделов².

Соблюсти этот закон можно было только в случае запрета на продажу земельных участков и даже их раздела.

¹ Аристотель. Политика. Кн. II. (Примеч. авт.)

² Там же.

В законе Солона, появившемся семью или восемью поколениями позже, чем закон Фидона Коринфского, уже нет запрета на продажу земли, но на продавца налагается серьезный штраф, и он лишается гражданских прав¹.

Аристотель пишет, что во многих городах древние законы запрещали продажу земли.

Нас не должны удивлять подобные законы. Заложите в основу права на собственность право на труд, и человек сможет избавиться от собственности. Заложите в основу религию, и человек не сможет отказаться от собственности; в этом случае связь более сильная, чем его желание, соединит его с землей. Кроме того, земля, где находится могила, где живут священные предки, где семья должна совершать обряды культа, является собственностью не одного человека, а всей семьи. Право собственности устанавливает не живущий на этой земле человек, а домашний бог. Человеку просто доверено распоряжаться землей, но принадлежит она тем, кто умер, и тем, кто еще должен родиться. Она является частью семьи и не может быть отделена от семьи. Отделить одно от другого значит нарушить культ. У индусов собственность, тоже основанная на религии, была неотчуждаема.

Нам ничего не известно о римских законах до появления Законов Двенадцати таблиц. Понятно, что в то время уже разрешалась продажа земли и что первое время после основания Рима земля была неотчуждаема, как и в Греции. Хотя не сохранилось никаких доказательств древнего закона, но до нас дошли некоторые изменения, которые постепенно вносились в закон. Закон Двенадцати таблиц, оставив могилу неотчуждаемой, освободил от этого правила землю. Позже было разрешено делить собственность, если в семье было несколько братьев, но при условии совершения новой религиозной церемонии; разделом земли мог заниматься только агрименсор².

¹ Эсхин. Против Тимарха. (Примеч. авт.)

² Агрименсор — землемер. Кроме собственно геометрических операций, как измерения, установки граничных камней, съемки планов и ведение межевой книги, он должен был высказывать свое мнение в юридических вопросах, возникавших по поводу земельной собственности, и при спорах, в которых был замешан вопрос о границах, исполнял обязанности земского судьи.

Только религия могла поделить то, что ранее объявила неделимым. Наконец было разрешено продавать владения, и для этого тоже требовалось соблюсти предписанные религиозной правилами. Продажа совершалась обязательно в присутствии либрипенса (весовщика) с соблюдением манципации¹, торжественной процедуры передачи права собственности новому владельцу. Нечто подобное происходило и в Греции; продажа дома или участка земли сопровождалась принесением жертвы богам. Передача собственности происходила только с разрешения религии. Если человек не мог или мог, но с большим трудом, отказаться от владения землей, то с еще большим основанием его нельзя было лишить этой земли помимо его воли.

Древним была неизвестна конфискация земли для общественных нужд. К конфискации прибегали только в случае вынесения приговора об изгнании, то есть когда человек, лишенный гражданских прав, больше не мог предъявлять право на землю в пределах города, принявшего решение об его изгнании. В законах древних городов не встречается упоминаний о конфискации собственности за долги. Законы Двенадцати таблиц, конечно, не щадят должника, но тем не менее не допускают конфискации его собственности в пользу кредитора. За долги отвечал человек, но не земля, поскольку она неотделима от семьи. Легче взять человека в рабство, чем отнять его собственность. Должник отдавался кредитору, и земля, в некотором роде, следовала за ним в

¹ М а н ц и п а ц и я (беру в руку) — в римском праве акт фиксации перехода права собственности от одного лица к другому, при котором отчуждаемая вещь в присутствии пяти свидетелей и весовщика передавалась приобретателю при произнесении строго определенных словесных форм и выполнении обряда с весами с медным слитком. Согласно «Институциям» Гая, «манципация состоит... в мнимой (воображаемой) продаже. Эта форма приобретения собственности свойственна только римским гражданам и совершается следующим образом. Пригласив не менее пяти совершеннолетних римских граждан в качестве свидетелей и сверх того еще одно лицо того же состояния, называемое весовщиком, которое держало бы в руках медные весы, покупатель, еще держа медь, говорит так: HUNC EGO HOMINEM EX IURE QUIRITIUM MEUM ESSE AIO ISQUE MIHI EMPTUS ESTO HOC AERE AENEAQUE LIBRA (утверждаю, что этот раб по праву квиристов принадлежит мне и что он должен считаться купленным мною за этот металл и посредством этих медных весов); затем он ударяет этим металлом об весы и передает его как покупную сумму тому, от кого приобретает вещь».

рабство. Хозяин использовал физическую силу человека, попавшего в рабство, пользовался плодами его труда, но не становился собственником земли попавшего в рабство человека. Столь неприкосновенным было право собственности в те времена¹.

Глава 7

ПРАВО НАСЛЕДОВАНИЯ

Характер и принцип права собственности у древних

Поскольку право собственности было установлено для совершения обрядов наследственного культа, оно не могло утрачиваться со смертью одного человека. Человек умирает, но культ остается; очаг не должен погаснуть, могила не может быть заброшена. Пока существует домашняя религия, существует и право собственности.

Семейный культ и собственность семьи тесно связаны между собой и в верованиях, и в древних законах. В греческом и римском праве существовало жесткое правило: собственность не могла быть приобретена без культа, культа не могло быть без собственности. «Религия предписывает, — сообщает Цицерон, — что собственность и культ неразделимы, и забота о совершении священнодействия выпадает на долю тех, кто получает наследство»².

Вот в каких выражениях отстаивает истец в Афинах право на наследство: «Взвесьте хорошенько, о судьи, и ответь-

¹ В статье Законов Двенадцати таблиц, относящейся к неплатежеспособным должникам, мы читаем, что должник, ставший практически рабом, если у него была земля, не лишался земли. Меры, известные в римском праве под названием доверительная манципация и залог, были средствами, гарантирующими кредитору оплату долга; они косвенно доказывают, что для погашения долга не использовалась конфискация собственности. Позже, когда был принят закон, согласно которому кредитор лишался права превращать должника в раба или его убивать, возникла необходимость введения некоторых пояснений относительно собственности должника. В результате было проведено различие между имуществом и владением должника. Претор предоставил кредитору право продажи вещей, но не земли должника. (Примеч. авт.)

² Цицерон. О законах. II. (Примеч. авт.)

те, я или мой противник должны наследовать имущество Филоктемона и приносить жертвы на его могиле»¹.

Можно ли выразить более точно мысль о том, что забота о культе неотделима от собственности? То же самое и у индейцев: «Тот, кто наследует, кем бы он ни был, обязан совершать приношения на могилу»².

На этом принципе строятся все законы древних народов о праве наследования. Первый закон заключался в том, что как домашняя религия, мы уже об этом знаем, передается по наследству от мужчины к мужчине, так и собственность передается по наследству от мужчины к мужчине. Поскольку сын является естественным продолжателем культа, он же является наследником состояния. В этом заключается правило наследования; оно не является результатом обычного договора между людьми, а вытекает из их верований, их религии, из всего того, что имеет наибольшую власть над умами. Не личная воля отца делает сына наследником. Отец не должен высказывать свою волю; сын наследует в силу своего полного права — *ipso jure heres existit* — говорит юрист. Сын — необходимый наследник — *heres necessarius*. Он не решает, принимать наследство или отказываться от него. Наследование собственности, как и культа, является для него и обязанностью, и правом. Хочет он того или нет, но наследство выпадает на его долю, каким бы оно ни было, со всеми обязательствами и долгами. По греческим законам сын не мог отказаться от наследства или принять его без учета долгов.

На юридическом языке Рима сын назывался *heres suus*. Фактически он наследует от самого себя. Между отцом и им нет ни дара, ни завешания, ни передачи собственности. Есть просто продолжение — *mortis parentis continuatur dominium*. Еще при жизни отца сын является совладельцем земли и дома — *vivo quoque patre dominus existimatur*.

Для того чтобы составить правильное представление о наследовании у древних народов, надо отказаться от мысли, что имущество переходило у них из рук в руки. Владение незыблемо, как очаг и могила, с которыми оно связа-

¹ Исей. О наследстве Филоктемона. (Примеч. авт.)

² Законы Ману. IX. (Примеч. авт.)

но. Человек переходил к владению. Человек, который по мере развития семьи являлся в свой урочный час, чтобы продолжить культ и заботиться об имуществе.

Наследует сын, а не дочь

На первый взгляд это положение древних законов кажется странным и несправедливым. У нас вызывает некоторое удивление, когда из римских законов мы узнаем, что дочь не наследует отцу, если она замужем, а по греческим законам она вообще не является наследницей. Что касается участия в наследовании родственников в боковых ветвях, то в этом случае закон кажется еще более несправедливым и противоестественным. Но все дело в том, что эти законы очень логично вытекают из верований и религии, о чем мы уже говорили выше.

По закону культ передается от мужчины к мужчине, а значит, и закон о наследовании должен соответствовать закону о культе. Дочь не обладает правом продолжать религию отца, поскольку, выйдя замуж, отрекается от религии предков, чтобы принять религию мужа; следовательно, она не имеет никакого права на наследство. Если бы отец оставил свою собственность дочери, то собственность оказалась бы отделенной от культа, что было недопустимо. Дочь не могла исполнять даже основной обязанности наследника — совершать поминальные приношения предкам, поскольку она приносила жертвы предкам мужа. По этой причине религия запрещала дочери наследовать отцу.

Таков древний принцип, оказавший одинаковое влияние и на законодателей Индии, и на законодателей Греции и Рима. У этих трех народов были одни и те же законы, но не потому, что они заимствовали их друг у друга, а потому, что создали их на основе одних и тех же верований.

«После смерти отца, — гласят «Законы Ману», — пусть братья разделят наследство между собой», и законодатель Добавляет, что советует братьям обеспечить сестер; это доказывает, что сестры не имели никаких прав на отцовское наследство.

Так же обстояли дела и в Афинах. В своих речах Демосфен зачастую указывает на то, что дочери не могут являться наследницами. Сам Демосфен является примером использования этого правила, поскольку у него была сестра, при этом он, мы знаем с его собственных слов, был единственным наследником состояния; отец выделил всего седьмую часть состояния в приданое дочери.

Что касается первых постановлений римского права, лишивших дочерей права наследования, то у нас нет текстов древних законов и никаких точных свидетельств по этому вопросу. «Институции» Юстиниана¹ исключают дочь из числа естественных наследников, если она не находилась под властью отца, а согласно религиозным обрядам она выходила из-под власти отца после замужества.

Следовательно, если на момент смерти отца дочь не была замужем и могла разделить наследство с братом, то после замужества она утрачивала право на наследство, поскольку переходила в новую семью и принимала культ мужа. И поскольку такое положение существовало во времена Юстиниана, мы можем предположить, что в древних законах этот принцип был применен со всей строгостью и незамужняя дочь, которая однажды могла выйти замуж, не имела никаких прав на получение отцовского наследства. Кроме того, в «Институциях» упоминается древний принцип, к тому времени устаревший, но не забытый, согласно которому наследство всегда переходило по мужской линии. Отзвуком этого древнего правила является тот факт, что согласно гражданскому праву женщина никогда не могла считаться наследницей. Чем дальше мы поднимаемся от времен Юстиниана к древним эпохам, тем ближе мы подходим к закону, запрещавшему женщинам наследование. Во времена Цицерона отец, оставлявший после себя сына и дочь, мог завещать дочери только третью часть своего состояния; если у

¹ «Институции» Юстиниана — первая часть грандиозной кодификации римского права *Corpus iuris civilis*, осуществленной в Византийской империи в VI веке по приказу императора Юстиниана I. В основу текста были положены «Институции» Гая, написанные во II веке, однако авторы также использовали «Институции» Ульпиана, Марциана и Флорентина. Книга была составлена Трибонианом и профессорами Феофилом и Дорофеем и представлена императору 21 ноября 529 года. Предполагается, что Дорофей был автором I книги, Феофил — II, а Трибониан — III и IV.

него была только дочь, то она могла получить не более половины состояния. Кроме того, следует отметить тот факт, что для того, чтобы дочь получила третью часть или половину состояния, отец должен был составить завещание в ее пользу; сама же дочь ни на что не имела прав. За полтора века до Цицерона Катон, желая восстановить древние обычаи, употребил все свое влияние, чтобы добиться принятия закона Вокония, запрещавшего: 1. Назначать женщину наследницей, даже если она была единственной дочерью, замужней или не состоящей в браке; 2. Завещать женщине более половины отцовского наследства.

Закон Вокония просто восстановил более древние законы, поскольку невозможно предположить, чтобы он был принят современниками Сципиона, если бы не опирался на древние, по-прежнему почитавшиеся правила. Следует добавить, что в законе Вокония нет упоминаний о праве наследования *ab intestate* — без завещания, вероятно, потому, что древние правила на этот счет были все еще в силе. В Риме, как и в Греции, древний закон исключал дочь из числа наследников, и это было вполне естественным и неизбежным следствием правил, установленных религией.

Правда, люди вскоре нашли способ обойти этот закон и примирить религиозное предписание, запрещавшее дочери наследовать, с естественным чувством отца, желавшего дать дочери возможность воспользоваться его состоянием. Закон решил, что дочь должна выйти за наследника.

Афинское законодательство довело этот принцип до окончательного результата. Если покойный оставлял сына и дочь, то только сын являлся наследником отца и обеспечивал сестру приданым¹.

Если у сына и дочери покойного были разные матери, то у сына был выбор: либо жениться на сестре, либо обеспечить ее приданым. Если покойный оставлял после себя только дочь, то наследником становился ближайший родственник покойного, который был обязан жениться на его Дочери. Более того, если дочь была замужем, то она должна была оставить мужа и выйти замуж за наследника отца.

¹ Следует отметить, что закон запрещал выходить замуж за единокровного брата. Это мог быть только брат со стороны отца, именно он являлся наследником.

Сам наследник, если он был женат, должен был развестись с женой и жениться на дочери наследодателя. Здесь мы видим, насколько древний закон шел вразрез с природой, чтобы соответствовать религии.

Необходимость удовлетворения требований религии в сочетании с желанием защитить интересы единственной дочери заставили найти еще один выход. В этом отношении удивительно схожи афинский и индусский законы. В «Законах Ману» мы читаем: «Тот, у кого нет сына, может потребовать от дочери дать ему сына, который станет его сыном и сможет совершать поминальные церемонии в его честь». В этом случае отец должен предупредить того, кому отдает в жены свою дочь, произнеся следующую формулу: «Я отдаю тебе свою дочь, украшенную драгоценностями, у которой нет брата; сын, которого она родит, будет моим сыном и должен будет совершить мое погребение». Подобный обычай существовал и в Афинах; отец мог продолжить свое потомство через дочь, отдав ее замуж на тех же условиях. Сын, родившийся в этом браке, считался сыном отца жены, следовал культу отца, участвовал в совершении религиозных обрядов и позже заботился о его могиле. Согласно индусскому закону этот ребенок наследовал своему деду, как если бы был его сыном; точно так же было и в Афинах. Если отец выдавал замуж дочь на условиях, о которых мы говорили выше, то наследовала ему не дочь, не зять, а сын дочери. Как только этот мальчик достиг совершеннолетия, он вступал во владение наследством своего деда с материнской стороны, даже если его мать и отец были живы.

Эта исключительная терпимость со стороны религии и закона подтверждает высказанное нами ранее правило. Дочь не наследовала отцу, она рассматривалась как посредник, через которого могла продолжаться семья. Она не наследовала сама, но через нее передавался культ и наследство.

О наследовании по боковой линии

ЕСЛИ человек умирал бездетным, то, чтобы понять, кто должен наследовать его состояние, следовало просто выяснить, кто имеет право быть продолжателем его культа.

Домашняя религия передавалась кровным родственникам от женщины к мужчине. Только происхождение по мужской линии от общего предка устанавливало между двумя мужчинами религиозную связь, позволявшую одному продолжать культ другого. То, что называли родством, было, как мы уже говорили, не чем иным, как выражением этой религиозной связи. Человек считался родственником, потому что у него был тот же культ, тот же очаг, те же предки. Но дети, рожденные одной матерью, не были родственниками; религия не признавала родства через женщин. Дети двух сестер, или сестры и брата, ничем не были связаны между собой; они не исповедовали одну и ту же домашнюю религию и не являлись членами одной семьи.

На этих принципах строился порядок наследования. Если человек потерял сына и дочь и оставил после себя только внуков, то наследовал ему сын его сына, а не сын его дочери. В случае отсутствия потомства ему наследовал брат, а не сестра, сын его брата, но не сын сестры. Если не было братьев и племянников, то следовало проследить ряд предков умершего по мужской линии, пока не находилась ветвь, отделившаяся от семьи; затем, спускаясь по этой ветви от мужчины к мужчине, найти ныне здравствующего мужчину — он-то и был наследником.

Этими законами руководствовались и индусы, и греки, и римляне. Согласно «Законам Ману» «имущество принадлежит тому, кто ближе всего к (умершему), сапинде, затем другому дальнему родственнику, саманодака...». Мы уже знаем, что родство, выражаемое этими двумя словами, было религиозным, или родством через мужчин, и соответствовало римской агнации.

А вот что гласит афинский закон: «Если человек умер, не оставив детей, то наследником будет брат покойного, если он единокровный брат; за отсутствием брата наследует сын брата, поскольку наследство всегда переходит к мужчинам и потомкам мужчин». На этот древний закон по-прежнему ссылались во времена Демосфена, хотя к тому времени он претерпел изменения. К тому же в то время закон начал допускать родство через женщин.

Законы Двенадцати таблиц предписывали, что если мужчина умрет, не оставив наследника, то наследство принадлежит ближайшему агнату. Мы уже говорили о том, что

агнация никогда не распространялась через женщин. Древний римский закон жестко установил, что племянник наследует от брата своего отца, *patruus*, но не от *avunculus* — брата своей матери.

Вернувшись к рассмотренному выше генеалогическому древу семьи Сципиона, заметим, что Сципион Эмилиан умер бездетным, и его состояние не могло перейти ни к его тете Корнелии, ни к Гракху, который по нашим современным понятиям приходился бы ему двоюродным братом. Состояние должно было перейти к Сципиону Азиатскому, который являлся его ближайшим родственником.

Во времена Юстиниана законодатель уже отказывался понимать древние законы; они казались ему несправедливыми, и он выражал недовольство чрезмерной строгостью Законов Двенадцати таблиц, которые всегда отдавали предпочтение мужскому потомству и исключали из наследования тех, кто был связан с покойным только через женщин. Законы, если угодно, несправедливые, поскольку они не брали в расчет естественные чувства (любовь, привязанность), но удивительно логичные, поскольку, отталкиваясь от принципа, что наследование связано с культом, исключали из числа наследников тех, кому религия не разрешала продолжать культ покойного.

Выход из-под родительской опеки (эмансипация) и усыновление

Мы уже знаем, что выход ИЗ-ПОД родительской опеки и усыновление были связаны для человека с переменой культа. В случае выхода из-под родительской опеки человек отшелся от отцовского культа; в случае усыновления он посвящался в культ новой семьи. И опять древний закон приспособлялся к религиозным правилам. Сын, отрешенный от культа отцов, терял право на наследство. Вместе с тем посторонний человек, при усыновлении посвященный в семейный культ, становился сыном, продолжал культ и наследовал состояние. В обоих случаях древний закон больше учитывал религиозные связи, чем родственные узы.

Согласно религиозным правилам один и тот же человек не мог посвятить себя двум домашним культам, а значит,

и не мог наследовать двум семьям. Кроме того, приемный сын, который наследовал в усыновившей его семье, не мог наследовать в своей родной семье.

Афинский закон четко трактовал этот вопрос. В речах афинских ораторов часто говорится о людях, которые, будучи усыновленными, стремились к получению наследства не только в семье усыновителя, но и в семье, в которой родились. Однако закон препятствовал их намерениям. Приемный сын мог наследовать в родной семье только в том случае, если возвращался в нее; вернуться же в родную семью он мог только после отречения от усыновившей его семьи, а выйти из этой семьи мог лишь при соблюдении двух условий. Во-первых, он должен был отказаться от наследства усыновившей его семьи, и, во-вторых, чтобы домашний культ, ради которого он был усыновлен, не прекратился после его ухода из семьи, он должен был оставить в этой семье своего сына, который занял бы его место. Его сын брал на себя ответственность за продолжение культа и делался наследником состояния. В этом случае его отец мог вернуться в родную семью и наследовать ее имущество. Но эти отец и сын уже не могли наследовать один другому; они не входили в одну семью и не являлись родственниками.

Совершенно ясно, чем руководствовался древний законодатель, когда устанавливал эти четкие правила. Он считал невозможным, чтобы два наследства переходили одному человеку, поскольку один человек не мог служить двум культам.

Первоначально о завещаниях не было известно

Право завещать, то есть распоряжаться своим имуществом и передавать его другому лицу, а не своим наследникам, вступало в противоречие с религиозными верованиями, лежащими в основе права собственности и права наследования. Собственность была неотделима от культа; культ был наследственным, и можно ли было в этом случае думать о завещании? Кроме того, собственность принадлежала не одному человеку, а семье, поскольку человек приобретал ее благодаря домашнему культу, а не собствен-

ным усилиям. Связанная с семьей собственность передавалась от умерших к живым не по воле или выбору умерших, а на основании высших законов, установленных религией.

Древний индусский закон не знал завещания. До времен Солона афинское право не признавало завещания, и сам Солон разрешил завещание только для тех, кто не оставил после себя детей¹. На протяжении долгого времени завещания были запрещены в Спарте и были признаны законными только после Пелопоннесской войны.

Аристотель рассказывает о времени, когда точно так же обстояли дела в Коринфе и Фивах².

Не вызывает сомнений, что право завещать собственность не считалось естественным правом; в древние времена люди придерживались неизменного принципа, согласно которому собственность, связанная с домашней религией, должна была оставаться в семье.

Платон в своем трактате о законах, который в значительной мере является не чем иным, как толкованием афинских законов, дает четкое объяснение соображениям, которыми руководствовались древние законодатели. Он высказывает предположение, что человек на смертном одре требует права составить завещание и восклицает: «О боги, какой ужас!.. Свое собственное имущество я не вправе отказать или не отказать кому хочу: одному больше, другому меньше, соответственно с тем, насколько плохо или хорошо относились ко мне люди...» Но законодатель отвечает этому человеку: «Сегодня вы есть, а завтра вас нет; трудно вам сейчас разобраться в вашем имуществе, да и в себе самих... Вы не при-

¹ Солон прославился также законом о завещаниях. До него не было позволено делать завещания; деньги и дом умершего должны были оставаться в его роде; а Солон разрешил тем, кто не имел детей, отказывать свое состояние кому кто хочет, отдавая преимущество дружбе перед родством, любви перед принуждением, и сделал имущество действительной собственностью владельца. Но, с другой стороны, он допустил завещания не во всех случаях, а лишь в тех, когда завещатель не находился под влиянием болезни или волшебного зелья, не был в заключении и вообще не был вынужден какой-либо необходимостью или, наконец, не подпал под влияние какой-либо женщины. Солон вполне правильно считал, что между убеждением, ведущим ко вреду, и принуждением нет никакой разницы и ставил наравне обман и насилие, удовольствие и страдание, потому что все это одинаково может лишить человека рассудка (*Плутарх. Солон. 21*). (*Примеч. авт.*)

² *Аристотель. Политика. Кн. II. (Примеч. авт.)*

надлежите самим себе, и это имущество не принадлежит вам; все нынешнее поколение и его собственность принадлежат всему вашему роду, как предшествовавшим, так и будущим его поколениям»¹.

Нам мало что известно о древних законах Рима; столь же неизвестны они даже Цицерону. Все, что мы знаем, не восходит далее Законов Двенадцати таблиц, которые, безусловно, не являются первоначальными римскими законами; к тому же до нашего времени сохранилось только несколько отрывков. Этот кодекс разрешает составлять завещание; однако отрывок, который относится к этому вопросу, слишком короткий, чтобы позволить нам считать, будто мы знаем точные постановления законодателя в отношении завещаний. Нам известно, что существовало право составлять завещание, но мы не знаем, какими оговорками и условиями обставлялось это право. У нас нет законов более древних, чем Законы Двенадцати таблиц, запрещающих или разрешающих делать завещание, но сохранились устные воспоминания о том времени, когда о завещаниях не было известно; сын в те времена назывался обязательным (необходимым) наследником — *heres suus et necessaries*. Это выражение, которое использовали еще Гай и Юстиниан, хотя оно уже и не соответствовало законодательству их времени, пришло, вне всякого сомнения, из тех давних времен, когда сына не могли лишиться наследства и сам он не мог отказаться от него. Отец не имел права свободно распоряжаться своим состоянием. За неимением сыновей и если у покойного были только родственники по боковой линии, допускалось составление завещания, но это было сопряжено с большими трудностями и требовало соблюдения серьезных формальностей. Прежде всего, при жизни завещатель не мог сохранять в тайне свое волеизъявление. Человек, который лишал наследства свою семью и тем самым нарушал закон, установленный религией, должен был сделать это открыто и испытать на себе при жизни все последствия своего поступка. Но и это еще не все. Требовалось, чтобы воля завещателя получила одобрение высшей власти, то есть народных избранников, выбираемых в куриях, под председательством понтифика. Не следует ду-

¹ *Платон. Законы. XI. (Примеч. авт.)*

мать, что это была всего лишь пустая формальность. Эти куриатные комиции¹ были самыми торжественными собраниями, и было бы легкомыслием думать, что народные избранники собирались только для того, чтобы просто быть свидетелями при чтении завешания.

Можно предположить, что проводилось голосование и, если подумать, это было совершенно необходимо. На самом деле существовал общий закон, жестко регламентирующий порядок наследования; для того чтобы изменить этот порядок в каждом частном случае, следовало принять новый закон. Этим исключением из закона было завешание. Пока общество находилось под властью древней религии, человеку не предоставлялось, и не могло быть предоставлено, полное право на изъявление воли. Согласно тем древним верованиям, человек был всего лишь временным представителем того постоянного и бессмертного, чем являлась семья. При жизни он получал право распоряжаться собственностью и отправлять культ; после смерти он терял полученные при жизни право на культ и собственность.

Право первородства (право старшего сына на наследование имущества)

Давайте перенесемся из времен, память о которых сохранилась в истории, в те далекие времена, в течение, которых создавались домашние институты и велась подготовка к созданию общественных институтов. От той эпохи не осталось, да и не могло остаться никаких письменных свидетельств, но законы, управлявшие в то время людьми, в какой-то степени наложили отпечаток на законодательство последующих периодов.

В те далекие времена мы находим институт, который, похоже, существовал длительное время, который оказал значительное влияние на дальнейший строй общества и без которого не представлялось бы возможным объяснить этот строй общества. Этот институт — право первородства.

¹ К о м и ц и и — в Древнем Риме народное собрание, избиравшее должностных лиц, принимавшее законы, решавшее вопросы войны и мира. Существовало три вида комиции: куриатские, центуриатные и трибутные.

Древняя религия установила различие между старшим и младшим сыновьями. «Старший, — говорили древние арийцы, — рожден для выполнения долга перед предками; остальные — плоды любви». После смерти отца в силу превосходства по рождению старший сын руководил всеми церемониями домашнего культа; он совершал поминальные подношения и читал молитвы, поскольку «право произносить молитвы принадлежит тому из сыновей, который вышел в этот мир первым». Старший сын был наследником гимнов, продолжателем культа, религиозным главой семьи. Из этого верования вытекало правило, что старший сын является единоличным наследником собственности. Древний текст, который последний редактор «Законов Ману» включил в свод законов, гласит: «Старший сын вступает во владение всем отцовским наследством, и остальные братья живут под его властью, как жили под властью отца. Старший сын выполняет долг по отношению к предкам, поэтому и должен иметь все».

Греческий закон исходил из тех же верований, что индусский, поэтому неудивительно, что в нем мы тоже находим право первородства. В Спарте эти правила сохранялись дольше, чем в греческих городах, поскольку спартанцы дольше сохраняли веру в древние институты; земельные участки были неделимы, и младший сын не имел в них своей доли. То же самое было во многих древних законах, которые изучал Аристотель. Он сообщает нам, что в Фивах закон предписывал, чтобы число земельных участков оставалось неизменным, что, естественно, исключает возможность их раздела между братьями. В свою очередь, древний закон Коринфа предписывал необходимость сохранения неизменного количества семей; закон являлся возможным только при условии права старшинства, препятствующего разделу семей при появлении каждого нового поколения.

Не следует думать, что в Афинах во времена Демосфена этот институт имел такое же значение, как в древности, однако в тот период все еще сохранялось то, что называется привилегией старшинства. Привилегия состояла в том, что старшему сыну отходил отцовский дом — преимущество значительное в материальном плане, но еще более значительное с религиозной точки зрения, поскольку в отцовском доме находился древний семейный очаг.

В то время как младшие сыновья во времена Демосфена покидали отчий дом, чтобы зажечь свой новый очаг, старший сын — единственный настоящий наследник — оставался владеть очагом и могилой предков. Он один сохранял фамильное имя.

Можно заметить, что хотя древние люди, находившиеся всецело во власти религии, не задумывались о несправедливости закона первородства, тем не менее в этот закон были внесены некоторые коррективы. Иногда младший сын усыновлялся другой семьей и становился в ней наследником; иногда он женился на единственной дочери; иногда в итоге получал участок земли, оставшийся после угасшего рода. В противном случае младших сыновей отправляли в колонии.

Что касается Рима, то мы не находим закона, касающегося права первородства, но это вовсе не значит, что он был неизвестен древним италийцам. Возможно, он был, но исчез, не оставив следа. Однако существование родов в латинских и сабинских племенах позволяет нам высказать предположение о наличии этого закона в те далекие времена, поскольку без него невозможно было бы объяснить существование родов. Как число членов одной семьи могло достигать нескольких тысяч, как это было в семье Клавдиев, или нескольких сотен воинов-патрициев, как в семье Фабиев, если бы право первородства не поддерживало ее единства на протяжении ряда поколений и не приумножало ее численность из века в век, препятствуя расчленению? Это древнее право первородства доказано его последствиями и, если можно так выразиться, его делами.

Глава 8

ВЛАСТЬ В СЕМЬЕ

Принцип и характер отцовской власти у древних

СВОИ законы семья получила не от города. Если бы город установил закон о собственности, то он, по всей видимости, не был бы таким, каким мы его видим. Право собственности и право наследования устанавливались бы

на иных принципах; неотчуждаемость земли и неделимость семейного владения были не в интересах города. Закон, позволявший отцу продать и даже убить сына, — этот закон мы находим и в Греции, и в Риме, — не устанавливался городом. Скорее город сказал бы отцу: «Жизнь и свобода твоей жены и твоего сына не принадлежат тебе. Я защищу их даже от тебя. Не тебе судить и убивать их, даже если они совершили проступок. Я буду их единственным судьей». Но город по понятным причинам не мог этого говорить. Частное право существовало до появления города. Когда город начал издавать законы, частное право уже существовало в полной мере, укоренившееся в обычаях, получившее общее признание. Город принял его, поскольку не мог поступить иначе и только постепенно с течением времени осмелился вносить в него коррективы. Древний закон не был созданием какого-то законодателя; он был, наоборот, навязан законодателю. Он родился в семье, из древних обычаев. В его основе лежали религиозные верования, которые были всеобщими в первые века для этих народов и безгранично властвовали над их умами и волей.

Семья состояла из отца, матери, детей и рабов. Какой бы маленькой ни была эта группа, она нуждалась в порядке. Кому принадлежала верховная власть? Отцу? Нет. В каждом доме есть что-то, стоящее выше отца. Это домашняя религия, это бог, которого греки называли хозяином очага, а латины — домашним ларом — покровителем очага. Это домашнее божество, или вера, живущая в душе человека, было самой непререкаемой властью. Это то, что определило положение каждого члена семьи.

Отец занимает первое место у священного огня. Он зажигает и поддерживает его; он верховный жрец. Во всех религиозных священнодействиях отцу отводилась главная роль: он убивал жертву, его уста произносили слова молитвы, которая должна была побудить богов обеспечить защиту ему и его семье. Он увековечивал семью и культ; он один представлял весь ряд предков, и от него продолжался ряд потомков. На нем держится домашний культ, и он может сказать, подобно индусу: «Я — бог». Когда придет смерть, он станет божественным существом, которому будут молиться потомки.

Жене религия не отводила такого высокого положения. Она, правда, принимала участие в религиозных церемониях, но не являлась хозяйкой очага. Религия не досталась ей по рождению. Она обрела религию в браке. Молитвам, которые она произносит, женщина научилась у мужа. Она не представляет предков, поскольку не происходит от них. Когда ее опустят в могилу, она не станет предком и ей не будут воздаваться особые почести. После смерти, как и при жизни, она считается только частью своего мужа.

И греческие, и римские, и индусские законы, основанные на древних верованиях, — все они рассматривали жену как несовершеннолетнюю. У нее не могло быть собственного очага; она не могла быть главою культа. В Риме она получала звание матери семьи, но теряла его, как только умирал ее муж. Не имея священного огня, который бы принадлежал лично ей, она не обладала ничем, что бы давало ей власть в семье. Она никогда не повелевала; она даже никогда не была свободной и не была сама себе хозяйкой. Она всегда находилась у чужого очага, повторяя чужие молитвы; в религиозной жизни она нуждалась в главе религиозной общины, в гражданской жизни — в опекуне.

«Законы Ману» гласят: «Женщина в детстве зависит от отца, в молодости от мужа, после смерти мужа от сыновей, если нет сыновей, от ближайших родственников мужа, поскольку женщина никогда не должна распоряжаться собой по собственному усмотрению». Об этом же говорят греческие и римские законы. В девичестве она находится под властью отца; после смерти отца под властью братьев; в замужестве под опекой мужа. После смерти мужа она не возвращается в родную семью, поскольку отреклась от нее во время священного брачного обряда. Будучи вдовой, она попадает под опеку агнатов мужа, то есть ее собственных сыновей, если они у нее есть, или, при отсутствии сыновей, под опеку ближайших родственников. Власть мужа столь велика, что перед смертью он может назначить опекуна для жены и даже выбрать ей нового мужа.

У римлян было слово, донесенное до наших дней юристами, которое обозначало власть мужа над женой; это слово — *manus*. Сейчас не просто найти его первоначальный смысл. Толкователи объясняют его как слово, выражающее физическую силу; получалось, что женщина оказыва-

лась под властью грубой мужской силы. Вполне возможно, что это ошибочное толкование. Власть мужа вовсе не вытекала из перевеса в физической силе. Она являлась следствием, как все частные законы, религиозных верований, которые ставили мужчину выше женщины. Доказательством служит тот факт, что женщина, вступившая в брак без соблюдения священных обрядов и, следовательно, не приобщенная к культу, не подчинялась власти мужа. Брак ставил женщину в подчиненное положение, но одновременно придавал ей достоинство. Так что не право сильного создало семью!

Теперь перейдем к ребенку. Здесь природа достаточно громко говорит сама за себя. Она требует, чтобы у ребенка был защитник, руководитель и наставник. Религия действует в соответствии с природой; она говорит, что отец должен быть главой культа, а сын должен просто помогать ему в отправлении священных обязанностей. Но природа требует подчинения только на протяжении определенного количества лет, в то время как религия требует большего. Природа дает сыну совершеннолетие, религия, согласно древним законам, этого не допускает; семейный очаг делим, как неделима и собственность. Братья не расходятся после смерти отца и уж тем более не отделяются от отца при его жизни. Согласно строгому древнему закону сыновья были связаны с очагом отца и, следовательно, находились под его властью; при его жизни они оставались несовершеннолетними.

Можно предположить, что это правило сохранялось до тех пор, пока существовала домашняя религия. В Афинах очень рано исчезло полное подчинение сына отцу. Дольше оно существовало в Спарте, где наследство всегда было неделимым. В Риме древний закон соблюдался строжайшим образом; при жизни отца сын не мог иметь своего очага; даже женившись, имея собственных детей, сын оставался под властью отца.

Отцовская власть, как и власть мужа, строилась на принципах и условиях, диктуемых домашней религией. Сын, рожденный вне брака, был неподвластен отцу. У этого сына и отца не было общей религии, не было ничего, что давало бы одному власть, а другого заставляло подчиняться. Само по себе отцовство не давало отцу никаких прав.

Благодаря домашней религии семья была маленьким организованным сообществом, имевшим своего руководителя. В современном обществе нет никаких аналогов, которые могли бы дать нам представление об этой отцовской власти. В те бесконечно далекие времена отец был не только сильным человеком, защитником, который имел власть, заставлявшую его повиноваться; он был жрецом, наследником очага, продолжателем рода, родоначальником потомства, хранителем таинственных обрядов культа и священных формул молитв. В нем заключалась вся религия.

Само имя, которым называют отца — *pater*, — содержит в себе весьма любопытную информацию. Это слово используется и в греческом языке, и в латыни, и в санскрите, из чего следует вывод, что оно происходит из тех времен, когда греки, италийцы и индусы жили вместе в Центральной Азии. Какую смысловую нагрузку несло это слово? Мы можем это понять, поскольку в формулах религиозного языка, как и в юридическом языке, сохранилось его первоначальное значение. Когда древние люди, призывая Юпитера, называли его *pater hominum deorumque* — отец людей и богов, они не хотели сказать, что Юпитер был отцом богов и людей, поскольку никогда так не считали, а, наоборот, думали, что человеческий род существовал до его появления. Тем же именем, *pater*, они называли Нептуна, Аполлона, Вакха, Вулкана, Плутона. Древние люди, конечно, не считали их своими отцами, как не считали матерями Минерву, Диану и Весту, к которым обращались словом *mater*, хотя эти три богини были богинями-девственницами. На юридическом языке именем *pater*, или *pater familias*, мог называться человек, который не был женат, у которого не было детей и кто даже не достиг возраста, когда можно заключать брак. Следовательно, с этим словом не связывалась мысль об отцовстве. В древнем языке (у греков, латинов и индусов) было другое слово — *genitor*, столь же древнее, как слово *pater*, которое обозначало именно отца, родителя. Слово *pater* имело другой смысл. В религиозном языке оно применялось к богам, на юридическом языке — к любому человеку, имевшему культ и владение. Поэты показывают нам, что это слово употреблялось по отношению ко всем тем, кому хотели воздать почести. Рабы называли этим словом своего господина. Оно содержало в

себе не понятие отцовства, а понятие могущества, власти, величия и достоинства.

То, что это слово употреблялось по отношению к отцу семейства и стало со временем общеупотребительным, без сомнения, очень существенный факт для каждого, кто хочет изучать древние институты. Истории происхождения этого слова вполне достаточно для того, чтобы получить общее представление о той власти, какой на протяжении долгого времени пользовался в семье отец, и о том чувстве благоговейного уважения, которое оказывалось ему как верховному жрецу и повелителю.

Права, составлявшие отцовскую власть

Греческие и римские законы признавали за отцом ту неограниченную власть, какой с самого начала облекла его религия. Многочисленные и разнообразные права, которые дали ему эти законы, можно разделить на три категории, поскольку мы будем рассматривать отца семьи как религиозного главу, как владельца собственности и как судью.

Отец — верховный глава домашней религии; он выполняет все обряды культа так, как он их понимает или, скорее, как он научился им у своего отца. Никто не оспаривает его главенства. Сам город и его жрецы не могут вносить никаких изменений в его культ. Как жрец очага, он не признает над собой высшей власти.

Будучи верховным жрецом, он отвечает за непрерывность культа и, следовательно, за непрерывность рода. Сохранение непрерывности, являвшееся его главной заботой и первейшим долгом, зависело только от него. Отсюда вытекают следующие права.

Право признавать или отвергать ребенка при рождении. Это право предоставлялось отцу как греческим, так и римским законом. Это был жестокий закон, однако он не противоречил принципам, на которых строилась древняя семья. даже не вызывавшее сомнений происхождение не являлось достаточным, чтобы войти в священный круг семьи; требовалось согласие главы семьи и посвящение в культ. Пока ребенок не приобщен к домашней религии, он — никто для отца.

Право развестись с женой в случае ее бесплодия, поскольку род не должен угаснуть, или в случае прелюбодеяния, поскольку семью и потомков следовало избавить от всякого рода бесчестия.

Право выдать дочь замуж, то есть уступить другому власть над ней. Право женить сына; от брака сына зависит непрерывность рода.

Право освобождать сына от родительской опеки, то есть отпускать из семьи и отстранять от культа. Право усыновлять, то есть вводить постороннего в домашнюю религию.

Право, находясь при смерти, назначать опекуна жене и детям.

Следует отметить, что эти права предоставлялись только отцу; остальные члены семьи не имели никакого отношения к этим правам. Жена не имела права на развод, по крайней мере в древности. Даже будучи вдовой, она не имела права ни усыновлять, ни отпускать из семьи. Она никогда не была даже опекуном собственных детей. В случае развода дети оставались с отцом, даже дочери. Жена никогда не имела власти над своими детьми. Ее дочери никогда не спрашивали у нее согласия на брак.

Мы уже говорили, что первоначально право собственности понималось как семейное, а не личное право. Собственность, как официально подтверждает Платон и косвенно сообщают древние законодатели, принадлежала предкам и потомкам. Эта собственность по своей природе была неделима. В семье мог быть только один собственник — сама семья, и только один, кто мог распоряжаться собственностью — отец. Этот принцип объясняет некоторые положения древнего права.

Поскольку собственность была неделимой и вся ответственность за нее лежала на отце, ни жена, ни дети не имели никакой собственности. В то время еще не существовало права совместного пользования имуществом. Приданое жены принадлежало мужу, который пользовался им не только по праву распорядителя, но и собственника. Все, что жена могла приобрести в браке, доставалось мужу. Даже овдовев, она не получала обратно своего приданого.

Сын находился в том же положении, что и жена; у него не было никакой собственности. Сделанные им дары не

имели законной силы, поскольку у него не было собственности. Он не мог ничего приобрести; плоды его труда, доходы с торговли — все принадлежало отцу. Если посторонний человек делал завещание в его пользу, то его отец, а не он получал наследство. Это объясняет те статьи римского права, в которых запрещались любые сделки по продаже между отцом и сыном. Если бы отец что-то продал сыну, то это означало бы, что он продал самому себе, поскольку все, что приобретал сын, принадлежало отцу.

Мы находим в римских, как и в афинских, законах, что отец мог продать сына. Отец мог распоряжаться всей собственностью, принадлежавшей семье, и сын мог рассматриваться как собственность, поскольку его труд являлся источником дохода. Значит, отец мог по своему выбору либо оставить у себя это орудие труда, либо уступить его другому. Уступить означало продать сына. Имеющиеся в нашем распоряжении тексты римских законов не дают ясного представления о характере этих договоров продажи. Можно с большой вероятностью предположить, что проданный сын не становился рабом покупателя. Продавался только его труд, но не свобода. Но даже в этом случае сын продолжал оставаться под властью отца. Можно предположить, что продажа не имела никакой иной цели, кроме как согласно договору уступить владение сыном на какое-то время другому лицу.

Плутарх сообщает нам, что в Риме женщина не могла представлять перед судом даже в качестве свидетеля. В произведениях римского юриста Гая мы читаем: «Следует знать, что ничего нельзя передавать законным способом лицам подвластным, то есть женам, сыновьям, рабам. Поскольку разумно пришли к выводу, что раз этим людям не может принадлежать собственность, то они не имеют права ничего требовать по суду. Если сын, находящийся под властью отца, совершил преступление, то к ответственности привлекается отец».

Таким образом, жена и сын не могли выступать ни истцами, ни ответчиками, ни обвинителями, ни обвиняемыми, ни свидетелями. Из всей семьи только отец мог представлять перед судом города; общественное правосудие существовало только для него; только он отвечал за преступления, совершенные членами его семьи.

Город не вершил правосудие над женой и сыном, поскольку правосудие над ними вершилось дома. Судьей был глава семьи, который занимал судейское место и судил властью мужа и отца, именем семьи, перед лицом домашних богов¹.

Тит Ливий рассказывает, что сенат, стремясь изжить вакхический культ в Риме, издал указ, который запрещал «всякие проявления вакхического культа... под страхом смертной казни». С вынесением приговоров мужчинам не было никаких проблем, а вот с женщинами дело обстояло не так просто, поскольку судить их могла только семья. Сенат, из уважения к древнему закону, предоставил мужьям и отцам право вынесения смертного приговора женщинам.

Постановления, принятые судом, который вершил глава семьи в своем доме, не подлежали обжалованию. Отец мог осудить на смертную казнь, как городской судья, и никакая власть не имела права изменить его решение. «Муж, — пишет Катон Старший, — судья своей жены; его власть беспредельна; он может делать все, что желает. Если она совершила проступок, он наказывает ее; если она пила вино, он осуждает ее; если она виновна в прелюбодеянии, он убивает ее». Такими же правами отец обладал в отношении детей. Валерий Максим² упоминает о некоем Атилии, который убил свою дочь за то, что она дурно себя вела. Известен случай, когда отец предал смертной казни своего сына, участвовавшего в заговоре Катилины.

Подобного рода случаи весьма многочисленны в римской истории. Было бы, впрочем, ошибочно думать, что отец имел неограниченное право убивать жену и детей. Он был их судьей; если он их и казнил, то лишь на основании своего права вершить суд. Только отец предстал перед судом города, а для жены и сына не было другого судьи, кроме главы семьи. В своей семье он был единственным судьей.

¹ Со временем эта форма отправления правосудия претерпела изменения; отец стал совещаться с членами семьи, создав из них трибунал под своим председательством. *(Примеч. авт.)*

² Валерий Максим — римский писатель, автор сборника «О замечательных деяниях и изречениях» (в 9 книгах), написанного в правление императора Тиберия. Сборник предназначался главным образом для раторов и содержал исторические примеры, которые можно было использовать при составлении речей.

Необходимо отметить, что власть отца не была деспотичной, какой бы она стала, если бы исходила из права сильнейшего. Она основывалась на верованиях, и границы ее определялись теми же верованиями. Например, отец имел право изгнать сына из семьи, но он хорошо понимал, что его поступок может привести к вымиранию рода и преданию вечному забвению манов его предков. Он мог усыновить постороннего человека, но религия запрещала это делать, если у него был родной сын. Он был единственным владельцем имущества, но не имел права, по крайней мере вначале, отчуждать его. Он мог развестись с женой, но для этого ему бы пришлось разорвать религиозные узы, наложенные браком. Таким образом, религия налагала на отца столько же обязанностей, сколько давала ему прав.

Вот такой на протяжении долгого времени была древняя семья. Достаточно было одной только духовной веры, без силовых законов и авторитета общественной власти, для формирования семьи, наведения в ней порядка, создания системы управления и судопроизводства и установления частного права.

Глава 9

ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ ДРЕВНЕЙ СЕМЬИ

История изучает не только конкретные факты и институты; истинным объектом ее изучения является человек; история стремится понять, во что он верил, о чем думал, что чувствовал на разных этапах развития человечества.

В начале этой книги мы говорили о том, что древние думали относительно судьбы после смерти. Мы показали, как их верования повлияли на появление домашних институтов и частного права. Теперь нам предстоит узнать, как эти верования повлияли на этические нормы в первобытных обществах. Не думаем, что древняя религия заложила нравственные чувства в сердца людей, но, по крайней мере, можем предположить, что она слилась с ними, чтобы укрепить их, придать больше силы, обеспечить превосходство и право руководить поведением людей, а иногда и оказывать на них давление.

Древнейшая религия была исключительно домашней; такими же были этические нормы. Религия не говорила человеку, указывая на другого человека — это твой брат. Она говорила ему — это чужой, он не может принимать участие в священнодействиях у твоего очага, он не может приближаться к могиле твоей семьи, у него другие боги; он не может слиться с тобой в общей молитве; твои боги отвергают его поклонение и считают его врагом, значит, он и твой враг.

В религии очага человек никогда не молит богов за других людей; он взывает к ним только ради себя и своих близких. Сохранилось греческое предание, как воспоминание о древней обособленности человека во время молитвы. Во времена Плутарха себялюбцу еще говорили: ты совершаешь жертвоприношения очагу, а это означает, что ты отделяешь себя от других людей, у тебя нет друзей, твои собратья для тебя ничто, ты живешь исключительно для себя и своих родных. Это предание указывает на те времена, когда религия была сосредоточена вокруг очага и кругозор нравственных чувств и привязанностей не переходил границу тесного семейного круга.

Вполне естественно, что нравственные, как и религиозные, представления имели начало и развитие, и бог древних поколений был невелик, но постепенно люди сделали его великим. Так и мораль. Поначалу ограниченная и несовершенная, она незаметно от периода к периоду расширялась и дошла до провозглашения обязательной любви ко всему человечеству. Отправной точкой была семья, и именно под влиянием домашней религии человек впервые осознал свои обязанности.

Представим религию очага и могилы в период наибольшего расцвета. Человек видит рядом с собой божество. Оно присутствует, как сама совесть, во всех его деяниях. Это недолговечное существо — человек, всегда находится на глазах свидетеля, не покидающего его ни на мгновение. Человек не чувствует себя одиноким. Рядом с ним в доме, на поле всегда присутствуют защитники, чтобы поддержать в тяжелые минуты жизни, и судьи, чтобы наказать за дурные поступки. «Лары, — говорили римляне, — грозные божества, на которых лежит обязанность наказывать человеческий род и следить за всем, что происходит внутри дома».

Пенатов они описывают как «богов, дающих жизнь, которые питают тело и управляют мыслями».

Очагу любили придавать эпитет непорочный и верили, что он предписывает смертным хранить чистоту. В его присутствии нельзя было совершать нечистых, в физическом и нравственном отношении, действий.

По всей видимости, отсюда появились первые представления о грехе, наказании и искуплении. Человек, чувствуя за собой вину, не смел приближаться к своему очагу; его отталкивал собственный бог. Тому, кто пролил кровь, больше не разрешалось приносить жертвы и совершать возлияния, читать молитвы и участвовать в священной трапезе. Бог настолько строг, что не принимает оправданий; он не делает разницы между непреднамеренным и умышленным преступлением. Рука, запятнанная кровью, не может прикасаться к священным предметам. Для того чтобы занять свое место в культе и вернуть расположение своего бога, следовало, по крайней мере, пройти через искупительные обряды. Эта религия испытывала сострадание; у нее были обряды для восстановления душевной чистоты. При всей ограниченности она знала, как утешить человека, совершившего грех.

Если она абсолютно пренебрегала долгом любви к ближнему, то, по крайней мере, с поразительной ясностью указывала человеку его обязанности в семье. Она сделала брак обязательным; с точки зрения религии безбрачие являлось преступлением, поскольку первейшим и самым священным долгом было сохранение рода. Брачный союз мог заключаться только в присутствии домашних богов; это религиозный, священный, нерасторжимый союз между мужем и женой. Ни один человек не смел пренебречь обрядами и обойтись договором о взаимном согласии для заключения брака, как это было в последний период истории греческого и римского обществ.

Древняя религия запрещала подобного рода браки, и, если кто-то осмеливался пойти против предписанных правил, религия наказывала за это. Сын, родившийся от такого союза, считался незаконнорожденным, то есть тем, кому не было места у священного очага. Он не имел права совершать священнодействия и был лишен права молиться.

Религия тщательно заботилась о чистоте семьи. В ее глазах самым серьезным грехом было прелюбодеяние, поскольку основное правило культа заключалось в том, что культ переходил от отца к сыну, а прелюбодеяние нарушало порядок рождения. Следующее по значимости правило заключалось в том, что в семейной могиле могли лежать только члены семьи, но незаконнорожденный сын был чужим. Если его хоронили в семейной могиле, то нарушали все религиозные принципы, оскверняли культ, священный огонь становился нечистым и поминальные приношения оскорбляли память умерших. Кроме того, прелюбодеяние разрывало непрерывный ряд потомков; род, даже без ведома живых людей, угасал, предки лишались божественного благоденствия. Индусы говорили, что сын, рожденный от прелюбодеяния, «губит для жертвователя приношения, данные богам и предкам, — и после смерти, и в этом мире»¹.

Именно по этой причине законы Греции и Рима давали отцу право не признавать новорожденного ребенка. В этом же кроется причина того, что законы эти столь строги и неумолимы в отношении прелюбодеяния. В Афинах мужу позволялось убить виновного. В Риме муж, будучи судьей жены, имел право осудить ее на смерть. Законы религии были настолько строгими, что муж даже не имел права полностью простить жену и был вынужден, по крайней мере, развестись с ней².

Таковыми были первые установленные и утвержденные законы домашней этики. Помимо естественных чувств, властная религия объясняла мужу и жене, что они соединены навеки и из их союза вытекают обязанности, нарушение которых приведет к самым тяжелым последствиям в этой и будущей жизни. Отсюда следует священный характер супружеского союза у древних и та чистота, которую так долго сохраняла семья.

Кроме того, домашняя этика предписывала следующие обязанности. Она объяснила жене, что следует повиноваться мужу, а мужу, что его долг — повелевать. Она на-

¹ *Законы Ману*. Гл. III, 175. (Пер. С.Д. Эльмановича.)

² Хотя эта примитивная мораль осуждала прелюбодеяние, она не осуждала инцест. Брат мог жениться на сестре, но, как правило, запрещалось жениться на женщине из другого города. (Примеч. авт.)

учила обоих относиться с уважением друг к другу. У жены есть свои права, поскольку она имеет свое место у очага; ее обязанность следить, чтобы не угасал священный огонь. У нее своя роль в священнодействиях. Без жены домашний культ неполный и недостаточный. Греки считали большим несчастьем иметь очаг без жены. У римлян присутствие жены во время жертвоприношений было столь необходимо, что овдовевший жрец терял свой сан.

Не вызывает сомнения, что почитанием, которое ей всегда оказывали в греческом и римском обществе, мать семейства в первую очередь обязана участию в домашних священнодействиях. Хозяином дома, владыкой является отец семьи, которого римляне называли *pater familias*, а хозяйкой дома — мать, *mater familias* (у индусов они назывались соответственно *грихапати* и *грихапатни*). Отсюда и формула, которую произносила женщина в Риме при вступлении в брак: *ubi tu Caius, ego Caia* I — брачная формула, поясняющая нам, что если в доме не было равенства во власти, то было равенство в достоинстве.

Что касается сына, то мы видели, что он находился под властью отца, который мог продать его и осудить на смерть. Но сын тоже занимал свое место в домашнем культе; у него были обязанности во время совершения священнодействий; его присутствие в определенные дни было столь необходимо, что римлянин, не имевший сына, был вынужден фиктивно усыновлять кого-нибудь на эти дни ради выполнения религиозных обрядов. Религия связала крепкими узами отца и сына. Люди верили, что в могиле будет другая жизнь, счастливая и спокойная, но только в случае регулярного поступления поминальных подношений. Таким образом, отец был уверен, что после смерти его судьба будет зависеть от того, насколько сын будет заботиться о его могиле; сын, со своей стороны, верил, что после смерти его отец станет богом, которому он будет должен молиться.

Можно представить, сколько уважения и взаимной любви внесла эта вера в семью. Древние люди называли семей-

¹ «Где ты — Кай, я — Кая»; эти слова, по утверждению Плутарха, произносила молодая жена, словно желая этим выразить, что там, где ты хозяин и господин, там и я хозяйка и госпожа; известно также, что имена Кай, Тит и Семпроний считались у римлян счастливыми.

ные добродетели благочестием. Повиновение сына отцу, любовь, которую сын питал к матери, было благочестием — *pietas erga parentes* (любовь к родителям). Привязанность отца к ребенку, материнская нежность тоже были благочестием. В семье все было божественным: чувство долга, естественная привязанность, религиозные представления. Все это сливалось вместе, составляя единое целое, и выражалось одним словом.

Может показаться странным, что любовь к дому относилась к числу добродетелей, но именно так считали древние люди. Это чувство захватило сильную власть над их умами. Анхис при виде объятый огнем Трои не хотел покидать свой родной дом. Улисс, которому предлагают бесчисленные сокровища и даже бессмертие, желает только вновь увидеть огонь своего очага. Позвольте перейти к временам Цицерона, уже не поэта, а государственного деятеля, который говорит: «Вот моя религия, вот мой народ, вот следы моих предков. Неизъяснимое очарование наполняет здесь мое сердце и чувства». Нужно мысленно перенестись в то время, чтобы понять, насколько глубоким и сильным было это чувство, уже ослабшее во времена Цицерона. Для нас дом просто место, где мы живем, приют, убежище. Мы покидаем его и быстро забываем о нем. Если привязываемся к нему, то лишь в силу привычки и связанных с ним воспоминаний, потому что для нас он не связан с религией. Наш Бог — Бог вселенной, мы находим его повсюду. В древности было иначе; люди нашли свое главное божество внутри дома, оно защищало лично их, выслушивало их молитвы, исполняло их желания. За пределами дома человек не ощущал присутствия бога; бог соседа был враждебно настроенным богом. В те времена человек любил свой дом так, как теперь любит свою церковь.

Таким образом, религия в глубокой древности оказала влияние на развитие нравственных понятий этой части человечества. Боги этой религии предписывали чистоту и запрещали проливать кровь; если понятие о справедливости и не родилось из этой веры, то оно, по крайней мере, было подкреплено ею. Боги принадлежали всем членам семьи, и благодаря этому семью связывали крепкие узы, а все члены семьи учились любить и уважать друг друга.

Боги жили внутри каждого дома; человек любил свой дом, постоянное и прочное жилище, доставшееся ему от предков, которое он передавал по наследству как святыню своим детям.

Древняя мораль, управляемая этой верой, не знала чувства любви к ближним, но научила, по крайней мере, нормам поведения в семье. Обособление семьи послужило началом развития этических норм. Появились четко очерченные обязанности, правда ограниченные узким кругом семьи. Нам следует все время помнить об ограниченности древнейшей морали, поскольку гражданское общество, основанное позже на тех же принципах, носило тот же характер, и этот факт объясняет некоторые необычные черты древней политики.

Глава 10 РОД В РИМЕ И В ГРЕЦИИ

У римских юристов и греческих авторов мы находим следы древнего института, которому, по всей видимости, придавалось большое значение в начальный период существования греческого и италийского обществ, но затем постепенно утратившего значение и оставившего еле заметный след в поздние времена их исторической жизни. Мы говорим об институте, который латины и греки называли род.

Природа и строение рода были причиной настолько жарких дискуссий, что имеет смысл пояснить, в чем состояла трудность решения этой проблемы.

Род, как мы увидим ниже, представлял собой по сути аристократическое общество. Именно благодаря его внутренней структуре римские патриции и афинские эвпатриды на протяжении долгого времени сохраняли свои привилегии. Но стоило народной партии взять перевес, как она со всей силой обрушилась на этот древний ин-

¹ То, что говорилось в этой главе о древней этике, относится к народам, которые впоследствии стали называться греками и римлянами. Со временем эти этические нормы подверглись изменениям, особенно у греков. В Одиссее мы уже находим другие чувства и другую манеру поведения. (*Примеч. авт.*)

ститут. Если бы ей удалось полностью уничтожить его, то о нем, вероятно, не осталось бы ни малейших воспоминаний. Но институт оказался удивительно живучим, глубоко укоренился в нравах, и его не удалось полностью уничтожить. Плебеям пришлось удовольствоваться внесением изменений. Они уничтожили сущность этого института, оставив только внешние признаки, которые не могли оказать влияния на вновь установившийся порядок. В Риме плебеи решили сформировать роды в подражание патрициям, а в Афинах предприняли попытку уничтожить роды, перемешать между собой и создать по их образцу демы. Нам еще предстоит вернуться к этому вопросу, когда мы будем говорить о переворотах. Пока только отметим, что те кардинальные изменения, которые демократия внесла в родовую структуру, носили такой характер, что могли ввести в заблуждение тех, кто хотел ознакомиться с первоначальным устройством родов. Фактически вся информация о родах отправляет нас к тому времени, когда этот институт уже подвергся кардинальным изменениям, и позволяет нам узнать только о том, что продолжало существовать после свершившихся переворотов.

Давайте представим, что спустя двадцать веков пропали все сведения о Средних веках; не осталось ни одного документа о времени, предшествовавшем революции 1789 года, но, несмотря на это, историк того времени захотел составить мнение об институтах, существовавших до революции. Единственным свидетельством, которым бы он располагал, была информация о дворянском сословии XIX века — то есть об аристократическом сословии, которое полностью отличалось от того, чем было феодальное дворянство. И историк наверняка предположил бы, что произошел крупный переворот, и, естественно, сделал вывод, что этот институт, как и все другие, в ходе переворота должен был видоизмениться. В его представлении феодальное дворянство стало бы не чем иным, как тенью или измененной копией аристократии XIX века, несравнимо более могущественной. Затем, внимательно изучая сохранившиеся фрагменты древних памятников, уцелевшие в языке выражения, отдельные термины, проскользнувшие в закон, смутные воспоминания, бесплодные сожаления, он, возможно, сумел бы угадать какие-то

черты феодальной системы и составить представление о средневековых институтах, которое бы не слишком отличалось от истины. Для этого ему бы пришлось приложить немалые усилия, но ничуть не меньше труда придется затратить современному историку, стремящемуся получить представление о древнем роде, поскольку в его распоряжении нет никакой информации, кроме той, которая относится к эпохе, когда род был не более чем собственной тенью.

Мы начнем с разбора того, что сообщают нам древние авторы о роде, точнее, с разбора того, что осталось от него в эпоху, когда он уже подвергся серьезным изменениям. Затем с помощью этой информации мы попытаемся восстановить истинную картину древнего рода.

Что древние авторы сообщают нам о роде

Если мы заглянем в римскую историю времен Пунических войн, то встретим трех персонажей: Клавдия Пульхера, Клавдия Нерона и Клавдия Центона. Все трое принадлежали к одному роду — роду Клавдиев.

В одной из своих речей в суде Демосфен представил семь свидетелей, которые подтвердили, что они все происходят из одного рода. Этот пример интересен тем, что вызванные в суд семь свидетелей, принадлежавших к одному роду, были внесены в списки шести разных демов. Это показывает, что род не соответствовал дему и не был, подобно ему, административной единицей.

Первый достоверно установленный факт: в Риме и Афинах были роды. Мы могли бы привести примеры относительно других городов Греции и Италии; делаем вывод, что, по всей вероятности, этот институт был широко распространен среди древних народов.

Каждый род имел свой особый культ; в Греции доказательством принадлежности к одному роду служил тот факт, что эти люди «приносили жертвы вместе с очень давних времен». Плутарх упоминает место для жертвоприношений рода Ликомедов, а Эсхил рассказывает об алтаре рода Бутадов.

В Риме у каждого рода тоже были свои религиозные обряды; день, место и ритуал определялись своей, принадлежавшей конкретному роду религией. Когда галлы осадили Капитолий, один из Фабиев, облаченный в священные одежды и со священными предметами в руках, незаметно пробрался через ряды врагов и направился к алтарю своего рода, расположенному на Квиринале, чтобы принести установленную жертву богам рода Фабиев. Во время 2-й Пунической войны другой Фабий, которого римляне прозвали Щит Рима, отражает наступление Ганнибала; не вызывает сомнений, насколько важно для республики его присутствие во главе войска, однако он передает командование Минуцию, поскольку наступает день жертвоприношений его рода и он должен отправиться в Рим для выполнения священного обряда.

Култ должен был переходить из поколения в поколение, долг каждого человека оставлять после себя сыновей для продолжения культа. Клодий, личный враг Цицерона, покинул свой род, чтобы войти в род плебеев, и Цицерон говорит ему: «Зачем ты подвергаешь религию рода Клавдиев опасности угаснуть по твоей вине?»

Боги рода — *Dii gentiles* — оказывали покровительство только своему роду и только от него принимали поклонение. Посторонние люди не могли принимать участие в религиозных церемониях. Считалось, что даже если посторонний человек будет просто присутствовать во время обряда жертвоприношения, то боги рода воспримут это как оскорбление и все члены рода будут виновны в отсутствии благочестия.

У каждого рода был свой култ, свои религиозные праздники и своя могила. В одной из речей Демосфена мы читаем: «Этот человек, потеряв своих детей, похоронил их в могиле своих отцов, в общей могиле для всех членов рода». Далее в своей речи он говорит, что в родовой могиле не может быть похоронен ни один посторонний человек. В другой речи тот же оратор рассказывает о могиле, в которой Буселиды погребают членов своего рода и ежегодно совершают поминальные жертвоприношения: «Это место погребения — большое поле, окруженное оградой по древнему обычаю».

Так же было и у римлян. Веллей Патеркул¹ рассказывает о могиле рода Квинтилиев, а Светоний сообщает, что могила рода Клавдиев находилась на склоне Капитолийского холма.

Древнее римское право разрешало членам рода наследовать друг другу. Законы Двенадцати таблиц гласят, что в случае отсутствия сыновей или агнатов наследником является *gentilis* — член рода. Следовательно, согласно этому своду законов *gentilis* является более близким родственником, чем когнат².

Никто не связан более крепко, чем члены рода. Объединенные совершением одних и тех же священных обрядов, они помогают друг другу и во всех жизненных ситуациях. Весь род отвечает за долги одного из членов рода; род выкупает пленных и платит штраф за осужденных. Если один из членов рода становится судьей, все члены рода вскладчину оплачивают расходы, связанные с исполнением судебных обязанностей.

Обвиняемый является в суд в сопровождении всех членов рода; это свидетельство тесной связи, которую закон установил между отдельным человеком и тем целым, частью которого он является. Выступать в суде с обвинениями против члена своего рода и даже свидетельствовать против него означало идти против религии. Один из Клавдиев, занимавший довольно высокое положение, был личным врагом децемвира³ Аппия Клавдия, однако, когда

¹ Веллей Патеркул — римский историк. В правление императора Тиберия около 30 года н. э. написал «Римскую историю» (в 2 книгах), в которой излагались события от Троянской войны до 30 года н. э., причем наиболее подробно и в апологетических тонах изложена история времен Августа (в виде биографических очерков выдающихся деятелей). Сочинения Веллея Патеркула содержат сведения, каких нет в других сохранившихся источниках.

² В римском праве когнатами обозначаются лица, состоящие в юридически признанном кровном родстве по женской линии, а также кровные родственники в целом.

³ Децемвиры — коллегия из десяти человек, образованная для исполнения духовных или светских обязанностей в государстве. Древнейшая известная из таких коллегий — децемвиры для судебных разбирательств по гражданским делам. Затем децемвиры для жертвоприношений и для смотрения в Сивиллины книги — высшая коллегия вначале состояла из двух человек и только впоследствии, когда плебеи были допущены к духовным должностям, число ее членов было увеличено до десяти, а в конце периода республики — до пятнадцати.

Аппий Клавдий был привлечен к суду и ему грозила смерть, Клавдий явился в суд, выступил в его защиту и умолял народ выступить в защиту Аппия Клавдия. Однако он подчеркнул, что делает это «не по личной привязанности, а исключительно по долгу».

Член рода не мог привлекать к суду города другого члена рода, зато мог искать правосудия внутри рода. Действительно, у каждого рода был свой глава, который одновременно был судьей, жрецом и военачальником. Известно, что, когда сабинская семья Клавдиев обосновалась в Риме, три тысячи человек, составлявших эту семью, подчинялись одному руководителю. Позже, когда род Фабиев взял на себя войну с вейянами (вейентинцами), мы узнаем, что этот род имел своего главу, который выступал от имени рода перед сенатом. От лица всего рода консул сказал: «Известно вам, отцы-сенаторы, что война с вейянами требует сторожевого отряда скорей постоянного, чем большого. Пусть же другие войны будут вашей заботой, а вейских врагов предоставьте Фабиям. Мы поручаем, что величие римского имени не потерпит ущерба. Эта война будет нашей, как бы войной нашего рода, и мы намерены вести ее на собственный счет, от государства же не потребуются ни воинов, ни денег»¹.

Во время войны он же возглавил свое войско.

В Греции каждый род тоже имел своего руководителя; подтверждением служат древние надписи, из которых мы узнаем, что такой руководитель назывался архонт².

И наконец, как в Риме, так и в Греции у каждого рода были собрания; на них принимались законы, которым были обязаны подчиняться все члены рода и с которыми должен был считаться даже город.

Таковыми были обычаи и законы в ту эпоху, когда род был уже ослаблен и почти уничтожен.

Существовала также коллегия децемвиров для раздела земли в римских колониях. Наиболее значительной из коллегий в десять человек были децемвиры, избранные для составления законов.

¹ Тут Ливий. История Рима от основания города. Кн. II, 48. (Пер. Н.А. Поздняковой.)

² Архонт (начальник, правитель, глава) — высшее должностное лицо в древнегреческих полисах (городах-государствах).

Разбор некоторых мнений относительно того, что представляет собой римский род

По этому вопросу, являющемуся предметом ожесточенных споров, было высказано несколько предположений. Одни считали, что основной чертой римского рода является общность имени¹, родственная связь, другие — что слово «род» обозначает некие искусственно созданные отношения.

Некоторые придерживались мнения, что род означал отношения между семьей, действующей как покровитель, и семьями клиентов. Однако ни одно из этих мнений не дает ответов на весь ряд перечисленных нами законов, обычаев и фактов.

Еще одно мнение, более вероятное, что род был политическим объединением нескольких семей, не связанных кровным родством, но между которыми город установил искусственный союз и своего рода религиозные отношения.

Но тут же возникает вопрос: если род всего лишь искусственный союз, то как объяснить тот факт, что все его члены имеют право наследовать друг другу? Почему отдается предпочтение *gentilis* (членам рода) перед когнатами? Рассматривая закон о праве наследования, мы говорили о том, какую тесную связь установила религия между правом наследования и родством по мужской линии. Так можно ли предположить, что древний закон настолько отошел от этого правила, что предоставил право наследования *gentilis*, если они были чужими друг другу людьми?

Самой существенной и доказанной особенностью рода является то, что он, как и семья, имеет свой культ. Если

¹ Два отрывка из сочинения Цицерона вносят некоторую путаницу в этот вопрос. Цицерон, как большинство его современников, похоже, не понимал, что в действительности представлял собой род. По Цицерону («Топика», кн. 6), основывавшему свое определение на мнении юриста Сцеволы, члены рода — «это те, кто называются одним и тем же именем. Но этого недостаточно. Это те, кто происходят от местных жителей. Но и этого недостаточно. Те, чьи предки никогда не были рабами. Не хватает даже этого. Те, кто не лишены гражданских прав. Этого, пожалуй, достаточно». (Примеч. авт.)

мы захотим выяснить, какому богу поклоняется каждый род, то поймем, что это почти во всех случаях обожествляемый предок, а алтарь, на котором приносят жертвы, является могилой этого предка. В Афинах Евмолпиды поклоняются Евмолпу, родоначальнику своего рода; Фиталиды поклоняются герою Фиталу; Бутады поклоняются Буту; Буселиды — Буселу; Лакиады — Лакию; Аминандриды — Кекропу¹. В Риме Клавдии почитают своего предка-родоначальника Клауса; Цецилии — Цекулу; Юлии — Иулу.

Можно предположить, что многие из этих родословных были придуманы задним числом, но следует признать, что для подобного подлога не было никаких побудительных причин, если у членов подлинных родов существовал обычай поклоняться общему предку. Ложь всегда стремится подражать истине. Кроме того, совершить подлог было не так-то просто, как это может показаться. Культ не был выставленной напоказ пустой формальностью. Одно из строжайших правил религии гласило, что человек может почитать и поклоняться как предку только тому, от кого действительно происходит; поклоняться «чужому» было большой нечестивостью. Если члены рода почитали общего предка, то они действительно верили, что произошли от него. Сделать поддельную могилу, установить фиктивные ежегодные поминальные церемонии означало бы привнести обман в то, чем дорожили больше всего, и не принимать религию всерьез. Подобные выдумки были возможны во времена Цезаря, когда древняя домашняя религия утратила свое влияние. Но если вернуться во времена, когда эти верования были в полной силе, то даже невозможно представить, чтобы несколько семей встретились и договорились между собой: «Давайте сделаем вид, что у нас общий предок; соорудим ему могилу; будем приносить поминальные жертвы, и наши потомки будут поклонять-

¹ К е к р о п с — по преданию, основатель и первый царь Афинского государства. Он считался автохтоном, рожденным из земли, и представлялся с двумя змеиными туловищами вместо обеих ног. Он построил афинский акрополь, названный им Кекропией, и соединил жителей Аттики, живших до того разбросанно по полям, в 12 государств, из которых одним была Кекропия. К его царствованию относили спор Афины с Посейдоном за обладание Афинами, который он решил в пользу Афины.

ся ему во все времена». Подобной мысли не было места там, где она рассматривалась как греховная.

При решении трудных проблем, часто выдвигаемых историей, полезно обращаться к языку, чтобы найти разъяснения по интересующим вопросам. Иногда слово, которым обозначается институт, объясняет суть этого института. Так, слово *gens* означает то же самое, что слово *genus*; они настолько тождественны, что мы можем употреблять одно вместо другого, можно говорить и *gens Fabia*, и *genus Fabium*; оба соответствуют глаголу *gignere* — рожать и существительному *genitor* — родитель. Все эти слова говорят об одном и том же — о происхождении. Греки называли членов рода словом, которое можно перевести как «вскормленные одним молоком». Теперь давайте сравним эти слова со словами, которые мы привыкли переводить словом семья — латинское *familia* и греческое *ойкос*. Ни то ни другое не содержит в себе понятия рождения или родства. Истинное значение слова *familia* — собственность; оно означает поле, дом, деньги, рабов; именно по этой причине Законы Двенадцати таблиц, говоря о наследниках, гласят *familian pancitor* — пусть возьмет наследство. Что касается слова *ойкос*, то совершенно ясно, что оно не означает ничего иного, как жилище, или собственность. Тем не менее эти слова — *familian* и *ойкос* — мы переводим словом семья. Можно ли допустить, чтобы слова, подлинное значение которых жилище или собственность, использовались для обозначения семьи, а слова, основное значение которых связано с происхождением, рождением, отцовством, не означали никогда ничего иного, кроме искусственного союза? Это, безусловно, шло бы вразрез с логикой, такой ясной и точной, строения древних языков. Вне всякого сомнения, слова *gens* и *ойкос* имеют общее происхождение. После изменений, которым подвергся род, об этом могли забыть, но в качестве свидетеля осталось слово.

Против теории, представляющей *gens* — род как искусственный союз, свидетельствует: 1) древнее законодательство, которое предоставляет *gentiles* право наследования; 2) древняя религия, которая позволяет общий культ только там, где есть общее происхождение; 3) языковые выражения, удостоверяющие общее происхождение членов

рода. Еще одна ошибка этой теории заключается в том, что она предполагает, что человеческое общество началось с соглашения и обмана — позиция, которую историческая наука не может признать правильной.

**Род — это семья,
сохранившая свою первоначальную
организацию и единство**

Все указывает на то, что род был связан общностью происхождения. Позвольте опять обратиться к языку. Названия родов, как в Греции, так и в Риме, имеют форму, которая использовалась в этих двух языках для патронима (отчества). Клавдий значит сын Клауса, Бутад — сын Бута.

Те, кто считают род искусственным союзом, исходят из ошибочного предположения. Они думают, что род всегда состоял из нескольких семей, имеющих разные имена, и приводят в пример род Корнелиев, который действительно включал в себя Сципионов, Лентулов, Коссов и Сулл. Но это было скорее исключением из общего правила. Род Марциев, по всей видимости, всегда имел одну линию. В роду Лукрециев и в роду Квинтилиев на протяжении долгого времени тоже сохранялась одна линия. Трудно точно определить, из каких семей состоял род Фабиев, поскольку все известные в истории Фабии совершенно определенно относятся к одной и той же ветви. Сначала все они носили прозвище Вибулан, затем Амбуст, а впоследствии Максим.

Известно, что в Риме у патрициев было принято иметь три имени. К примеру, Публий Корнелий Сципион. Думается, важно понять, какое из имен считалось настоящим. Публий — просто имя, стоящее вначале — личное имя; Сципион — дополнительное имя, прозвище. Настоящим именем, номеном, было Корнелий; одновременно оно было именем всего рода. Если бы у нас были только эти сведения о древнем роде, то мы могли бы с уверенностью утверждать, что Корнелии существовали раньше Сципионов, и опровергнуть часто высказываемое мнение, что семья Сципионов соединилась с другими семьями, чтобы образовать род Корнелиев.

Из истории нам известно, что род Корнелиев в течение долгого времени оставался нераздельным и все члены рода носили имена Малугипенс и Косс. Только во времена диктатора Камилла одна из ветвей получила имя Сципион. Несколько позже другая ветвь получила имя Руф, которое впоследствии заменила именем Сулла. Лентулы появляются только во времена Самнитских войн; Цетеги — во времена 2-й Пунической войны. То же самое и с родом Клавдиев. Долгое время Клавдии объединены в одну семью, и все носят имя Сабин, указывающее на их происхождение. Исследуя семь поколений, мы не находим ни одной ветви, которая отделилась бы от этой многочисленной семьи. Только в восьмом поколении, то есть во времена 1-й Пунической войны, мы находим три ветви, названия которых становятся их наследственными именами. Пульхеры, существовавшие на протяжении двух веков, Центоны, род которых вскоре угас, и Нероны, род которых продолжался до времен империи.

Из всего сказанного ясно видно, что род не был союзом семей, он сам был семьей. Он мог состоять из одной линии или иметь несколько ветвей, но всегда оставался одной семьей.

Кроме того, несложно составить представление о строении и природе древнего рода, если обратиться к древним верованиям и институтам, о которых мы уже говорили. Тогда станет понятно, что род совершенно естественно возникает из домашней религии и частного права древних веков. Что предписывала древняя религия? Она предписывала, что предка, то есть человека, которого первым погребли в могиле, следует почитать как божество, что его потомки, ежегодно собираясь у священного места, где он похоронен, должны совершать поминальные приношения.

Вечно горящий священный огонь на очаге, вечно почитаемая могила — вот тот центр, вокруг которого протекает жизнь всех поколений, вот та сила, которая связывает воедино все ветви семьи, какими бы многочисленными они ни были. А что говорит нам частное право тех древних веков? Изучая природу власти в древней семье, мы узнали, что сын не отделялся от отца. Изучая древние законы передачи отцовского наследства, мы выяснили, что благодаря правилу первородства младшие братья не отделялись от стар-

шего. Очаг, могила, наследство — все это вначале было неделимо, а следовательно, неделима была и семья; время не разделило ее. Эта неделимая семья, развивавшаяся на протяжении веков и передававшая свой культ и свое имя, и была тем самым древним родом. Род был семьей, но семьей, сохранившей ту связь, которую предписывала ей религия, и достигшей того уровня развития, которое допускал древний частный закон.

Теперь нам станет понятно все, что древние авторы рассказывают о роде. Сплоченность членов рода, о которой мы только что говорили, больше не будет вызывать у нас удивления; они связаны по рождению; обряды, которые они совершают обща, не фикция — культ перешел им по наследству от предков. Они члены одной семьи, поэтому у них есть общее место погребения. На этом основании Закон Двенадцати таблиц гласит, что они имеют право наследовать друг другу. По той же причине они носят одинаковые имена. Поскольку сначала родовое наследство было неделимым, появился обычай, скорее даже необходимость, чтобы весь род отвечал за долги одного из своих членов, платил выкуп за пленного и штраф за совершившего преступление. Все эти правила возникли сами собой в то время, когда род еще сохранял свое единство, и не могли полностью исчезнуть при появлении отдельных ветвей. От древнего священного единства семьи остался след в ежегодных жертвоприношениях, на которые отовсюду собирались все члены; в имени, общем для всех; в законе, в котором за ними признавалось право наследовать друг другу; в обычаях, которые обязывали помогать друг другу².

¹ Нет необходимости повторять все сказанное относительно агнации, родства по отцу (кн. 2, гл. 5). Понятно, что агнаты и gentilis — члены рода, тождественны по своей природе. Отрывок из Закона Двенадцати таблиц, говорящий о наследовании члена рода, ввиду отсутствия агната, привел в замешательство юристов, и они высказали мнение, что имелось существенное различие между этими видами родства. Но различие найти не удалось. Отличие появилось только тогда, когда от рода начали отделяться ветви. Агнат был членом ветви, а gentilis — рода. Между ними была такая же разница, как между словами gens (род) и familia (семья). *(Примеч. авт.)*

² Было вполне естественно, чтобы члены одного и того же рода носили одно и то же имя; так оно и было в действительности. Обычай носить отеческое имя идет из глубокой древности и находится в очевидной связи с древней религией. Единство рождения и культа

Сначала семья (род) была единственной формой общества

Все, что мы знаем о семье, ее домашней религии, созданных ею богах, законах, которые она установила, праве первородства, на котором она была основана, ее единстве, ее развитии из века в век до образования рода, ее правосудии, ее священнослужителях, ее внутреннем управлении, — все это заставляет нас мысленно обратиться к глубокой древности, когда семья была еще независима от высшей власти и еще не существовало города.

Когда мы изучаем домашнюю религию, богов, которые принадлежали только одной семье и покровительство которых распространялось только в пределах одного дома;

обозначалось единством имени. Каждый род передавал из поколения в поколение имя предка и продолжал носить его с тою же заботливостью, как и исповедовать его культ. То, что римляне называли nomen, было собственно тем именем предка, которое должны были носить все потомки, все члены рода. Наступало время, когда каждая ветвь становилась в известном отношении самостоятельной и, чтобы обозначить свою личную обособленность, принимала прозвище — cognomen. А так как каждый человек должен различаться еще своим особым именем, то у всякого было еще и личное имя — agnomen, как Гай или Квинт. Но настоящим именем оставалось имя рода, оно носилось официально, оно было священным, оно, восходя к первому известному родоначальнику-предку, должно было существовать так же долго, как семья и ее боги. Точно так же было и в Греции; римляне и эллины похожи в этом отношении друг на друга. Каждый грек, если он по меньшей мере принадлежал к древней и правильно сложившейся семье, носил, как и римский патриций, три имени. Одно из этих имен было его собственное, другое было имя его отца, а так как оба эти имени обыкновенно чередовались между собой, то оба они вместе равнялись наследственному cognomen, которое обозначало в Риме ветвь рода. И наконец, третье было именем целого рода. Так, говорилось, Мильтиад сын Кимонов Лакиад и в следующем поколении — Кимон сын Мильтиадов Лакиад. Лакиады, как Корнелии, были родом. То же самое в отношении Бутадов, Фиталидов, Бритидов, Аминандридов, которые все составляли отдельные роды. Заметим, что Пиндар, прославляя своих героев, никогда не забывает упомянуть имени их рода. Именно это имя было истинным именем; в обыденной речи человека можно было назвать его личным именем, но на официальном языке, на языке политики или религии нужно было представлять человека полным именем, а главное — не забыть имя рода. Следует обратить внимание, что история имени у древних отличается от истории имени в христианских обществах. В Средние века, до XII века, истинным именем было имя, данное при крещении, или имя личное, собственное. Имена же отеческие появились много позже, как и прозвища и названия земель. *(Примеч. авт.)*

культ, который был тайным; религию, которая не стремилась распространяться; древнюю этику, которая предписывала обособленность семьи, становится ясно, что такого рода верования могли возникнуть только в эпоху, когда еще не сформировались большие сообщества. Если религиозное чувство могло удовлетворяться столь ограниченным пониманием божественного, то исключительно потому, что таким же ограниченным было человеческое сообщество. Человек верил в домашних богов в те времена, когда существовала только семья. Эта вера, безусловно, существовала на протяжении большого периода времени, даже когда уже появились города и государства. Человеку трудно избавиться от представлений, которые когда-то оказывали на него огромное влияние. Он сохранял веру даже тогда, когда она вступала в противоречие с общественным строем. Действительно, что может быть противоречивее, чем жить в гражданском обществе и иметь своих домашних богов? Понятно, что не всегда существовало это противоречие, и в ту эпоху, когда эти верования укоренились в умах и уже были в состоянии создать религию, они полностью соответствовали общественному строю. Следовательно, единственный общественный строй, соответствующий этим верованиям, тот, в котором семья живет независимо и обособленно.

По всей видимости, арийская раса долго пребывала в таком состоянии. Гимны Веды подтверждают это относительно той ветви, от которой произошли индусы, а древние обычаи и частное право свидетельствуют о том же в отношении тех ветвей арийской расы, от которых произошли греки и римляне.

Если сравнить политические институты восточных и западных арийцев, то мы едва ли найдем между ними какое-то сходство. А вот если сравним их домашние институты, то увидим, что семья основывалась и в Греции, и в Индии на одних принципах, кроме того, эти принципы, как мы уже видели, были настолько своеобразны по своей природе, что невозможно приписать их сходство простой случайности. Наконец, сходство наблюдается не только у этих институтов, но и в словах, их обозначающих; одни и те же слова звучат на разных языках, на которых говорила эта раса, от Ганга до Тибра. Отсюда напрашиваются два вывода. Пер-

вый, что возникновение домашних институтов этой расы предшествовало периоду, когда произошло разделение ее ветвей, и второй, что возникновение политических институтов, наоборот, произошло после этого разделения. Домашние институты уже существовали в те времена, когда раса еще качалась в древней колыбели в Центральной Азии. Политические институты формировались постепенно в разных странах, и этот процесс был связан с переселением племен. Мы можем мельком отследить тот долгий период, в течение которого люди не знали иной формы общества, кроме семьи. Тогда возникла домашняя религия, которая, возможно, не могла появиться в обществе, основанном на других принципах и которая на долгое время должна была стать препятствием на пути социального развития. В тот же период создавалось древнее частное право, которое позже вошло в противоречие с интересами несколько изменившегося общества, зато находилось в полной гармонии с тем общественным строем, в котором оно зародилось.

Давайте мысленно перенесемся в среду тех древних поколений, следы которых полностью не исчезли и которые завещали свои верования и законы следующим поколениям. У каждой семьи есть своя религия, свои боги, свои обряды. Религиозная обособленность является законом, культ хранится в секрете. Семьи не смешиваются даже после смерти, даже в загробной жизни, которая начинается после смерти. Каждая семья продолжает жить в своей могиле, куда не допускается посторонний. У каждой семьи есть своя собственность, то есть свой участок земли, который неразрывно связала с ней ее религия. Ее боги — термины — охраняют границы этого участка, а маны заботятся о ней. Обособленность семейных владений настолько обязательна, что соседние владения не могут граничить друг с другом, между ними обязательно должна проходить нейтральная полоса земли, и эта полоса неприкосновенна. Наконец, в каждой семье есть глава, как король у народа. У семьи свои законы, безусловно неписаные, но запечатленные религиозными верованиями в сердце каждого человека. У семьи свой домашний суд, над которым нет высшей инстанции, куда можно было бы обратиться. Все, что необходимо человеку для физической и духовной жизни, есть в семье. Семья — это самодостаточное общество, не нуждающееся в помощи извне.

Но размеры древней семьи несравнимы с размерами семьи современной. В больших обществах семья распадается и уменьшается, но при отсутствии любого другого общества она, не разделяясь, развивается, разрастается. Несколько молодых ветвей группируются вокруг основной ветви, у одного очага и общего захоронения.

В состав древней семьи входила еще одна группа людей. Взаимная потребность богатых в бедных и бедных в богатых создала слуг. Но в таком патриархальном укладе не было никакой разницы между слугой и рабом. Понятно, что принцип свободного, добровольного труда, который может прекратиться по желанию служащего, несовместим с общественным строем, при котором семья живет обособленно. Кроме того, домашняя религия не позволяет принимать в семью посторонних людей. Значит, каким-то образом слуга должен стать членом и составной частью семьи. Для этой цели существовал особый обряд, своего рода посвящение вновь прибывшего в домашний культ.

Долгое время в афинских домах существовал любопытный обычай, который показывает нам, как раб входил в семью. Раба подводили к очагу, ставили перед лицом домашнего бога, возливали на голову очистительную воду. Затем вместе с членами семьи он съедал хлеб и фрукты¹.

Этот обряд напоминает брачную церемонию и обряд, связанный с усыновлением. Вне всякого сомнения, эта церемония означала, что вновь пришедший, еще накануне чужой, с этого момента становится членом семьи и будет исповедовать ее религию. Таким образом, раб присутствовал на богослужениях и принимал участие в религиозных праздниках; очаг защищал его; религия ларов имела к нему такое же отношение, как к его хозяину. Вот почему раба надлежало хоронить в месте общего погребения семьи².

Однако, приобретая культ и получая право молиться, раб терял свободу. Религия была для него удерживающей цепью. Он был связан с семьей пожизненно и даже после смерти.

¹ Демосфен и Аристофан упоминают об этой церемонии, а Аристофан еще и добавляет некоторые подробности. *(Примеч. авт.)*

² Раб даже мог совершать священнодействия от имени своего хозяина. *(Примеч. авт.)*

Господин мог освободить его от рабства и обращаться с ним как со свободным человеком, но слуга все равно не уходил из семьи, поскольку был связан с семейным культом. Уйти из семьи означало совершить нечестивый поступок. Его называли вольноотпущенник, или клиент, и он продолжал признавать власть главы семьи и продолжал выполнять обязательства по отношению к нему. Он вступал в брак только с разрешения своего господина, и если у него рождались дети, то они тоже повиновались его господину.

Таким образом, в большой семье формировалось некоторое количество маленьких подчиненных семей. Римляне приписывали создание клиентелы¹ Ромулу, словно создание подобного института могло быть делом одного человека.

Клиентела древнее Ромула. Кроме того, она существовала в других странах, в Греции и по всей Италии. Не города создали этот институт, зато они, как мы увидим, постепенно уничтожали его. Клиентела — институт семейного права — существовала в семье еще до появления городов.

Не следует судить о клиентах древних времен по клиентам времен Горация. Совершенно ясно, что клиент был долгое время слугой, связанным со своим патроном. Однако у него было нечто, придававшее ему достоинство: он принимал участие в культе и был приобщен к семейной религии. У него был тот же священный очаг, те же праздники, те же священнодействия, как и у его патрона. В Риме, в знак религиозной общности, он носил имя семьи. Он считался членом семьи, как в случае усыновления. Отсюда

¹ Клиентела — форма социальной зависимости, возникшая в период разложения родового и складывания раннеклассового строя в древней Италии у латинов, сабинов и этрусков. Обедневшие сородичи и бесправные завоеванные или пришлые жители формирующих полисов индивидуально либо коллективно, ища покровительства патронов из богатой знати, становились их клиентами. Клиенты получали родовое имя патронов, а также земельный надел, обязуясь нести в их пользу разные повинности, прежде всего военную. Узы клиентелы считались священными и нерушимыми. Особенно развились отношения клиентелы в Древнем Риме в связи с ростом рабовладения и углублением социальных противоречий. В период республики клиентела распространилась на вольноотпущенников, значительную часть римского плебса и на целые общины Италии и провинций, зависимые от Рима, и продолжала существовать в эпоху империи.

тесная связь и взаимные обязательства между патроном и клиентом. Вот что гласит древний римский закон: «Пусть будет предан богам подземным (то есть проклятию) тот патрон, который причиняет вред (своему) клиенту». Патрон обязан защищать клиента всеми имеющимися у него в распоряжении средствами: своей молитвой, как жрец, своим копьем, как воин, своими законами, как судья. Позже, когда клиент предстал перед городским судом, патрон должен был защищать его и там. Он даже был обязан открыть таинственные формулы закона, которые помогли бы клиенту выиграть процесс. На суде можно было свидетельствовать против когната, но не против клиента; обязательства по отношению к клиенту ставились выше обязательств по отношению к когнату. Почему? Да потому что когнат, связанный исключительно по женской линии, не родственник и не принимает участия в семейной религии, в отличие от клиента, связанного с патроном общей религией. Несмотря на низшее положение, клиента связывают с патроном родственные отношения, которые, по выражению Платона, состоят в поклонении одним и тем же домашним богам.

Клиентела — священная связь, установленная религией, связь, которую ничто не может разрушить. Человек, ставший однажды клиентом семьи, уже никогда не мог от нее отделиться. Клиентела даже была наследственной.

Из всего вышесказанного видно, что в те далекие времена семья со своей основной ветвью, младшими ветвями, слугами и клиентами могла составлять довольно многочисленную группу людей. Семья, которая благодаря своей религии сохраняла единство, благодаря частному праву оставалась неделимой, благодаря клиентеле удерживала слуг, со временем превратилась в огромное общество, имевшее своего наследственного руководителя. На протяжении многих веков из неограниченного количества подобных обществ состояла, по всей видимости, арийская раса. Эти тысячи небольших групп жили обособленно, практически не общаясь друг с другом, без какой-либо религиозной или политической связи между собой, имея свое земельное владение, внутреннее управление, своих богов.

Часть третья ГОРОД

Глава 1 ФРАТРИЯ И КУРИЯ. ТРИБА

Пока мы еще не приводили и не могли приводить никаких хронологических сведений. В истории древних обществ эпохи проще отмечать изменениями в представлениях и институтах, чем годами.

Изучение древних законов частного права дает нам возможность бросить взгляд за пределы времен, называемых историческими, в те века, когда семья была единственной общественной формацией. В те времена семья могла состоять из нескольких тысяч человек. Но эта форма человеческого общества была еще слишком ограниченной как в смысле удовлетворения материальных нужд, поскольку семье было трудно обходиться собственными силами во всех случаях жизни, так и в смысле удовлетворения духовных потребностей, поскольку мы уже знаем, насколько незначительными были представления о божестве и сколь несовершенными представления о нравственности.

Незначительные размеры этого первобытного общества вполне соответствовали тому ограниченному представлению о божестве, которое составило это общество. У каждой семьи были свои боги, и человек был способен представлять только домашних богов и только им поклоняться. Но разве могли эти боги долгое время удовлетворять человека? Конечно, потребовалось много веков, чтобы человек составил представление о Боге как о существе единственном в своем роде, неповторимом и несравненном, но он мог, по крайней мере, незаметно приближаться к этому идеалу, из века в век расширяя свое представление и мало-

помалу раздвигая горизонт, линия которого отделяла Божественное Существо от этого мира.

Таким образом, религиозные понятия и человеческое общество развивались одновременно.

Домашняя религия запрещала двум семьям смешиваться и объединяться, но нескольким семьям было возможно, не поступаясь домашней религией, объединиться, по крайней мере, для отправления нового, общего для этих семей культа. Что и произошло. Определенное количество семей образовали группы, которые по-гречески назывались фратрии, а по-латыни курии. Существовала ли между семьями одной группы связь по рождению? На этот вопрос нельзя ответить утвердительно, но совершенно ясно, что расширение религиозных понятий способствовало появлению этого нового сообщества. В тот момент, когда семьи объединились в группы, у них зародилось представление о божестве, стоявшем выше их домашних богов, о божестве общем для их объединившихся семей, которое охраняет всю группу. Они воздвигли для него алтарь, зажгли священный огонь и создали культ.

Не было ни одной курии и фратрии, у которой не было бы своего алтаря и бога-покровителя. Религиозные обряды носили тот же характер, что и семейные обряды. По сути, они состояли из общей трапезы; пища готовилась на алтаре и уже по этой причине была священной; трапеза сопровождалась чтением молитв в присутствии божества, которое получало свою порцию пищи и напитков.

В Риме долгое время продолжались эти религиозные трапезы в куриях; их упоминает Цицерон и описывает Овидий. Во времена Августа они еще проходили в соответствии с древними правилами. «Я видел в этих священных жилищах, — пишет историк той эпохи, — трапезу, проходившую перед лицом бога; столы были деревянные, по обычаю предков, и сосуды были глиняные. Пища состояла из хлеба, пирогов из пшеничной муки и фруктов. Я видел, как совершали возлияния не из золотых или серебряных чаш, а из глиняных сосудов, и я восхищался людьми, которые остались настолько верны обрядам и обычаям отцов»¹.

¹ Однако некоторые изменения все-таки имели место. Трапезы в курии превратились в пустую формальность. Члены курии охотно пренебрегали ими, и обычай общей трапезы заменили распределением продуктов и денег. (Примеч. авт.)

В Афинах такие трапезы устраивались во время апатурии¹.

Есть обычаи, сохранившиеся до последнего периода греческой истории, которые частично проливают свет на природу древней фратрии. Так, к примеру, мы видим, что во времена Демосфена для того, чтобы стать членом фратрии, надо было родиться от законного брака в одной из семей, составлявших фратрию; религия фратрии, как и семейная религия, передавалась только кровным родственникам. Молодого афинянина представлял фратрии отец, который клялся, что юноша действительно его сын. Прием во фратрию сопровождался религиозной церемонией. Фратрия приносила жертву, и на алтаре готовили мясо жертвы. Присутствовали все члены фратрии. Если они отказывались принять нового члена, на что имели право в том случае, если сомневались в законности его рождения, то мясо жертвы снимали с алтаря. Если же члены фратрии не возражали против приема нового члена, если вместе с молодым человеком съедали приготовленное мясо жертвы, то это означало, что с этого момента юноша принят во фратрию и стал одним из ее членов. Эта церемония объясняется очень просто: древние люди верили, что любая пища, приготовленная на алтаре и съеденная вместе, устанавливает между людьми нерасторжимый священный союз, который может расторгнуть только смерть.

У каждой фратрии и курии был свой глава, фратриарх и курион соответственно; его основная обязанность — возглавлять совершение жертвоприношений. Поначалу, возможно, он обладал более широкими полномочиями. Фратрия проводила собрания, имела свой суд, выносила постановления. У нее, как и у семьи, был свой бог, культ, священнослужители, суд и орган управления. Это небольшое общество было точной копией семьи.

Объединение продолжало естественно увеличиваться по той же схеме; несколько фратрий, или курий, объединились и образовали трибу.

У этой новой группы была своя религия; у каждой трибы был свой алтарь и свое божество-покровитель.

¹ А п а т у р и и — название праздника, который устраивался Фратриями в месяце пнанепсий (ноябрь) в городах и округах, преимущественно же в Афинах, в честь Зевса, Афины и Гефеста. Апатурии сопровождалась пиршествами и жертвоприношениями.

Бог трибы по своей природе был тем же, что бог фратрии и семьи. Это был обожествленный человек, герой. Его именем называлась триба. Греки называли героя эпонимом (дающим имя). Ему посвящали ежегодный праздник. Трапеза, в которой принимали участие все члены трибы, составляла основную часть религиозной церемонии.

Триба, как фратрия, проводила собрания и выносила постановления, которым были обязаны подчиняться все члены трибы. У нее был свой глава — трибун. Из того, что дошло до нас о трибе, мы можем сделать вывод, что поначалу триба создавалась с тем, чтобы стать независимым объединением, не имеющим над собой высшей общественной власти.

Глава 2

НОВЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

Боги физической природы

Прежде чем перейти от образования трибы к появлению городов, мы должны упомянуть об одном важном факторе интеллектуальной жизни древних народов.

Исследуя древнейшие верования, мы обнаружили религию, объектом которой был культ умерших предков, а главным символом — священный очаг. Именно эта религия основала семью и установила первые законы. Но у арийской расы, имевшей множество ветвей, была и другая религия, в которой главными фигурами были Зевс, Гера, Афина, Юнона, боги эллинского Олимпа и римского Капитолия.

Первая из этих двух религий нашла своих богов в душе человека, вторая взяла их из физической природы. Если первую идею о божестве внушило человеку сознание, то зрелище окружающего и подавлявшего человека своей беспредельностью мира придало новое направление его религиозному чувству.

Первобытный человек постоянно находился лицом к лицу с природой; привычка к цивилизованной жизни еще не создала границу между человеком и природой. Человек

был восхищен красотой природы, ослеплен ее величием. Он наслаждался дневным светом, боялся ночной темноты и, когда видел, что снова возвращается «священное сияние небес», испытывал чувство благодарности. Его жизнью распоряжалась природа; он ждал благодатных туч, от которых зависел его урожай; он страшился бури, которая могла уничтожить труды и надежды целого года. Он ежеминутно чувствовал собственную слабость и могущество окружающих его сил. Он постоянно испытывал смешанное чувство благоговения, любви и ужаса перед этой всемогущей природой.

Это чувство не сразу привело человека к представлению о едином Боге, управляющем вселенной, поскольку у него еще не было представления о вселенной. Человек пока не знал, что земля, солнце и звезды — все это части единого целого; ему не приходило в голову, что все они могут управляться единым существом. Внешний мир казался человеку чем-то вроде сборища враждующих и борющихся между собой сил. Поскольку он судил о явлениях внешнего мира по самому себе, а себя ощущал свободной личностью, то в каждой частице природы — в земле, дереве, облаке, речной воде, солнце — видел личностей подобных себе. Он приписывал им мысли, желания, выбор образа действий. Чувствуя их могущество, находясь в их власти, он признал свою зависимость от них; молился и поклонялся им; он сделал из них богов.

Вот так у этой расы появились два религиозных представления. С одной стороны, человек присвоил божественность невидимому — разуму, тому, что чувствовал в душе, что считал священным в себе самом. С другой стороны, он присвоил божественность внешним объектам, которые видел, любил и боялся, физическим силам, от которых зависели его счастье и жизнь.

Эти два верования заложили основу двух религий, которые существовали до тех пор, пока существовали римское и греческое общества. Эти религии не враждовали друг с другом; они прекрасно уживались рядом, разделяя власть над человеком, но они никогда не смешивались. У них были абсолютно несхожие догматы, зачастую противоречащие друг другу; абсолютно разными были церемонии и обряды этих религий. Между культом богов Олимпа и

культом героев и манов не было ничего общего. Трудно сказать, какая из этих религий зародилась раньше. Однако можно с уверенностью утверждать, что одна из них — религия мертвых, возникнув в глубокой древности, сохранила неизменными обряды, в то время как ее догматы постепенно исчезли. Другая религия — физической природы — была более прогрессивной и, развиваясь из века в век, постепенно изменяла свои легенды и догматы, непрерывно увеличивая власть над людьми.

Связь религии физической природы с развитием человеческого общества

Можно предположить, что первые зачатки религии природы являются очень древними, но, возможно, не такими древними, как культ предков. Однако поскольку эта религия отвечала понятиям более общим и более высокого порядка, то понадобилось больше времени для установления точной доктрины. Совершенно ясно, что эта религия не возникла в один прекрасный день и не родилась в голове одного какого-то человека. В истоке этой религии мы не находим ни пророка, ни сословия жрецов. Она зародилась в разных умах в силу естественных способностей. Каждый создавал свою религию. Среди богов, возникших в умах разных людей, было сходство по той простой причине, что формирование идей у разных людей шло приблизительно одним путем. Однако наблюдалось и значительное разнообразие, поскольку каждый человек создавал собственных богов. Вот почему в течение долгого времени эта религия была столь неопределенной, а ее боги бесчисленными.

Но объектов, подходящих для обожествления, было не слишком много. Солнце, дающее плодородие, земля, которая кормит, облака, то благодатные, то губительные, — вот главные силы, из которых можно было создавать богов. Но древние создали тысячи божеств, поскольку один и тот же объект, рассматриваемый с разных точек зрения, получил у людей разные названия. Солнце, например, в одном месте называлось Гераклом (славным), в другом Фебом (сверкающим), в третьем Аполлоном (освещающим

тьму, прогоняющим зло. Одни называли его Гиперион (возвышенное существо); другие — Алексикакос (милосердный, защищающий от зла и болезней). Люди, давшие разные названия сияющему светилу, долгое время не понимали, что у них один и тот же бог.

В сущности, каждый человек поклонялся незначительному количеству богов, но боги одного не были богами другого. У богов, правда, могли быть похожие имена; многие люди, причем каждый в отдельности, могли дать своему богу имя Аполлон или Геркулес, поскольку это были общеупотребительные слова, обычные прилагательные, обозначавшие божественное существо по одному из его наиболее характерных признаков. Однако отдельные группы людей не могли предполагать, что под разными именами скрывается один и тот же бог. У них были тысячи Юпитеров, множество Минерв, Диан и Юнон, которые мало походили друг на друга. Каждое из этих представлений являлось продуктом свободной работы ума и было в каком-то смысле интеллектуальной собственностью. Вот почему долгое время боги были независимы друг от друга и у каждого была своя собственная легенда и свой культ¹.

Поскольку первое появление этих верований относится ко времени, когда господствовал семейный уклад жизни, то сначала эти новые боги, подобно демонам, героям и ларам, были на положении домашних богов. Каждая семья создала своих богов и хранила их для себя как покровителей, милостями которых не желала делиться с посторонними. Об этом часто упоминается в гимнах Веды; так же думали западные арийцы — видимые следы их представлений сохранились в их религии. По мере того как семья обоготворяла какую-то силу природы, создавая из нее бога, она присоединяла этого нового бога к домашнему очагу, включала в число пенатов и добавляла в честь него несколько слов в формулу молитвы. Вот почему мы часто встречаем у древних выражения, подобные этому: «Боги, восседающие у моего очага, Юпитер моего очага, Аполлон

¹ За похожими именами зачастую скрываются совершенно разные божества. Посейдон Гиппиус и Посейдон Геликонский были разными богами, у которых не было ни одинаковых атрибутов, ни общих поклонников. *(Примеч. авт.)*

моих отцов!» «Заклинаю тебя, — говорит Текмесса¹ Аяксу, — именем Юпитера, восседающего у твоего очага».

У Еврипида волшебница Медея говорит: «Клянусь Гекатой, моей богиней-покровительницей, которую я почитаю и которая обитает в святилище моего очага». Когда Вергилий описывает то, что было самым древним в религии Рима, он указывает на Геркулеса, приобщенного к очагу Евандра и почитаемого как домашнего бога.

Отсюда происходит то множество местных культов, между которыми никогда не могло возникнуть единства. Отсюда естественная при политеизме² борьба между богами, которая олицетворяет борьбу семей, общин, городов.

Отсюда и бесчисленное множество богов и богинь, из которых нам известна, конечно, лишь небольшая часть, поскольку многие из них погибли, не оставив после себя даже имен только потому, что семьи, которые им поклонялись, вымерли, а города — центры их культа — были разрушены.

Должно было пройти много времени, прежде чем эти боги вышли из круга семьи, которая их создала и относилась к ним как к своему наследству. Нам даже известно, что многие из них так никогда и не освободились от домашних уз. К примеру, Деметра Элевсинская осталась личным божеством рода Евмолпидов³.

Афина, богиня афинского акрополя, принадлежала к роду Бутадов. У римских Поттицев семейным богом был Геркулес, а у Науциев — Минерва. С высокой вероятностью можно утверждать, что культ Венеры на протяжении длительного времени ограничивался исключительно родом Юлиев.

Со временем божество какой-нибудь семьи приобретало значительное влияние и, по мнению людей, настолько

¹ Текмесса — в греческой мифологии дочь фригийского царя Телевта, взятая в плен Аяксом Теламонидом, ставшая его заложницей и родившая ему сына Эврисака.

² Политеизм (буквально «многобожие») — религия, совокупность верований, основанная на вере в нескольких богов. Боги имеют собственные пристрастия, характер, вступают в отношения с другими богами и имеют специфическую сферу влияния.

³ Евмолп — в древнегреческой мифологии основатель Элевсинских мистерий, родоначальник наследственных жрецов храма Деметры в Элевсине — Евмолпидов.

способствовало процветанию семьи, что город выражал желание сделать это божество своим и отправлять общественный культ, чтобы завоевать покровительство этого божества. Так случилось с Деметрой Евмолпидов, Афиной Бутадов, Геркулесом Поттицев. Но даже если семья соглашалась поделиться своим богом, члены семьи сохраняли за собой право оставаться жрецами своего бога. Следует отметить, что долгое время сан жреца был наследственным и пожизненным. Это отголосок того времени, когда божество было собственностью конкретной семьи, только ей оказывало покровительство и только от нее принимало служение.

Мы можем с уверенностью утверждать, что вначале эта вторая религия находилась в согласии с социальным строем. Ее колыбелью была семья, и она долго оставалась в этом строго ограниченном пространстве. Однако эта религия больше, чем культ мертвых, подходила к будущему прогрессу человеческого общества. Действительно, предки, герои, маны были богами, которые могли являться предметом поклонения очень ограниченного числа людей; к тому же эти боги установили непреодолимые границы между семьями. Религия богов природы была всеобъемлющей. Не существовало строгих законов, запрещающих распространение культа любого из этих богов. В самой природе этих богов не было ничего, что требовало поклонения только одной конкретной семьи и отвергало поклонение посторонних. Люди должны были постепенно прийти до понимания, что Юпитер одной семьи в действительности был тем же существом, или понятием, как и Юпитер другой семьи, что было абсолютно недопустимо в отношении ларов, предков или очагов двух разных семей.

Следует добавить, что новая религия привела к появлению новых нравственных понятий. Она не ограничивалась тем, что указывала человеку на семейные обязанности. Юпитер был богом-покровителем гостеприимства; во имя его следовало принимать странников, просителей, «почтенных бедняков, обходясь с ними как с братьями». Все эти боги часто принимали человеческий облик и являлись смертным: иногда для того, чтобы помочь им в борьбе и принять участие в их сражениях, зачастую для того, чтобы внушить согласие и научить взаимопомощи.

По мере развития этой второй религии развивалось и общество. Совершенно очевидно, что эта религия, поначалу слабая, впоследствии приобрела большое влияние. Вначале она, если можно так выразиться, находилась под защитой старшего брата — домашнего очага. Новому богу отвели небольшое место, целлу¹, напротив почитаемого алтаря, чтобы частица почитания, воздаваемого людьми священному огню, досталась и на его долю.

Мало-помалу бог, приобретая все большую власть над душами людей, отказывается от покровительства и покидает домашний очаг. Теперь у него собственное жилище и жертвоприношения. Это жилище было построено по образцу древних святилищ; оно, как и прежде целла, располагалось напротив очага; расширенная и украшенная целла и стала храмом. Очаг оставался у входа в дом бога, но по сравнению с домом казался очень маленьким. Он, который раньше был главным, теперь занял второстепенное место. Он перестал быть богом и снизошел до роли божьего алтаря, орудия для жертвоприношений. Он должен был сжигать плоть жертвы и возносить приношение вместе с людскими молитвами величественному божеству, статуя которого находилась в храме.

Когда мы видим, как создаются эти храмы и открывают свои двери перед толпами молящихся, мы можем быть уверены, что расширяются человеческие сообщества.

Глава 3 ОБРАЗОВАНИЕ ГОРОДА

Триба, как семья и фратрия, создавалась как независимое общество, у которого был свой культ, в который не допускался посторонний человек. Единожды сформированная, она уже не могла принимать в свой состав новую семью, тем более две трибы не могли слиться воедино; этому противилась религия. Но так же, как несколько фратрий могли объединиться в одну трибу, так могли объ-

¹ Целла — внутренняя часть греческого и римского храма. Размер целлы классических храмов был небольшой и отличался простотой отделки. В целле хранились сокровища храма, жертвоприношения верующих.

единиться и несколько триб, при условии уважительного отношения к религии каждой из триб. В тот день, когда был заключен этот союз, возник город.

Нет смысла искать причину, побудившую несколько триб объединиться. Иногда этот союз строился на добровольных началах, иногда превосходящая сила одной трибы, или человека, обладавшего сильной волей, навязывала этот союз остальным трибам. Однако не вызывает сомнений, что связующим элементом нового союза была религия. Трибы, объединяясь для того, чтобы создать город, зажигали и поддерживали священный огонь и создавали общую религию.

Формирование обществ арийской расы, в отличие от круга, который, равномерно расширяясь, постепенно увеличивает свою площадь, происходило совсем иным образом; давно сформировавшиеся небольшие группы объединились в большие сообщества. Несколько семей составили фратрию, несколько фратрий — трибу, несколько триб — город. Семья, фратрия, триба, город — все эти общества были совершенно одинаковыми и возникали одно из другого.

Следует также отметить, что при объединении отдельных групп ни одна из них не утратила своей индивидуальности и независимости. Да, несколько семей образовали фратрию, но уклад каждой оставался тем же, каким был до объединения. В семье все оставалось неизменным — культ, священнодействия, право собственности, домашний суд. При объединении куриЙ каждая из них тоже сохранила свой культ, собрания, праздники и главу куриИ. От трибы люди перешли к городу, но трибы при этом не распались; каждая из них продолжала составлять единое целое, словно города не существовало. Религия складывалась из множества мелких культов, над которыми возвышался общий для всех культ; в политике продолжал действовать ряд небольших правительств, а над ними возвышалось одно общее для всех.

Город был федерацией. По этой причине он был обременен, по крайней мере в течение нескольких веков, уважать Религиозную и гражданскую независимость триб, куриЙ и семей и поначалу не имел права вмешиваться в частные дела каждого из этих небольших обществ. Городу незачем

было вмешиваться во внутренние дела семьи; он не являлся судьей происходящего в семье; город предоставлял отцу право и обязанность судить жену, сына, клиента. Именно по этой причине частное право, установленное во времена семейной обособленности, смогло долго существовать в городе и довольно поздно подверглось изменениям.

Сохранявшиеся на протяжении длительного времени обычаи свидетельствуют о том, как основывались древние города.

Если мы ознакомимся с городским войском, каким оно было в период основания древнего города, то увидим, что войско распределялось по трибам, куриям и семьям «таким образом, — пишет древний писатель, — чтобы воин в бою имел соседом того, с кем в мирное время совершает возлияния и приносит жертвы на одном алтаре». Если мы займемся изучением народных собраний в первые века после основания Рима, то увидим, что голосовали по куриям и родам. Если обратимся к культу, то обнаружим в Риме шесть весталок, по две на каждую трибу. В Афинах архонт совершает жертвоприношения от имени всего города, но религиозные церемонии он совершает сообща с главами триб.

Таким образом, город являлся не собранием отдельных лиц, а федерацией нескольких групп, возникших до появления города и продолжавших существовать с его основанием. Из речей афинских ораторов мы видим, что каждый афинянин одновременно являлся членом четырех разных обществ; он был членом семьи, фратрии, трибы и города. В отличие, к примеру, от француза, который с момента рождения принадлежал семье, общине, департаменту и отечеству, он не вступал одновременно во все четыре общества. Фратрия и триба не являются административными округами. Человек вступает в эти четыре общества на разных этапах своей жизни и поднимается, если можно так выразиться, от одного к другому. Сначала ребенка принимают в семью с помощью религиозного обряда, который совершается через шесть дней после его рождения. Спустя несколько лет после совершения религиозного обряда, о котором мы уже рассказывали, его принимают во фратрию. Наконец, в возрасте от шестнадцати до восем-

надцати лет он является для принятия в члены города. В этот день перед алтарем, на котором дымится жертвенное мясо, он произносит клятву, в которой ко всему прочему обязуется чтить религию города. С этого дня он посвящен в общественный культ и становится гражданином. Проследите за молодым афинянином, который поднимается со ступени на ступень, от культа к культу, и вам станет понятно, каким ступенчатым путем шло развитие человеческого общества.

Позвольте привести пример для большей наглядности этого утверждения. До нас дошло много преданий и воспоминаний, достаточных для того, чтобы понять, как формировался древний афинский город. Вначале, говорит Плутарх, Аттика делилась на роды. Некоторые из родов первобытной эпохи, такие как Евмолпиды, Кекропиды, Фиталиды, Лакиады, продолжили существовать и в последующие века. Тогда еще не было города, и каждый род занимал определенную область и вел абсолютно независимое существование. У каждого рода была своя религия. Евмолпиды, жившие в Элевсине, поклонялись Деметре; Кекропиды, обитавшие на скале, где впоследствии были построены Афины, поклонялись Посейдону и Афине. Неподалеку на холме Ареопаг покровителем был бог Арес; в Марафоне богом был Геракл (Геркулес), в Празии был Аполлон, во Флии другой Аполлон; Диоскуры были в Кефалии и так далее во всех остальных областях.

Таким образом, у каждой семьи был свой бог, свой алтарь и свой глава. Во время посещения Аттики Павсаний¹ нашел в небольших местечках древние предания, которые поведали ему, что в каждом местечке был свой царь еще до того времени, когда в Афинах правил Кекропс.

Не было ли это воспоминанием о тех далеких временах, когда огромная патриархальная семья, подобная кельтскому клану, имела наследственного главу, являвшегося од-

¹ П а в с а н и й — древнегреческий писатель и географ, автор своего рода античного путеводителя «Описание Эллады», который разбит на 10 глав по названиям греческих областей: Аттика, Коринф, Лакония, Мессения, Элида (1), Элида (2), Ахайя, Аркадия, Беотия и Фокида. Труд представляет собой путеводитель по наиболее достопримечательным памятникам Древней Греции с их описанием и сопутствующими легендами, в которых содержатся ценные исторические сведения, нередко заменяя собой утраченные первоисточники.

новременно жрецом и судьей? Около сотни небольших обществ обособленно жили в стране, не связанные ни религиозными, ни политическими обязательствами, имея собственную территорию, часто воюя между собой и существуя настолько обособленно, что даже не всегда разрешался брак между членами разных семей.

Но то ли необходимость, то ли чувства сблизили их. Незаметно они стали объединяться в группы по четыре, пять или шесть семей. Так, в преданиях мы находим сведения о том, что четыре местечка на Марафонской равнине объединились, чтобы вместе поклоняться Аполлону Дельфийскому; жители Пирея, Фалера и двух соседних городов с самоуправлением объединились и построили храм Геркулесу. С течением времени эта сотня маленьких государств превратилась в двенадцать федераций. Согласно преданию, благодаря усилиям Кекропса произошел переход от патриархального семейного общества к более крупному обществу; это надо понимать так, что переход завершился в эпоху его царствования, то есть к XVI веку до н. э. Впрочем, мы знаем, что Кекропс правил только одним из двенадцати союзов, который впоследствии стал Афинами; остальные одиннадцать были полностью независимы; у каждого из них был свой бог-покровитель, свой алтарь, свой священный огонь и свой глава.

На протяжении нескольких столетий постепенно росло влияние Кекропидов. Сохранилось воспоминание о кровавой борьбе этого периода между Кекропидами и Евмолпидами из Элевсины, в результате которой последние подчинились, оговорив себе право сохранения наследственного жречества. Были, безусловно, и другие войны, и другие завоевания, о которых не сохранилось воспоминаний. Город, основанный Кекропсом на скале и получивший название по имени главной богини — Афины, постепенно достиг главенствующего положения. Затем появился Тесей, наследник Кекропидов. Все предания единодушно утверждают, что он объединил двенадцать союзов-общин в один город. Ему действительно удалось заставить всю Аттику принять культ афинской Паллады, и с тех пор вся страна стала сообща совершать жертвоприношения на Панафинейском празднике. До Тесея у каждого города был

свой священный огонь и свой пританей¹, но он захотел сделать афинский пританей религиозным центром всей Аттики.

Итак, Тесей объединил всю Аттику вокруг Афин. В религиозном отношении каждая область сохранила свой древний культ, но одновременно приняла общий для всех культ. В политическом отношении все сохранили своих глав, судей, право на собрания, но теперь над этими местными органами управления находилось центральное правительство города².

Из преданий и воспоминаний, с особой тщательностью хранимых в Афинах, вытекают две, как нам кажется, очевидные истины: первая — что город был союзом групп, сложившихся раньше появления города; вторая — что общество развивалось с той же скоростью, с какой расширялась сфера религиозных верований. Трудно сказать, были ли религиозный прогресс причиной социального прогресса, но не вызывает никаких сомнений, что они начались одновременно и в полном согласии друг с другом.

¹ П р и т а н е й — совещательный орган, в котором заседали пританы, государственный совет, суд, а также здание, в котором проводились заседания. Изначально — здание, посвященное Гестии, где постоянно поддерживался огонь. По древним законам в пританею за счет государства получали питание пританы, заслуженные граждане и почетные иностранные гости.

² Согласно Плутарху, Тесей уничтожил местные пританей, советы и власти и построил один пританей, общий для всех. Если он и предпринимал эту попытку, то явно не преуспел, поскольку после него мы все еще находим местные культы, собрания и местных царей. Отложим в сторону легенду об Ионе, которой некоторые современные историки придают, как нам кажется, слишком большое значение, представляя ее как свидетельство иностранного вторжения в Аттику. Об этом вторжении не упоминается ни в одной легенде. Согласно Геродоту, «...ионийское племя было самым слабым и незначительным среди вообще слабого еще тогда эллинского народа. Кроме Афин, вообще не существовало ни одного значительного ионийского города. Поэтому как остальные ионяне, так и афиняне избегали имени «ионяне», не желая называться ионянами. И поныне даже, как я думаю, многие из них стыдятся этого имени». Ошибочно считать всех эвпатридов (эвпатриды — древнейшая аттическая аристократия, лишенная законами Солона преимуществ перед остальными гражданами Афин) потомками Ионы и видеть в них завоевателей, угнетавших завоеванный народ. Нет никаких доказательств в поддержку этого мнения. Создание класса эвпатридов традиция приписывает Тесею: по преданию, он разделил общество Аттики на эвпатридов, геоморов (землевладельцев) и Демииургов (ремесленников). (Примеч. авт.)

Не следует упускать из виду чрезмерную трудность, которая в первобытные времена возникла при формировании обществ. Сложно установить социальную связь между людьми столь разными, до такой степени свободными и настолько непостоянными. Для того чтобы заставить их жить по общим законам, ввести заповеди и внушить повиновение, заставить подчинить страсти разуму, ставить общественное выше личного, требовалось, без сомнения, нечто более сильное, чем физическая сила, более надежное, чем философская теория, более крепкое, чем договор, — нечто, что запало бы им в сердца и имело над ними власть.

Такой силой обладает вера. Ничто не обладает большей властью над душой, чем вера. Вера — продукт разума, и мы не в состоянии изменить ее по своему желанию. Она наше создание, но мы не знаем этого и считаем ее божественной. Она действие нашей силы, и она сильнее нас. Она в нас самих, она никогда не покидает нас, говорит с нами всякую минуту. Если она велит повиноваться, мы повинемся; если она предписывает нам обязанности, мы подчиняемся. Человек может покорить природу, но он подвластен своей мысли.

Древние верования приказали человеку чтить предков; культ предков собрал семью вокруг алтаря. Так возникла первая религия, первые молитвы, первые представления о долге, первые понятия о нравственности. Отсюда и установление права собственности и порядка наследования. Отсюда, наконец, все частное право, все законы домашней организации. С ростом верований изменялись формы человеческого общества. По мере того как люди начинали понимать, что у них есть общие боги, они стали объединяться в более крупные группы. Правила, принятые в семье, позже были успешно использованы во фратрии, трибе и городе.

Окинем взглядом путь, пройденный людьми. Вначале семья живет обособленно, и человек знает только домашних богов. Затем появляется фратрия со своим богом. Далее идет триба и бог трибы. Наконец, появляется город, и люди представляют бога, который берет под защиту весь город. Иерархия верований — иерархия объединений. Религия древних была вдохновителем и организатором общества.

Индусские, греческие и этрусские мифы рассказывают, что боги открыли людям законы общежития. В этой легендарной форме заключается истина. Социальные законы были делом богов, но сами эти могущественные и благодетельные боги есть не что иное, как человеческие верования.

Таким было происхождение древних городов. Это исследование было необходимо для того, чтобы мы могли составить правильное представление о происхождении и институтах города. Но следует сделать оговорку. Если первые города образовались путем объединения ранее созданных небольших групп, то это не значит, что все известные нам города создавались по тому же принципу. Городская организация была найдена, и не было необходимости каждому новому городу проходить по этому длинному и трудному пути. Зачастую все происходило в обратном порядке. Когда какой-нибудь предводитель покидал город и уходил основывать другой, то увозил с собой только небольшую часть сограждан. Он присоединял к ним много посторонних людей, пришедших из разных мест и даже принадлежавших к разным расам. Этот человек всегда создавал новый город по образцу того города, который оставил. Следовательно, он делил своих людей на трибы и фратрии. У каждой из этих небольших групп был свой алтарь, свои жертвоприношения, свои праздники; каждая придумывала себе даже древнего героя, которого почитала, создавала его культ и со временем начинала верить, что от него ведет свое происхождение.

Часто случалось, что на какой-нибудь территории люди жили, не имея ни законов, ни порядка, то ли потому, что не могли создать общественную организацию, как в Аркадии, то ли организация была уничтожена в ходе борьбы, как в Кирене и Фуриях. Если законодатель стремился установить порядок, он начинал с того, что делил людей на трибы и фратрии, словно не существовало других форм общества. Для каждой группы он выбирал героя-эпонима, определял жертвоприношения и закладывал традиции. Так действовали все, кто хотел создать правильно устроенное общество. Это совпадает с теорией идеального государства Платона: «Придя на место, пусть они осмотрятся, где им всего лучше раскинуть в городе лагерь, чтобы удобнее было

держат жителей в повиновении в случае, если кто не пожелает подчиняться законам, и отражать внешних врагов, если неприятель нападет, как волк на стадо. Раскинув лагерь и совершив надлежащие жертвоприношения, пусть они займутся устройством жилья».

Глава 4 ГОРОД

Слова *civitas* и *urb*, которые мы переводим как «город», не были синонимами у древних. Под *civitas* понималась община — религиозное и политическое объединение семей и триб; город — *urb* — был местом собраний, местом жительства и, прежде всего, святилищем этих объединений.

Не следует судить о древних городах по тем городам, которые мы видим сегодня. Мы строим несколько домов; это деревня. Постепенно количество домов увеличивается, и вырастает город, и, наконец, если позволяет место, мы окружаем его стеной.

Появление города у древних не было связано с постепенным приростом населения и появлением новых домов. Город основывали сразу, за один день, но для этого требовалось заранее сформировать общество, а вот это было длительный и трудоемкий процесс. Как только семьи, фратрии и трибы решали объединиться и иметь общий культ, они сразу основывали город как святилище своего общего культа; поэтому основание города всегда было религиозным актом.

В качестве примера возьмем Рим, несмотря на сомнения, которые вызывает его древнейшая история. Часто высказывается мнение, что Ромул был предводителем шайки авантюристов, что он создал свой народ, собрав вокруг себя бродяг и грабителей, и эти люди, набранные без разбора, построили несколько хижин, чтобы хранить в них добычу. Однако древние авторы представляют факты под совершенно иным углом зрения, и нам кажется, что если мы действительно хотим разобраться в том, что происходило в древности, то нам следует придерживаться основного правила — опираться на свидетельства, сохранившиеся с древних времен. Древние авторы действительно упомина-

ют об убежище, то есть о священном огороженном месте, где Ромул принимал всех проходящих к нему; в этом он следовал примеру других основателей городов. Но это убежище не являлось городом; оно было открыто только после того, как был основан и полностью построен город. Это был придаток Рима, а не сам Рим. Убежище даже не представляло собой часть города Ромула, поскольку находилось у подножия Капитолийского холма, тогда как город занимал Палатинский холм. Крайне важно отличать два слоя римского населения. В убежище располагались авантюристы, не имевшие ни земли, ни религии; на Палатинском холме жили люди, пришедшие из Альбы, то есть уже создавшие общество, разделенные на роды и курии, имевшие домашний культ и свои законы. Убежище было обычной деревней, или предместьем, с беспорядочно разбросанными хижинами, в то время как на Палатинском холме возвышался священный религиозный город.

Древность изобилует сведениями о способе основания этого города. Мы находим информацию у Дионисия Галикарнасского, почерпнувшего сведения у более древних авторов, у Плутарха, в «Фастах» Овидия, у Тацита, Катона Старшего, взявшего сведения из древних рукописей, и еще у двух авторов, которые внушают нам особое доверие: ученых Варрона¹ и Веррия Флакка².

Оба этих ученых прекрасно разбираются в римских древностях, правдивы, ни в коей мере не легковверны, хорошо знакомы с приемами исторической критики. Все перечисленные авторы рассказывают о религиозной церемонии, ознаменовавшей основание Рима, и мы не вправе отвергать такое большое количество свидетельств.

¹ Варрон — Марк Теренций, иногда Варро — римский ученый-энциклопедист и писатель. По месту рождения его иногда называют Варроном Реатинским, чтобы отличить от Варрона Атацинского. Авторитет Варрона как ученого и оригинального писателя уже при жизни был неоспорим.

² Флакк Веррий — римский грамматик и антиквар времен Августа и Тиберия. Ему принадлежат сочинения «Об орфографии» и «О значении слов»; последнее известно только по сохранившимся извлечениям Помпея Феста и по извлечениям из Феста Павла Диакона; его главная цель — объяснение значений редких и устаревших слов. Известны также исторические сочинения Веррия Флакка о римских праздниках и этрусках.

Мы нередко встречаем у древних поражающие нас факты, но разве это является основанием считать их небылицами? Может, эти факты и не согласуются с современными понятиями, зато полностью соответствуют понятиям древних людей. В их частной жизни мы видели религию, которая руководила всеми их действиями; затем мы видели, что эта религия объединила их в сообщества, так почему же нас должно удивлять, что основание города являлось священным актом и что Ромул был обязан сам совершать обряды, соблюдавшиеся повсеместно? Первой заботой основателя являлся выбор места для нового города. Выбор был делом чрезвычайно серьезным, поскольку считалось, что от выбора места зависит судьба народа, а потому он полностью зависел от решения богов. Если бы Ромул был греком, он бы обратился за советом к Дельфийскому оракулу¹; если бы он был самнитом, то пошел бы следом за священным животным — волком или зеленым дятлом.

Но Ромул был латином, соседом этрусков, посвященным в науку гаданий, а потому он просит богов выказать свою волю с помощью полета птиц. Боги указывают ему на Палатинский холм.

Наступил день основания города, и первым делом Ромул принес жертву богам. Вокруг Ромула собрались его товарищи, они разожгли костер, и каждый перепрыгнул через огонь. Смысл этого обряда в том, что к священнодействию люди должны приступать чистыми: древние думали, что прыжок через священный огонь очищает человека и физически, и нравственно.

Совершив этот обряд, подготовивший людей к великому акту основания города, Ромул вырыл маленькую круглую яму и бросил в нее комок земли, принесенный из Альбы. Затем каждый из его товарищей по очереди подходил к яме и бросал в нее горсть земли, принесенной из

¹ Дельфийский оракул — оракул при храме Аполлона в Дельфах, одном из древнейших религиозных центров Древней Греции. С вопросами к Дельфийскому оракулу обращались как отдельные граждане, так и представители государств. Прорицательница — пифия в состоянии экстаза изрекала ответы вопрошавшим, которые облакались кем-либо из жрецов в стихотворную форму и имели значение пророчеств, данных Аполлоном. Прорицания Дельфийского оракула сохранились у Геродота и других авторов.

родных мест. Смысл этого интересного обряда заключается в следующем: прежде чем оказаться на Палатинском холме, эти люди жили в Альбе или в соседних городах. Там был их очаг, там жили и были похоронены их предки, но религия запрещала покидать место, где находился очаг, где покоились божественные предки. Для того чтобы избежать нечестивого поступка, приходилось прибегать к хитрости: каждый уносил с собой горсть священной земли, в которой были похоронены его предки и с которой были связаны их маны. Покидая родные места, человек был просто обязан взять с собой горсть земли и своих предков. Исполнение этого обряда было необходимо для того, чтобы, указывая на новое место поселения, человек мог сказать: «Это земля моих отцов, terra patrum, patria; здесь моя родина, потому что здесь обитают маны моей семьи».

Яма, в которую каждый бросал горсть земли, называлась mundus; на языке древней религии это слово обозначало царство манов. Согласно преданию, именно отсюда души умерших выходили три раза в год, чтобы взглянуть на свет божий. Не проступает ли в этом предании истинное представление древних людей? Бросая в яму горсть земли, принесенной с родины, они верили, что в этой земле заключены души их предков. Этим душам, воссоединившимся здесь, требовалось вечное почитание, за что они будут оберегать своих потомков. На этом месте Ромул установил алтарь и возжег огонь. Это был священный очаг города.

Вокруг этого очага вырос город, как дом вокруг домашнего очага. Ромул провел борозду, обозначая границы будущего города. Этот обряд следовало соблюдать самым тщательным образом. Основатель города должен был проводить борозду медным плугом, который тянули белый бык и белая корова. Ромул с покрывалом на голове, в одеяниях жреца держался за рукоятку плуга и направлял его, сопровождая движение пением молитв. За ним шли его товарищи, храня благоговейное молчание. По мере того как плуг поднимал пласты земли, их аккуратно укладывали внутрь огороженного места, чтобы ни одна частичка этой священной земли не осталась на чужой стороне. Эта священная граница неприкосновенна. Ни свой, ни чужой не имели права пересекать ее. Перепрыгнуть через борозду означало совершить нечестивый поступок;

согласно преданию, брат основателя города, Рем, совершил это святотатство, за что и поплатился жизнью.

А для того чтобы люди могли входить в город и выходить из него, борозда прерывалась в некоторых местах; с этой целью Ромул приподнимал и переносил плуг. Эти промежутки назывались porta — ворота; в этих местах были городские ворота.

На священной борозде, или слегка за ней, позже возводились стены; они тоже считались священными. Никто не смел прикасаться к ним, даже ремонтировать, без разрешения жрецов. По обе стороны стены для религиозных нужд оставлялась полоса земли шириной в несколько шагов, называемая померий (promegium), на которой не разрешалось ни пахать, ни возводить здания.

Таким, согласно многочисленным древним источникам, был обряд основания Рима. Если возникнет вопрос, как воспоминания об этом событии могли сохраниться до времен, в которые жили авторы, от которых мы почерпнули эти сведения, то все дело в том, что эта церемония ежегодно повторялась во время празднования так называемого дня рождения Рима. В древние времена этот праздник неизменно отмечался из года в год, римляне празднуют его по сей день, как и в прежние времена, 21 апреля. Так на пути бесконечных перемен люди остаются верны древним обычаям.

Нет никаких оснований считать, что Ромул придумал эти обряды. Скорее можно с уверенностью сказать, что закладка многих городов, еще до Рима, сопровождалась подобным ритуалом. По утверждению Варрона — этот ритуал был известен в Лациуме и Этрурии. Катон Старший, при написании своего исторического сочинения под заглавием *Origines* изучавший летописи народов Италии, сообщает нам, что аналогичные обряды совершались всеми основателями городов. В священных книгах этрусков было подробное описание этой церемонии¹.

Греки, подобно италийцам, считали, что бог должен выбрать место для города и указать на него человеку. Решив

¹ Римляне, сделавшие переводы этих книг, различали книги о грозных явлениях, о гаданиях по внутренностям животных, о знаменаниях и о разных обрядах. Не случайно от этрусского города Цере происходит слово «церемония» — так древние римляне называли некоторые религиозные обряды.

основать новый город, греки обращались за советом к Дельфийскому оракулу. Геродот считает поступок спартанца Дориея, который посмел возводить город, «даже не вопросив Дельфийского оракула, в какой земле ему следует поселиться, и не выполнив никаких обычаев, установленных в таких случаях», нечестивым или безумным. Благочестивый историк не удивлен, что «спустя два года его (Дориея) изгнали (из города) маки, ливийцы и карфагеняне и ему пришлось возвратиться в Пелопоннес»¹.

Фукидид², вспоминая день основания Спарты, упоминает о религиозных песнопениях и жертвоприношениях, которые были принесены в этот день.

Этот же великий греческий историк сообщает нам, что у афинян был свой особый ритуал, который они всегда строго соблюдали при основании колоний. В одной из комедий Аристофана довольно подробно описывается происходившая в таких случаях церемония. Изображая комическое основание города птиц, комедиограф, конечно, имел в виду обычаи, которые соблюдались людьми при основании городов. Вот почему Аристофан выводит на сцену жреца, который зажигает огонь и призывает богов, поэта, который поет гимны, и прорицателя.

Павсаний путешествовал по Греции во времена Адриана.

¹ Геродот, История. Кн. V, 42. (Примеч. авт.)

² Фукидид — древнегреческий историк. Принадлежал к богатому и знатному роду. В 424 году он был выбран стратегом и в качестве командующего эскадрой принимал участие в войне со спартанцами во Фракии. Обвиненный в измене за то, что вовремя не оказал помощи городу Амфиполю, взятому спартанцами, Фукидид был вынужден около двадцати лет провести в изгнании. Поселился в своем фракийском поместье, где написал «Историю Пелопоннесской войны», современником и очевидцем которой он был. Своей главной задачей Фукидид ставит отыскание истины, а методы, которыми он это делает, дают основание считать его предшественником современной исторической науки. В отличие от Геродота Фукидид придает большое значение критической проверке сообщений, обращает особое внимание на причины и поводы событий. Рационализм Фукидида исключает непосредственное вмешательство божественных сил в исторические события, хотя он не отвергает существования богов или божественного начала. По своим политическим взглядам Фукидид сторонник умеренной, разумно упорядоченной власти. Он враждебно настроен к радикальной демократии. Высоко оценивает умеренно олигархическое правление в Афинах в конце 411 года, считая, что это пример разумного сочетания олигархических и демократических элементов. В целом его изложение отличается высокой степенью объективности.

В Мессении он расспросил жрецов об основании города и передал нам их рассказ. Это событие, не очень давнее, происходило во времена Эпаминонда. За три столетия до этого мессеняне были изгнаны из своей страны, но, рассеянные среди других греков, лишенные отечества, с благочестивым усердием сохраняли свои обычаи и религию. Фивяне хотели вернуть мессенян в Пелопоннес, чтобы разместить под боком у Спарты врага, но самым трудным оказалось убедить в этом мессенян. Эпаминонд, имея дело с суеверными людьми, счел нужным использовать оракула, который предсказал мессенянам возвращение на родину. Удивительные знамения показали им, что их боги, отвернувшиеся от них в то время, когда они потерпели поражение и были изгнаны из своей страны, вернули свое расположение. Тогда этот робкий народ решил вернуться в Пелопоннес, следуя за войском фивян. Теперь предстояло решить, где построить новый город, так как нечего было и думать о том, чтобы вернуться в древние города; эти города были осквернены завоевателями. На этот раз они не могли обратиться к Дельфийскому оракулу с просьбой об указании места для нового города, поскольку пифия была на стороне спартанцев. По счастью, у богов были и другие способы выказать людям свою волю. К мессенянскому жрецу во сне явился один из богов его народа и сказал, что хочет поселиться на горе Итома, и предложил людям следовать за ним. Итак, место для нового города было найдено, оставалось только узнать, какие обряды требуются для основания города, поскольку мессеняне их забыли. Они не могли воспользоваться обрядами фивян или какого-либо другого народа, а потому абсолютно не понимали, как построить город. Но тут, очень кстати, приснился сон другому мессенянину; боги приказали ему отправиться на гору Итома, найти растущее рядом с миртом тисовое дерево и копать землю в этом месте. Он сделал все, что повелел бог, и откопал урну; в урне оказались листы из олова, на которых был начертан подробный ритуал священной церемонии. Жрецы немедленно записали ритуал в свои книги. Они не сомневались, что до завоевания страны урну в этом месте зарыл мессенянский царь.

Теперь, зная ритуал, можно было приступить к основанию города. Прежде всего жрецы принесли жертву, обра-

щаясь к древним богам Мессении, Диоскурам, Юпитеру Итомскому, древним героям, известным и уважаемым предкам. Все эти покровители страны, очевидно, оставили их, согласно верованиям древних, в тот день, когда враг захватил их страну. Теперь мессеняне умоляли их вернуться. Они произносили священные молитвы, искренне веря, что убедят богов поселиться в городе вместе с гражданами. Этим людям было очень важно поселить богов в своем городе, и можно сказать с уверенностью, что именно это было единственной целью религиозной церемонии. Точно так же, как товарищи Ромула выкопали яму, считая, что там будут покоиться маны их предков, современники Эпаминонда призывали своих героев, божественных предков и богов страны. Они верили, что молитвами и обрядами смогут привязать этих божественных существ к земле, на которой собирались поселиться, и заключить их внутри огороженной территории. Они сказали им: «Пойдемте с нами, о божественные повелители, и живите с нами в этом городе». Первый день посвятили жертвоприношениям и молитвам. На следующий день наметили границы города под пение религиозных гимнов.

В первый момент вызывает удивление, когда узнаешь из сочинений древних авторов, что не было города, даже самого древнего, который бы не претендовал на то, что знает имя основателя и дату основания. Однако в этом нет ничего странного, поскольку из людской памяти не могли исчезнуть воспоминания о священной церемонии по случаю основания города. В городе ежегодно отмечалась годовщина основания с совершением жертвоприношений. Афины, как и Рим, праздновали день своего рождения.

Часто случалось, что в уже построенном городе селились колонисты или завоеватели. Им незачем было строить новые дома, потому что им никто не мог помешать занимать дома побежденных, но они должны были выполнить священный обряд основания, то есть установить свой очаг, зажечь священный огонь и разместить своих богов в новом жилище. Это объясняет утверждения Фукидида и Геродота, что дорийцы основали Лакедемон, а ионийцы Милет, хотя и те и другие обнаружили эти города не только построенными, но и очень древними.

Эти обычаи ясно показывают, чем был, по мнению древних людей, город. Окруженный священной оградой, рас-

кинувшийся вокруг алтаря, он был священным жилищем богов и людей. Вот что Тит Ливий говорит о Риме: «В этом городе нет места, которое не было пропитано религией и не занято каким-нибудь божеством. Его населяют боги». То, что Тит Ливий сказал о Риме, мог бы сказать любой человек о своем городе, поскольку если город был основан в соответствии с религиозным обрядом, то поселял на огороженной священными стенами территории богов-покровителей, которые, можно сказать, вращались в землю, чтобы никогда ее уже не покидать. Каждый город был святилищем; каждый город можно было бы назвать святым.

Поскольку боги были навечно связаны с городом, люди тоже не должны были покидать место, где обосновались их боги. Существовало взаимное обязательство, своего рода договор между богами и людьми. Как-то народные трибуны высказались в том смысле, что Рим, опустошенный галлами, не более как груда развалин, тогда как в пяти милях от Рима в прекрасной местности расположен полностью отстроенный, большой, красивый город, покинутый жителями после завоевания римлянами, а потому следует переселиться из разрушенного Рима в этот город под названием Вейи. Но благочестивый Камилл возразил: «Наш город основан в соответствии с религиозными обрядами; сами боги выбрали это место и поселились здесь вместе с нашими отцами. Как бы ни был он разрушен, но он остается обителью наших богов». И римляне остались в Риме.

Глава 5

КУЛЬТ ОСНОВАТЕЛЯ. ЛЕГЕНДА ОБ ЭНЕЕ

Основателем города являлся человек, совершивший религиозный обряд, без которого не могло быть города. Он устанавливал очаг, на котором должен был вечно гореть священный огонь. Молитвами и обрядами он призвал богов и навечно поселил их в новом городе.

Так что понятно, каким уважением пользовался этот святой человек. При его жизни люди видели в нем создателя культа и отца города; после смерти он становился общим предком для всех последующих поколений. Для города он был тем же, чем первый предок для семьи, — *Lar familiaris* —

семейным ларом. Память о нем сохранялась навсегда, как огонь, который он зажег. Существовал культ основателя города, он считался богом, и город поклонялся ему как своему богу. Ежегодно на его могиле совершались жертвоприношения.

Известно, что Ромулу поклонялись, установили его культ, у него был свой храм и свои жрецы. Сенаторы могли отнять у него жизнь, но не могли лишить культа, на который он имел право как основатель города. В каждом городе точно так же поклонялись тем, кто основал город. Кекропс и Тесей, которых считали основателями Афин, имели в Афинах свои храмы. Абдеры приносили жертвы своему основателю Тимесию, Фера поклонялась Ферасу, Тенедос — Тену, Делос — Анию, Кирена — Батту, Милет — Нелею, Амфиполис — Агнону. Во времена Писистрата Мильтиад (принадлежал к роду Филаидов — одному из самых влиятельных в Афинах) основал колонию на Херсонесе Фракийском; после смерти ему установили культ «согласно принятому обычаю». Гиерону Сиракузскому, основателю города Этна, со временем был установлен «культ как основателю города».

Для города не было ничего дороже, чем воспоминание о своем основателе. Когда во II веке до н. э. Павсаний посетил Грецию, то каждый город смог сообщить ему имя своего основателя, его родословную и основные события его жизни. Имя основателя и эти события не могли изгладиться из памяти народа, поскольку они являлись частью религии, и их вспоминали каждый год во время совершения священных церемоний.

Сохранилось много греческих поэм, сюжет которых был связан с основанием города. Филохор воспел основание Саламиса, Ион — основание Хиоса, Критон — основание Сиракуз, Зопир — основание Милета. Аполлоний, Гермоден, Гелланик и Диокл писали поэмы и рассказы об основании городов. Возможно, не было ни одного города, о котором бы не была написана поэма или не имевшего, по крайней мере, гимна, воспевавшего священный акт его рождения.

Среди этих древних поэм, посвященных священному основанию города, есть одна, сюжет которой дорог одному городу, но изящное изложение которой сделал ее необычайно ценной для всех народов всех эпох. Известно, что

Эней основал Лавиний, откуда вышли альбанцы и римляне, а потому он считался первым основателем Рима¹.

Об Энее сложено много легенд и преданий, которые мы находим уже в стихах Гнея Невия и рассказах Катона Старшего. Вергилий ухватился за этот сюжет и создал национальную поэму римского города.

Прибытие Энея или, скорее, переселение богов в Италию составляет сюжет «Энеиды». Поэт воспевает человека, который пересек море, чтобы основать город и переселить своих богов в Лациум:

Битвы и мужа пою, кто в Италию первым из Трои
Роком ведомый беглец — к берегам приплыл Лавинийским².

Не следует судить об «Энеиде» с современной точки зрения. Люди часто выражают недовольство, не находя в Энее таких качеств, как храбрость, отвага, страсть. Их утомляет постоянно повторяемый по отношению к герою эпитет «благочестивый». Они удивляются, видя, как этот воин советуется с пенатами, призывает по всякому случаю какое-нибудь божество, воздевает к нему руки, когда должен сражаться, бороздит моря, ведомый оракулами, и проливает слезы при виде опасности. Его упрекают в холодности по отношению к Дидоне.

Заклинаю слезами моими,
Правой рукою твоей,— что еще мне осталось, несчастной? —
Ложем нашей любви, недопетой брачною песней:
Если чем-нибудь я заслужила твою благодарность,
Если тебе я была хоть немного мила,— то опомнись,
Я умоляю тебя, и над домом гибнущим сжался.
Из-за тебя номадов царям, ливийским народам,
Даже тирийцам моим ненавистна стала я; ты же
Стыд во мне угасил и мою, что до звезд возносилась,
Славу сгубил. На кого обреченную смерти покинешь...
...Так умоляла она, и мольбы ее слезные Анна
Вновь и вновь к Энею несла — но не тронули речи³
Скорбное сердце его, и просьбам слезным не внял он...

¹ Легенда гласит, что предком римского народа был троянский герой Эней, который покинул свой город, разрушенный греками. После долгого и опасного плавания по Средиземному морю Эней со своими спутниками вступил на землю Лациум. Взяв в жены дочь царя Лавинию, он основал город Лавиний. Сын Энея Асканий основал город Альбу, где спустя столетие родились Ромул и Рем.

² Вергилий. Энеида. (Пер. С. Ошерова.)

³ Там же.

Но речь в поэме идет не о войне или о романтическом герое. Поэт хочет представить нам жреца. Эней — глава культа, святой человек, божественный основатель, чья миссия заключается в спасении пенатов родного города.

Благочестивым зовусь я Энеем; спасенных пенатов
Я от врага увожу, до небес прославлен молвою¹.

Его главным качеством должно быть благочестие, и эпитет «благочестивый», наиболее часто используемый поэтом, является наиболее подходящим. Его достоинством должна быть холодная и возвышенная бесстрастность, делающая из него не человека, а орудие богов. К чему искать в нем страстность? Он не имеет права на страсти или, по крайней мере, должен скрывать их в самой глубине души.

У Гомера Эней уже святая личность, великий жрец, которого народ чтит как бога, а Юпитер предпочитает Гектору. У Вергилия он защитник и спаситель троянских богов. В ночь гибели города ему во сне является Гектор, который говорит:

«Троя вручает тебе пенатов своих и святыни:
В спутники судеб твоих ты возьми их, стены найди им,
Ибо, объехав моря, ты воздвигнешь город великий».
Вымолвив так, своєю рукою выносит он Весту,²
Вечный огонь и повязки ее из священных убежищ².

Этот сон не просто украшение действия, придуманное поэтом. Напротив, это основа поэмы, поскольку благодаря этому сну Эней становится хранителем богов города, и во сне ему открывается возложенная на него священная миссия.

Город — *urb* — троянцев погиб, но не погибла троянская община — *civitas*; благодаря Энею не погас священный огонь, и у богов остался их культ. Бежит Эней вместе с друзьями и богами из Трои, скитается по морям в поисках страны, где можно было бы остановиться.

Гавань, и берег родной, и поля, где Троя стояла,
Я покидаю в слезах и в открытое море, изгнанник,
Сына везу и друзей, великих богов и пенатов.
Есть земля вдалеке, где Маворса широкие нивы

¹ Вергилий. Энеида. (Пер. С. Ошерова.)

² Там же.

Пашет фракийцев народ, где царил Ликург беспощадный.
Были пенаты страны дружелюбны пенатам троянским
Встарь, когда Троя цвела...

Эней озабочен поисками жилища, хотя бы самого маленького, для отчих богов.

Но выбор жилища, с которым будет навечно связана судьба общины, зависит не от людей, а от богов. Эней советуется с прорицателями и оракулами. Он не сам выбирает путь и ставит цели, он отдается на волю богов.

Он остался бы во Фракии, на острове Крит, на Сицилии, в Карфагене с Дидоной — *fata obstant*, препятствует судьба. Между ним и его желанием покоя, между ним и его любовью всегда стоит воля богов — *fata* — судьба.

Не следует впадать в заблуждение: истинным героем поэмы является не Эней; герои поэмы боги Трои, те самые боги, которые однажды должны стать богами Рима. Сюжет «Энеиды» — борьба римских богов с враждебно настроенными к ним богами. На их пути постоянно возникают всякие препятствия.

Их едва не поглотила пучина, чуть не поработила женская любовь; но они одерживают победу и достигают намеченной цели.

Именно это возбуждало особый интерес римлян. В поэме они видели себя, своего основателя, свой город, свои институты, свою религию; без этих богов не было бы римского города².

Глава 6 БОГИ ГОРОДА

Не следует упускать из виду, что в древние времена свя-
зующим элементом любого общества был культ. Подобно
тому как домашний алтарь собирал вокруг себя всех членов

¹ *Вергилий. Энеида. (Пер. С. Ошерова.)*

² Нам не следует задаваться вопросом, лежит ли в основе легенды об Энее реальный факт; вполне достаточно, что люди верили этой легенде. Из нее мы узнаем, как древние относились к основателю города, что думали о *penatiger* — несущем домашних богов; вот что представляется нам важным. Кроме того, следует добавить, что некоторые города во Фракии, на Крите, в Эпире, на Цитере, на Сицилии и в Италии считали своим основателем Энея и поклонялись ему. (*Примеч. авт.*)

семьи, так и город был общностью людей, имевшей общих богов-покровителей и совершавшей религиозные церемонии у общего алтаря.

Этот городской алтарь находился в здании, которое греки называли пританеом, а римляне — храмом Весты.

В городе не было ничего священнее, чем этот алтарь, на котором постоянно поддерживался священный огонь.

В Греции, правда, исключительное благоговение по отношению к алтарю довольно рано стало ослабевать, поскольку воображение греков захватили более роскошные храмы, более величественные статуи и более красивые легенды. Но в Риме оно никогда не ослабевало. Римляне не переставали верить, что судьба города связана с очагом, являвшимся олицетворением их богов. Почтение, каким они окружали своих весталок, доказывает значимость их жречества. Если консул встречал на своем пути весталку, он с почтением уступал ей дорогу. В то же время, если весталка позволяла погаснуть священному огню или оскверняла культ, нарушив обет целомудрия, город считал, что подобный грех угрожает потерей богов; в этих случаях весталку, желая отомстить за содеянное, заживо зарывали в землю.

Однажды храм Весты едва не сгорел во время большого пожара, когда огнем были охвачены окружающие его дома. Рим был в ужасе, почувствовав, что его будущее в опасности. Когда опасность миновала, сенат приказал консулу найти виновников пожара, и консул выдвинул обвинение против нескольких жителей Капуи, находившихся тогда в Риме. Не то чтобы у него были улики против них, но он рассуждал так: «Пожар угрожал очагу нашего города; этот пожар, который должен был уничтожить наше величие и остановить наше развитие, могли организовать только наши самые жестокие враги. А у нас нет более непреклонных врагов, чем жители Капуи, города, который сейчас является союзником Ганнибала и который стремится занять наше место и стать столицей Италии. Следовательно, именно эти люди пытались разрушить наш храм Весты, погасить наш священный огонь, залог и гарантию нашего будущего величия». Консул, находясь под влиянием религиозных идей, считал, что враги Рима не могли найти более верного способа завоевать

Рим, как разрушить его священный очаг. В этом мы видим веру древних людей в общий очаг, который был святилищем города, причиной его появления и его хранителем.

Подобно тому как культ домашнего очага был тайным и только одна семья имела право принимать в нем участие, так и культ общественного очага был скрыт от посторонних. Никто, кроме граждан города, не мог принимать участие в жертвоприношениях. Один взгляд постороннего человека осквернял религиозное священнодействие.

У каждого города были свои боги, которые принадлежали только ему. Эти боги по своей природе были такими же, как божества первобытной семейной религии. Они также назывались ларами, пенатами, гениями, демонами, героями; под этими названиями скрывались души людей, обожествленных после смерти. Мы видели, что человек индоевропейской расы сначала поклонялся той невидимой и бессмертной силе, которую чувствовал в самом себе. Все эти гении или герои по большей части были предками.

Умерших хоронили или в самом городе, или на принадлежавшей городу земле, поскольку, согласно верованиям, о которых мы уже говорили, душа не покидала тело, то, значит, божественные мертвецы были связаны с землей, в которой были захоронены их останки. Из своих могил они наблюдали за городом; они оберегали территорию города и были в каком-то смысле ее вождями и повелителями. Это выражение — вожди страны, — применительно к умершим, встречается в предсказании, с которым пифия обращается к Солону: «Чти культ вождей страны, тех, которые обитают под землей». Подобные представления вытекают из веры в невероятное могущество, которое древние люди приписывали человеческой душе после смерти. Каждый человек, оказавший городу большую услугу, от основателя города до того, кто принес ему победу или улучшил законы, становился богом этого города. Для этого даже не нужно было быть выдающимся человеком или благотворителем; достаточно было поразить воображение своих современников, стать объектом народного предания, героем, то есть одним из могущественных мертве-

цов, чье покровительство было желанно, а гнев страшен. На протяжении десяти столетий жители Фив приносили жертвы Этеоклу и Полинику¹.

Жители Аканфа почитали некоего перса, умершего во время нашествия Ксеркса. Ипполита как бога почитали в Трезене. Пирр, сын Ахилла, был богом в Дельфах только потому, что там умер и был похоронен. Кротон поклонялся герою Милону по единственной причине, что при жизни он был самым красивым человеком в городе. Афины поклонялись как одному из своих покровителей Эврисфею, хотя он был аргивянин. Еврипид объясняет нам происхождение этого культа, когда выводит Эврисфея на сцену перед кончиной с обращением к афинянам: «Похороните меня в Аттике. Я буду милостив к вам и из недр земли буду покровителем вашей страны». Трагедия «Эдип в Колоне» основана на этом веровании. Афины и Фивы борются за тело человека, который должен умереть и стать богом.

Для города было большой удачей обладать сколько-нибудь значимыми покойниками. Мантинея с гордостью говорит об останках Ареса, Фивы — об останках Герiona, Мессена — Аристомена. Иногда, чтобы добыть драгоценные реликвии, прибегали к хитрости. Геродот рассказывает, как спартанцы обманным путем добыли кости Ореста. Эти кости, с которыми была связана душа героя, действительно тут же помогли спартанцам одержать победу. Как только Афины достигли могущества, первое, на что они его употребили, — это завладели прахом Тесея, похороненного на острове Скирос, а затем построили ему в городе храм, чтобы увеличить число своих богов-покровителей.

У людей, кроме этих богов и героев, были еще боги иного рода, такие как Юпитер, Юнона, Минерва, к которым

¹ Этеокл и Полиник — сыновья царя Фив Эдипа и Иокасты. После того как Эдип узнал правду о своем рождении и о том, что женат на своей матери, он проклял сыновей и удалился в изгнание. Этеокл и Полиник договорились править поочередно по одному году, но по окончании года Этеокл отказался уступить место брату, что привело к выступлению «семерых против Фив». Братья убили друг друга в поединке. Когда детям Эдипа в Фивах приносили жертвы всеожжения, то пламя и дым делились надвое, расходясь в разные стороны.

их мысли были привлечены природными явлениями, но мы уже знаем, что эти создания человеческого ума долгое время выступали в качестве домашних или местных богов. Поначалу человек не рассматривал этих богов как покровителей всего рода человеческого. Люди считали, что каждый из этих богов принадлежит конкретной семье или городу.

Таким образом, в каждом городе, помимо героев, было принято иметь Юпитера, Минерву или какого-нибудь другого бога, который был связан с первыми пенатами и священным огнем. В Греции и Италии было множество божеств, охранявших город. У каждого города были свои боги, обитавшие в нем.

Имена многих божеств стерлись из памяти; случайно сохранились имена бога Сатрапеса, принадлежавшего городу Эллис, богини Диндимены в Фивах, бога Сотера в Эгиуме, богини Бритомартис на острове Крит, Гебал в Библе. Нам более известны имена Зевс, Афина, Гера, Юпитер, Минерва и Нептун, и мы знаем, что они часто применялись к богам-покровителям городов; из того, что два города, случалось, давали богам одно и то же имя, не следует делать вывод, что они поклонялись одному и тому же богу. Афина была в Афинах, и в Спарте была Афина, но это были разные богини. Во многих городах покровителем был бог Юпитер, и Юпитеров было столько, сколько было городов. В легенде о Троянской войне мы находим Палладу, которая сражается на стороне греков, в то же время у троянцев тоже есть Паллада, имеющая культ и оказывающая покровительство тем, кто ее почитает. Разве можно подумать, что одна и та же богиня поддерживает и греков, и троянцев? Конечно нет; древние народы не приписывали вездесущности своим богам. У Аргоса была богиня Гера, и у Самоса была богиня Гера, но это были разные богини, имевшие разные атрибуты. В Риме была Юнона, и в пяти милях от Рима в Вейях тоже была Юнона. У них было настолько незначительное сходство, что во время осады Вей диктатор Камилл обратился к Юноне, богине врагов, уговаривая ее покинуть этрусский город и перейти в его лагерь. Овладев городом, он взял статую богини в полной уверенности, что забирает саму богиню, и привез ее в Рим. С тех пор в Риме стало две Юноны-покровительницы. Спустя несколько лет подобная

история повторилась с Юпитером, которого другой диктатор привез из города Пренесте, хотя к тому времени в Риме было уже три или четыре Юпитера.

Город, имевший собственное божество, не желал, чтобы это божество оказывало покровительство посторонним, и не позволял посторонним поклоняться своему божеству. Обычно в храм имели доступ только граждане города. Только аргивяне имели право входить в храм Геры в Аргосе, а чтобы входить в храм Афины в Афинах, нужно было быть афинянином. Римляне, поклонявшиеся двум Юнонам, не могли входить в храм третьей Юноны, расположенный в небольшом городке Лавиний.

Не следует упускать из виду, что древние никогда не представляли себе бога как единственное, оказывающее влияние на всю вселенную существо. У каждого из этих многочисленных богов была своя сфера деятельности; один покровительствовал семье, другой — трибе, третий — городу. Таким был мир, довольствующийся деятельностью каждого из богов. Что касается бога всего рода человеческого, то у некоторых философов имелось особое мнение по этому вопросу, и Элевсинские мистерии давали, возможно, некоторое представление о едином боге наиболее мыслящим из числа посвященных; однако толпа никогда не верила в такого бога. На протяжении долгого времени человек относился к божественному существу как к силе, которая защищает лично его, и каждый человек или группа людей хотели иметь своих богов. Даже сегодня среди потомков древних греков мы находим необразованных крестьян, которые горячо молятся святым, однако очень сомнительно, что они имеют представление о боге. Каждый из них хочет иметь своего личного покровителя, своего заступника. В Неаполе каждый квартал имеет свою мадонну; лацароне (нищие) преклоняют колени перед своей мадонной и оскорбляют мадонну соседней улицы; зачастую можно увидеть, как ссорятся или даже дерутся два факкини (носильщики) из-за достоинств своих мадонн. В наши дни такие случаи являются исключением и встречаются только у некоторых народов; у древних народов они были правилом.

В каждом городе было свое сословие жрецов, которые не зависели от внешней власти. Между жрецами двух го-

родов не было никакой связи; они не общались, не обменивались знаниями, не обсуждали ни учения, ни религиозные церемонии. Если человек переезжал из одного города в другой, то находил на новом месте других богов, другие догматы, другие церемонии. У древних были книги ритуалов, но ритуалы одного города не были похожи на ритуалы другого города. У каждого города были свои книги молитв и обрядов, которые хранили в глубоком секрете; открыть эти секреты посторонним означало подвергнуть риску свою религию и свою судьбу. Таким образом, религия была местной, гражданской (в том смысле, как понимали это слово древние), то есть характерной для каждого города.

Человек, как правило, знал богов только своего города, только их почитал и только им поклонялся. Каждый мог сказать то, что говорит в трагедии Эсхила чужестранец аргивянам: «Я не боюсь богов вашей страны; я им ничем не обязан».

Каждый искал защиты у своих богов. Люди призывали их в опасности и благодарили за одержанные победы. Часто им приписывали поражения и упрекали за то, что они плохо выполняют свои обязанности по защите города; иногда дело доходило до того, что уничтожали их алтари и причиняли ущерб храмам.

Обычно боги проявляли заботу о городе, в котором им поклонялись, что вполне естественно: боги жаждали жертвоприношений и получали их только в своем городе. Если они хотели, чтобы и дальше совершались жертвоприношения и гекатомба¹, то должны были внимательно следить за безопасностью города.

¹ Г е к а т о м б а — торжественное жертвоприношение из ста быков. Этим словом обозначалось любое количество жертвенных животных, даже если оно не доходило до ста.

Мы, окружая родник, на святых алтарях приносили
Вечным богам гекатомбы отборные возле платана,
Из-под которого светлой струею вода вытекала.
Ныне черный корабль на священное море ниспустим,
Сильных гребцов изберем, на корабль гекатомбу поставим.

Гомер. Илиада. (Пер. Н. Гнедича.)

Впоследствии — любое большое торжественное жертвоприношение. В Афинах гекатомба совершалась во время самого значительного праздника Панафиней.

Посмотрите, как Юнона у Вергилия «стареется и трудится», чтобы ее Карфаген со временем стал мировой империей. Каждый из богов, как Юнона Вергилия, принимал к сердцу дела своего города. У богов были те же интересы, что у граждан города, и во время войны боги сражались вместе с людьми. У Еврипида мы находим персонаж, который накануне битвы говорит: «Боги, сражающиеся на нашей стороне, сильнее богов, которые находятся на стороне врага». Эгинцы никогда не выступали в поход, не взяв с собой статуи своих народных героев Эакидов. Спартанцы во все экспедиции брали с собой Тиндаридов (иначе Диоскуры). В сражениях боги и граждане поддерживали друг друга, и если одерживали победу, то потому, что каждый выполнял свой долг. Если же город терпел поражение, то считалось, что и боги потерпели поражение. Если захватывали город, то, значит, его боги попадали в плен.

По последнему вопросу мнения, правда, расходились. Многие были убеждены, что город не мог быть захвачен, пока в нем живут боги. Когда Эней видит, что греки захватили Трою, он кричит, что боги покинули город, оставив свои храмы и алтари. У Эсхила хор фивянок высказывает то же мнение, когда при виде приближающегося врага умоляет богов не покидать город.

Следуя этому мнению, для того чтобы взять город, следовало заставить богов покинуть его. Римляне использовали для этого заклинания, имевшиеся в их ритуалах и сохранные Макробием¹: «Ты, о великий, под чьей защитой находится этот город, прошу тебя, оставь этот город и этот народ, покинь его храмы и священные места

¹ М а к р о б и й Амвросий Феодосий — древнеримский писатель, филолог и философ-неоплатоник. Значение Макробия в истории литературы основывается на двух произведениях: «Сатурналиях» и «Сне Сципиона». В первом сочинении автор сначала рассуждает о происхождении праздника Сатурналий, затем переходит к оценке достоинств Вергилия и других античных писателей, а также к рассуждениям на различные темы и забавным анекдотам из жизни великих людей прошлого. Произведение особенно ценно тем, что в нем сохранено огромное количество цитат и фрагментов из утраченных сочинений античной словесности. «Сон Сципиона» служит своеобразным комментарием к эпизоду, изложенному в шестой книге трактата Цицерона «О государстве»; автор рассуждает о природе души, магическом значении чисел, пророчествах, толковании сновидений и т. п.

и, отделившись от них, приди в Рим ко мне и моим согражданам. Может, наш город, наши храмы и наши священные места станут тебе приятнее и дороже; прими нас под свою защиту. Если ты сделаешь это, я воздвигну храм в твою честь».

Древние были убеждены, что если произносить эти заклинания, действенные и могущественные, точно, не изменяя ни одного слова, то бог не сможет устоять против просьбы. Призываемый с помощью заклинаний бог переходил на сторону врага, и город был взят.

В Греции мы находим те же представления и обычаи. Еще во времена Фукидида греки, осаждая город, обращались с просьбой к богам разрешить им взять город. Часто вместо того, чтобы использовать заклинания для привлечения внимания бога, греки предпочитали тайком похитить его статую. Всем известна легенда об Улиссе, похитившем Палладу у троянцев. В другие времена эгинцы, решив развязать войну с Эпидавром, начали с того, что похитили две статуи богов-покровителей Эпидавра и перевезли их в свой город.

Геродот рассказывает, что афиняне хотели начать войну с эгинцами, но это было весьма опасным делом, поскольку у Эгины был крайне могущественный и исключительно преданный ей герой-покровитель Эак. Поразмыслив, афиняне отложили выполнение этого замысла на тридцать лет, построили у себя храм в честь Эака и установили ему культ. Они были убеждены, что если культ будет продолжаться без перерыва на протяжении тридцати лет, то бог будет принадлежать не эгинцам, а им. Они действительно думали, что бог не может принимать в течение такого долгого времени обильные жертвоприношения и не чувствовать обязательств перед теми, кто их совершает. Следовательно, Эак в конце концов будет вынужден покинуть эгинцев и принести победу афинянам.

Другую историю рассказывает Плутарх. Солон хотел, чтобы Афины завладели островом Саламин, который в то время принадлежал мегарянам. Он обратился за советом к оракулу, и тот ответил: «Если ты хочешь завоевать остров, то должен сначала снискать расположение героев-покровителей, которые живут на нем». Солон последовал совету оракула. От имени Афин он принес жертвы двум

главным героям острова Саламин. Герои не устояли перед подношениями, перешли на сторону афинян, и остров, оставшийся без покровителей, был завоеван.

Если во время войны осаждающая сторона стремилась завладеть богами города, то осажденные со своей стороны делали все возможное, чтобы удержать богов. Иногда бога приковывали цепями, чтобы помешать ему уйти. В некоторых случаях его прятали, чтобы враг не мог его найти. Или противопоставляли заклинанию, с помощью которого враг пытался переманить к себе бога, свое заклинание, способное удержать его. Римляне изобрели способ, который казался им самым надежным; они держали в секрете имя самого могущественного из своих богов-покровителей. Они считали, что, поскольку враг не сможет назвать бога по имени, бог никогда не перейдет на сторону врага, а значит, их город никогда не достанется врагу.

Из всего вышесказанного видно, какие странные воззрения были у древних относительно богов. Должно было пройти много времени, прежде чем у древних появилось представление о боге как о высшей силе. У каждой семьи была своя собственная религия, у каждого города своя национальная религия. Город был подобен небольшой церкви, имевшей своих богов, свои догматы, свой культ. Эти верования кажутся нам очень примитивными, но в те времена они были верованиями самого развитого в интеллектуальном отношении народа и оказали настолько сильное влияние на греков и римлян, что послужили основой большей части их законов, институтов и истории.

Глава 7 РЕЛИГИЯ ГОРОДА

Общественные трапезы

Мы уже говорили, что главным обрядом домашнего культа была трапеза, которая называлась жертвоприношением. Есть пищу, приготовленную на алтаре, было, по всей видимости, первой формой, которую человек придал религиозному акту. Потребность установления общения с божеством удовлетворялась совместной трапезой,

на которую люди приглашали божество и где оно получало свою порцию пищи.

Главной церемонией культа города тоже была трапеза подобного рода; было принято, чтобы в честь богов-покровителей в ней принимали участие все граждане города. В Греции был широко распространен обычай общественных трапез; греки верили, что благосостояние города зависит от точного выполнения этого обычая.

В Одиссее дается описание одной из таких священных трапез.

**Путники в Пилос, богато отстроенный город Нелея,
Прибыли. Резали черных быков там у моря пилосцы
Черноволосому богу, Земли Колебателю, в жертву.
Девять было разделов, пятьсот сидений на каждом,
Было по девять быков пред сидевшими в каждом разделе.
Потрох вкушали они, для бога же бедра сжигали I.**

Эта трапеза, называвшаяся трапезой богов, начиналась и заканчивалась возлияниями и молитвами. Древний обычай совместных трапез упоминается в самых древних афинских преданиях. Рассказывают, что Орест, убийца матери, прибыл в Афины в тот момент, когда весь город, собравшись вокруг царя, приступил к выполнению священнодействия.

Такие общественные трапезы были известны и в Спарте, но мысли, обычно высказываемые людьми по поводу этих трапез, далеки от истины. Предполагают, что спартанцы жили и ели только вместе, словно им ничего не было известно о частной жизни. Однако древние авторы сообщают нам, что спартанцы часто ели дома, в кругу семьи, а общественные трапезы проходили два раза в месяц, не считая праздников. Эти трапезы были такими же религиозными актами, как в Афинах, Аргосе и по всей Греции.

Кроме этих трапез, на которые собирались все граждане и которые устраивались только во время торжественных праздников, религия предписывала ежедневное совершение священной трапезы. С этой целью город выбирал нескольких человек, которые были обязаны совершать совместные трапезы в пританее в присутствии богов-покровителей и священного очага. Греки были убеждены, что если трапеза

I Гомер. Одиссея. (Пер. В. Вересаева.)

будет прервана, даже на один день, то государство может потерять благоволение богов.

В Афинах люди, которые должны были участвовать в общественных трапезах, выбирались по жребию, и закон строго наказывал тех, кто отказывался выполнять возложенную на него обязанность. Плутарх с восторгом описывает «во всех отношениях прекрасный институт, совместные трапезы, для того чтобы граждане сходились обедать за общий стол и ели мясные и мучные кушанья, предписанные законом», от которых нельзя было уклониться или явиться сытым. Граждане, сидевшие за священным столом, назывались паразитами, это слово, впоследствии ставшее выражением презрения, вначале было священным. Во времена Демосфена паразитов уже не было, но пританы по-прежнему были обязаны вместе есть в пританее. Во всех городах были помещения для совместного приема пищи.

В том, как проходили эти совместные обеды, нетрудно увидеть религиозную церемонию. На голове у каждого участника был веночек; согласно древнему обычаю при совершении торжественных религиозных актов все участники были в венках из цветов и листьев. «Чем больше ты украшен цветами, — говорили древние, — тем скорее понравится богам, и если ты приносишь жертву без венка на голове, то боги отвернутся от тебя». И еще: «Венок — вестник счастливого предзнаменования, которое молитва посылает перед собою к богам». По этой же причине все участники трапезы были в белых одеждах; у древних белый цвет считался священным, поскольку нравился богам. Согласно Платону, «белый цвет подобает богам и вообще хорош, в том числе и для тканей».

Обед неизменно начинался с молитвы, возлияний и исполнения гимнов. В каждом городе устанавливались свои правила относительно видов кушаний и сортов вина, которые подавались на стол.

Отклониться хоть сколько-нибудь от обычаев предков, подать новое кушанье или изменить ритм священных гимнов считалось серьезным нарушением, за которое весь город отвечал перед богами. Религия определяла, даже какую посуду следует использовать для приготовления пищи и

I Платон. О законах. Кн. XII. (Пер. А. Егупова.)

подачи ее к столу. В одном городе хлеб должен был подаваться на медных блюдах, в другом только на глиняных. Регламентировалась даже форма хлеба. Эти древние правила неукоснительно соблюдались, и священные трапезы всегда сохраняли свою первобытную простоту. Изменялось все: верования, нравы, социальный строй, но трапезы оставались неизменными, поскольку греки всегда строго соблюдали правила, установленные национальной религией.

Стоит добавить, что сотрапезники, выполнив требования религии относительно предписанной пищи, могли следом за этим приступить к обеду, состоявшему из более разнообразных и отвечающих их вкусам блюд. В Спарте так обычно и происходило.

Обычай общественных трапез был распространен и в Италии. Аристотель сообщает, что он существовал у таких народов, как этотры, оски и авзоны. Вергилий дважды упоминает об этом в «Энеиде». Царь Латин принимает послов Энея не в своем доме, а в храме, освященном религией предков, где происходят священные пиршества после заклания жертвы, где родоначальники вместе сидят за длинными столами. Далее, когда Эней приходит к Эвандру, то застаёт его за праздничным столом. Царь в окружении своего народа; все украшены венками из цветов, сидят за одним столом и поют хвалебный гимн богу города.

В Риме навсегда сохранили этот обычай. Имелось помещение, в котором представители курий совершали совместную трапезу. Сенат в определенные дни совершал общую трапезу в Капитолии. В большие праздники на улицах устанавливались столы для всего народа. Вначале этими трапезами распоряжались жрецы, а впоследствии эта обязанность была возложена на специальных жрецов, называвшихся эпулонами.

Эти древние обычаи дают представление о тесной связи, существовавшей между жителями города. Сообщество людей было религией, а символом этой религии — общественная трапеза.

Теперь остается только представить себе одно из маленьких древних обществ, где собрались все его члены, или, по крайней мере, главы семей, за одним столом, все в белых одеждах, с венками на голове. Они вместе совер-

шают возлияния, читают молитвы, поют гимны и едят пищу, приготовленную на алтаре; с ними их предки и боги-покровители. Этим людям связывает то, что сильнее интересов, договоров, привычек, — священное общение в присутствии богов.

Праздники и календарь

Во все времена и во всех обществах люди устраивали в честь богов праздники; устанавливались специальные дни, когда в душе должно было царить только религиозное чувство и человек не отвлекался на мысли о земных делах и заботах. Часть дней из тех, которые были отведены ему на жизнь, он посвящал богам.

Каждый город был основан с соблюдением обрядов, которые, по мнению древних, помогали убедить богов поселиться в городе. Для восстановления силы этих обрядов ежегодно проводились новые религиозные церемонии. Ежегодный праздник назывался днем рождения, и все граждане должны были принимать в нем участие.

Все, что было священным, давало повод для праздника. Существовал праздник, сопровождавшийся процессиями вокруг города и жертвоприношениями, амбурбалия (amburbalia) и праздник амбарвалия (ambarvalia) — религиозные процессии вокруг полей. В эти дни процессия граждан в белых одеждах, с венками на голове, с пением молитв обходила вокруг города или вокруг поля; во главе процессии шли жрецы, которые вели жертвенных животных. Церемония завершалась жертвоприношением.

Потом появился праздник основателя. Затем каждый герой города, каждая душа, которую люди призывали как бога-покровителя, требовала своего культа. Такие культы были у Ромула, Сервия Туллия и многих других, вплоть до кормилицы Ромула и матери Эвандра. В Афинах был праздник Кекропса, Эврисфея и Тесея, а также воспитателя Тесея, и Эврисфея, и Андрогей, и множество других праздников.

Еще были праздники земледелия, связанные с пахотой, посевом, сбором урожая. В Греции, как и в Италии, каждый акт жизни земледельца сопровождался жертвоприно-

шением, и работы велись под пение священных гимнов. В Риме жрецы каждый год устанавливали день, когда следовало приступить к сбору винограда, и день, когда можно начать пить молодое вино. Все устанавливала религия, даже предписывала обрезать виноградную лозу, потому что, объясняла она людям, нечестиво совершать богам возлияния вином из винограда с неподрезанной лозы.

У каждого города были праздники в честь каждого бога, который считался покровителем города; зачастую таких богов было много. По мере того как город вводил культ нового бога, требовалось найти день, который был бы посвящен новому богу. Основное отличие праздников заключалось в запрете на работу; эти дни следовало проводить весело, петь и участвовать в общих играх. Афинская религия добавляла: остерегайтесь в эти дни причинять друг другу обиды.

Календарь представлял собой последовательность религиозных праздников; вот почему его составляли жрецы. В первый день каждого месяца понтифик, совершив жертвоприношение, созывал народ и объявлял праздники на текущий месяц. Этот созыв носил название *calatio*, от которого происходит название первого дня месяца — *calendae* — календы.

Составители календаря не брали в расчет движение луны и солнца, они руководствовались исключительно религиозными законами, таинственными законами, известными только жрецам. Иногда религия требовала сократить год, иногда увеличить число дней в году. Можно составить представление о древнейшем календаре, если вспомнить, что у альбанцев в мае было двенадцать дней, а в марте тридцать шесть.

Понятно, что календарь одного города мог полностью отличаться от календаря другого города, поскольку у каждого города была своя религия, свои праздники, свои боги. В разных городах было различное число дней в году, по-разному назывались месяцы: в Афинах они назывались не так, как в Фивах, а в Риме иначе, чем в Лавиние. Все дело в том, что название месяцу давали, как правило, по названию главного праздника, а праздники в разных городах были разные. Между городами не существовало договоренности относительно начала года или о том, чтобы вести

летоисчисление с одной даты. Со временем в Греции летоисчисление велось по Олимпийским играм, однако это не мешало каждому городу иметь собственное летоисчисление. В Италии каждый город вел исчисление со дня своего основания.

Перепись

Среди наиболее важных религиозных обрядов был один, называвшийся очищение. В Афинах он совершался ежегодно, в Риме — раз в пять лет. Само название указывает на то, что цель этой церемонии заключалась в избавлении от грехов, совершенных гражданами против культа. Действительно, религия с ее сложными законами являлась источником страха для древних людей; вера и чистота намерений значили мало. Религия состояла из бесчисленного количества правил, и человек пребывал в вечном страхе, что может невзначай совершить какую-нибудь ошибку, не выполнить одно из правил и вызвать на себя гнев какого-нибудь бога. Вот для того, чтобы успокоить сердце, и необходима была искупительная жертва. Должностное лицо, обязанностью которого было приносить эту жертву (в Риме это был цензор; до цензора — консул, а еще раньше — царь), первым делом с помощью гадания удостоверился, что боги благосклонно примут жертву. Затем он созывал народ, прибегнув к помощи специальных вестников, которые использовали в подобных случаях особую священную формулу. В назначенный день все граждане собирались вне городских стен; цензор трижды обходил хранивших гробовое молчание собравшихся людей; перед собой он гнал трех жертвенных животных: овцу, свинью и быка; у греков, как и у римлян, эти животные вместе составляли искупительную жертву. Завершив третий круг, цензор произносил священные молитвы и совершал жертвоприношение¹.

С этого момента община очищалась от всех грехов, и город продолжал жить в мире с богами. Для выполнения это-

¹ Тит Ливий приписывает появление этого института царю Сервию Туллию, но скорее всего этот обряд появился намного раньше. Его приписывают Сервию лишь потому, что он внес в него изменения, о которых мы поговорим позже. (Примеч. авт.)

го акта требовалось соблюдение двух важных условий: во-первых, среди граждан не должно было быть посторонних, поскольку это губительным образом отразилось бы на всей процедуре церемонии, и, во-вторых, на церемонии обязательно должны были присутствовать все граждане города, так как не было безгрешных людей. Отсюда следует, что перед проведением церемонии было необходимо провести перепись народа. И в Риме, и в Афинах велся скрупулезный подсчет людей. Вполне вероятно, что в священной молитве упоминалось количество людей, принимавших участие в церемонии, поскольку затем эта цифра вносилась в составленный цензором отчет о священной церемонии.

Человек, не внесший свое имя в списки, наказывался лишением гражданства. Такая строгость легко объяснима. Человек, не принимавший участие в религиозном акте, не прошедший обряд очищения, за которого не произносились молитвы и не совершалось жертвоприношение, не мог оставаться гражданином. В глазах бога, присутствовавшего на этой церемонии, он больше не был гражданином¹.

О степени важности этой церемонии можно судить по чрезвычайной власти, которой был наделен цензор. Прежде чем приступить к жертвоприношению, цензор выстраивал народ в определенном порядке. В этот день он был полновластным хозяином, он указывал каждому соответствующее ему место. Затем, когда все занимали места согласно его указаниям, цензор приступал к священнодействию. Таким образом, начиная с этого дня и до следующего дня очищения каждый человек в городе занимал то место, которое указал ему цензор в день очищения. Он был сенатором, если цензор отводил ему место среди сенаторов, или рядовым гражданином, если занимал место среди членов трибы. Если цензор отказывался допустить кого-то к участию в церемонии, то этот человек переставал быть гражданином. Таким образом, место, которое человек занимал во время проведения религиозной церемонии и на котором его видели боги, сохранялось за ним на протяжении пяти лет, до

¹ Граждане, отсутствовавшие на очистительной церемонии в Риме, были обязаны вернуться домой для очищения; ничто не могло освободить их от этого обряда. *(Примеч. авт.)*

следующей церемонии очищения. Такой огромной была власть цензора.

На церемонии присутствовали только граждане, но их жены, дети, рабы, имущество, движимое и недвижимое, очищалось, так сказать, через главу семьи. По этой причине перед жертвоприношением каждый гражданин должен был передать цензору список находившихся в его власти людей и принадлежащей ему собственности.

Во времена Августа очищение совершалось с соблюдением тех же обрядов, что и в глубокой древности. Понтифики по-прежнему считали эту церемонию религиозным актом, а государственные деятели рассматривали ее как отличный способ управления народом.

Религия в народных собраниях, в сенате, в суде, в войсках

Не было ни ОДНОГО события в общественной жизни, в котором бы не принимали участие боги. Поскольку люди были уверены, что боги могут быть как наилучшими защитниками, так и самыми лютыми врагами, они не смели предпринимать никаких действий, не убедившись предварительно, что боги отнесутся к ним благосклонно. Народ устраивал собрания только в разрешенные религией дни. Люди помнили, как на город однажды обрушилась беда; это, несомненно, произошло в тот день, когда боги отсутствовали или были разгневаны, а значит, ежегодно в этот день должно было происходить то же самое по неизвестным для смертных причинам. Следовательно, этот день навсегда становился несчастливым; в этот день не собирались собрания, не устраивался суд; общественная жизнь временно прекращалась.

В Риме, прежде чем открыть собрание, авгуры¹ должны были выяснить, как к этому относятся боги.

Собрание начиналось с молитвы, которую произносил авгур, а консул повторял за ним.

¹ А в г у р ы — члены почетной римской жреческой коллегии, выполнявшие официальные государственные гадания для предсказания исхода тех или иных мероприятий по ряду природных признаков и поведению животных.

Таким же обычай был у афинян. Собрание всегда начиналось с религиозного акта. Жрецы приносили жертву, затем на земле очерчивался круг с помощью очистительной воды; в этом священном кругу собирались граждане. До выступления первого оратора в полной тишине произносилась молитва. Кроме того, обращались к авгурам, и, если на небе появлялся какой-нибудь неблагоприятный знак, собрание тут же расходилось.

Трибуна была священным местом; у ораторов, поднимавшихся на трибуну, на голове обязательно был венок.

Местом собрания римского сената всегда был храм. Если бы собрание проходило в другом, не священном месте, то принятые сенатом постановления не имели бы законной силы, поскольку принимались в отсутствие богов. Прежде чем приступить к обсуждению, председатель совершал жертвоприношение и произносил молитву. В зале собраний находилась алтарь, на который каждый сенатор, входя, совершал возлияние, одновременно призывая богов.

Та же картина наблюдалась в Афинах. В зале находилась алтарь и священный огонь. Собрание начиналось с религиозной церемонии. Каждый сенатор подходил к алтарю и произносил молитву. На собраниях, как и во время религиозных церемоний, все сенаторы были в венках.

В Риме, как и в Афинах, суды проводились только в те дни, которые религия объявляла как благоприятные. В Афинах заседания суда происходили у алтаря и начинались с жертвоприношения. Во времена Гомера судьи собирались в «священном круге».

Фест сообщает, что в сборнике этрусских обрядов были указания относительно основания города, освящения храма, расположения курий и триб во время народных собраний и войска во время сражения. Об этом говорилось в обрядах по той простой причине, что все это было связано с религией.

В военное время религия была не менее влиятельной, чем в мирное время. В италийских городах были коллегии жрецов, называвшихся фециалами, которые, как и греческие вестники, отправляли священные обряды при объявлении войны и заключении мира. Фециал, с покрытой шерстяным покрывалом и увенчанной венком головой, произносил священную формулу объявления войны. В это

время консул в священных жреческих одеждах торжественно открывал двери храма самого древнего и почитаемого божества Италии — бога Януса. Прежде чем выступить в поход, полководец произносил перед войском молитвы и совершал жертвоприношение. Тот же обычай был в Спарте и в Афинах.

В походе войско являлось отображением города, и религия неотступно следовала за ним. Греки брали в поход статуи богов. Греческое и римское войско имели при себе очаг, на котором день и ночь поддерживался священный огонь. Римскую армию сопровождали авгуры и пулларии (заботились о священных курах, по клеванию которых гадали о будущем); при каждой греческой армии был прорицатель.

Давайте посмотрим на римское войско в тот момент, когда оно готовится к сражению. Консул приказывает привести жертву и поражает ее боевым топором; жертва падает; ее внутренности должны указать волю богов. Аруспекс изучает их, и, если предсказания благоприятны, консул отдает сигнал к началу битвы. Самое удачное расположение, самые благоприятные обстоятельства не помогут выиграть сражение, если боги не дадут своего согласия. Основной принцип военного искусства римлян заключался в способности не вступать в битву вопреки воле богов. Вот почему они ежедневно превращали свой лагерь в некое подобие цитадели.

А теперь посмотрим на греческую армию, взяв, например, битву при Платеях. Построились спартанцы; у каждого на голове венок; флейтисты играют священные гимны. Царь приносит жертву. Гадание по внутренностям не дает благоприятных предзнаменований. Жертвоприношение следует повторить. Поочередно убивают вторую, третью, четвертую жертву. В это время приближается персидская конница, осыпает спартанцев стрелами; многие убиты. Спартанцы стоят неподвижно; у ног щиты; они даже не защищаются от неприятельских стрел. Они ждут знака богов. Наконец жертва дает благоприятное предзнаменование; спартанцы поднимают щиты, вступают в бой и одерживают победу.

После каждой победы совершалось жертвоприношение; это начало триумфа, столь известного у римлян и не

менее обычного у греков. Этот обычай являлся следствием верования, которое приписывало победу богам общины. Перед сражением войско обращалось к богам с молитвой, вроде той, что мы находим у Эсхила: «О боги, которые населяют и владеют нашей землей, если нам повезет и наш город будет спасен, я обещаю оросить ваши алтари кровью овец, принести вам в жертву быков и развесить в ваших священных храмах трофеи, завоеванные копьем». В силу этого обещания победитель должен был принести жертву. Войско возвращалось в город; торжественное шествие с пением священного гимна двигалось к храму, чтобы совершить жертвоприношение богам.

В Риме была примерно такая же церемония. Войско направлялось к главному храму города. Во главе процессии шли жрецы и вели жертвенных животных. По прибытии в храм полководец приносил жертвы богам. Все воины были в венках, как подобает при совершении священного обряда, и пели священный гимн, как и воины в Греции. Потом настало время, когда воины, не раздумывая, заменили гимн, который не понимали, казарменными песнями и шутками в адрес полководца, однако по-прежнему сохранили обычай повторять рефрен — *Io triumphe*. Этот рефрен дал название всей церемонии.

Итак, в мирное, как и в военное, время религия вмешивалась во все события. Она присутствовала во всем; окружала человека со всех сторон. Душа, тело, личная жизнь, общественная жизнь, обеды, праздники, собрания, суды, сражения — все было подвластно религии города. Она руководила всеми действиями человека, распоряжалась каждой секундой его жизни, определяла все его привычки. Она управляла человеком с такой безграничной властью, что не оставалось ничего неподконтрольного ей.

Предполагать, что древняя религия была обманом, так сказать комедией, значит иметь превратное представление о природе человека. Монтескье уверяет, что римляне создали культ только для того, чтобы держать народ в узде. Это никогда не лежало в основе религии; религия, существовавшая исключительно ради общественной пользы, долго не удерживалась. Монтескье говорит, что римляне подчинили религию государству. Вернее, наоборот. Достаточно почитать Тита Ливия, чтобы понять, в какой за-

висимости находились люди от богов. Ни римляне, ни греки ничего не знали о тех серьезных конфликтах между церковью и государством, которые были обычны в других обществах. Это было только потому, что в Риме, как в Спарте и Афинах, религия поработила государство, или, скорее, государство и религия настолько слились друг с другом, что было невозможно отличить одно от другого, не говоря уже о возможности появления конфликтов между государством и религией.

Глава 8 ОБРЯДЫ И ЛЕТОПИСИ

Древняя религия ни по своей сути, ни по качествам не поднимала человеческий разум до понятия об абсолютном, не открывала жадному уму путь, в конце которого он мог получить некоторое представление о Боге. Эта религия была набором практически не связанных между собой мелких обычаев, незначительных обрядов. Там не надо было доискиваться до смысла, о чем-то думать, что-то объяснять. Слово религия не означало того, что означает оно сейчас для нас; мы понимаем под этим словом набор догматов, учения о Боге, символы веры в то, что находит, ся в нас и окружает нас. У древних это слово означало ритуалы, обряды, церемонии. Учение значило мало; важны были обряды; они были обязательны и необходимы. Религия была материальной связью, цепью, удерживающей человека в рабстве. Человек создал ее, а она им управляла. Он боялся ее и не смел ни рассуждать о ней, ни обсуждать ее, ни изучать. Боги, герои, умершие требовали от человека материального культа, и он платил свой долг, чтобы они относились к нему по-дружески, а главное, чтобы не превратились в его врагов.

Человек не слишком рассчитывал на их дружбу. Боги были завистливые, раздражительные, не испытывали к человеку ни привязанности, ни дружеских чувств, охотно находились в состоянии войны с ним. Ни боги не любили человека, ни человек не любил богов. Человек верил в существование богов, но хотел, чтобы их не было. Он боялся даже своих домашних и национальных богов; он боял-

ся измены с их стороны. Человек пребывал в постоянном страхе, опасаясь вызвать их недовольство. Всю жизнь он был занят тем, чтобы умиротворять их. *Paces deorum queere*, как сказал поэт. Но как их удовлетворить? А главное, как понять, что они довольны и приняли сторону человека? Люди верили, что использование священных формул даст ответ на этот вопрос. Определенная молитва, составленная из определенных слов, давала желаемый результат, а это означало, что она услышана богом, оказала влияние на него; молитва имела силу, возможно, она была могущественнее бога, раз он не смог ей противиться. По этой причине люди хранили таинственные священные слова молитвы. После смерти отца их повторял сын. Научившись писать, люди сразу же записали эти слова. В каждой семье была книга, содержащая молитвы, которые использовались предками и которым подчинялись боги. Это было оружие, которое человек использовал против непостоянства богов. В молитвах нельзя было изменять ни слова, ни слога, а главное, ритм, в котором они исполнялись, поскольку в этом случае молитва теряла силу и не могла оказать влияния на богов. Но одной формулы было недостаточно; были еще религиозные обряды, продуманные до мельчайших подробностей и остававшиеся неизменными. Каждый жест того, кто совершал жертвоприношения, мельчайшие детали его одеяния — все регламентировалось жесткими правилами. Обращаясь к одному богу, следовало покрывать голову; обращаясь к другому — оставлять голову непокрытой; обращаясь к третьему — перекидывать полу тоги через плечо. Некоторые священнодействия требовалось совершать босиком. Некоторые молитвы имели силу лишь в том случае, если человек, произнеся их, делал полный поворот кругом слева направо. Вид жертвенного животного, цвет его шерсти, способ заклания, форма ножа, порода дерева, используемого для приготовления жертвенного мяса, — все это устанавливала религия для каждого бога каждой семьи или каждого города. Напрасно было предлагать богам тучные жертвы, если был упущен хотя бы один из бесчисленных обрядов — жертвоприношение не оказывало никакого эффекта; малейшая погрешность превращала священнодействие в акт непочтительного отношения к богу. Самое незначительное нарушение оскверняло рели-

гию и превращало богов из покровителей в жестоких врагов. Вот почему так сурово отнеслись Афины к жрецу, который внес небольшие изменения в древние обряды. По этой же причине римский сенат сурово обходился с консулами и диктаторами, если они допускали ошибку, совершая жертвоприношение.

Все эти формулы и обряды, унаследованные от предков, доказали свою силу, и не было никакого смысла в нововведениях. Нужно было полагаться на то, что делали предки, и высшее благочестие состояло в том, чтобы поступать так, как они. Не имело большого значения, что изменились верования; они могли изменяться на протяжении веков и принимать разнообразные формы в соответствии с размышлениями мудрецов или в силу народной фантазии. Важным являлось сохранить священные формулы и обряды без изменений. Поэтому у каждого города была книга, в которой хранились молитвы и обряды.

Обычай иметь священные книги был широко распространен у греков, римлян и этрусков. Иногда ритуал записывали на деревянных дощечках, иногда на холсте; в Афинах гравировали на медных пластинах, чтобы сохранить их навечно. В Риме были книги понтификов — *Indigetamenta*, книги авгуров, книги обрядов и сборники гимнов. Не было города, который бы не имел сборника гимнов в честь своих богов. Несмотря на то что вместе с нравами и верованиями менялся язык, слова и ритм оставались неизменными, и на праздниках люди по-прежнему пели все те же гимны, не понимая их смысла. Эти книги и песнопения, записанные жрецами, хранились особо тщательно. Их никогда не показывали посторонним. Рассказать об обряде или священной формуле означало изменить религии своего города и отдать своих богов врагу. Из предосторожности их скрывали даже от граждан, и изучать их разрешалось только жрецам.

Все древнее, по мнению людей, было священным и достойным почитания. Когда римлянин хотел сказать о чем-то, что ему дорого, он говорил: «Это древнее меня». Подобное выражение было и у греков. Города дорожили прошлым, поскольку в нем находили все мотивы и правила своей религии. У древних была потребность заглядывать в прошлое, поскольку на воспоминаниях и легендах был основан их

культ. Вот почему история для древних имела гораздо большее значение, чем она имеет для нас. История существовала задолго до Геродота и Фукидида, в письменном или устном виде, в виде преданий и книг, она рождалась одновременно с рождением города. Не было города, самого маленького и ничем не прославившегося, который бы с особой бережностью не хранил воспоминания о своем прошлом. Это не было тщеславием, так требовала религия. Город не считал себя вправе забывать прошлое, потому что все в его истории было связано с его культом.

История действительно начиналась с акта основания и сообщала священное имя основателя. Она продолжалась легендами о богах города и защищавших город героях. Она сообщала время и причину появления каждого культа, объясняла непонятные обряды. В ней хранились чудеса, совершенные богами, в которых они проявили свое могущество, великодушные или гнев; в ней описывались обряды, благодаря которым жрецам удалось обойти дурное предзнаменование или успокоить разгневавшихся богов; в ней описывались эпидемии, поражавшие город, в какой день был освящен храм и по какому случаю совершалось жертвоприношение; в нее вписывались все события, которые имели отношение к религии, победы, доказывавшие помощь богов, сражения, в которых боги принимали участие, поражения, доказывавшие гнев богов, из-за чего требовалось принести искупительную жертву. Все это записывалось в назидание потомкам. Вся история была вещественным доказательством существования народных богов; все описываемые события были видимой формой, под которой боги из века в век открывались людям. Среди событий многие дали начало праздникам и ежегодным жертвоприношениям. История города сообщала гражданину, во что он должен верить и чему поклоняться. Вот почему историю писали жрецы. У Рима были свои летописи понтификов; подобные летописи были у сабинских, самнитских и этрусских жрецов. Греки сохранили воспоминание о книгах и священных летописях Афин, Спарты, Дельфы, Наксоса и Тарента. Когда во времена Адриана Павсаний путешествовал по Греции, жрецы каждого города рассказывали ему древнюю историю, связанную с городом. Они не выдумывали ее, они узнали о ней из древних рукопи-

сей. Каждая история была связана только с данным местом. Она начиналась с основания города, поскольку все, что этому предшествовало, совершенно не интересовало граждан. Это объясняет, почему древние находились в полном неведении о происхождении своего племени. История содержала только те события, которые происходили в городе, не обращая никакого внимания на остальной мир. У каждого города была своя история, как и своя религия и свой календарь.

Нетрудно понять, что эти городские летописи были скучными и весьма причудливыми и по форме, и по содержанию. Они были произведениями, но не искусства, а религии. Позже появились писатели, рассказчики, такие как Геродот, мыслители, как Фукидид. Тогда история перешла из рук жрецов в другие руки и претерпела значительные изменения. Эти блестящие повествования заставляют нас сожалеть о древних городских летописях, которые могли бы сообщить нам о верованиях и внутреннем мире древних людей. Но эти книги, которые, по всей видимости, держались в тайне, никогда не покидали пределов святилища, никогда не копировались, эти книги, которые читали только жрецы, погибли, и от них осталось лишь слабое воспоминание.

Правда, и воспоминание представляет для нас большую ценность. Не имея его, мы, возможно, имели бы право отвергнуть все, что сообщают Греция и Рим о своем прошлом; все эти рассказы, которые кажутся нам столь невероятными, поскольку сильно отличаются от наших привычек, нашего образа мыслей и действий, мы могли бы принять за плод человеческой фантазии. Но оставшееся воспоминание демонстрирует то благоговейное почтение, которое древние питали к своей истории. Все события тут же запечатлевались на страницах священных книг. Каждая страница была современницей события, о котором она сообщала. Подделать эти документы не представлялось возможным, поскольку их хранили жрецы, а религия была заинтересована в том, чтобы они оставались неизменными. Даже жрецу, писавшему эти строчки, было трудно внести заведомо ложные сведения, поскольку он верил, что всякое событие идет от бога, открывает его волю и служит для будущих поколений источником благочести-

вых воспоминаний и даже священнодействий. Каждое событие, происходившее в городе, сразу становилось частью религии будущего. Понятно, что в этом случае возникало много невольных ошибок — в результате доверчивости, любви к чудесам, веры в народных богов, но речи не шло о намеренной лжи, поскольку это было бы грехом, осквернило бы священную летопись и исказило религию. Следовательно, мы можем предположить, что если в книгах и не все достоверно, то, по крайней мере, нет ничего, во что бы не верил сам жрец. Для историка, стремящегося проникнуть во тьму древнейших времен, важно понимать, что ему придется столкнуться с невольными ошибками, но не с обманом. Эти самые ошибки могут даже оказать ему помощь в изучении древних веков; они могут открыть ему если не подробности событий, то, по крайней мере, искренние убеждения людей.

Эти летописи действительно хранились в секрете, и их не читали ни Геродот, ни Тит Ливий. Однако несколько отрывков из сочинений древних авторов доказывают, что какие-то части летописей стали достоянием общественности, и эти фрагменты стали достоянием историков.

Помимо летописей, подлинных письменных документов, существовали устные предания, хранимые жителями города; не такие обезличенные и посредственные, как наши, а близкие, дорогие городу; они не менялись по прихоти воображения, да их и не могли изменить, поскольку они являлись частью культа и состояли из рассказов и песнопений, которые ежегодно повторялись во время религиозных праздников, так что и священные гимны сохранили воспоминания о событиях. Не следует думать, что предания были столь же точны, как летописи. Стремление восхвалять богов могло оказаться сильнее любви к истине. Тем не менее они были должны, по крайней мере, соответствовать летописи, поскольку жрецы, составлявшие и читавшие летописи, являлись организаторами празднеств, на которых исполнялись эти древние предания.

Но пришло время, когда летописи были обнародованы. Рим опубликовал свои летописи; стали известны летописи других городов; греческие жрецы, отринув сомнения, пересказывали содержание своих летописей. Люди собирались и изучали эти древние памятники. Сформировалось

научное направление — с Варрона и Веррия Флакка до Авла Гелия и Макробия.

Ученые пролили свет на древнюю историю. Некоторые ошибки, вкравшиеся в предания и повторенные историками, были исправлены. К примеру, люди узнали, что Порсена взял Рим, и галлы получили выкуп золотом. Пришло время исторической критики, но весьма важен тот факт, что эта критика, обратившись к источникам и изучив летописи, не нашла в них ничего, что дало бы право отвергнуть всю совокупность исторических фактов, изложенных такими авторами, как Геродот и Тит Ливий.

Глава 9

УПРАВЛЕНИЕ ГОРОДОМ. ЦАРЬ

Религиозная власть царя

Не следует думать, что город с момента основания обсуждал форму правления, придумывал и обсуждал законы, создавал институты. Ничего подобного; не так создавались законы, институты и выбиралась форма правления. Политические институты появились вместе с городом, в один и тот же день. Каждый член города носил их в себе, поскольку они коренились в верованиях и религии каждого человека.

Религия требовала, чтобы у очага был свой верховный жрец; она не допускала разделения жреческой власти. Домашний очаг имел своего верховного жреца в лице отца семьи; у очага курии был курион, или фратриарх; у каждой трибы тоже был свой религиозный глава, которого афиняне называли царем трибы. Город тоже должен был иметь верховного религиозного главу.

Жрец общественного очага назывался царем. Иногда его называли иначе. Поскольку прежде всего он был жрецом пританея, то греки предпочитали называть его пританом, а иногда архонтом. За этими разными названиями — царь,

¹ Гелий Авл — древнеримский писатель, грамматик и эрудит. Любитель древностей и представитель архаического направления латинской литературы II века.

притан, архонт — мы видим прежде всего главу религиозного культа. Он поддерживает священный огонь, читает молитвы, распоряжается религиозными трапезами.

Мы располагаем доказательствами, что древние цари Греции и Италии были одновременно жрецами. У Аристотеля, описывающего попечение религиозного культа, мы находим, что существовали «отдельные должностные лица, для совершения тех государственных жертвоприношений, которые по закону не поручены жрецам, но имеют особенное значение, как совершаемые на государственном очаге. Таких должностных лиц одни называют архонтами, другие — царями, третьи — пританами»¹.

Так пишет Аристотель, человек, хорошо разбиравшийся в устройстве греческих городов. Этот отрывок абсолютно точно указывает на то, что эти слова — царь, притан и архонт — долгое время были синонимами. Это до какой степени верно, что древний историк Харон Лампсакский, написавший книгу о царях Лакедемона, озаглавил ее «Архонты и пританы лакедемонян». Кроме того, из этого отрывка следует, что, как бы ни назывался этот человек — царем, пританом или архонтом, — он был жрецом города, и культ общественного очага являлся источником его высокого положения и власти.

Древние авторы явно указывают на жреческий характер царской власти. У Эсхила дочери Даная, обращаясь к царю Аргоса, называют его «верховным пританом» и добавляют:

Ты — алтаря, очага страны, властелин.
Воля твоя, слово твое — закон.
Единодержец мощнопрестольный, всем
Сам ты вершишь...²

У Еврипида Орест, убийца матери, говорит Менелая: «Именно я, сын Агамемнона, должен править в Аргосе», а Менелай отвечает: «Вправе ли ты, убийца, прикасаться к сосудам с очистительной водой для жертвоприношений? Вправе ли ты умерщвлять жертву?» Следовательно, основной обязанностью царя было совершение религиозных обрядов. Один из царей Сикиона был свергнут, поскольку

¹ Аристотель. Политика. Кн. VI, 11. (Пер. СЛ. Жебелева.)

² Эсхил. Просительницы. (Пер. С. Анта.)

осквернил руки убийством, а потому не мог больше совершать жертвоприношения. Лишившись права быть жрецом, он не мог оставаться царем.

Гомер и Вергилий изображают царей, непрерывно занимающихся совершением священных церемоний. От Демосфена мы знаем, что древние цари Аттики лично совершали жертвоприношения, которые предписывались религией города, а от Ксенофонта¹, что цари Спарты были религиозными вождями лакедемонян.

Этрусские лукумоны были одновременно правителями, военачальниками и жрецами.

Такое же положение занимали римские цари. В преданиях их всегда представляют жрецами. Первым был Ромул, сведущий в науке предсказаний и основавший город в соответствии с религиозными обрядами. Вторым был Нума Помпилий; он, по словам Тита Ливия, выполнял большую часть жреческих обязанностей, но предвидел, что его преемники, занятые войнами, не всегда будут в состоянии соблюдать жертвоприношения, а потому учредил должность жрецов-фламинов, которые заменяли царей в случае их отсутствия в Риме. Таким образом, римское жречество являлось порождением древней царской власти.

Эти цари-жрецы возводились на трон с религиозными обрядами. Нового царя, приведенного на вершину Капитолийского холма, усаживали на каменный постамент лицом к югу. По левую сторону от него садился авгур, на голове у него была священная повязка, а в руке жезл авгура. Возложив руку на голову царя и вознеся молитву богам, авгур принимался сосредоточенно наблюдать, не появится ли на небе какое-либо знамение, которое можно истолковать как волеизъявление богов. Вспышка молнии или появление стаи птиц расценивались как одобрение богов, и новый царь принимал власть. Ливии описывает церемонии избрания Нумы вторым царем Рима. Дионисий уверяет, что подобные церемонии сопровождали вхождение во власть всех царей, а позже устраивались для вновь из-

¹ К с е н о ф о н т — древнегреческий писатель, историк, афинский полководец и политический деятель, главное сочинение которого, «Анабасис Кира», высоко ценилось античными риторами и оказало огромное влияние на латинскую прозу.

бранных консулов, и добавляет, что в его время еще имели место подобные церемонии. Существует объяснение этого обычая. Поскольку царь становился высшим религиозным главой и благополучие города зависело от его молитв и жертвоприношений, то предварительно следовало удостовериться, что боги благосклонно относятся к новому царю.

Древние не оставили нам никаких свидетельств относительно того, как избирались спартанские цари, но, вне всякого сомнения, они интересовались волей богов. Из древних обычаев, которые сохранялись на всем протяжении существования Спарты, явствует, что каждые девять лет повторялась церемония обращения к богам: столь велик был страх, что царь может утратить благосклонность богов. «Каждые девять лет, — сообщает Плутарх, — эфоры, выбрав ясную, но безлунную ночь, садятся и в полном молчании следят за небом, и если из одной его части в другую пролетит звезда, они объявляют царей виновными в преступлении перед божеством и отрешают их от власти до тех пор, пока из Дельф или из Олимпии не придет оракул, защищающий осужденных царей»¹.

Политическая власть царя

Как в семье власть была связана со жречеством и отец — глава домашнего культа был одновременно судьей и властелином, так и верховный жрец города был одновременно политическим главой города. Алтарь, по выражению Аристотеля, пожаловал ему сан и власть. Нас не должно удивлять это смешение религиозной и политической власти. Мы находим это на первом этапе существования почти всех обществ, то ли потому, что на ранней стадии развития человечества только религия могла добиться повиновения, то ли потому, что в самой человеческой природе заложена потребность подчиняться исключительно власти нравственной идеи, и никакой иной.

Мы уже говорили, что религия вмешивалась во все сферы городской жизни. Человек постоянно ощущал зависи-

¹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. II. (Пер. С.П. Маркиша.)

мость от богов и, следовательно, от жреца, являвшегося посредником между ним и богами. Жрец заботился о священном огне, и он спасал город, по словам Пиндара, ежедневно отправляя культ. Жрец знал священные формулы и молитвы, которым не могли противиться боги; во время сражения он убивал жертву и обращался к богам с просьбой оказать покровительство. Естественно, что человека, облеченного такой властью, признавали в качестве главы. Из того, что религия принимала столь большое участие в управлении, в правосудии и войне, неизбежно следовало, что жрец был одновременно правителем, судьей и военачальником. По Аристотелю, цари спартанские были истинными начальниками и судьями народа в мирное время, предводителями его на войне и представителями перед лицом богов, то есть исполняли политические, правовые, религиозные, культурные и социальные функции. То же самое пишет Дионисий Галикарнасский относительно римских царей.

Законы этого монархического строя были крайне просты; их незачем было долго выискивать; они вытекали из правил культа. Основатель, воздвигший священный очаг, был, естественно, первым жрецом. Вначале основным правилом для передачи культа было наследственное право; был ли это семейный очаг или очаг города, религия одинаково предписывала, чтобы забота о нем переходила от отца к сыну. Таким образом, жреческий сан был наследственным, а вместе с ним и власть I.

Общеизвестный факт в истории Греции с поразительной точностью доказывает, что вначале человек, воздвигший очаг города, становился обладателем царской власти. Известно, что население ионийских колоний состояло не из афинян, а из смеси пеласгов, эолийцев, абантов и кадмейцев. Однако все очаги были установлены членами религиозной семьи Кодра².

Отсюда и получилось, что поселенцы, вместо того чтобы иметь вождя из своего племени: пеласги — пеласга,

¹ Пока мы говорим только о самых древних городах. Дальше мы увидим, что пришло время, когда наследственное право перестало быть основным правилом, и объясним, почему царская власть в Риме не была наследственной. (Примеч. авт.)

² К о д р (Кодрус) — мифический царь Аттики, живший во времена переселения дорийцев.

абанты — абанта, эолийцы — эолийца, передали царскую власть в своих двенадцати городах кодридам, потомкам царя Кодра¹.

Следовательно, кодриды получили власть не силовым путем, а потому, что были практически единственными афинянами в этом пестром скоплении племен. Поскольку они установили священные очаги, то и поддерживать священный огонь должны были именно они. Никто не оспаривал их право на власть, они получили ее мирным путем. Батт основал Кирену в Африке, и царская династия баттидов долго правила в Кирене. Протис основал Массалию (Марсель); протиады были там наследственными жрецами и пользовались значительными привилегиями.

Итак, в древних городах вождями и царями становились не с помощью применения силы, и ошибочно считать, что первый человек, ставший царем, был удачливым воином. Источником власти был культ священного огня. Религия создала царя так же, как создала главу семьи. Вера, неоспоримая и властная вера, объявила, что наследственный жрец очага является хранителем святынь и стражем богов. Как можно было сомневаться, стоит ли повиноваться этому человеку? Царь был священной личностью. Люди видели в нем если и не бога, то, по крайней мере, самого могущественного человека, способного успокоить гнев богов; человека, без помощи которого ни одна молитва не была бы услышана, ни одна жертва не была бы принята богами.

И вот теперь, могущественный царь,
Тебя, Эдип, мы все с мольбой усердной
Пришли просить: найди для нас защиту,
От бога ли услышав вещей глас,
От смертного ль узнав секрет спасенья.
Твой опыт почве благодатной равен:
Решений всхожесть он блюдет для нас.
Спаси ж наш град, о лучший среди смертных².

Эта царская власть, наполовину религиозная, наполовину политическая, установилась во всех городах с их основания без усилий со стороны царей, без сопротивления со стороны подданных. Мы не находим в периоде формирования древних обществ тех колебаний и той борьбы, кото-

¹ Геродот. История. Кн. 1, 142—148. (Примеч. авт.)

² Софокл. Царь Эдип. (Пер. Ф.Ф. Зелинского.)

рые сопровождают становление современных обществ. Нам известно, сколько потребовалось времени после падения Римской империи, чтобы восстановить нормы правильного общежития. На протяжении веков Европа видела основанную на противоположных принципах борьбу за власть над народами и народы, время от времени отвергающие любую общественную организацию. Ничего подобного не наблюдалось ни в Древней Греции, ни в Древнем Риме; их история не начиналась с борьбы, и перевороты последовали лишь в конце истории.

Общество у этих народов складывалось медленно, постепенно, переходя от семьи к трибе, от трибы к городу, без потрясений, без борьбы. Царская власть устанавливалась естественным путем, сначала в семье, позже в городе. Она не была плодом фантазии нескольких лиц; она возникла по необходимости, очевидной для всех. На протяжении долгих веков эта власть была мирной, ее уважали, ей подчинялись. У царей не было необходимости прибегать к физической силе; у них не было ни армии, ни финансов, но их власть, поддерживаемая верой, оказывающей сильное влияние на людей, была священной и неприкосновенной.

Переворот, о котором мы будем говорить дальше, уничтожил царскую власть во всех городах, но эта власть не оставила ненависти в сердцах людей. Ее не коснулась та смесь презрения с ненавистью, которая обычно сопровождает поверженное величие. Несмотря на падение царской власти, в народной памяти сохранились любовь и уважение к царям. В Греции мы находим нечто абсолютно необычное, не встречающееся в истории: в городах, где не угас царский род, не только не изгоняли представителей этого рода, но те самые люди, которые лишили представителей царского рода власти, продолжали воздавать им почести. В Эфесе, Марселе, Кирене лишённые власти представители царского рода продолжали жить, окруженные уважением народа, и даже сохранили за собой титул и знаки отличия царской власти.

Народы установили республиканскую форму правления, но слово царь не превратилось в оскорбительное слово, а осталось почетным титулом. Принято считать, что это слово вызывало ненависть и презрение. Ничего подобного: римляне использовали его в молитвах, обращаясь к богам.

И если узурпаторы не осмеливались присваивать себе этот титул, то, скорее, не потому, что он вызывал ненависть, а потому, что был священным. В греческих городах неоднократно восстанавливалась монархия, но новые монархи не считали себя вправе называться царями и довольствовались названием тираны. И дело вовсе не в том, хорош или плох был тот или иной правитель; не было принято называть доброго правителя царем, а злого тираном. Религия сама решала, кто из них плох, а кто хорош. Древние цари выполняли обязанности жрецов и получали власть от священного огня; тираны более поздней эпохи были просто политическими вождями и своей властью были обязаны только силе или выборам.

Глава 10 МАГИСТРАТУРА

Соединение политической и жреческой власти в одном лице не прекратилось с уничтожением царской власти. Переворот, установивший республиканскую форму правления, не разделил обязанности, совмещение которых считалось естественным и было в то время основным законом человеческого общества. Человек, заменивший царя, был, как и он, жрецом и одновременно политическим главой.

Иногда этот ежегодно избираемый человек носил священный титул царя. В некоторых местах сохранившееся за ним название притан указывало на его основную функцию. В других местах его называли архонтом, например в Фивах. Однако Плутарх, сообщая нам о его обязанностях, отмечает, что они практически не отличались от обязанностей жреца. Архонт был обязан носить венки, как подобало жрецу; религия запрещала ему отпускать волосы и иметь при себе какие-либо железные предметы. Все это заставляет вспомнить римских фламингов. В Платеях тоже был архонт, и религия этого города требовала, чтобы он носил белое одеяние, то есть одеяние священного цвета.

Афинские архонты, в день вступления в должность, поднимались на Акрополь с миртовым венком на голове и там приносили жертву богу города. Во время пребывания в должности архонт должен был носить венок из листьев. Теперь

нет никаких сомнений, что венок, который со временем стал и остался навсегда символом власти, был в то время всего лишь религиозным символом, внешним признаком, сопровождавшим молитву и жертвоприношение. Из девяти архонтов тот, которого называли царем, был религиозным главой, но и у остальных архонтов были свои религиозные обязанности.

У греков было общее выражение для обозначения высших должностных лиц, которое буквально означало — те, которые должны совершать жертвоприношения; это древнее выражение ясно говорит о том, кем они были в глазах древних людей. По словам Пиндара, с помощью жертвоприношений эти люди обеспечивали безопасность города.

В Риме вновь избранный консул первым делом совершал жертвоприношения на форуме. На площадь пригоняли жертвенных животных и, после того как верховный жрец объявлял их годными для принесения в жертву, консул собственноручно убивал их, в то время как глашатай призывал народ хранить благоговейное молчание, а флейтист играл священную мелодию. Спустя несколько дней консул отправлялся в Лавиний, откуда вышли римские пенаты, и там совершал следующее жертвоприношение.

Когда мы внимательнее изучим природу магистратуры у древних, то поймем, как мало магистраты напоминают современных руководителей государств. Один человек выполнял обязанности священнослужителя, судьи и военачальника. Он был представителем города, который являлся настолько же религиозным, насколько и политическим союзом. Обряды, молитвы, предсказания, покровительство богов — все это было в его ведении. Консул был не просто человеком — он был гением-покровителем города. Смерть консула — горе для республики; как пишет Тит Ливий, «со страхом вспоминали и прошлый год, омраченный похоронами обоих консулов»¹.

Когда консул Клавдий Нерон оставил свой лагерь и бросился на помощь сотоварищу, то, по словам Тита Ливия, Рим пребывал в страшной тревоге, беспокоясь об участи оставшейся без Нерона армии, поскольку лишенная военачальника

¹ *Тит Ливий*. История Рима от основания города. Кн. XXVII. (Пер. М.Е. Сергеевко.)

чальника армия лишалась одновременно небесного покровительства; вместе с консулом ее покинули ауспиции¹, то есть религия и боги.

Другие гражданские должности в Риме, которые в некотором смысле постепенно отделились от должности консула, объединяли в себе как консульские, так и жреческие и политические обязанности. В определенные дни цензор, с венком на голове, приносил жертву от лица города, собственноручно закалывая жертвенное животное. Преторы и курульные эдилы² распоряжались религиозными праздниками.

Не существовало ни одного должностного лица, у которого не было хоть какой-то религиозной обязанности, поскольку, по мнению древних, всякая власть должна была иметь связь с религией. Только плебейские трибуны не приносили жертв, но их и не считали настоящими членами магистратуры. Дальше мы узнаем, что их власть была совершенно особого рода.

Жреческий характер обязанностей должностного лица сказывался прежде всего на выборе способа его избрания. По мнению древних, одного одобрения людьми было недостаточно для избрания правителя города. Пока суще-

¹ А у с п и ц и и — в узком смысле — гадание по поведению птиц, в широком — гадания вообще. Ауспиции как предзнаменования делились на 5 видов:

1. Небесные включали наблюдения за природными явлениями и считались наиболее важными.
2. Наблюдение за некоторыми птицами, которые делились на дававших приметы по пению или голосу и по полету.
3. Наблюдение за поведением первоначально любой птицы, позже цыплят при кормлении, которое делалось обычно при военных экспедициях.
4. Наблюдение за четвероногими животными; было не очень распространено.
5. Гадание по конечникам копий во время походов.

² Э д и л — должностное лицо в Древнем Риме, ведавшее общественными играми, надзором за строительством и содержанием храмов. Институт эдилов появился в 494 году до н. э., изначально как низший римский магистрат из плебеев. Плебейские эдилы выполняли роль помощников трибунов. Впоследствии эдилы подразделялись на плебейских и патрицианских, или курульных, а в поздний период занятие этой должности уже практически не регламентировалось происхождением. Курульные эдилы, устраивавшие за свой счет Мегалейские и Римские игры, носили тогу с пурпурной каймой и имели другие знаки почета, в частности курульное кресло и маски предков.

ствовала царская власть, казалось естественным, что глава города определяется самим фактом рождения, в силу религиозного закона, который предписывал, чтобы сын наследовал отцу; рождение, похоже, достаточно ясно показывало волю богов. Когда в ходе переворотов царская власть была повсеместно уничтожена, люди, по всей видимости, начали искать такой способ избрания главы города, который был бы угоден богам. Афиняне, как и многие греческие народы, не нашли лучшего способа, как тянуть жребий. Очень важно составить правильное мнение об этой процедуре, за которую на афинскую демократию обрушилось столько обвинений. Для этого мы попытаемся вникнуть в ход мыслей древних людей. Для них жребий был не простой случайностью, а явлением божественной воли. Подобно тому как к жребию прибегали в храмах, чтобы выведать тайны богов, так и в городе обращались к жребию, чтобы выбрать должностных лиц. Считалось, что боги указывают на достойнейшего, давая возможность вытащить бумажку с его именем из избирательной урны. Вот что говорит по этому поводу Платон: «Седьмой вид власти можно назвать счастливым и угодным богам; мы установим его в зависимости от жребия: вынужденный жребий должен править, не вынужденный — отступить и подчиниться. Мы признаем это в высшей степени справедливым». Город верил, что таким способом он получает своих магистратов от богов¹.

По сути то же самое происходило в Риме. Назначение консула не должно было исходить от людей. Выбор должностного лица не мог зависеть от желания или каприза народа. Выборы консула происходили следующим образом. Должностное лицо, магистрат, указывал день, в который

¹ Удивительно, что современные историки представляют жеребьевку как изобретение афинской демократии; наоборот, этого строго придерживались при правлении аристократии. Жеребьевка так же стара, как архонт, и далеко не демократическая процедура. Известно, что даже во времена Луция и Демосфена в избирательных урнах были имена отнюдь не всех граждан, поскольку все еще сохранялось положение, согласно которому архонтами могли быть только эвпатриды или пентакосиомедимны. Из сочинения Платона становится ясно, какую идею преследовали древние люди, используя жеребьевку; они руководствовались религиозными представлениями, а не понятиями равенства. Необходимо отметить, что когда демократия одержала победу, то с помощью жеребьевки определялись архонты, не имевшие реальной власти, и стратеги, получившие реальную власть. (Примеч. авт.)

следовало произвести назначение консула. Ночь накануне дня избрания магистрат проводил под открытым небом. Произнося мысленно имена кандидатов на должность консула, он не сводил глаз с неба, ожидая знамения. Если предзнаменование было благоприятным, это означало, что кандидат угоден богам. На следующий день народ соби­рался на Марсовом поле и тот же человек, который ночью советовался с богами, председательствовал на собрании. Громким голосом он произносил имена кандидатов, относительно которых получил благоприятные знамения. Если среди кандидатов был тот, относительно которого знамения были неблагоприятны, председатель опускал его имя. Народ голосовал только за тех, чьи имена были названы. Если председатель называл имена только двух кандидатов, то народ был вынужден выбирать обоих, если трех, то у людей появлялась возможность выбрать двух из троих. Собрание не имело права голосовать за тех людей, имена которых не были названы председателем, поскольку лишь относительно названных лиц боги послали благоприятные знамения, и только они были угодны богам.

Этот способ избрания, тщательно соблюдавшийся в первые годы республики, объясняет некоторые особенности римской истории, которые на первый взгляд кажутся нам странными. Например, мы довольно часто видим, что народ единодушно хочет возвести в консульское достоинство каких-либо двух лиц, но не может этого сделать. А причина заключается в том, что председатель либо не получил относительно них никаких предзнаменований, либо получил, но предзнаменования были неблагоприятные. В то же время мы видели, что народ выбирает консулами людей, к которым испытывает неприязненные чувства, а все потому, что председатель назвал имена только этих кандидатов на должность консула. За них приходилось обязательно отдавать голоса; голосование не выражалось просто словами «да» или «нет» — на избирательной дощечке следовало написать имена кандидатов, причем только тех, чьи имена назвал председатель. В тех случаях, когда назывались имена ненавистных кандидатов, люди, конечно, могли выразить свое неудовольствие, отказавшись от голосования, но всегда оставалось достаточное количество граждан для успешного проведения выборов.

Отсюда видно, насколько значительной была власть председателя собрания, и нас уже не удивляет выражение *creati consules*, относившееся не к народу, а к председателю. Действительно, о председателе, а не о народе можно было сказать, что он создает консулов, поскольку именно он объявлял волю богов. Если он и не сам создавал консулов, то, по крайней мере, боги делали это через него. Власть народа ограничивалась всего лишь утверждением этого выбора или, самое большее, выбором двух консулов из трех или четырех кандидатов.

Этот способ выборов был, безусловно, очень выгоден римской аристократии, но было бы неправильно видеть в нем всего лишь придуманную аристократией хитрость. В тот период, когда люди верили в религию, никто и не помышлял ни о каких хитростях. С политической точки зрения в этом не было необходимости, поскольку патриции и без того имели большинство на выборах. Подобная хитрость могла даже обернуться против них, наделив одного человека чрезмерной властью. Единственное объяснение, которое можно дать этому обычаю, или, скорее, обряду избрания, состоит в том, что в те времена люди искренне верили в то, что выбор должностных лиц является прерогативой не людей, а богов. Божественный голос решал, какой человек должен распоряжаться религией и судьбой города.

По словам Цицерона, первое правило при избрании должностного лица заключалось в том, чтобы «он назначался согласно обрядам». Если через несколько месяцев сенат узнавал, что какими-то обрядами пренебрегли или плохо исполнили, то консулам приказывали отказаться от занимаемой должности, и они повиновались. Таких примеров огромное множество, и если в двух или трех случаях можно подумать, что сенат был просто рад избавиться от некомпетентного или злонамеренного консула, то в большинстве случаев мы не можем найти других причин, кроме как опасения религиозного плана.

Выбранный жеребьевкой архонт или консул подвергался своего рода испытанию, подтверждающему его достоинства. Это испытание показывает нам, что требовал город от должностного лица; город стремился найти не самого храброго воина, не самого способного и справедливого

человека, а человека наиболее любимого богами. Афинский сенат спрашивал у вновь избранного, нет ли у него физических недостатков, имеет ли он домашнего бога, исполняет ли он свои обязанности по отношению к усопшим. Зачем эти вопросы? Затем, что человек, имевший физические недостатки — признак гнева богов, — не может совершать религиозные акты и, следовательно, быть магистратом; человек, не имевший домашнего культа, не может принимать участие в народном культе и совершать жертвоприношения от лица города; и, наконец, человек, который пренебрежительно относился к своим умершим, вызывал их гнев и подвергался преследованию со стороны невидимых врагов. Город сильно рисковал, если бы решился верить свою судьбу такому человеку. Такими были основные вопросы, которые задавались человеку, избираемому на общественную должность. Похоже, что никого не интересовали ни характер, ни знания будущего магистрата. В основном делалась попытка убедиться в том, что он способен выполнять обязанности жреца и от его действий не пострадает религия города.

Подобный вид испытаний практиковался и в Риме. Правда, у нас нет никакой информации о том, какие именно вопросы задавались консулу, зато известно, что эти испытания проводили понтифики.

Глава 11 ЗАКОН

Поначалу у греков и римлян, как и у индусов, закон являлся частью религии. Древние кодексы городов были собранием ритуалов, предписаний, молитв и законодательных постановлений. Законы о собственности, законы о наследовании были перемешаны с правилами, касающимися совершения жертвоприношений, погребений и культа мертвых.

То, что сохранилось до наших дней от древних законов Рима, называвшихся царскими законами, относится в равной мере и к культу, и к правилам гражданской жизни. Один запрещал провинившейся жене приближаться к алтарю, другой запрещал употреблять определенные блюда

во время священных трапез, третий предписывал, какую религиозную церемонию должен совершить победитель при возвращении в город. Законы Двенадцати таблиц, хотя и более позднего происхождения, по-прежнему содержали подробные предписания относительно религиозных обрядов погребения. Труд Солона был одновременно сводом законов, установлений и уложений; в нем оговаривался порядок жертвоприношений, цена жертвенных животных, равно как и обряды бракосочетания и культа мертвых.

Цицерон в своем трактате «О законах» намечает план законодательства, который не является полностью плодом его воображения. В своем кодексе он, как по сути, так и по форме, подражает древним законодателем. Вот основные законы, написанные Цицероном: «К богам люди да обращаются чистыми, да проявляют они благочестие, да отказываются они от роскоши. Если кто-либо поступит иначе, его покарает само божество. Да не будет ни у кого особых богов: ни новых, ни чужеземных, кроме богов, признанных государством; частным образом да чтут богов, по обычаю унаследованных от предков. В городах люди да устраивают святилища, в сельских местностях да сохраняют они священные роши и обиталища ларов; да соблюдают они обычаи ветви рода и предков... В дни празднеств да не будет ссор. Да проводят люди праздники, закончив работы, среди домочадцев. Поэтому да будет записано, что праздники по правилу должны приходиться на годовой круговорот. И жрецы да приносят всенародно в жертву зерна определенных злаков и притом во время жертвоприношений в определенные дни. Равным образом да сохраняют они для других дней обилие молока и молодняка и да ведут они счет во избежание утрат. Течение года да определяют жрецы, и да знают они наперед, какая жертва требуется и будет угодна тому или иному божеству».

Римского философа, конечно, мало волновала древняя религия ларов и манов, но он писал свой кодекс по образцу древних кодексов и считал себя обязанным вставить в него правила древнего культа.

В Риме считалось, и это был общепризнанный факт, что нельзя быть хорошим понтификом, не зная законов,

¹ *Марк Туллий Цицерон. О законах. (Пер. В.О. Горенштейна.)*

и, наоборот, невозможно разобраться в законах, если не разбираешься в вопросах, связанных с религией. Долгое время понтифики являлись единственными юристами. Поскольку практически все жизненные ситуации, так или иначе, имели отношение к религии, то почти все дела представлялись на суд жрецов, и они были единственными компетентными судьями в разрешении бесчисленного количества судебных разбирательств. Они разрешали все споры, связанные с браками, разводами, гражданскими и религиозными правами несовершеннолетних. Они судили за кровосмешение и за безбрачие. Усыновление имело прямое отношение к религии, поэтому требовалось получить согласие понтифика. Составить завещание означало нарушить тот порядок, который установила религия для наследования имущества и передачи культа, поэтому вначале завещание должно было представляться на утверждение понтифику. Границы земельных участков определялись религией, и если между соседями возникали пограничные споры, то они должны были обращаться к жрецам, так называемым *fratres arvalis* — арвальским братьям.

Все это объясняет, почему одни и те же люди были и жрецами, и юристами — право и религия составляли одно целое. Юриспруденция, по определению Ульпиана, есть *divinarum atque humanarum rerum notitia, iusti atque injusti scientia* (знание божественных и человеческих дел, наука о справедливом и несправедливом).

В Афинах архонт и царь выполняли почти такие же судебные обязанности, что и римский понтифик.

Происхождение древних законов не вызывает никаких сомнений. Не люди придумали их. Солон, Ликург, Минос, Нума записали, но не создали законы своих городов. Если мы понимаем под законодателем человека, который создает свод законов силой своего таланта и заставляет людей подчиняться этим законам, то такого законодателя у древ-

¹ Арвальские братья — римская коллегия 12 жрецов. В обязанности ее входили молитвы богам о ниспослании урожая и процветании общины граждан. Должность «братьев» была пожизненная; ни ссылка, ни плен не лишали их этого звания. Во главе их стоял ежегодно сменявшийся магистр; он в случае смерти одного из членов коллегии назначал ему преемника. Внешними отличиями их звания были венки из колосьев и белые головные повязки.

них никогда не существовало. Решения, принятые народом, тоже не являлись источником древних законов. Мысль, что число поданных голосов может создать закон, появилась в городах довольно поздно, лишь после того, как города были преобразованы в результате двух переворотов. До того времени люди относились к законам как к чему-то древнему, неизменному, достойному почитания. Столь же древние, как сам город, они были установлены основателем города одновременно с установлением очага. Основатель ввел законы одновременно с учреждением религии. Однако нельзя сказать, что он сам придумал законы. Кто же тогда был их настоящим создателем? Когда мы говорили о создании семьи, о греческих и римских законах, устанавливавших право собственности, наследования, завещания, усыновления, то отметили, насколько точно эти законы соотносились с верованиями древних поколений. Если мы рассмотрим эти законы с точки зрения справедливости, то зачастую они входят в противоречие с ней, и становится ясно, что эти законы почерпнуты не из понятия абсолютного права и чувства справедливости. Но если соотнести эти законы с культом мертвых и культом очага, сравнить с правилами первобытной религии, то становится ясно, что они находятся в полном соответствии друг с другом.

Человеку не приходилось обращаться к своей совести и говорить: «Это справедливо, это несправедливо». Не так возникло древнее право. Человек верил, что священный очаг в силу религиозного закона переходит от отца к сыну; из этого следовало, что дом является наследственным имуществом. Человек, похоронивший своего отца на своем поле, верил, что дух умершего навсегда овладел этим полем и требовал вечного культа от своих потомков. Отсюда следовало, что поле — владение умершего и место жертвоприношений — становилось неотчуждаемой собственностью семьи. Религия говорила: «Сын является продолжателем культа, а не дочь», и закон, вместе с религией, постановил: «Наследует сын, дочь не наследует; наследует племянник по мужской линии, а не по женской». Вот так создавались законы; они явились сами собой, их не пришлось изыскивать. Законы были прямым, необходимым следствием верований; они были самой религией применительно к отношениям между людьми.

Древние говорили, что свои законы они получили от богов. Жители Крита приписывали свои законы не Миносу, а Юпитеру. Лакедемоняне считали, что их законодателем был не Ликург, а бог Аполлон. Римляне полагали, что Нума писал законы под диктовку одного из самых могущественных божеств древней Италии — богини Эгерии. Этруски получили свои законы от бога Тагеса. Во всех этих преданиях есть правда. Истинным законодателем древних был не человек, а религиозные верования.

Законы долгое время оставались священными. Даже в то время, когда было признано, что для создания закона достаточно воли одного человека или народного голосования, требовалось обратиться за советом к религии или, по крайней мере, получить ее согласие. В Риме единогласное голосование считалось недостаточным для принятия закона; решение народа должны были одобрить понтифики, а авгуры засвидетельствовать, что боги благосклонно относятся к предложенному закону.

Однажды, когда народные трибуны хотели добиться от собрания триб принятия нового закона, один патриций сказал им: «Какое вы имеете право создавать новый закон или править уже существующие? Вы, не проводящие ауспий, вы, не совершающие на ваших собраниях религиозных священнодействий, что вы имеете общего с религией и священными предметами, среди которых нужно считать и законы?»

Становится ясно, с каким уважением и преданностью относились древние к своим законам. Для них законы не были творением человеческого ума, они имели божественное происхождение. И не пустой фразой были слова Платона, сказавшего, что повиноваться законам — значит повиноваться богам. Платон выражает общую для греков мысль, когда в «Критоне» выводит Сократа, готового умереть, поскольку этого от него требует закон. Ещё до Сократа на Фермопильской скале было написано: «Путник, поведай спартанцам о нашей кончине: верны законам своим, здесь мы костями полегли». У древних закон был всегда священным; во времена царей он был царем царей, во времена республики он был царем народа. Неповиновение закону считалось святотатством.

В принципе законы были неизменными, поскольку были божественными. Следует заметить, что законы никогда

не отменялись. Можно было издавать новые законы, но старые продолжали действовать, как бы они ни противоречили друг другу. Ни законы Солона не отменили Драконовых законов, ни Законы Двенадцати таблиц не отменили царские законы. Камень, на котором были вырезаны законы, был неприкосновенен; самое большее, что позволяли себе наименее богобоязненные люди, так это перевернуть его обратной стороной. Этот принцип был основной причиной путаницы, которая наблюдается в древнем праве.

Древнее право вобрало в себя все законы различных эпох, и все они заслуживали уважения. В одной из судебных речей Исея фигурируют двое мужчин, оспаривающих друг у друга право на наследство; каждый из них приводит закон в свою пользу; законы полностью противоречат друг другу и оба одинаково священны. Точно так же «Законы Ману» сохраняют древний закон о праве первородства, а рядом помещают другой, требующий равного раздела имущества между братьями.

В древнем законе никогда не указывались причины, вызвавшие его появление на свет. Да и зачем? Он не был обязан отчитываться, ведь его создали боги. Закон не вступает в обсуждение — он вступает в силу; люди повинуются ему, поскольку верят в него.

На протяжении многих поколений законы не записывались; они передавались от отца к сыну вместе с верованиями и формулами молитв. Они были священным преданием, которое увековечивалось у семейного очага или очага города.

В тот день, когда законы начали записывать, их вносили в священные книги, в книги обрядов среди молитв и правил проведения церемоний. Варрон цитирует древний закон города Тускулума и добавляет, что прочел его в священных книгах этого города. Дионисий Галикарнасский, изучавший подлинные документы, говорит, что до времен децемвиров все законы находились в священных книгах. Позже законы перестали записывать в книги обрядов и стали записывать отдельно, но, по обычаю, они продолжали храниться в храме, и их хранителями были жрецы.

Эти законы, писанные и неписанные, всегда формулировались в виде кратких изречений, и по форме их можно сравнить со стихами книги Левит или со шлоками — сти-

хами «Законов Ману». Весьма возможно, что слова закона имели ритмический размер. Согласно Аристотелю, до того времени, как законы стали записывать, их пели. Следы этого обычая сохранились в языке; римляне называли законы *carmina* — стихи, а греки — песни.

Эти древние стихи оставались неизменными. Изменить в них хотя бы букву, переместить одно слово, нарушив тем самым ритм, означало уничтожить закон, уничтожить ту священную форму, в которой он явился людям. Закон был подобен молитве, которая только тогда приятна богам, когда остается неизменной, и становится нечестивой, если в ней изменено хотя бы одно слово. В древнейшем законе главным были внешняя форма, буква; нет никакого смысла искать здесь дух закона. Ценность закона не в заключенном в нем нравственном принципе, а в словах, составляющих его формулу. Сила закона в священных словах, составляющих его.

У древних, особенно в Риме, понятие закона было неразрывно связано с определенными священными словами. Если, например, нужно было заключить какой-то договор, то один должен был сказать: «*Dari spondes?*», а другой ответить: «*Spondeo*». Если эти слова не были произнесены, то считалось, что договор не заключен. Напрасно кредитор требовал уплаты долга — должник не считался должником, поскольку в древнем праве только священная формула имела силу закона. Эта формула, произнесенная двоими людьми, заключавшими договор, устанавливала между ними правовые отношения. Где не было формулы, не было и договорных обязательств.

Странные формы древнего римского судопроизводства не будут удивлять, если мы вспомним, что римское право было религией, закон — священным текстом, правосудие — собранием обрядов. Истец действует в соответствии с законом. С помощью формулы закона он одерживает верх над противником; но он должен проявлять величайшую осторожность; чтобы закон был на его стороне, он должен знать точную формулировку закона и безошибочно произнести ее. Если он перепутает порядок слов и произнесет одно слово вместо другого, то закон не сможет его защитить. Гай рассказывает такую историю. У одного человека был виноградник, который вырубил его сосед. Этот человек произнес формулу закона, но в законе говорилось о

деревьях, а пострадавший произнес «виноградник» и проиграл процесс.

Однако одного точного повторения текста закона было недостаточно. Требовалось сопровождать слова жестами, которые являлись своего рода обрядом этой религиозной церемонии, называвшейся договором или судебным прецедентом. По этой причине при совершении любой продажи нужно было использовать медный слиток и весы; при покупке было необходимо дотронуться до покупаемого предмета — это так называемая *mancipatio* (манципация).

Если шел спор о какой-нибудь собственности, то избранным был притворный бой — *manum consertio*¹.

Отсюда появились формулы при отпущении на волю, выходе из семьи, отправлении правосудия и язык жестов, сопровождавший юридическую процедуру.

Поскольку закон являлся составной частью религии, он был облечен таинством, как и вся религия города. Формулы закона, как и религиозные формулы, хранились в секрете. Их скрывали от чужеземцев и даже от плебеев. Это делалось не потому, что патриции рассчитывали приобрести огромную власть благодаря исключительному знанию закона, а потому, что законы, по своему происхождению и природе, долгое время считались таинством, в которое нельзя было посвящать человека, не посвященного предвзвешенно в национальный и домашний культ.

Религиозное происхождение древнего права объясняет нам одну из главных его особенностей. Религия была чисто гражданской, то есть особой для каждого города, а значит, и право могло быть только гражданским. Важно понять смысл, который древние вкладывали в это слово. Говоря о гражданском праве, они просто имели в виду, что у каждого города был свой кодекс, как в наши дни его имеет каждое государство. Кроме того, они считали, что законы каждого города имеют силу и действуют только между гражданами конкретного города. Недостаточно просто жить в городе, чтобы находиться под властью и защитой его законов; нуж-

¹ Если предмет спора вещь недвижимая (участок земли), то стороны с особыми обрядами отправляются на спорный участок, берут оттуда кусок земли, приносят его (вся эта процедура носит название *manum consertio*), и затем этот кусок фигурирует на суде как самый участок (*Покровский И.Л.* История римского права). (*Примеч. пер.*)

но быть гражданином. Закон не существовал для рабов, как и не существовал для чужеземцев.

Дальше мы узнаем, что чужеземец, поселившийся в городе, не мог ни приобретать там собственность, ни наследовать, ни составлять завещание, ни заключать договоров, ни выступать в гражданском суде. В Афинах, если чужеземец являлся кредитором гражданина, он не мог преследовать его по суду за неуплату долга, поскольку закон не признавал его договора.

Эти положения древнего права совершенно логичны. Право родилось не из идеи справедливости, а из религии и не выходило за ее рамки. Для того чтобы между двоими людьми установились правовые отношения, между ними должны были уже существовать религиозные отношения, то есть чтобы у них был культ одного и того же очага и одни и те же жертвоприношения. Если между ними не было религиозной связи, то, по-видимому, не могло быть и правовых отношений. Ни чужеземец, ни раб не принимали участия в религии города. Чужеземец и гражданин могли долгие годы жить рядом, не задумываясь об установлении правовых отношений. Право было не чем иным, как всего лишь одной из сторон религии. Раз не было общей религии, не было и общего права.

Глава 12 ГРАЖДАНИН И ЧУЖЕЗЕМЕЦ

Гражданином признавался тот, кто принимал участие в культе города и именно благодаря этому получал гражданские и политические права. Если он отрекался от культа, то отказывался от прав. Мы уже говорили об общественных трапезах, являвшихся главным обрядом национального культа. В Спарте тот, кто не принимал участия в общественных трапезах, даже не по своей вине, сразу переставал считаться гражданином. В Афинах человек, не принимавший участия в празднествах, посвященных богам, терял гражданские права.

¹ Исключение составляли воины, находившиеся во время проведения церемонии в походе, однако цензор должен был иметь список их имен, чтобы зарегистрировать во время церемонии. Это засчитывалось как присутствие. *(Примеч. авт.)*

В Риме для сохранения политических прав требовалось обязательное присутствие на священной церемонии очищения. Человек, не присутствовавший на этой церемонии, то есть не принимавший участия в молитве и жертвоприношении, терял гражданство до следующей церемонии очищения.

Если мы хотим дать более точную характеристику гражданину, то должны сказать, что это был человек, владеющий религией города. Чужеземец, напротив, был человеком, не имевшим доступа к культуре; боги города не оказывали ему покровительства, и он даже не имел права призывать их, поскольку боги желали принимать молитвы и подношения только от граждан; они отвергали чужеземцев; чужеземцу запрещалось входить в храм, а его присутствие во время жертвоприношений считалось святотатством. Свидетельство об этом чувстве отвращения к чужеземцам сохранилось в одном из главных обрядов римского культа. Когда верховный жрец приносил жертву на открытом воздухе, его голову окутывало покрывало, поскольку перед священным огнем во время религиозного священнодействия на глаза верховному жрецу не должно попасться лицо чужеземца, чтобы не нарушить ауспиции. Священный предмет, на мгновение попавший в руки чужеземца, тут же считался оскверненным, и только искупительные обряды могли вернуть ему священные свойства. Если враг захватывал город, а затем гражданам удавалось вернуть его, то первым делом следовало очистить все храмы, погасить и снова зажечь все свечи. Присутствие чужеземцев оскверняло город.

Таким образом, религия провела между гражданином и чужеземцем глубокое и неизгладимое различие. Эта же религия, пока еще была сильна ее власть над людьми, запретила предоставлять чужеземцам право гражданства. Во времена Геродота Спарта никому не давала этого права, за исключением одного прорицателя, да и то для этого потребовалось повеление оракула. Афины иногда давали его, но с какими предосторожностями! Во-первых, было необходимо согласие собрание тайным голосованием выразило согласие принять чужеземца. Но и это еще было не все. Спустя девять дней народное собрание должно было подтвердить вторичным тайным голосованием приня-

тое решение, причем требовалось, чтобы за принятие было отдано не менее шести тысяч голосов. Цифра кажется огромной, если вспомнить, что на афинских народных собраниях редко присутствовало такое количество граждан. Затем сенат должен был утвердить решение этих собраний. Следует заметить, что любой гражданин мог выразить своего рода veto, выступить в суде против этого решения, как противоречащего древним законам. Не было ни одного общественного акта, который законодатель оставлял бы такими трудностями и с такой предосторожностью, как акт по предоставлению чужеземцу права гражданства. Ни в какое сравнение с ним не шли формальности, связанные с объявлением войны или созданием нового закона. Почему создавалось столько препятствий чужеземцу, желавшему стать гражданином? Никто, конечно, не боялся, что его голос склонит чашу весов на народных собраниях. Демосфен объясняет истинные мотивы и соображения афинян: «только для того, чтобы сохранить чистоту жертвоприношений». Не принять чужеземца — значит «соблюдать священные обряды». Принять чужеземца в число граждан — значит «позволить ему принимать участие в религии и жертвоприношениях». Люди не были полностью готовы пойти на такой шаг; они были охвачены религиозными опасениями, поскольку знали, что национальные боги отвергают чужих, и жертвы, оскверненные присутствием вновь принятого гражданина, возможно, будут бесполезны. Дарование права гражданства чужеземцу было настоящим нарушением основных принципов национального культа, и именно по этой причине в начале своего существования город с такой неохотой давал это право. Следует отметить, что чужеземец, с огромным трудом получивший гражданство, не мог быть ни архонтом, ни жрецом. Город разрешал ему принимать участие в культе, но не более того.

Никто не мог стать гражданином Афин, если уже был гражданином другого города; нельзя было быть одновременно гражданином двух городов, как нельзя было быть членом двух семей. Нельзя было исповедовать сразу две религии.

Участие в культе влекло за собой обладание правами. Поскольку гражданин имел право принимать участие в

жертвоприношении, с которого начиналось народное собрание, он имел право голоса на этом собрании. Поскольку он мог совершать жертвоприношения от лица города, он мог быть пританом или архонтом. Обладая религией города, он мог претендовать на получение прав согласно законам города и совершать все обряды, связанные с судопроизводством.

У чужеземца, не имевшего своего места в религии города, не было и закона. Если он входил в священный круг, очерченный жрецом для собрания, то наказывался за это смертью. Для него не существовало законов города. Если он совершал преступление, то с ним поступали как с рабом и наказывали без суда; город был не обязан оказывать ему правосудие. Когда люди почувствовали необходимость в совершении правосудия в отношении чужеземцев, пришлось учредить специальный суд. В Риме для ведения дел между римскими гражданами и чужеземцами и между самими чужеземцами избирался специальный претор — praetor peregrinus. В Афинах судьей чужеземцев был полемарх — то самое должностное лицо, в обязанности которого входили заботы о войне и все сношения с неприятелем.

Ни в Риме, ни в Афинах чужеземец не мог быть владельцем собственности. Он не мог вступать в брак, но если женился, то его брак считался незаконным, и дети, родившиеся в этом браке, считались незаконнорожденными. Чужеземец не мог заключать договор с гражданином; во всяком случае, закон не признавал действительным такой договор. Поначалу чужеземец не имел права заниматься торговлей. Римский закон запрещал ему наследовать гражданину и даже запрещал гражданину наследовать чужеземцу. Закон пошел еще дальше: если отец получал право гражданства, а сын, родившийся до получения отцом гражданства, не получал этого права, то сын становился посторонним для отца и не мог ему наследовать. Различие между гражданином и чужеземцем было сильнее, чем родственные узы между отцом и сыном.

С первого взгляда может показаться, что люди поставили перед собой цель разработать систему, создающую максимальные неудобства для чужеземцев. Ничего подобного. Напротив, в Афинах и в Риме им оказывали радушный прием, ради коммерческой выгоды и по политиче-

ским соображениям. Но ни расположение к чужеземцам, ни выгода не могли отменить древние законы, установленные религией. Религия не позволяла чужеземцу становиться собственником земли, поскольку он не мог иметь часть священной земли города. Эта религия запрещала чужеземцу наследовать гражданину, а гражданину наследовать чужеземцу, поскольку любая передача собственности влекла за собою передачу культа, а исполнение гражданином чужого культа было так же невозможно, как исполнение чужеземцем культа гражданина.

Граждане могли принимать чужеземца, заботиться о нем, даже уважать его, если он был богат и знатен, но они не могли допускать его к участию в религии и в праве. В определенном смысле к рабу относились лучше, чем к чужеземцу, поскольку раб, являясь членом семьи, разделял семейный культ, через своего хозяина был связан с городом; боги города оказывали ему покровительство. Римская религия учила, что могила раба священна, а могила чужеземца — нет.

Для того чтобы чужеземец мог иметь хоть какое-то значение в глазах закона, чтобы мог заниматься торговлей, заключать договоры, владеть собственностью, чтобы законы города давали ему реальную защиту, он должен был стать клиентом гражданина. В Риме и в Афинах требовалось, чтобы каждый чужеземец выбрал себе патрона. Чужеземец, выбрав гражданина в качестве патрона, устанавливал связь с городом. С этого момента он начинал пользоваться определенными преимуществами, предоставляемыми гражданским правом, и находился под защитой закона.

Глава 13

ПАТРИОТИЗМ. ИЗГНАНИЕ

Слово «отечество» означало у древних землю отцов — terra patria. Отечеством каждого человека была та часть земли, которую освятила его домашняя или национальная религия, где были погребены останки его предков, над которой господствовали их души. Его «малой родиной» был небольшой огороженный участок земли, принадлежавший его семье, где находились семейная могила и очаг. «Большой

родиной» был город с пританеем, героями, священной оградой и территорией, с границами, отмеченными религией. «Священная земля отечества», говорили греки, и это были не пустые слова. Для людей земля действительно была священной, поскольку здесь жили их боги. Государство, город, отечество не были, как в наше время, абстрактными понятиями; они отражали неразрывное единство культа местных божеств и господствовавших над душами людей религиозных верований.

Этим объясняется патриотизм древних, то исключительно сильное чувство, представлявшееся им высшей добродетелью, в которой совмещались все остальные добродетели. Все, что было человеку дорого, объединялось для него в отечестве. В нем он имел свое владение, свою безопасность, свои законы, свою веру, своего бога. Теряя отечество, он терял все. Личные и общественные интересы не могли вступать в противоречие; это было практически невозможно. Платон говорит: «Отечество — это то, что нас порождает, нас питает, нас воспитывает», а по мнению Софокла: «Отечество нас сохраняет».

Для человека отечество не просто место жительства. Если он покидает пределы священных стен, переступает границы священной области, то у него больше нет ни религии, ни общественных связей. За пределами отечества для него не существует ни организованной жизни, ни закона; вне отечества он лишается своих богов и духовной жизни. Только в отечестве он сохраняет человеческое достоинство, имеет определенные обязанности. Только там он может быть человеком.

Отечество привязывает к себе человека священными узами. Человек должен любить отечество, как любит религию, подчиняться ему, как подчиняется богу. Человек должен всецело отдаться ему. Он должен любить свое отечество, в дни побед и безвестности, процветания и неудач. Он должен любить его и за его благодеяния, и за его суровость. Сократ, несправедливо осужденный отечеством, не стал любить его меньше. Отечество надо любить, как любил Авраам своего Бога, такой любовью, когда готов принести ему в жертву даже собственного сына. Но, главное, за отечество нужно уметь умирать. Грек или римлянин жертвует жизнью не ради преданности какому-то челове-

ку или делу чести; он жертвует жизнью ради отечества, поскольку если опасности подвергается отечество, то опасности подвергается и религия. Человек сражается за свой алтарь, священный огонь очага, поскольку враг, захвативший город, разрушает алтари, гасит очаги, оскверняет могилы, уничтожает богов и культ. Любовь к отечеству — благочестие древних.

Древние не могли представить более жестокого наказания, чем лишить человека отечества. Обычным наказанием за тяжкие преступления было изгнание.

Изгнание, по сути, представляло запрет на отправление культа. У римлян и греков изгнание человека означало отлучение его от огня и воды. Под огнем понимался священный огонь жертвоприношений, а под водой — очистительная вода. Таким образом, изгнание оставляло человека вне религии. Вот что говорит один из персонажей Софокла относительно изгнанника: «Пусть бежит он и никогда не приближается к храмам. Да не говорит с ним ни один из граждан, да не приемлет его никто; да не допустит его никто к участию в молитвах или жертвоприношениях; да не предложит ему никто очистительной воды!» Дом осквернялся от одного присутствия изгнанника. Человек, принявший изгнанника, становился нечистым от соприкосновения с ним. «Всякому, кто с ним вместе вкушал, пил или касался его, должно очиститься», — предписывал закон. Изгнанник не мог принимать участия ни в одной религиозной церемонии; у него больше не было ни культа, ни священных трапез, ни молитв; он был лишен своей доли религиозного наследия.

Надо понимать, что для древних бог не был вездесущ. Если они и имели смутное представление о боге всей вселенной, то не его считали своим провидением, не к нему обращались с молитвами. Богами каждого человека были те боги, которые жили в его доме, на его земле, в его городе. Изгнанник, покинувший свое отечество, оставлял и своих богов. Он больше нигде не находил религии, которая могла бы утешить и защитить его; он был лишен счастья молиться. Он был лишен всего, что может удовлетворить потребности души.

Кроме того, религия была источником гражданских и политических прав. Изгнанник, теряя религию и отече-

ство, терял все права. Исключенный из культа города, он одновременно лишался домашнего культа и был вынужден погасить огонь своего очага. Он утрачивал право собственности; его движимое и недвижимое имущество отчуждалось в пользу богов или государства. Потеряв культ, он терял и свою семью; он переставал быть мужем и отцом. Он терял власть над сыновьями; его жена больше не была его женой и могла немедленно выйти замуж за другого. Регула, взятого в плен врагами, римский закон рассматривал как изгнанника. Когда сенат просит его высказать свое мнение, он отказывается отвечать, поскольку изгнанник не может быть сенатором; когда жена и дети бросаются к нему, он уклоняется от объятий, поскольку у изгнанника нет ни жены, ни детей.

Жены стыдливой он поцелуй отверг
И малых деток, ибо лишился прав;
И мужественно взор суровый
В землю вперил, укрепить желая,
Душой нетвердых, членов сената: сам
Им дал совет, не данный дотоль нигде,
Затем — изгнанник беспримерный —¹
Быстро прошел меж друзей печальных¹.

Согласно Ксенофону, изгнанник терял «дом, свободу, страну, жену и детей». После смерти он не мог быть погребен в семейной могиле, поскольку был изгоем.

Нет ничего удивительного в том, что древние республики зачастую позволяли преступникам совершать побег, спасаясь от смерти. Изгнание считалось не менее суровым наказанием, чем смерть. Римские юристы называли его высшей мерой наказания.

Глава 14

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДУХ

То, что мы узнали о древних институтах, и прежде всего о древних верованиях, позволяет понять то глубокое различие, которое всегда существовало между двумя городами. Они могли находиться в непосредственной близости,

¹ *Квинт Гораций Флакк. Оды. (Пер. Н.С. Гинзбурга.)*

сти друг к другу, но составляли совершенно разные общества. Между ними лежало нечто большее, чем расстояние, разделяющее сегодня два города, большее, чем границы, разделяющие два государства; у них были разные боги, разные религиозные обряды, разные молитвы. Гражданам одного города было запрещено принимать участие в культуре другого города. Люди верили, что боги отвергают поклонение и молитвы тех, кто не является гражданином данного города.

Правда, с течением времени эти древние верования видоизменились и несколько смягчились, но они оказали огромное влияние в период формирования этих обществ.

Мы можем легко сделать следующие выводы. Во-первых, религия, присущая каждому городу, создала крепкую, практически неизменную городскую структуру; поразительно, как долго существовала эта общественная структура, несмотря на все ее недостатки. Во-вторых, на протяжении многих веков эта религия сделала невозможным создание другой социальной структуры, кроме города.

В соответствии с требованиями религии каждый город был независимым. У каждого города были свои законы, поскольку у каждого города была своя религия, а законы вытекали из религии. Каждый город имел свое правосудие, и не могло быть выше суда, чем суд города. У каждого города были свои религиозные праздники и свой календарь; в двух городах не могло быть совпадений в месяцах, поскольку у каждого были свои, присущие только этому городу религиозные священнодействия. У каждого города были свои денежные знаки, на которых вначале были религиозные символы. У каждого города была своя система мер и весов. Между городами не могло быть ничего общего. Различия были столь огромны, что трудно даже предположить возможность брака между жителями двух столь не похожих городов. Такой союз казался странным и долгое время даже считался незаконным. Законодательство Рима и Афин всячески противилось признать законными подобные браки. Практически повсюду детей, рожденных от таких браков, считали незаконнорожденными и лишали права гражданства. Для того чтобы брак

между жителями двух городов считался законным, требовалось наличие особого договора между этими городами.

Священные границы отмечали территорию каждого города. Это была граница городской религии и городских богов. По другую сторону границы господствовали другие боги и совершались обряды другого культа.

Наиболее характерной особенностью истории Греции и Италии до римского завоевания является чрезмерная раздробленность и невероятная обособленность каждого города. Греции не удавалось образовать единого государства; ни латинские и этрусские города, ни самнитские трибы так и не смогли объединиться и образовать единое целое. Неискоренимая раздробленность греков приписывалась особенностям их страны; заявлялось, что горы, пересекавшие страну во всех направлениях, установили естественные границы между областями. Однако между Фивами и Платеями, между Аргосом и Спартой, между Сибарисом и Кротонем гор не было. Не было гор и между городами Лациума и между двенадцатью городами Этрурии. Физическая география страны, несомненно, оказывает некоторое влияние на историю народа, но влияние верований намного сильнее. В древние времена было нечто более непреодолимое, чем горы, между двумя городами; это были священные границы, разные культы и ненависть богов к чужеземцам.

Вот почему древние не только не могли создать, но даже представить себе другую общественную организацию, кроме города. Ни греки, ни латины, ни даже римляне долгое время не могли прийти к мысли, чтобы объединить несколько городов и жить на равных правах под общим управлением. Между городами могло быть достигнуто временное соглашение ради получения выгоды или во избежание опасности, но они никогда не объединялись, поскольку религия одного города не могла объединиться с религией другого. Обособленность была законом города.

Как же при этих верованиях и религиозных обычаях, о которых мы говорили, могли объединиться несколько городов для образования государства? Люди не понимали другой формы человеческого сообщества, кроме как основанного на религии. Символом такого сообщества была

совершаемая сообща священная трапеза. Несколько тысяч человек еще могли бы собираться вокруг одного пританея, вместе читать молитвы и сообща совершать священную трапезу. Но попробуйте при подобных обычаях сделать одно государство из всей Греции! Как люди могли совершать совместные трапезы и священные церемонии, если в них обязательно должны были принимать участие все граждане? Где следовало разместить пританей? Как совершать ежегодный обряд очищения? Что станет с неприкосновенными границами, отделявшими территорию города? Что станет с местным культом, богами города, героями каждой области? В земле Афин погребен герой Эдип, враждебно относящийся к Фивам. Как же соединить в одном культе и под одним управлением Афины и Фивы?

Когда эти верования утратили прежнюю силу, было уже слишком поздно создавать новый тип государственного устройства. Основанием для раздробленности и обособленности служили обычаи, выгода, давняя вражда, воспоминания о прежних сражениях. К прошлому не было возврата.

Каждый город, имевший свой культ, свои законы и свое управление, крайне дорожил независимостью, религиозной и политической.

Городу было легче подчинить другой город, чем соединить к себе. Победа могла сделать рабов из всех жителей завоеванного города, но не могла сделать их гражданами города, одержавшего победу. Объединить два города в единое государство, объединить народ-победитель с побежденным народом, объединить их под одним управлением — подобный факт не встречался у древних, за единственным исключением, о котором мы расскажем чуть позже. Если Спарта завоевывает Мессению, то не затем, чтобы создать из спартанцев и мессенян один народ. Спарта изгоняет побежденных и занимает их земли. Так же поступают Афины в отношении Саламина, Эгины, Милоса.

Никому в голову не приходила мысль предоставить побежденным возможность стать гражданами города-победителя. У города были свои боги, гимны, праздники, законы, являвшиеся драгоценным наследием предков, и город опа-

сался делиться своим наследием с побежденными. Он не имел права сделать это. Разве могли афиняне допустить, чтобы жители Эгины входили в храм Паллады? чтобы почитали Тесея? принимали участие в священных трапезах? в качестве пританов поддерживали священный огонь в общественном очаге? Религия наложила на это строгий запрет. Поэтому побежденный народ Эгины не мог создать единое государство с народом Афин. Жители Афин и Эгины, имея разных богов, не могли иметь одних и тех же законов и одних и тех же должностных лиц.

Но разве не могли афиняне, по крайней мере, не изгонять побежденных из завоеванного города и отправить туда своих должностных лиц для управления городом? Нет, поскольку это противоречило принципам древних; управлять городом мог только человек, являвшийся гражданином города. Действительно, магистрат был религиозным главой города, и его главная обязанность состояла в совершении жертвоприношений от имени города. Чужеземец, не имевший права совершать жертвоприношения, не мог быть и главой города. Не имея религиозных обязанностей, он не имел в глазах людей и законной власти. Спарта пыталась назначать в города своих гармостов, но они не были правителями; они не вершили суд и не появлялись на народных собраниях. Не имея нормальных отношений с населением, они не могли подолгу удерживаться в городах.

Следовательно, у победителя было только два выхода: либо разрушить завоеванный город и занять его территорию, либо предоставить ему полную независимость; третьего было не дано. Город или переставал существовать, или сохранял независимость. Сохраняя свой культ, город сохранял свое управление; лишаясь одного, тут же терял другое и переставал существовать. Город мог потерять независимость только в том случае, если полностью исчезали верования, на которых основывалась эта независимость. Лишь после того, как видоизменились понятия и несколько переворотов потрясли эти древние общества, смогли появиться и осуществиться идеи о крупном государстве, живущем по другим законам. Но для этого людям требовалось создать другие законы и общественные связи, отличавшиеся от тех, что были в древние века.

Глава 15
ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГОРОДАМИ.
ВОЙНА. МИР. СОЮЗ БОГОВ

Религия, имевшая столь большую власть над внутренней жизнью города, с такой же властью вмешивалась в отношения между городами. Это станет ясно, если проследить, как люди в древности вели войны, как заключали мир, как образовывали союзы.

Два города представляли собой два религиозных сообщества, имевшие разных богов. Когда они находились в состоянии войны, то в борьбе принимали участие не только люди, но и боги. Не следует думать, что это просто поэтический вымысел. Древние верили в это настолько истово и глубоко, что в поход всегда брали статуи своих богов. Люди были убеждены, что боги принимают самое активное участие в сражениях; воины защищали богов, а боги защищали воинов. Сражаясь с врагом, каждый воин верил, что борется против богов враждебного города. Этих чужих богов разрешалось ненавидеть, оскорблять, убивать; их даже можно было брать в плен. По этой причине война носила странный характер. Представьте себе два войска, стоящие друг против друга; в середине каждого войска статуи его богов, алтарь, знамена; в каждом войске свои оракулы, предвещающие успех, свои авгуры и предсказатели, заверяющие в победе. Перед сражением каждый солдат думает точно так же, как грек у Еврипида: «Боги, сражающиеся на нашей стороне, сильнее тех, что сражаются на стороне наших врагов». Каждое войско посылает проклятия на своих врагов, вроде того, что сохранил для нас Макробий: «О боги, посеите ужас и зло среди наших врагов. Лишите их и всех, кто населяет их земли и города, солнечного света. Пусть их города, их поля, их головы будут отданы вам». Проговорив проклятия, противники вступают в бой и сражаются с такой необузданной яростью, которую может придать только мысль о том, что они борются вместе со своими богами против чужих богов. Нет врагу пощады; война неумолима; религия руководит борьбой и побуждает воюющие стороны к действию. Тут не может быть никакого высшего закона, заставляющего умерить желание убивать; разрешается убивать пленных, добывать раненых.

Даже за пределами поля битвы не существует понятия о каких-либо моральных обязательствах по отношению к врагу. У чужеземца нет никаких прав, тем более на войне. В отношении чужеземца не существовало таких понятий, как справедливо или несправедливо. Муций Сцевола¹, а с ним и все римляне, считал, что убить врага — прекрасный поступок.

Консул Марций публично хвастался, что обманул царя Македонии. Луций Эмилий Павел продал в рабство сто тысяч жителей Эпира, добровольно сдавшихся в плен.

Лакедемонянин Фебид захватил крепость в Фивах после того, как был заключен мир. Агесилая спросили о справедливости поступка Фебида, на что царь ответил: «Всякое действие, полезное для нашего отечества, правильно». Вот таким было международное право древних городов. Спартанский царь Клеомен говорил, что все зло, которое можно причинить врагу, по мнению богов и людей, всегда справедливо.

Победитель мог воспользоваться плодами своей победы, как ему заблагорассудится. Его мстительность и жадность не сдерживали ни человеческие, ни божественные законы. В тот день, когда афиняне постановили, что все жители Митилены, вне зависимости от возраста и пола, должны быть истреблены, они и не помышляли о том, что превышают свои права; и, когда на следующий день они отменили свое решение и удовлетворились тем, что казнили тысячу граждан Митилены и конфисковали все земли, решили, что поступили гуманно и милостиво. После взятия Платей мужчины были убиты, а женщины проданы в рабство, однако никто не обвинил завоевателей в нарушении закона.

¹ Сцевола Гай Муций — легендарный римский герой, пытавшийся убить Ларса Порсены, царя этрусского города Клузия, который осадил Рим в 509 году до н. э. Сцевола пробрался в шатер Порсены, но по ошибке убил царского писца, который был одет дорожно и красивее царя. Сцеволу схватили, и тогда он объявил Порсене, что он лишь первый из 300 римских юношей, поклявшихся ценою своей жизни убить Порсены. Когда герою стали угрожать пыткой и смертью, если он откажется раскрыть все детали замысла, Сцевола протянул правую руку в разведенный на алтаре огонь и держал ее там, пока она не обуглилась. Отвага римлянина так поразила Порсены, что его отпустили, и Порсена заключил с Римом мир.

Война велась не только против воинов, она велась против всего народа — мужчин, женщин, детей, рабов. Войну вели не только с людьми, но с полями и посевами. Сжигали поля, вырубали деревья; урожай врага почти всегда посвящался подземным богам, а потому сжигался. Истребляли стада; уничтожали даже посевы, которые могли принести урожай в следующем году. Война могла стереть с лица земли целый народ и превратить плодородную землю в пустыню. В силу этого закона войны вокруг Рима простирались безлюдные пространства. Территория, где находились двадцать три города вольсков, превратилась в Понтийские болота; исчезли пятьдесят три города Лация; в Самниуме еще долго можно было опознать места, где прошли римские войска, не столько по следам, оставшимся от их лагерей, сколько по царившему в окрестностях опустошению.

Когда завоеватели не истребляли побежденных, они имели право уничтожить их город, то есть разрушить религиозные и политические связи. Тогда прекращался культ и боги предавались забвению. Одновременно с религией города исчезала домашняя религия каждой семьи. Погасали очаги. Вместе с культом исчезали законы, гражданские права, семья, собственность, одним словом, все то, что зависело от религии. Послушаем, что должен сказать побежденный, которому сохранили жизнь. Его заставляют произнести следующую формулу: «Я отдаю себя, свой город, свою землю, воды, которые текут по моей земле, свои термы, свои храмы, свое движимое имущество, все, что принадлежит богам, — все это я отдаю римскому народу». С этой минуты боги, дома, храмы, земли и люди становились собственностью победителей. Дальше мы будем говорить о том, что происходило со всем этим под властью Рима.

Война могла закончиться не истреблением или подчинением побежденных, а мирным договором. Но одного соглашения было недостаточно, требовалось религиозное священнодействие. Каждое соглашение отмечалось жертвоприношением. Мы говорим — подписать договор; латинцы говорили — забить козленка, *icare haedus*; в результате общепринятым выражением, означающим заключение договора, стало выражение «принести в жертву агнца». В свою очередь, греки, имея в виду заключение договора, говорили — совершить возлияние. У римлян жрецы, отправляв-

шие священные обряды при объявлении войны и заключении мира, назывались фециалами, у греков — *spendophoroi*, или совершающие возлияния.

Только эти религиозные церемонии делали священными и незабываемыми международные соглашения. Общеизвестны события, которые произошли в Кавдинском ущелье. Римское войско в лице своих представителей — консулов, квесторов, трибунов и центурионов — заключило соглашение с самнитами, однако без совершения жертвоприношений. Поэтому сенат считал себя вправе объявить, что соглашение не действительно. Аннулировав соглашение, никто из понтификов и патрициев не думал, что совершает предательство.

Древние были твердо убеждены, что человек имеет обязательство только по отношению к своим богам. Вспомним высказывание одного грека, жившего в городе, в котором поклонялись герою по имени Алабанд, в разговоре с человеком из города, где поклонялись Геркулесу. «Алабанд, — сказал он, — бог, а Геркулес — не бог». Имея подобные представления, было крайне важно, чтобы при заключении мирного договора каждый город призывал своих богов в свидетели при принесении клятвы. «Мы заключили договор и совершили возлияния, — сказали платейцы спартамцам, — вы призвали в свидетели богов ваших предков, мы — богов, обитающих в нашей стране». Договаривающиеся стороны по возможности старались призывать божества общие для обоих городов. Клялись теми богами, которых было видно повсюду: солнцем, освещающим все вокруг, и землей, дающей пропитание. Но людям были гораздо ближе боги города и его герои-защитники, и если договаривающиеся стороны действительно хотели связать себя религиозными обязательствами, то должны были именно их призвать в свидетели во время принесения клятвы.

Поскольку боги принимали участие в сражениях, они должны были принимать участие и в заключении мирного договора. Таким образом, заключался союз как между людьми, так и между богами двух городов. Иногда, чтобы отметить союз своих богов, два народа, заключившие союз, присутствовали друг у друга на священных праздниках. Иногда разрешали друг другу входить в свои храмы и обменивались религиозными обрядами. Однажды Рим оговорил в качестве

особого условия, что городской бог Ланувиума впредь будет защищать римлян, которые будут иметь право обращаться к нему с молитвами и входить в его храм. Впоследствии каждая из договаривающихся сторон обязывалась поклоняться божеству другой стороны. Так элейцы, заключив договор с этолянами, стали ежегодно приносить жертвы героям союзников.

Часто, после заключения союза, на медалях изображались божества двух городов, держащиеся за руки, или делались статуи держащихся за руки богов. Сохранились медали, на которых изображены вместе Аполлон Милетский и Гений Смирнский, Паллада Сидонская и Артемида Пергейская, Аполлон Иерапольский и Артемида Эфесская. Вергилий, говоря о союзе Фракии с троянцами, представляет вступивших в союз пенатов обоих народов.

Эти странные обычаи полностью отвечали представлению древних о богах. Поскольку у каждого города были свои боги, то казалось естественным, что эти боги должны принимать участие как в сражениях, так и при заключении мирного договора. Война и мир между двумя городами были войной и миром между двумя религиями.

Долгое время международное право древних основывалось на этом принципе. Когда боги враждовали между собой, война была безжалостной и незаконной; как только боги становились друзьями, люди заключали союз. Если только возникало предположение, что боги-покровители двух городов имеют малейшее основание стать союзниками, этого было достаточно, чтобы стали союзниками эти города. Первым городом, с которым Рим заключил союз, был Цере в Этрурии. Тит Ливий сообщает, по какой причине это произошло. Во время нашествия галлов римские боги нашли убежище в Цере; они обосновались в городе, где им стали поклоняться; таким образом, священные узы гостеприимства связали римских богов и этрусский город. С этого времени религия не допускала вражды между этими городами, и они навсегда стали союзниками.

¹ В наши планы не входит рассказывать о многочисленных конфедерациях и амфикиниях (название союза греческих племен, живших по соседству со святилищем общего высшего божества, объединявшихся для его защиты и общего жертвоприношения) Древней Греции и Италии. Мы только отметим, что они были в равной степени как

Глава 16 РИМЛЯНИН. АФИНЯНИН

Все та же религия, которая создала общество и управляла им на протяжении долгого времени, сформировала характер человека и придала его мыслям нужное направление. Своими догмами и обрядами она выработала в греках и римлянах определенную манеру мыслить и действовать и, конечно, привычки, от которых они долгое время не могли отказаться. Религия показала людям, что маленькие боги, легко приходящие в раздражение и недоброжелательные, есть всюду. Под давлением религии человек постоянно испытывал страх восстановить богов против себя; религия лишила человека свободы действий.

Давайте посмотрим, какое место занимала религия в жизни римлянина. Его дом был для него тем же, чем для нас храм. В доме он совершает обряды; в доме живут его боги. Его очаг — бог; стены, двери, порог — тоже боги; и границы его поля — боги. Семейная могила — алтарь, а умершие предки — божественные существа.

Каждое из его повседневных дел — это обряд; весь его день принадлежит религии. Утром и вечером он обращается с молитвой к очагу, к пенатам и своим предкам; при выходе из дома и при входе в дом он обращается к ним с молитвой. Каждый прием пищи — религиозный акт, в котором участвуют домашние боги. Рождение, посвящение в культ, облачение в тогу, заключение брака, празднование годовщины всех этих событий — все это торжественные акты его культа.

религиозными, так и политическими союзами. Среди них не было ни одного, не имевшего общего культа и жертвоприношений. Они всегда встречались в храмах, в основном для совершения жертвоприношений. На эти встречи каждый из городов, входящих в союз, присылал делегатов. Они совершали жертвоприношение в честь общего бога и сообща вкушали приготовленную на алтаре плоть жертвы. Общая трапеза, священнодействия, молитвы являлись прочной основой этих союзов. То же самое происходило в Италии. Города Лация во время религиозного праздника сообща вкушали плоть жертвы. Такая же картина наблюдалась в этрусских городах. Следует отметить, что политические связи в этих союзах были несколько слабее, чем религиозные. Города, входившие в союз, сохраняли полную независимость. Они даже могли развязать войну друг с другом, но заключали перемирие на время проведения общих религиозных праздников. (Примеч. авт.)

Выйдя из дома, он практически не может сделать ни шагу, чтобы не встретить какой-нибудь священный объект — будь то храм, или место, куда ударила молния, или могила. В одних случаях он должен сосредоточиться и произнести молитву, в других отвести глаза и закрыть лицо, чтобы не смотреть на некий предвещающий беду объект.

Каждый день он совершает жертвоприношения в своем доме, каждый месяц в своей курии, несколько раз в году в своем клане или трибе. Помимо своих богов, он должен поклоняться богам города. В Риме больше богов, чем граждан.

Римлянин совершает жертвоприношения, чтобы возблагодарить богов; он, безусловно, приносит многочисленные жертвы, чтобы усмирить их гнев. То он участвует в процессии, исполняя ритуальный танец под звуки священной флейты, то управляет колесницей, в которой находятся статуи богов, то принимает участие в *lectisternium* — лектистернии, так называлось у римлян пиршество богов, состоявшее в том, что ставили изображения богов на подушках или ложах, а перед ними столы с кушаньями. Каждый римлянин с венком на голове и лавровой ветвью в руках, проходя мимо, поклонялся богам.

Был еще праздник посева, праздник урожая и праздник подрезания виноградной лозы. Римлянин совершал более десяти жертвоприношений и призывал в молитве около десяти божеств, чтобы обеспечить хороший урожай. Особенно много было праздников в честь умерших, поскольку римлянин боялся их прогневить.

Он никогда не выходит из дома, не выяснив, нет ли поблизости птицы, предвещающей недоброе. Есть слова, которые он никогда в жизни не осмелится произнести. Если у него появляется какое-то желание, то он пишет его на дощечке, которую кладет к ногам статуи бога.

Он ежеминутно советуется с богами, стремясь узнать их волю. Все решения он находит, изучая внутренности жертвенных животных, полет птиц, атмосферные явления. Известие о том, что где-то прошел кровавый дождь или заговорил бык, приводит его в трепет. Он успокоится только тогда, когда очистительная церемония восстановит мир между ним и богами.

Выходя из дома, первый шаг он делает только правой ногой. Волосы он стрижет только во время полнолуния. Он носит амулеты. Он покрывает стены дома Магическими надписями, предохраняющими от пожара. Он знает заклинания, помогающие избежать болезни, и заклинания, исцеляющие от болезни; эти заклинания нужно повторить двадцать семь раз, и каждый раз особым образом отплеиваться.

Он не обсуждает дела в сенате, если жертвоприношения не дали благоприятных предзнаменований. Он покидает народное собрание, услышав мышиный писк. Он отказывается от намеченных планов, если заметит дурное предзнаменование, или зловещее слово достигнет его ушей. Он храбро вступает в сражение, но при условии, что ауспиции гарантируют ему победу.

Римлянин, портрет которого мы изобразили, не является человеком из народа, недалеким, которого бедность, страдания и невежество сделали суеверным. Мы говорим о патриции, человеке благородном, могущественном и богатым. Этот патриций может быть воином, должностным лицом, консулом, земледельцем, торговцем, но всегда и всюду он жрец, и его помыслы устремлены к богам. Как бы сильно ни владели его душой такие чувства, как патриотизм, любовь к славе, алчность, надо всем господствует страх перед богами. Гораций дал самое точное описание римлянина: «*Dis te minorem quod geris, imperas*» — «Ты властвуешь, потому что ведешь себя, как подвластный богам».

Иногда эту религию называли политической религией, но разве можно предположить, что сенат, состоящий из трехсот членов, и сословие патрициев, насчитывающее три тысячи человек, сумели единодушно договориться ради того, чтобы обмануть невежественный народ? Неужели на протяжении многих веков в условиях острого соперничества, беспощадной борьбы, личной ненависти никто бы не вызвался заявить, что все это ложь? Если бы патриций выдал тайну своего сословия, если бы, обратившись к плебеям, которые из последних сил терпели давление религии, избавил их от этого ярма и освободил от ауспиций и жрецов, то этот человек немедленно приобрел бы такой кредит доверия, что, возможно, стал бы главой государ-

ства. Можно ли предположить, что, если бы патриции не верили в эту религию, которую исповедовали, искушение раскрыть тайну не было бы достаточно сильным, чтобы побудить хотя бы одного из них рассказать о ней? Глубоко ошибаются относительно человеческой природы те, кто думают, что религию можно ввести путем соглашения и поддерживать с помощью обмана. Обратитесь к Титу Ливию и подсчитайте, сколько раз эта религия приводила в замешательство самих патрициев, сколько раз ставила в затруднительное положение сенат, а уж затем решайте, была ли эта религия придумана для удобства государственных деятелей. Только во времена Цицерона люди начали понимать, что религия весьма полезна для управления народом, но к тому времени она уже не имела той магической власти над умами людей.

Возьмем для примера римлянина начального периода и остановимся на одном из величайших воинов того времени, Камилле, который пять раз был диктатором и одержал победу более чем в десяти сражениях. Для того чтобы составить о нем верное представление, нужно понимать, что он был настолько же жрецом, насколько и воином. Он принадлежал к роду Фуриев, в детстве был обязан носить претексту — белую тогу с пурпурной полосой, знак отличия людей знатного происхождения и жрецов, и буллу, предохраняющую от злой судьбы. Он каждый день принимал участие в религиозных церемониях, провел юность в изучении религиозных обрядов. Когда разразилась война, жрец стал воином; как-то он скакал на коне впереди боевой линии, вражеский дротик попал ему в бедро, но Камилл не оставил поля сражения, а, вырвав торчащий из раны дротик, вступил в схватку с врагами и обратил их в бегство. После нескольких походов его выдвинули на государственную должность. В качестве военного трибуна с консульской властью он совершал жертвоприношения, председательствовал на суде, командовал войском. Настал день, когда было принято решение назначить его диктатором. Соответствующий магистрат в ясную ночь наблюдал за небом, советуясь с богами; мысли его занимал Камилл, имя которого он шептал про себя, в то время как глаза его были устремлены в небо и там искали знаменый. Боги посылали только хорошие предзнаменования,

значит, Камилл был им угоден, и его назначили диктатором.

Теперь он начальник войска; он выступает из города, совершив ауспиции и принеся множество жертв. Под его началом много командиров и почти столько же жрецов: понтифики, авгуры, гаруспики (жрецы, гадавшие по внутренностям жертвенных животных и толковавшие явления природы), пуллари (люди, заботившиеся о священных курах), виктимарии (помощники жреца при жертвоприношениях, поставщики жертвенных животных), переносчик очага. Камиллу поручено закончить войну с Вейями, осада которых длилась уже девять лет. Вейи — древний город этрусков, то есть почти священный город: значит, для победы римлянам требуется столько же благочестия, сколько храбрости. Девять лет римлянам не удавалось одолеть этрусков, очевидно, потому, что они лучше знали обряды, угодные богам, и таинственные заклинания, которыми можно снискать их благосклонность. Тогда римляне обратились к Сивиллиным книгам, желая узнать по ним волю богов. Оказалось, что была допущена небольшая ошибка во время торжественного жертвоприношения, ежегодно совершавшегося римскими консулами от имени Латинского союза, и церемонию повторили. Однако этрусски продолжали одерживать верх. Оставалось последнее средство: захватить какого-нибудь этрусского жреца и узнать от него тайну богов. Римляне взяли в плен вейского жреца и привели его в сенат. «Для того чтобы Рим победил, — сказал жрец, — нужно понизить уровень албанского озера, но так, чтобы вода не вытекала из него в море». Римляне послушались и выкопали бесчисленное множество каналов и рвов, через которые вода из озера разошлась по всей окрестности.

Именно в это время Камилл был избран диктатором. Отправляясь к войску, стоящему под Вейями, он был уверен в успехе, поскольку все оракулы были опрошены, все повеления богов исполнены. Кроме того, прежде чем покинуть Рим, он пообещал богам-покровителям праздники и жертвоприношения. Для того чтобы обеспечить победу, Камилл не пренебрег также и человеческими ресурсами: он увеличивает войско, укрепляет в нем дисциплину, велит выкопать подземный ход, чтобы проникнуть в крепость.

Наступил день штурма крепости; Камилл выходит из своей палатки; совершает ауспиции и приносит жертву. Его окружают понтифики и авгуры; одетый в *paludamentum* (красный плащ, который носил римский главнокомандующий, а впоследствии император), он обращается к богу: «Под твоим предводительством, о Аполлон, и руководимый твоей волей, я иду, чтобы взять и разрушить город Вейи; тебе, если я останусь победителем, я обещаю посвятить десятую часть добычи». Но недостаточно иметь на своей стороне своих богов; у врага тоже есть могущественное божество, которое ему покровительствует. Камилл обращается к нему с такими словами: «Царица Юнона, обитающая в настоящее время в Вейях, молю тебя, приди к нам, победителям, следуй за нами в наш город, прими наше поклонение; пусть наш город станет твоим». После того как принесены жертвы, произнесены молитвы, сказаны заклинания, римляне уверены, что боги за них, и никакое божество уже не защищает врага. Они идут на приступ и берут город.

Этот римский полководец был человеком, умеющим сражаться, который знал, как заставить повиноваться себе, но в то же время искренне верившим в предсказания, ежедневно совершавшим религиозные обряды и убежденным в том, что самое важное не храбрость и даже не дисциплина, а точное произнесение определенных формул в полном соответствии с обрядами. Эти молитвы, обращенные к богам, вынуждают их почти всегда даровать победу. Для такого полководца высшей наградой является разрешение сената принести триумфальную жертву. Вот он всходит на священную колесницу, запряженную четырьмя белыми конями; на нем священное облачение, которое надевают на бога в дни праздников; на его голове венок, в правой руке он держит лавровую ветвь, в левой — скипетр из слоновой кости; все это — атрибуты и одеяния статуи Юпитера. В таком почти божественном величии Камилл предстал перед согражданами и отправился воздать поклонение истинному величию самого главного из римских богов. Он поднялся на Капитолий и перед храмом Юпитера совершил жертвоприношение.

Не только римлянам было свойственно чувство страха перед богами; греки тоже испытывали подобное чувство.

Эти народы, созданные и воспитанные религией, надолго запомнили ее уроки. Общеизвестно, что спартанцы никогда не выступали в поход до наступления полнолуния, непрерывно совершали жертвоприношения, чтобы узнать, следует ли вступать в сражение, отказывались от запланированных и необходимых предприятий, испугавшись дурных предзнаменований. Не менее осмотрительными были и афиняне. Афинское войско никогда не отправлялось в поход до седьмого числа месяца, а когда флоту предстояло выйти в море, главная забота состояла в том, чтобы заново позолотить статуи Паллады.

Ксенофонт уверяет, что у афинян было больше религиозных праздников, чем у других народов Греции. «Сколько жертв предложено богам! — восклицает Аристофан. — Сколько храмов! Сколько статуй! Сколько священных процессий! Во всякое время года мы видим религиозные празднества и украшенных венками жертвенных животных». Территория Афин покрыта большими и малыми храмами. Одни храмы для отправления культа города, другие для отправления культа трибы, третьи для отправления домашнего культа. Каждый дом тот же храм, и на каждом поле есть священная могила.

Афинянин, которого мы представляем себе столь непостоянным, изменчивым, вольнодумным, питает, напротив, глубочайшее почтение к древним традициям и древним обрядам. Его главной религией, той, которой он ревностно предан, является религия его предков и героев. Он поклоняется умершим и боится их. Один из законов обязывает его ежегодно приносить умершим первые плоды урожая; другой запрещает произносить даже одно слово, способное вызвать их гнев. Все, что имеет отношение к древности, священно для афинянина. У него есть древние сборники, в которых записаны обряды, и он никогда не отступает от них. Если жрец вводит малейшее изменение в культ, он наказывается смертью. Из века в век соблюдались самые необычные обряды. Один раз в год афиняне совершали жертвоприношение в честь Ариадны, и поскольку, согласно преданию, возлюбленная Тесея умерла при родах, то требовалось подражать крикам и движениям женщины во время родовых схваток. Другой ежегодный праздник, называвшийся осхофории, был своего рода

пантомимой, изображавшей возвращение Тесея в Аттику. Жезл вестника украшал венки, поскольку вестник Тесея украсил венком свой жезл. Изображавший вестника участник пантомимы издавал крик, который, предполагалось, издал вестник Тесея. Составлялась процессия; каждый участник процессии был одет по моде времен Тесея. В определенный день афиняне могли варить овощи только в горшке определенной формы; истоки этого обряда терялись в глубокой древности, никто уже не понимал его смысла, но благочестивые афиняне повторяли его каждый год.

У афинян, как и у римлян, были несчастные дни; в такие дни не совершались браки, не начинали новых дел, не проводили собраний, не вершили правосудие. Восемнадцатый и девятнадцатый день каждого месяца посвящались очищению. В день плинтерий — самый роковой из всех дней — статуи Афины завешивали покрывалом. В день Панафиной, наоборот, огромная процессия торжественно несла покрывало богини, и все граждане, независимо от возраста и положения, должны были принимать участие в этом шествии. Афинянин приносил жертвы, вымаливая хороший урожай, обильный дождь или хорошую погоду; он приносил жертвы, чтобы излечиться от болезни, не допустить голод и мор.

В Афинах есть свои собрания древних предсказаний, подобно тому как в Риме есть Сивиллины книги, и в приходе находятся люди, предсказывающие городу будущее. На улицах Афин на каждом шагу встречаются прорицатели, жрецы и толкователи снов. Афинянин верит в предзнаменования и приметы; чиханье или звон в ушах останавливали задуманное им дело. Он никогда не пускался в плавание, не совершив ауспий. Прежде чем вступить в брак, он обязательно понаблюдает за полетом птиц. Собрание мгновенно расходится, если кто-то объявит, что видел на небе зловещее знамение. Если во время жертвоприношения пришли дурные вести, то все следует начать сначала.

Каждый разговор афинянин начинает с пожелания благополучия. Теми же словами он начинает все декреты. На трибуне ораторы любят начинать свою речь с обращения к богам и героям, населяющим страну. Оракулы управляют

народом. Ораторы, стремящиеся придать своим советам большую значимость, беспрестанно повторяют: «Так повелевает богиня».

Никий был родом из знатной и богатой семьи. Ежегодно из Афин отправлялись на священный остров Делос на праздник бога торжественные процессии певцов чествовать бога священными гимнами. Как-то, будучи еще очень молодым, Никий, который возглавлял торжественную процессию, привез на Делос жертвенных животных и хор, который воспевал хвалу богу во время совершения жертвоприношения. Вернувшись в Афины, Никий передает богам часть своего имущества, воздвигает храм богу Дионисию и статую богине Афине. Когда ему приходилось выполнять почетную должность хорега, он давал театральные представления с небывалой роскошью; для своей трибы он устраивал за собственный счет священные трапезы. Не проходило дня, чтобы он не совершал жертвоприношения какому-нибудь богу. При нем постоянно находился предсказатель, с которым Никий советовался по всем вопросам, как общественным, так и личным. Во главе войска он отправляется в Коринф, выигрывает сражение, но, возвращаясь с победой в Афины, неожиданно узнает, что на вражеской земле остались тела его двух убитых воинов, не преданные земле. Охваченный беспокойством, он останавливает свой флот и отправляет вестников к врагам, чтобы договориться о погребении. Спустя какое-то время афиняне, желавшие расширить границы своего владычества, принялись обсуждать детали похода на Сицилию. Поднявшись на трибуну, Никий заявил, что его жрецы и предсказатели сообщили о предзнаменованиях, неблагоприятных для экспедиции. У Алкивиада были свои предсказатели, которые иначе разъяснили предсказания. Народ одолевает сомнения. Тут появляются люди, прибывшие из Египта; они посоветовались с богом Амоном, которому уже начинали придавать большое значение, и сообщили его предсказание: афиняне захватят всех сиракузян. Народ принимает решение начать войну.

Никий не смог отговорить народ от войны, однако возглавил экспедицию. Перед тем как отправиться в поход, он по обычаю совершает жертвоприношение. В поход, как любой полководец, он берет с собой жрецов, предсказате-

лей, вестников. На каждом судне эмблема с изображением какого-нибудь божества.

Никий не возлагает особых надежд на успех предприятия. Разве недостаточно было предсказаний о роковом исходе? Вороны много дней подряд клевали статую Паллады и сильно повредили ее; какой-то человек вдруг вскочил на алтарь, уселся на него и камнем отсек себе детородный орган, и отплытие в поход пришлось на несчастливый день плинтерий (праздник омовения). Никий прекрасно понимал, что эта война будет фатальной и для него, и для его отечества. Во время похода он проявляет крайнюю осторожность. Он, которого все знают как храброго воина и искусного полководца, почти ни разу не осмеливается дать сигнал к битве. Афинянам не удается взять Сиракузы, и, понеся жестокие потери, они вынуждены принять решение о возвращении в Афины. Никий готовит флот в обратный путь; на море спокойно. Вдруг происходит лунное затмение. Никий обращается за разъяснением к своему предсказателю, и тот сообщает, что это дурной знак и следует переждать трижды по девять дней. Никий повинуетя; все эти дни он проводит в бездействии, приносит много жертв, чтобы умилостивить разгневанных богов. В это время враг отрезает ему выход из гавани и уничтожает его флот. Ему ничего не остается, как отступить по суше. Ни ему, ни его воинам не удалось уйти от сиракузян.

Что же сказали афиняне, получив известие об этом несчастье? Им было известно о личной храбрости Никия и его удивительной стойкости. И никому не пришло в голову обвинить его в том, что он следовал указаниям религии. Они решили, что его можно упрекнуть только в том, что он взял с собой невежественного предсказателя. Этот человек неправильно истолковал лунное затмение. Он должен был знать, что для войска, готовящегося к отступлению, «это знамение отнюдь не дурное, а, напротив, даже благоприятное, поскольку дела, совершаемые с опаской, должны быть скрыты и свет им помеха. И вообще, как написано в «Толкованиях» Автоклида, злотворного воздействия солнца или луны следует ожидать лишь в первые три дня после затмения»¹.

¹ Плутарх. Никий. (Пер. Т.А. Миллер.)

Глава 17

ВСЕМОГУЩЕСТВО ГОСУДАРСТВА. ДРЕВНИМ НИЧЕГО НЕ БЫЛО ИЗВЕСТНО О СВОБОДЕ ЛИЧНОСТИ

Город был основан на религии и структуру имел подобную церковной структуре. Отсюда проистекала его сила, могущество и абсолютная власть над гражданами города. В обществе, основанном на подобном принципе, не могло существовать такого понятия, как свобода личности. Гражданин находился в полной зависимости, без каких-либо исключений, от города; он всецело принадлежал ему, и телом и душой. Религия, породившая государство, и государство, поддерживавшее религию, опирались друг на друга, составляя единое целое. Эти две силы, слитые воедино, образовали практически сверхчеловеческую мощь, подчинившую в равной степени душу и тело человека.

Человек находился в полной зависимости от государства; его тело принадлежало государству и посвящалось его защите. В Риме гражданин был военнообязанным до пятидесятилетнего возраста, в Афинах — пока ему не исполнилось шестьдесят лет, а в Спарте — всю жизнь. Имущество граждан всегда находилось в полном распоряжении государства. Если город нуждался в деньгах, то мог приказывать женщинам отдать свои драгоценности, кредиторам — отдать деньги, требуемые по долговым обязательствам, владельцам оливковых садов — отдать даром оливковое масло.

Частная жизнь находилась под строгим контролем государства. Афинский закон, от лица религии, запрещал мужчине оставаться холостым. В Спарте наказывались не только те, кто не женились, но и те, кто женились поздно. В Афинах государство могло предписать труд, а в Спарте — праздность. Тирания государства распространялась даже на самые незначительные вещи. В городе Локры закон запрещал мужчинам пить вино, не разбавляя его водой. В Риме, Милете и Массалии закон запрещал женщинам пить вино. Законом каждого города устанавливался фасон одежды. Законодательство Спарты определяло фасон женских головных уборов, а афинское законодательство запрещало женщинам брать в дорогу более трех нарядов.

На Родосе и в Византии бритье бороды было запрещено законом¹.

Государство имело право избавляться от уродливых граждан и калек, поэтому оно приказывало отцу, у которого родился сын-калека, убить его. Нам неизвестно, существовал ли такой закон в Афинах, но мы знаем, что Аристотель и Платон вписали его в свои идеальные кодексы.

В истории Спарты было событие, которое вызвало искреннее восхищение Плутарха и Руссо. Спарта только что потерпела поражение в сражении при Левктрах, где погибло много ее граждан. Однако родственники убитых должны были появляться на людях с веселыми лицами. Мать, зная, что ее сын избежал смерти и она вскоре увидит его, выглядела печальной и заплаканной, в то время как мать, которая знала, что ее сын погиб и она уже никогда не увидит его, выглядела радостной и обходила храмы, вознося благодарность богам. Какова же была власть государства, приказавшего людям забыть о естественных чувствах и получить в ответ повинование?

Государство не позволяло человеку равнодушно относиться к его интересам; ни философ, ни ученый не имели права отгораживаться от государственной жизни. Каждый гражданин был обязан голосовать на собраниях, занимать государственную должность, когда до него доходила очередь. В те времена, когда то и дело между партиями возникали разногласия, афинский закон не позволял гражданину оставаться в стороне; он должен был встать на ту или иную сторону. С теми, кто пытались сохранить спокойствие и остаться в стороне от общественной жизни, закон был суров — он требовал изгнания с конфискацией имущества.

Образование у греков тоже находилось в руках государства. Можно даже сказать, что ни одной сфере деятельности государство не уделяло столь повышенного внимания, как сфере образования. В Спарте отец не имел никакого отношения к воспитанию и образованию сына. В Афинах

закон, похоже, был менее строг, тем не менее государству удалось передать процесс образования в руки выбранных им наставников. Аристофан ярко изображает афинских детей, отправляющихся в школу; они идут стройными рядами в дождь, снег и под палящими лучами солнца. Эти дети, похоже, уже понимают, что выполняют гражданский долг. Государство желало само руководить воспитанием и образованием, и Платон объясняет мотивы, которыми оно руководствовалось. «Родители не должны сами решать, посылать или не посылать своих детей к учителям, которых выбрал город, поскольку дети больше принадлежат городу, чем родителям».

Государство относилось к телу и душе каждого гражданина как к своей собственности, а потому стремилось воспитать тело и душу таким образом, чтобы извлечь для себя по возможности большую пользу. Детей обучали гимнастике, поскольку человеческое тело было оружием города, и этому оружию следовало быть как можно более сильным и ловким. Детей обучали пению религиозных гимнов, они разучивали священные танцы, поскольку это было необходимо для правильного совершения жертвоприношений и проведения городских празднеств.

За государством признавалось право не допускать свободного преподавания наряду с государственным. В Афинах был издан закон, запрещающий обучать молодых людей без разрешения властей, и еще один, особо запрещающий преподавание философии¹.

Человек не мог сам выбирать верования. Он должен был верить и подчиняться религии города. Он мог ненавидеть и презирать богов соседнего города; имел право верить или не верить в таких богов, как Юпитер, Кибела или Юнона, но даже не мог помыслить, чтобы усомниться в Афине Полиаде², Эрехтее³ или Кекропсе.

Это расценивалось как святотатство, являясь одновременно покушением на религию и государство, за которое государство сурово наказывало. Сократ был казнен за по-

¹ «Римляне полагают, что ни чей бы то ни было брак, ни рождение детей, ни порядки в любом частном доме, ни устройство пиров не должно оставлять без внимания и обсуждения, с тем чтобы каждый действовал по собственному желанию и выбору». *Плутарх*. Аристид и Марк Катон. (Пер. С.П. Маркиша.) (Примеч. авт.)

¹ Эти законы существовали не слишком долго, но они еще больше доказывают, какое большое внимание уделяло государство сфере образования. (Примеч. авт.)

² Афина Полиада — покровительница города.

³ Эрехтей — в древнегреческой мифологии царь города Афины.

добное преступление. Древние не имели права высказывать мнение относительно государственной религии. Люди были обязаны подчиняться всем правилам культа, принимать участие в процессиях и священных трапезах. Афинское законодательство наказывало тех, кто уклонялся от участия в национальных праздниках.

Итак, древним не было ничего известно ни о свободе личной жизни, ни о свободе воспитания и образования, ни о свободном выборе религии. Человеческая личность значила чрезвычайно мало по сравнению с той священной, почти божественной силой, которая называлась отечеством или государством. Государству принадлежало не только право вершить правосудие, как в современных государствах; государство обладало правом, просто исходя из собственных интересов, подвергнуть наказанию невиновного человека. Аристид не совершил преступления, и его никто в этом даже не подозревал, но город имел право изгнать его со своей территории по той простой причине, что он приобрел слишком большое влияние и, если бы захотел, мог стать опасным. Его подвергли остракизму¹.

Этот обычай существовал не только в Греции; мы находим его в Аргосе, Мегаре, в Сиракузах; согласно Аристотелю, он существовал во всех греческих городах.

Остракизм не был наказанием; это была предосторожность, которую город принимал против своего гражданина, подозревавшегося в способности в любой момент нанести вред городу. В Афинах можно было подвергнуть человека судебному преследованию и осудить за отсутствие патриотизма, то есть за отсутствие любви к государству. Жизнь человека не стоила ничего с того момента, как вставал вопрос, связанный с интересами государства.

¹ Как утверждает Аристотель, обычай введен автором демократических реформ Клисфеном после свержения тирании Писистратидов, то есть около 508 года до н. э., как профилактическая мера, против возможных новых тиранов; однако фактически он начал действовать несколько позже, после Марафонской битвы, когда народ, по словам Аристотеля, «почувствовал себя увереннее». Очень быстро остракизм превратился в метод решения межпартийных споров. В разное время остракизму были подвергнуты, помимо Аристида Справедливого, Фемистокл, Кимон; черепки с их именами, как и с именем Перикла и других, менее видных, деятелей были найдены при археологических раскопках в Афинах.

В Риме был издан закон, разрешавший убивать человека, который вознамерился бы стать царем. Древними был сформулирован принцип: интересы государства превыше всего, и заботы граждан должны быть направлены к его лучшему устройству и управлению.

Среди всех человеческих заблуждений одним из самых больших является представление, что в древних городах люди пользовались свободой. Они даже не имели о ней представления. Никто и не думал, что может иметь права наравне с городом и его богами. Дальше мы увидим, что изменение формы правления практически не сказывалось на природе государства, и оно оставалось таким же всемогущим, как и прежде. Ни один из переворотов не принес человеку истинной свободы. Обладать политическими правами, голосовать, назначать должностных лиц, иметь право стать архонтом — вот что называлось свободой; но от этого человек был не менее поработан государством. Древние, особенно греки, всегда преувеличивали значение и, главное, права общества; это, безусловно, происходило в силу того священного, религиозного характера, который имели общества в период возникновения.

Часть четвертая ПЕРЕВОРОТЫ

Глава 1 ПАТРИЦИИ И КЛИЕНТЫ

Невозможно вообразить себе никакой более прочной организации, чем древняя семья, имевшая своих богов, свой культ, своего жреца, своего судью. Можно ли представить себе что-либо могущественнее древней гражданской общины, у которой тоже была своя религия, свои боги-покровители, свои независимые жрецы; города, который владел и душой, и телом гражданина, который был во много раз могущественнее современных государств, обладая двойной властью, которую теперь, как мы знаем, разделили между собой государство и церковь. Никогда не создавалось общества более устойчивого, чем это. Однако и на его долю выпали перевороты. Трудно сказать, в какую эпоху начались перевороты, но совершенно ясно, что в различных городах Греции и Италии они начались в разное время. Достоверно известно, что начиная с VII века до н. э. эта общественная структура почти повсеместно стала подвергаться критике и нападкам. С этого времени она удерживается с большим трудом и только благодаря более или менее удачному сочетанию запретов и уступок. Процесс растянулся на несколько столетий, пока эта общественная организация, наконец, не исчезла.

Причины ее исчезновения можно свести к двум основным. Во-первых, изменения, которые с течением времени произошли в понятиях вследствие естественного развития человеческого разума, уничтожив древние верования, одновременно разрушили социальную структуру, созданную этими верованиями и только ими и поддерживаемую.

Другая причина связана с целым общественным классом людей, оказавшихся вне общинной структуры и пострадавших от нее. В их интересах было уничтожить эту общественную организацию, и они вступили с ней в непрекращающуюся борьбу.

Как только верования, на которых был основан этот общественный строй, стали ослабевать, а интересы большинства вступили в противоречие с ним, система рухнула. Ни один город не избежал этого закона преобразования, ни Спарта, ни Афины, ни Рим. Мы уже знаем, что поначалу у народов Греции и Италии были одни и те же верования, создавались и развивались одни и те же институты, а теперь узнаем, что они прошли через одни и те же перевороты.

Мы должны попытаться понять, как и почему люди, отказавшись от древней формы организации, не удалились, а, наоборот, приблизились к более совершенной форме организации. Каждое из этих изменений, производившее впечатление беспорядка, путаницы, иногда даже упадка, приближало людей к цели, которой они еще сами не знали.

До сих пор мы ничего не говорили о низших классах, поскольку просто не было повода говорить о них. Мы пытались дать описание древней организации города, а в этом обществе низшие классы абсолютно ничего не значили. Город сложился так, словно этих классов не существовало, вот почему мы смогли отложить их изучение до тех пор, пока не подошли к периоду государственных переворотов.

В древнем городе, как в любом человеческом сообществе, существовало неравенство. Известно, что в Афинах существовало различие между эвпатридами и фетами; в Спарте мы находим класс равных по положению, полноправных спартанцев, и класс людей, стоящих ниже по положению; в Эвбее класс всадников и простой народ. История Рима наполнена борьбой между патрициями и плебеями, борьбой, которую мы находим и в сабинских, латинских и этрусских городах. Можно заметить, что чем дальше мы будем углубляться в историю Греции и Рима, тем различия между классами будут становиться глубже и определеннее — явное доказательство того, что неравен-

ство возникло с самого начала, вместе с появлением общины (города), а не появлялось постепенно, становясь все отчетливее с течением, времени.

Важно понять, какие принципы лежали в основе разделения на классы. Выяснив это, мы легче поймем, какие идеи и потребности лежали в основе борьбы, какие требования выдвигали низшие классы и во имя каких принципов отстаивали свое владычество господствующие классы.

Мы уже знаем, что город вырос из союза семей и триб. Но еще до появления города в семье уже существовали классовые различия. Действительно, семья никогда не распадалась, она была неделимой, как древняя религия очага. Только старший сын имел право наследовать отцу; к нему переходил семейный культ, собственность, власть, и братья по отношению к нему оказывались в том же положении, какое занимали при отце. Так происходило из поколения в поколение, от первенца к первенцу, и в семье всегда был только один глава. Он совершал жертвоприношения, произносил молитвы, вершил суд. Первоначально только он назывался *pater*; это слово означало власть, а не отцовство и прилагалось исключительно к главе семьи; так его называли все — сыновья, братья, слуги.

Первый закон неравенства заложен во внутреннем устройстве самой семьи. Старший сын пользуется преимуществом в отношении культа, наследования, управления. В каждой большой семье со временем естественным путем образовались новые ветви, которые в соответствии с религией и обычаями занимали подчиненное положение по отношению к основной ветви и, живя под ее защитой, подчинялись ее власти.

В каждой семье были слуги, которые не уходили из семьи, были наследственно связаны с ней и находились под тройной властью *pater*, или патрона, как хозяина, судьи и жреца. В разных областях слуги назывались по-разному, но самое общепринятое название — клиенты.

Клиенты — это низший класс. Клиент стоит ниже не только главы семьи основной ветви, но и членов новых ветвей. Разница между ними в том, что член новой ветви в восходящем ряду предков всегда находит *pater*, то есть

главу семьи, одного из тех божественных предков, которого семья призывает в своих молитвах, и, поскольку он происходит от *pater*, то называется *patricius*. Сын клиента, напротив, сколько бы ни восходил по своей родословной, не мог встретить никого, кроме клиента или раба. Среди его предков не было *pater*. Отсюда более низкое положение, состоящее из подчиненности, изменить которое было не в его силах.

Различие между этими двумя классами ярко проявляется в сфере материальных интересов. Собственность семьи целиком принадлежала главе семьи, который, однако, мог пользоваться собственностью вместе с членами ветвей и даже клиентами. Но в то время как члены ветвей имели, по крайней мере, потенциальное право на эту собственность в случае пресечения основной ветви, то клиент никогда не мог стать собственником. Земля, которую он обрабатывал, находилась у него во временном пользовании; он получал ее от патрона; если клиент умирал, земля возвращалась к патрону. В римском праве позднего времени сохранились следы древнего закона относительно клиентов в так называемом *jus applications* (поступление под покровительство знатного патрона). Клиенту не принадлежат даже его деньги; их истинным владельцем является патрон, который имеет право использовать деньги клиента на собственные нужды. Основываясь на этом древнем законе, римское право объявило, что клиент обязан оказывать патрону денежную помощь при выдаче дочери патрона замуж, выплачивать выкуп за патрона или его детей в случае плена, покрывать долги и денежные пени, к которым патрон был приговорен, и участвовать в издержках, связанных с нахождением патрона на государственной или жреческой должности.

Еще очевиднее различия в религии. Только потомок *pater* может выполнять обряды домашнего культа. Клиент принимает участие в церемонии; за него приносится жертва, но сам он не совершает жертвоприношений. Между клиентом и домашним божеством всегда есть посредник. Если семья угаснет, клиенты не могут продолжить культ. Они не наследуют религию; она не досталась им от предков. Для клиентов это заимствованная религия; они могут пользоваться религией патрона, но не владеть.

Следует помнить, что, по мнению древних, право иметь бога и молиться ему было наследственным. Священные традиции, обряды, священные слова, могущественные формулы, которые побуждали богов действовать, — все это передавалось только по крови, поэтому совершенно естественно, что в каждой древней семье правом служения богам обладал только тот, кто действительно вел свое происхождение от первого предка. Патриции и эвпатриды имели преимущественное право быть жрецами и иметь собственную, принадлежавшую только им религию.

Таким образом, классовые различия существовали еще на уровне семьи; эти различия установила древняя домашняя религия. Позже, когда возник город, ничего не изменилось во внутренней структуре семьи. Мы уже говорили, что первоначально город был союзом триб, курий и семей, а не отдельных людей, и в этом союзе каждая составляющая продолжала оставаться такой, какой была раньше. Главы этих небольших групп объединялись, но каждый из них оставался полновластным хозяином того маленького общества, главою которого он был. Это объясняет, почему римское право так долго оставляло за *pater* абсолютную власть над членами семьи и власть и право вершить суд над клиентами. Так что нет ничего странного, что классовые различия, появившиеся в семье, продолжали существовать в городе.

На начальном этапе существования город был не более чем союзом глав семей. Есть многочисленные свидетельства тех времен, когда только они были гражданами. Этого правила придерживались в Спарте, где младшие сыновья не имели никаких политических прав. Следы этого правила видны в афинском законе, гласившем, что только тот может быть гражданином, кто обладает домашним божеством. Аристотель отмечает, что в древности во многих городах было правило, согласно которому сын не был гражданином при жизни отца, а после смерти отца только старший сын получал политические права. Закон не считал гражданами ни младших членов семьи, ни тем более клиентов. Аристотель добавляет, что в то время было немного настоящих граждан.

В те древние времена собрание, обсуждавшее общегородские дела, состояло только из глав семей — *patres*. Мож-

но усомниться в словах Цицерона, когда он говорит, что Ромул называл сенаторов отцами, чтобы подчеркнуть их отеческую любовь к народу. Члены сената имели титул *pater* по той простой причине, что были главами *gens* — родов. Собравшись вместе, они представляли город, в то время как каждый в отдельности оставался абсолютным владыкой своего рода, который был как бы его маленьким царством. Кроме того, нам известно и о другом, более многочисленном собрании — собрании курий, но оно мало чем отличалось от собрания *patres*. В собрании курий основу составляли *patres*, но уже в окружении семьи; сопровождавшие *pater* родственники и клиенты свидетельствовали о его могуществе. Однако каждая семья на этих комициях (собраниях) имела только один голос. Возможно, глава семьи советовался с родственниками, но голосовать мог только он сам. К тому же закон запрещал клиенту иметь мнение отличное от патрона. Если клиенты и были связаны с городом, то только через своих патронов. Клиенты принимали участие в общественном культе, являлись в суд, участвовали в собраниях, но только в качестве сопровождающих своего патрона.

Не следует представлять древний город как скопление людей, живущих вместе за городскими стенами. В древние времена город не был местом жительства, он был святилищем, где обитали боги; он был крепостью, которая защищала богов и которую освящало их присутствие; он был центром, местопребыванием царя и жрецов, местом, где вершилось правосудие, но люди в нем не жили. На протяжении нескольких поколений люди продолжали жить вне города, обособленными семьями, расселившись по стране. Каждая семья занимала определенную область, в которой находилось ее домашнее святилище и где она жила как единый организм под властью *pater*. В определенные дни, если того требовали интересы города и обязанности общественного культа, главы семейств приходили в город и собирались вокруг царя, чтобы обсудить какие-то вопросы или принять участие в жертвоприношении. Если вопрос был связан с войной, то каждый глава приходил в сопровождении семьи и слуг (*sua manus*); они группировались по фратриям и куриям и формировали войско города под началом царя.

Глава 2 ПЛЕБЕИ

Теперь поговорим о другой части населения, которая по положению находилась ниже клиентов и, поначалу слабая и униженная, незаметно набрала достаточно силы, чтобы сломать древнюю общественную организацию. Люди, составлявшие этот класс, наиболее многочисленный в Риме, чем в других городах, назывались плебеями. Необходимо разобраться с происхождением и характером этого класса, чтобы понять ту роль, которую он сыграл в истории семьи и древнего города. Плебеи не были клиентами; древние историки не смешивают эти классы. В одном отрывке из сочинения Тита Ливия говорится, что «плебеи не хотели принимать участие в избрании консулов; консулов выбирали патриции и их клиенты». В другом месте Тит Ливий сообщает, что плебеи выражали недовольство тем, что патриции имеют слишком много влияния в комициях благодаря голосам своих клиентов. У Дионисия Галикарнасского читаем, что «недовольные плебеи отказались выступить в военный поход и в полном вооружении удалились из Рима на Священную гору, где стали лагерем»¹.

Эти плебеи, по крайней мере в первые века, не являлись частью того, что называлось римским народом. В древней молитве, которую все еще произносили во времена Пунических войн, богов просили быть милостивыми к «народу и плебей»².

¹ «Это так называемая «первая сецессия плебеев». Военная обстановка была очень напряженной: шли войны с вольсками, эквами и сабинами. В городе распространилась паника: Рим лишился значительной части военных сил, существовало даже опасение, что плебеи хотят основать самостоятельное государство». *Фролов Э.Д.* С.И. Ковалев и его «История Рима».

² «Боги и богини, населяющие море и сушу, к вам обращаюсь с молитвой: да будет все, что под моим командованием совершено, свершится и свершится, ко благу моему, римского народа и плебса, союзников и латинов, которые на земле, на море, на реках властью и auspiciis народа римского и моими, будьте им благими помощниками, возвеличьте добрым успехом, верните домой здоровыми и невредимыми, победителями, победившими злых врагов, украшенными трофеями, нагруженными добычей и справляющими со мною триумф, дайте возможность отомстить недругам и неприятелям; даруйте мне и народу римскому показать нашу силу на карфагенском народе, который замышляет против государства нашего». *Тит Ливий*. История Рима от основания города. XXIX, 27. (*Пер. В.М. Смирнова.*) (*Примеч. авт.*)

Следовательно, первоначально плебеи не входили в состав народа, состоявшего из патрициев и клиентов.

Отличительная особенность плебеев заключалась в отсутствии у них религии, даже семейной. По этому признаку мы узнаем плебея и отличаем его от клиента. Клиент был, по крайней мере, приобщен к культу патрона, являлся членом его семьи и его рода. У плебея на начальном периоде не было культа, и он ничего не знал о священной семье.

То, что нам уже известно о древней религии, объясняет появление этого класса. Древняя религия, появившись в семье, так и оставалась в пределах семьи. Каждая семья была вынуждена создавать свои верования, своих богов и свой культ. Но, возможно, в те столь далекие от нас времена многим семьям не хватало умственных способностей на то, чтобы создать собственных богов, установить культ, придумать гимны. Понятно, что такие семьи занимали более низкое положение по сравнению с теми, у которых была своя религия. Случалось, что семьи, имевшие домашний культ, со временем утрачивали его, или по небрежности, предав забвению обряды, или в связи с совершенным преступлением, которое повлекло за собой запрещение приближаться к семейному очагу и продолжать культ. Наконец, случалось и так, что клиенты из-за грубого обращения или по какой-то другой причине уходили из семьи патрона и отказывались от его религии. Кроме того, сын, рожденный от брака, совершенного без надлежащего соблюдения обрядов, считался незаконнорожденным, как и сын, рожденный вне брака; для них не существовало домашней религии. Все эти люди, по той или иной причине лишившиеся семьи, попали в класс людей, не имевших священного очага, то есть стали плебеями.

Этот класс мы находим почти во всех древних городах, но отделенный от остального населения границей. Первоначально греческий город состоял из двух частей; одна часть, собственно город, обычно возводилась на вершине холма; этот город основывали с соблюдением религиозных обрядов; в нем находилось святилище городских богов. У подножия холма были дома, построенные без совершения религиозных церемоний и без священной ограды. Это были дома плебеев, которые не могли жить в священном городе.

В Риме было огромное различие между этими двумя классами, теми, кто жил на вершине холма, и теми, кто жил у подножия. Патриции и их клиенты жили в городе, который основал Ромул на Палатинском холме с соблюдением священных обрядов. Плебеи жили на огороженной территории на склоне Капитолийского холма, где Ромул позволил поселиться не имевшим семьи и очага людям, которых не хотел впускать в свой священный город. Позже, когда в Рим пришли новые плебеи, их поселили на Авентинском холме, то есть вне священного города, вне *romsegium* — сакральной границы.

Характеризуя плебеев, достаточно сказать, что это люди, у которых не было очага и, по крайней мере вначале, не было домашнего алтаря. Противники всегда упрекали их в отсутствии предков, а раз нет предков, считали они, то нет культа предков и семейной могилы. У них не было отца — *pater*, то есть им бессмысленно искать в восходящем ряду предка, который был бы религиозным главой семьи. У них не было семьи — *gentem non habent*, точнее сказать, у них была только обычная семья, но не было той семьи, которую создала религия.

Для плебеев не существовало священного брака; они не знали его обрядов. Не имея очага, они лишались союза, который устанавливался очагом. Вот почему патриции, для которых существовал только один законный союз, соединявший мужа и жену в присутствии домашнего божества, говоря о плебеех, заявляли: «*Connubia promiscua habent mores feracum*». Для них нет семьи, отцовской власти. У них была власть над детьми, та, что дается силой, но не было той священной власти, которой религия наделила отца.

Для них не существует права собственности, поскольку вся собственность основана и освящена очагом, могилой предков, термами, то есть всеми составляющими домашнего культа. Если плебей и владел землей, то это не священная, а обычная земля, не имевшая священных границ. Но мог ли он владеть землей в древние времена? Нам известно, что в Риме никто не имел права быть собственником, если не являлся гражданином, а плебей на начальном этапе существования Рима гражданином не был. Согласно законодателю, собственником можно быть только по праву квиритов, а плебеи поначалу не были квиритами, то есть

полноправными римскими гражданами. Завоеванные, лежащие за пределами Рима земли, *ager Romanus*, были разделены между трибами, куриями и родами. Следовательно, плебеи, не принадлежавшие ни к одной из этих групп, не принимали участия в разделе земли. Плебеи, не имевшие религии, не владели тем, что давало возможность сделать участок земли своей собственностью. Известно, что они долго жили на Авентинском холме и строили там дома, и только по истечении трех веков, после упорной борьбы они, наконец, добились того, что получили право собственности на эту землю.

Для плебеев нет ни закона, ни правосудия, поскольку закон был религиозным постановлением, а судебная процедура — набором обрядов. Клиент мог пользоваться правами через посредство своего патрона, у плебея не было и такой возможности. Древний историк Дионисий уверенно говорит, что шестой римский царь, Сервий Туллий, был первым, кто издал законы для плебеев, в то время как патриции уже давно имели свои законы. Похоже, что даже эти законы были впоследствии отняты у плебеев, или, поскольку они не были основаны на религии, патриции отказались считаться с ними. Далее Дионисий сообщает, что, когда появились трибуны, был издан специальный закон для защиты их жизни и свободы, «закон о неприкосновенности трибунов», в котором, в частности, говорилось, что никому не позволено ударить или убить трибуна, как обычного плебея. Получается, что плебея можно было ударить и убить и, по крайней мере, человек, преступивший границы закона, не подвергался наказанию.

Плебеи не имели политических прав. Сначала они не были гражданами, и ни один из них не мог быть магистратом. В Риме на протяжении двух столетий не было никаких других собраний, кроме собраний курий, а плебеи не были членами курий. Плебеи не входили даже в состав войска, пока его комплектованием занимались курии.

Но самым основным, что отделяло плебея от патриция, было то, что плебей не принимал участия в религии города. Он не мог занимать ни одной священной должности. Можно предположить, что на самой ранней стадии ему даже запрещалось молиться, поскольку религия не позволяла посвящать его в священные обряды. То же са-

мое было в Индии, где шудры не имели права участвовать в отправлении культов и жертвоприношениях богам (совершать домашние жертвоприношения и обряд поминовения предков шудрам разрешалось). Плебей был чужеземцем, и, следовательно, только одно его присутствие оскверняло церемонию жертвоприношения. Его отвергали боги. Религия установила между плебеем и патрицием максимально возможное расстояние. Плебеи были презираемым классом, находившимся в унижительном положении, вне религии, вне законов, вне общества и вне семьи. Патриций мог сравнить такое положение только с положением животных — *more ferarum* (подобно животным). Общение с плебеем оскверняет. Децемвиры забыли в первые десять таблиц внести пункт о запрещении брака между патрициями и плебеями. Все дело в том, что первые децемвиры были патрициями, и ни одному из них даже не могла прийти в голову мысль о возможности подобного брака.

Теперь мы знаем, какой в первое время была классовая система в городах. На верхней ступени находилась аристократия, главы семей, на официальном языке именуемые *patres*. Ниже располагались младшие линии семей, еще ниже клиенты и, наконец, самую низшую ступень занимали плебеи.

Религия внесла подобное различие между классами, поскольку еще в те времена, когда предки греков, италийцев и индусов жили вместе в Центральной Азии, религия заявила, что «самый старший возносит молитву». Отсюда проистекает преимущество старшего и во всем остальном. Старшая линия каждой семьи была священной и господствующей. Однако религия придавала большое значение младшим линиям, которые являлись своего рода резервом, способным заменить угасшую старшую линию и сохранить культ. Кроме того, религия придавала определенное значение клиенту и даже рабу, поскольку они принимали участие в священнодействиях. Но плебея, не принимавшего никакого участия в культе, религия не принимала в расчет. Вот так установились в обществе классовые различия.

Однако изменениям подвергаются все социальные системы. Эта система изначально имела в себе болезнетворный микроб, приводящий к смерти; этим микробом было

слишком большое неравенство между людьми. Слишком многие, лишенные каких-либо привилегий люди были заинтересованы в уничтожении этой общественной системы.

Глава 3 ПЕРВЫЙ ПЕРЕВОРОТ

Царей лишают политической власти

Мы говорили, что вначале царь был религиозным главой города, верховным жрецом общественного очага, что он обладал не только религиозной, но и политической властью, поскольку казалось совершенно естественным, чтобы человек, представлявший религию города, одновременно являлся председателем собраний, судьей и начальником войска. По этой причине вся государственная власть сосредоточилась в руках одного человека — царя.

Однако главы семей, *patres*, главы фратрий и триб сформировали вокруг царя сильную аристократию. Царь был не единственным царем; каждый *patres* был царем в своем роду; в Риме даже существовал древний обычай называть любого могущественного патрона царем. В Афинах в каждой фратрии и трибе был свой глава, и наряду с царем города были цари триб. В этой иерархии каждый глава более или менее обширной области имел одни и те же преимущества и обладал одной и той же неприкосновенностью. Власть царя города не распространялась на все население; клиенты и внутренний уклад семьи не подпадали под его власть. Подобно феодальному царю, имевшему в качестве подданных всего нескольких могущественных вассалов, царь древнего города повелевал только главами триб и родов, каждый из которых мог быть не менее могущественным, чем царь, а все вместе они были намного сильнее его. Можно предположить, что царю было не легко заставить их повиноваться. Люди должны были относиться к нему с большим уважением, поскольку он был главой культа и хранителем священного очага; но царь не обладал большой властью, а потому они не особо стремились подчиняться ему. Правители и их подданные довольно быстро поняли, что расходятся во мнении относительно критериев должного повиновения. Цари

желали быть могущественными, но этого совершенно не хотели *patres*. В результате во всех городах началась борьба между аристократией и царем.

Повсюду результат борьбы был одним и тем же: аристократия одержала победу. Однако не следует забывать, что в те времена царская власть была священной. Царь был человеком, который произносил молитвы и совершал жертвоприношения, он обладал наследственным правом призывать на город благоволение богов. По этой причине народ и думать не мог, чтобы избавиться от царя; царь был необходим их религии; царь обеспечивал благополучие города. Мы видим во всех городах, история которых нам известна, что сначала никто не посягал на религиозную власть царя, довольствуясь тем, что отбирал у него политическую власть, которая была своего рода дополнением к религиозной власти и, в отличие от религиозной власти, не считалась священной и неприкосновенной. Политическую власть можно было отнять у царя, при этом не подвергая никакой опасности религию.

Таким образом, царскую власть сохранили, но, лишенная политической власти, она была не более чем властью жреца. «В древние времена, — пишет Аристотель, — цари управляли непосредственно всеми делами, касающимися государства, руководили его внутренней и внешней политикой; впоследствии же, после того как от некоторых функций своей власти они отказались сами, а другие были отняты у них народом, в одних государствах за царями сохранилось только право жертвоприношений, в других — где все-таки может идти речь о царской власти — цари удержали за собой лишь право быть главнокомандующими за пределами страны»¹.

Плутарх пишет, что, поскольку цари проявляли жестокость по отношению к народу, греки отняли у них власть и оставили им только жреческие функции. Геродот, рассказывая о Кирене, пишет: «Они выделили царю Батту царские земельные владения и жреческие доходы, а все остальное, что принадлежало прежде царю, сделали достоянием народа»².

¹ Аристотель. Политика. III, 8. (Пер. С.А. Жебелева.) (Примеч. авт.)

² Геродот. История. Кн. IV, 161. (Примеч. авт.)

Царская власть, сведенная к выполнению жреческих функций, оставалась наследственной в священных семьях, которые некогда установили очаг и положили начало национальному культу. Во времена Римской империи, то есть спустя семь или восемь столетий после этого переворота, в Эфесе, Массалии и Фесписе еще были семьи, сохранявшие отличительные знаки древнего царского рода и руководившие религиозными церемониями. В других городах священные роды пресеклись, царей стали выбирать, как правило, на годичный срок.

История переворота в Спарте

Спартой всегда правили цари, тем не менее переворот, о котором мы говорим, произошел в ней, как и в других городах.

Похоже, что первые дорические цари обладали неограниченной властью. Однако начиная с третьего поколения разгорается борьба между царями и аристократией. Непрерывающаяся борьба на протяжении двух веков сделала Спарту одним из самых беспокойных греческих государств. Известно, что во время гражданской войны был убит один из спартанских царей, отец Ликурга. Вот что пишет об этом Плутарх: «Народ осмелел, а цари, правившие после Эврипонта, либо крутыми мерами вызывали ненависть подданных, либо, ища их благосклонности или по собственному бессилию, сами перед ними склонялись, так что беззаконие и нестроение надолго завладели Спартой. От них довелось погибнуть и царю, отцу Ликурга. Разнимая однажды дерущихся, он получил удар кухонным ножом и умер, оставив престол старшему сыну Полидекту»¹.

Нет ничего более непонятного, чем история самого Ликурга. «О законодателе Ликурге невозможно сообщить ничего строго достоверного: и о его происхождении, и о путешествиях, и о кончине, а равно и о его законах, и об устройстве, которое он дал государству, существуют самые разноречивые рассказы. Но более всего расходятся сведения о том, в какую пору он жил»².

¹ Плутарх. Ликург и Нума. 2. (Пер. С.П. Маркиша.) (Примеч. авт.)

² Там же.

Бесспорным, похоже, является факт, что Ликург появился в то время, когда в Спарте началась смута. Из дошедшей до нас информации можно сделать вывод, что реформа Ликурга нанесла царской власти удар, от которого она уже не смогла оправиться. В царствование Харилая, сообщает Аристотель, монархия уступила место аристократии. Харилай был царем, когда Ликург проводил реформу. К тому же от Плутарха мы знаем, что на Ликурга были возложены обязанности законодателя в разгар народных волнений, во время которых царь Харилай был вынужден искать защиты в храме. У Ликурга была возможность уничтожить царскую власть, но он не сделал этого, считая, что царская власть необходима, а царская семья неприкосновенна. Ликург устроил все таким образом, что впредь цари подчинялись сенату во всем, что касалось управления, были не более чем председателями этого собрания и исполнителями принимаемых на нем решений¹.

Спустя столетие произошло дальнейшее ослабление царской власти; исполнительную власть вверили специальным должностным лицам, избираемым на год, так называемым эфорам.

По обязанностям, возложенным на эфоров, легко судить о том, сколь незначительная власть была оставлена царям. Эфоры принимали решения по гражданским тяжбам, в то время как сенат принимал решения по уголовным делам. Эфоры объявляли войну и договаривались об условиях мирного договора. Во время войны два эфора сопровождали царя и осуществляли надзор за ним; они определяли план ведения кампании и руководили всеми операциями. Что же осталось у царей, если у них отняли

¹ «Из многочисленных нововведений Ликурга первым и самым главным был совет старейшин. В соединении с горячей и воспаленной, по слову Платона, царской властью, обладая равным с нею правом голоса при решении важнейших дел, этот совет стал залогом благополучия и благоразумия. Государство, которое носилось из стороны в сторону, склоняясь то к тирании, когда победу одерживали цари, то к полной демократии, когда верх брала толпа, положив посредине, точно балласт в трюме судна, власть старейшин, обрело равновесие, устойчивость и порядок: двадцать восемь старейшин теперь постоянно поддерживали царей, оказывая сопротивление демократии, но в то же время помогали народу хранить отечество от тирании». *Плутарх*. Ликург и Нума. (Пер. С.П. Маркиша.)

право принимать законы, выносить решения по гражданским и уголовным делам, решать внешнеполитические вопросы? Им оставили жреческие функции. Вот что сообщает нам Геродот о прерогативах царей: «Особые же почести и права спартанцы предоставили своим царям: обе жреческие должности — Зевса Лакедемонского и Зевса Урания и даже право вести войну с любой страной. Жертвенных животных цари могут брать с собой в поход сколько угодно: от каждой жертвы они получают шкуру и спинную часть мяса. Таковы особые преимущества царей во время войны. В мирное же время царям полагаются следующие преимущества. Во время жертвоприношений от имени общины цари восседают на первом месте на жертвенном пиршестве; по сравнению с остальными участниками им первым подносят угощение и в двойном количестве. При возлиянии царям полагается первый кубок и шкура жертвенного животного»¹.

Согласно Ксенофону, цари совершают общественные жертвоприношения, и им принадлежат лучшие куски мяса жертвенных животных. Цари не принимали решений ни по гражданским, ни по уголовным делам, но им оставили право принимать решение по всем делам, касающимся религии. Спартой всегда правили два царя из двух династий. В случае войны один из царей уходил в поход, а другой оставался в Спарте. Царь всегда находился во главе войска, совершая жертвоприношения. Он давал сигнал к бою только в том случае, если после совершения жертвоприношения знамения были благоприятны. Во время сражения его окружали прорицатели, которые сообщали ему волю богов, и флейтисты, исполнявшие священные гимны. Спартанцы говорили, что командует царь, поскольку в его руках находится религия и ауспиции, но эфоры и полемархи руководят передвижениями войска.

Можно с уверенностью утверждать, что царская власть в Спарте было не более чем наследственным жречеством. Тот же государственный переворот, который отнял у царей политическую власть во всех городах, отнял ее и в Спарте. Власть принадлежала сенату, который управлял государством, и эфорам, исполнявшим его решения. Цари во всем,

¹ Геродот. История. Кн. VI, 56, 57. (Примеч. авт.)

что не имело отношения к религии, подчинялись эфорам. Поэтому Геродот мог с полным правом сказать, что Спарта не знала монархического режима правления, а Аристотель — что власть в Спарте принадлежала аристократии.

Переворот в Афинах

Мы уже видели, каким было население древней АТТИКИ. Страной владело некоторое число семей, независимых и не связанных между собой; каждая семья составляла небольшое сообщество, управляемое наследственным главой. Затем эти семьи объединились в группы, а далее этот союз породил Афины. Тесею приписывают большую работу по завершению объединения Аттики. Но предания говорят, и в это легко поверить, что Тесею пришлось встретиться с сильным сопротивлением. Против него выступили не клиенты и не бедняки, рассеянные по деревням. Эти люди, наоборот, скорее радовались переменам, которые поставили высшего главу над их вождями, и тем самым обеспечивали им защиту. От перемен страдали главы семей, вожди местечек и те эвпатриды, которые в силу наследственного права имели высшую власть в своих родах и трибах. Они отчаянно отстаивали свою независимость, а утратив, оплакивали ее потерю.

Во всяком случае, они постарались сохранить все, что могли, от прежней власти. Каждый из них остался полновластным главой своей трибы или рода. Тесей не мог уничтожить власть, которую установила религия, сделав ее неприкосновенной. Более того, если мы внимательно изучим предания, относящиеся к этой эпохе, то увидим, что эти могущественные эвпатриды согласились объединиться для создания города, но только при условии, что управление действительно будет федеративным и каждый из них будет принимать в нем участие. Хотя и существовал верховный глава, царь, но, если только были затронуты общие интересы, обязательно созывалось собрание вождей, и не предпринималось никаких шагов без согласия этого собрания, некоего подобия сената.

Эти предания на языке последующих поколений выражают примерно следующее: «Тесей изменил форму прав-

ления в Афинах с монархической на республиканскую». Об этом говорят Аристотель, Исократ, Демосфен и Плутарх. И это действительно так. Тесей, как говорит предание, «передал верховную власть в руки народа». Только слово народ, сохранившееся в предании, во времена Тесея имело несколько иное значение, нежели во времена Демосфена. Народ, или политический орган, был не чем иным, как аристократией, то есть объединением глав отдельных родов.

Учредивший это собрание Тесей не был добровольным новатором. Помимо его воли созданное объединение изменило форму правления. Как только эвпатриды, сохранившие власть в своих семьях, объединились в одну общину, они, образовали могущественное сообщество, имевшее права и способное выдвигать требования. Царем Аттики стал Кекропс, но вместо того, чтобы оставаться абсолютным владыкой, каким он был в своем маленьком городке, Кекропс был теперь всего лишь главой федеративного государства, то есть первым среди равных. Столкновение между царской властью и аристократией не заставило себя ждать. Эвпатриды сожалели о настоящей царской власти, которой каждый из них до этого времени обладал на своей земле. Похоже, что эти воины-жрецы, прикрываясь религией, заявили, что уменьшилось влияние местных культов. Если справедливо утверждение Фукидида относительно того, что Тесей пытался уничтожить местные пританей, то неудивительно, что он восстановил против себя общественное мнение. Нельзя сказать, сколько ему пришлось выдержать столкновений, сколько пришлось подавить восстаний, хитростью или силой, но точно известно, что в конце концов он потерпел поражение, был изгнан из Аттики и умер в изгнании.

Теперь власть была в руках эвпатридов; они не уничтожили царскую власть, но сами выбрали царя — Менесфея. После Менесфея власть опять захватил род Тесея и сохранял ее в течение трех поколений. Затем власть перешла к роду Мелантидов. По всей видимости, это был весьма беспокойный период, но не сохранилось никаких точных свидетельств о гражданских войнах того времени.

Смерть Кодра совпала с окончательной победой эвпатридов. Они и на этот раз не уничтожили царскую власть,

поскольку это им запрещала религия, но отняли у царя политическую власть. Путешественник Павсаний, живший намного позже этих событий, но тщательнейшим образом изучивший древние предания, пишет, что в те времена царская власть потеряла большую часть своих прав и «стала зависимой», а это означает, что с этого времени она стала подчиняться сенату эвпатридов. Современные историки называют этот период афинской истории периодом архонтов и почти никогда не забывают подчеркнуть, что в то время царская власть уже была уничтожена. Это не совсем верно. Потомки Кодра еще на протяжении тринадцати поколений наследовали от отца к сыну. Они все носили титул архонта, но есть древние документы, в которых их называют царями, а мы уже говорили, что эти титулы полностью тождественны. Таким образом, на протяжении этого длительного периода в Афинах были наследственные цари, но лишённые политической власти и имевшие только жреческие функции. Точно так же, как в Спарте.

По прошествии трех столетий эвпатриды сочли, что религиозная власть царя сильнее, чем им бы хотелось. Они решили, что один и тот же человек не может быть облечен этим высоким религиозным саном более десяти лет, однако продолжали считать, что только древний царский род способен исполнять обязанности архонта.

Прошло около сорока лет. И вот однажды царская семья осквернила себя преступлением, значит, решил народ, она больше не может выполнять жреческие функции, и впредь архонты не должны избираться из царского рода, а это звание должно стать доступно любому из эвпатридов. Прошло еще сорок лет, и, чтобы еще больше ослабить царскую власть или чтобы разделить ее между большим числом людей, избрание совершалось на годичный срок, и власть поделили между двумя людьми. До этого времени архонт был одновременно царем, а теперь эти титулы разделили. Один магистрат, называвшийся архонтом, и другой, называвшийся царем, разделили между собой права древней религиозной царской власти. Обязанность следить за тем, чтобы не пресекались роды, разрешать или запрещать усыновление, решать вопросы, связанные с завещаниями, недвижимой собственностью, одним словом,

решение всех вопросов, в которых была заинтересована религия, возложили на архонта. Обязанность совершать жертвоприношения и выносить решения по делам, связанным с нечестием, оставили за царем. Таким образом, царский титул — священный и необходимый религии — продолжал существовать в городе наряду с жертвоприношениями и национальным культом. Царь и архонт вместе с полемархом и шестью тесмотетами, которые, возможно, существовали с давних пор, были девятью ежегодно избираемыми должностными лицами; было принято называть их девятью архонтами.

Переворот, отнявший у царя политическую власть, в разных городах проходил по-разному. В Аргосе со второго поколения дорийских царей царская власть была ослаблена до такой степени, что «потомкам Темена оставили только царский титул, полностью лишив власти»; однако на протяжении нескольких столетий царская власть оставалась наследственной. В Кирене потомки Батта сначала сосредоточили в своих руках жреческую и политическую власть, но начиная с пятого поколения у них осталась только религиозная власть. В Коринфе царская власть сначала передавалась по наследству в роду Бакхидов (или Бакхиадов). В результате переворота должность стала выборной, сроком на год, но не вышла за пределы рода, и члены рода занимали ее поочередно в течение столетия.

Переворот в Риме

Вначале царская власть в Риме была такой же, как в Греции. Царь был верховным жрецом города, одновременно он был верховным судьей, а в военное время командовал войском города. За ним шли *patres*, которые составляли сенат. Царь был один, поскольку религия предписывала единство религии и управления. Но подразумевалось, что все важные вопросы царь должен решать вместе с главами семей, входивших в сенат. Историки того времени упоминают о народных собраниях. Но следует задать себе вопрос, что подразумевалось тогда под словом народ (*populus*), то есть каким было это политическое сообщество во времена первых царей. Все свидетельства сходят-

ся в том, что народ собирался по куриям; курии были объединением родов; каждый род появлялся в полном составе и имел право только одного голоса. Вместе с *pater* приходили клиенты, с которыми, возможно, совещались, спрашивали их мнение, и можно сказать, что клиенты принимали участие в составлении того единственного голоса, который подавал род; они не имели права иметь мнение, отличное от мнения *pater*. Эти собрания по куриям были не чем иным, как городским собранием патрициев в присутствии царя.

Совершенно ясно, что положение в Риме ничем не отличалось от положения в других городах. Царю противостояла хорошо организованная группа аристократии, черпающая свои силы в религии. Такие же столкновения, которые мы наблюдали в Греции, имели место и в Риме. История семи царей — это история бесконечных распрей. Первый царь, Ромул, стремился увеличить свое могущество и освободиться из-под власти сената. Он рассчитывал на поддержку низших классов, но *patres* относились к нему враждебно, и его убили на собрании сената.

Аристократия тут же решила уничтожить царскую власть, и отцы по очереди занимают место царя. Низшие классы приходят в волнение; они не хотят, чтобы ими управляли главы родов, и требуют восстановить царскую власть. Патриции удовлетворяются тем, что принимают решение о выборности власти, и с удивительной ловкостью устанавливают порядок избрания. Кандидатов должен выбирать сенат; собрания патрициев в куриях — утверждать решение сената, а авгуры — сообщать, угоден ли вновь избранный царь богам.

Нума Помпилий был первым царем, избранным в соответствии с этими правилами. Он был очень религиозным, скорее жрецом, чем воином, тщательно соблюдал все священные обряды и, соответственно, придавал особое значение религиозному строю семьи и города. Он пришелся по сердцу патрициям и спокойно умер на своем ложе.

В царствование Нумы царская власть, похоже, сводилась к выполнению жреческих функций, как это было в греческих городах. По крайней мере, достоверно известно, что религиозная власть царя была абсолютно не свя-

зана с его политической властью и не обязательно одна влекла за собой другую. Доказательством служит тот факт, что выборы проходили в два этапа. На основании первых выборов царь был только главой религии, если он хотел обладать еще и политической властью, то для этого требовалось, чтобы город вручил ему эту власть, приняв специальный декрет. Этот вывод следует из той информации, что Цицерон сообщает нам о строе древнего государства. Итак, власть религиозная и власть политическая не были взаимосвязаны; они могли находиться в одних руках, но для этого требовалось решение двух собраний и двухэтапные выборы.

Третий царь, Тулл Гостилий, объединил обе власти в своих руках. Он был и верховным жрецом, и главнокомандующим; он был даже больше воином, чем жрецом; он пренебрегал религией и стремился уменьшить ее влияние. Известно, что он принял в Рим множество чужеземцев вопреки религиозному запрету и даже осмелился жить среди них на Целийском холме. Нам также известно, что он раздал плебейам земли, доход с которых раньше исполнялся на оплату расходов, связанных с жертвоприношениями. Патриции обвиняли его в том, что он пренебрегает обрядами и, что еще хуже, изменяет и искажает их. Его постигла участь Ромула: боги патрициев поражают его, а вместе с ним и его сыновей ударом молнии. Это событие возвращает власть сенату, который назначает царя по своему выбору. Анк Марций, четвертый царь Рима, соблюдал все религиозные обряды, по возможности старался не вести войны и проводил жизнь в храмах. Угодный патрициям, он умер в собственной постели.

Пятый царь, Тарквиний Приск (Древний), получил трон вопреки сенату с помощью низших классов. Он был не слишком религиозным и не слишком доверчивым; требовалось по меньшей мере чудо, чтобы убедить его в достоверности предсказаний авгугов. Он был врагом древних семей; насколько возможно, он изменил древний религиозный строй города. Тарквиний был убит.

Шестой царь, Сервий Туллий, завладел царским троном с помощью хитрости; сенат, похоже, так никогда и не признал его законным царем. Он подольщался к низшим классам, раздавал им земли, вопреки желанию отцов, и

даже ввел плебеев в состав римской общины. Сервия убили на ступенях сената.

Распри между царями и аристократией принимали характер социальной борьбы. Цари привлекали к себе народ; они зависели от поддержки клиентов и плебеев. Могущественным патрициям они противопоставляли низшие классы, многочисленные уже в те времена в Риме. Над аристократией нависла двойная опасность, и необходимость уступить дорогу царской власти была не худшей из них. Аристократия видела, как приобретают влияние классы, которые она презирала. Она видела, как объединяются плебеи, класс, не имевший религии и священного очага. Возможно, аристократия даже опасалась нападения клиентов внутри собственной семьи, строй которой, права и религия являлись предметом критики и подвергались опасности. Для аристократии цари были ненавистными врагами, которые ради усиления своей власти стремились разрушить священный строй семьи и города.

Сервию наследовал Тарквиний Гордый; он обманул ожидания выбравших его сенаторов, пожелав быть абсолютным властителем. Он причинил патрициям столько зла, сколько было в его силах: уничтожил самых знатных; правил, не советуясь с отцами, начинал войну и заключал мир без их разрешения. Казалось, патриции потерпели полное поражение.

Неожиданно появился удобный случай. Тарквиний был далеко от Рима; его войско, то есть его поддержка, тоже было далеко. Город временно находился в руках патрициев. Префектом города, то есть тем человеком, в чьих руках в отсутствие царя находилась гражданская власть, был патриций Лукреций. Начальником конницы, то есть тем, у кого в руках находилась военная власть в отсутствие царя, был тоже патриций — Юний. Эти два человека готовили восстание. К ним присоединились патриции Валерий и Тарквиний Коллатин. Местом собрания был выбран не Рим, а небольшой город Коллаций, которой был собственностью одного из заговорщиков. Там они показали народу труп женщины, Лукреции, и объяснили, что женщина покончила с собой из-за насилия, которое совершил над нею царский сын. Восставший народ Коллация идет в Рим, где повторяется та же сцена. Народ волнуется; приверженцы

царя в замешательстве, и к тому же в это время законная власть в Риме находится в руках Юния и Лукреция¹.

Заговорщики остерегаются созывать народное собрание и отправляются в сенат. Сенат объявляет о низложении Тарквиния и отмене царской власти. Но постановление сената должен утвердить город. Лукреций, как префект города, имеет право созывать собрание. Курии собрались; они соглашаются с заговорщиками, объявляют о низложении Тарквиния и проводят выборы двух консулов.

¹ Вот что сообщает нам об этом событии Тит Ливий: «Все по порядку клянутся, утешают отчаявшуюся, отводя обвинение от жертвы насилия, обвиняя преступника: грешит мысль — не тело, у кого не было умысла, нету на том и вины. «Вам, — отвечает она, — судить, что причитается ему, а себя я, хоть в грехе не виню, от кары не освобождаю; и пусть никакой распутнице пример Лукреции не сохранит жизни!» Под одеждою у нее был спрятан нож, вонзив его себе в сердце, налегает она на нож и падает мертвой. Громко зывают к ней муж и отец. Тело Лукреции выносят из дома на площадь и собирают народ, привлеченный, как водится, новостью, и неслышанной, и возмутительной. Каждый, как умеет, жалуется на преступное насилие царей. Все взволнованы и скорбью отца, и словами Брута, который порицает слезы и праздные сетования и призывает мужчин поднять, как подобает римлянам, оружие против тех, кто поступил как враг. Храбрейшие юноши, вооружившись, являются добровольно, за ними следует вся молодежь. Затем, оставив в Коллации отряд и к городским воротам приставив стражу, чтобы никто не сообщил царям о состоянии, все прочие под предводительством Брута с оружием двинулись в Рим. Когда они приходят туда, то вооруженная толпа, где бы ни появилась, повсюду сеет страх и смятение; но вместе с тем, когда люди замечают, что во главе ее идут виднейшие граждане, всем становится понятно: что бы там ни было, это — неспроста. Столь страшное событие и в Риме породило волнение не меньшее, чем в Коллации. Со всех сторон города на форум сбегается люди. Едва они собрались, глашатай призвал народ к трибуну «быстрых», а волею случая должностью этой был облечен тогда Брут. И тут он произнес речь, выказавшую в нем дух и ум, совсем не такой, как до тех пор представлялось. Он говорил о самоуправстве и похоти Секста Тарквиния, о несказанно чудовищном поругании Лукреции и ее жалостной гибели, об отцовской скорби. К слову пришлось и гордыня самого царя, и тягостные труды простого люда, загнанного в канавы и подземные стоки. Римляне, победители всех окрестных народов, из воителей сделаны чернорабочими и камнетесами. Упомянуто было и гнусное убийство царя Сервия Туллия, и дочь, переехавшая отцовское тело нечестивой своей колесницей; боги предков призваны были в мстители. Вспомнив обо всем этом, как, без сомнения, и о еще более страшных вещах, которые подсказал ему живой порыв негодования, но которые трудно восстановить историку, Брут воспламенил народ и побудил его отобрать власть у царя и вынести постановление об изгнании Луция Тарквиния с супругою и детьми». (Пер. В.М. Смирнина.)

Решение вопроса о назначении консулов предоставили собранию по центуриям. Но не будет ли это собрание, в которое входят некоторые плебеи, протестовать против того, что сделали патриции в сенате и куриях? Этого не может произойти, поскольку на каждом римском собрании председательствует магистрат, который ставит вопрос на голосование, и никто другой не имеет право поставить на голосование другой вопрос. Более того, в те времена никто, кроме председателя собрания, не имел права говорить. Если стоял вопрос об утверждении закона, центурии имели право сказать только да или нет. Если вопрос касался выборов, то председатель зачитывал список кандидатов, и отдавать голос можно было только за предложенных кандидатов. В данном случае председателем, назначенным сенатом, был Лукреций, один из заговорщиков. Он объявил, что собранию предстоит решить только один вопрос, касающийся выборов консулов. В качестве кандидатов он представляет собранию Юния и Тарквиния Коллатина. Собранию ничего не остается, как проголосовать за эти кандидатуры. Сенат утверждает избрание, а авгуры подтверждают его от имени богов.

Не все в Риме приветствовали этот переворот. Многие плебеи присоединились к царю и разделили его судьбу. Зато новое правительство настолько пришлось по вкусу богатому сабинскому патрицию Атту Клаусу, главе могущественного и многочисленного рода, что он переселился в Рим.

Впрочем, упразднена была только политическая власть; религиозная царская власть была священной, и должна была существовать и дальше, поэтому народ в спешном порядке назначил царя, но этот царь только совершал жертвоприношения — *rex sacrorum*¹.

Были приняты все мыслимые и немыслимые предосторожности, чтобы этот царь-жрец никогда не мог исполь-

¹ Учреждение должности *rex sacrorum* относится к первым годам республики, когда религиозная власть царя перешла к верховному жрецу, за исключением некоторых функций, требовавших царской титулатуры. Для отправления этих функций и была учреждена должность *rex sacrorum*. На священных пирах понтификов и других церемониях римский *rex sacrorum* занимал первое место; он был несменяем и не мог быть казнен, но был подчинен верховному жрецу и не мог занимать никакой государственной должности.

зовать в своих интересах огромные возможности, которые давали ему эти обязанности, для захвата политической власти.

Глава 4

АРИСТОКРАТИЯ УПРАВЛЯЕТ ГОРОДАМИ

Такой же переворот, только в несколько измененном виде, произошел в Афинах, в Спарте, в Риме, во всех городах, история которых нам известна. Всюду он был делом рук аристократии; всюду привел к уничтожению политической власти царей, оставив им только религиозную власть. Начиная с этой эпохи, на протяжении периода, продолжительность которого была своей для каждого города, управление городом находилось в руках аристократии.

Эта аристократия основывалась одновременно на происхождении и на религии. Ее основа лежала в религиозном строе семьи. Источником ее происхождения были те же законы, которые мы видели в домашнем культе и частном праве, то есть закон наследственной передачи очага, право первородства и право совершать молитву, являвшееся прерогативой по рождению. Наследственная религия была правом аристократии на неограниченное господство; она давала права, казавшиеся священными. Согласно древним верованиям, только тот мог быть собственником земли, у кого был домашний культ; только тот был гражданином города, кто принимал участие в его религии; только тот мог быть жрецом, кто происходил из семьи, имевшей культ; только тот мог быть должностным лицом, кто имел право совершать жертвоприношения. Человек, у которого не было наследственного культа, мог стать клиентом другого человека, или, если не хотел этого, должен был остаться вне общества. В течение многих поколений людям не приходило в голову, что подобное неравенство несправедливо. У них не появлялось мысли построить общество на основе иных принципов.

В Афинах в период от смерти Кодра до Солона вся власть находилась в руках эвпатридов. Только они были жрецами и архонтами. Только они вершили суд и знали

законы, которые тогда еще не записывались, а в виде священных формул передавались от отца к сыну.

Эти семьи сохранили, насколько это было в их силах, древние формы патриархального строя. Они не селились вместе в городе, а жили в разных областях Аттики, каждая на своей обширной территории в окружении многочисленных слуг под управлением главы-эвпатрида, исповедуя свой культ. «Итак, афиняне в течение долгого времени жили, пользуясь автономией, в различных частях своей страны, и после объединения их путем синэкизма как в древнее, так и в последующее время до настоящей войны большинство их от рождения жило семьями все-таки на своих полях в силу привычки; поэтому нелегко им было сниматься с места всем домом в особенности потому, что после персидских войн они лишь незадолго до того устроились снова со своим хозяйством. Неохотно, с тяжелым чувством покидали афиняне дома и святыни, которые были для них «отцовскими» искони, со времени их старинной государственной организации; они должны были изменять свой образ жизни, и каждый из них покидал не что иное, как свой город»¹.

На протяжении четырех веков афинская община была просто объединением этих могущественных глав семей, которые собирались в определенные дни для совершения обрядов гражданской общины или для обсуждения общих дел.

Люди часто обращают внимание на то, как мало известно об этом длительном периоде в жизни Афин и в целом о жизни греческих городов. Их удивляет, что, сохранив воспоминания о многих событиях времен царствования древних царей, история почти не запечатлела событий времен правления аристократии. Причина, несомненно, кроется в том, что в те времена происходило мало событий, вызывавших общий интерес. Возврат к патриархальному строю приостановил жизнь. Люди жили обособленно; у них почти не было общих интересов. Мир каждого сосредоточился в пределах небольшой группы или деревни, где он жил как эвпатрид или слуга.

¹ Фукидид. История Пелопоннесской войны. Кн. II, 16. (Пер. Ф.Г. Мищенко.) (Примеч. авт.)

В Риме тоже каждая патрицианская семья жила в своих владениях в окружении своих клиентов. В город приходили только на празднества общественного культа или на собрания. В годы, последовавшие за изгнанием царей, аристократия пользовалась неограниченной властью. Никто в городе, кроме патриция, не мог выполнять обязанности жреца; только из этой священной касты выбирались весталки, понтифики, салии, фламины, авгуры. Только патриции могли быть консулами; сенат состоял исключительно из патрициев. Хотя они не уничтожили собрания по центуриям, куда имели доступ плебеи, но законными и священными считались только собрания курий. Судя по всему, центурии избирали консулов, но мы уже знаем, что они могли голосовать только за тех кандидатов, которых рекомендовали патриции, и, кроме того, их решение представлялось на утверждение сената, курий и авгуров. Только патриции вершили правосудие и знали формулы законов.

Эта политическая система существовала в Риме всего несколько лет. В Греции, напротив, аристократия правила в течение длительного периода. Одиссея дает точное описание этого социального строя в западной части Греции. Мы видим там патриархальный строй, удивительно напоминающий тот, который мы видели в Аттике. Несколько знатных и богатых семей владеют страной. Многочисленные рабы возделывают землю и заботятся о стадах. Простой образ жизни — за одним столом собираются глава семьи и слуги. Главы семей священные личности, и поэт называет их священными царями. «Итака менее прочих», однако в ней много царей. Среди них есть верховный царь, но он не имеет большого значения, и он, похоже, обладает единственным правом — председательствовать на совете глав семей. Судя по некоторым признакам, эта должность была выборной; совершенно ясно, что Телемах не может стать царем острова, если другие цари, равные ему по влиятельности и власти, не пожелают избрать его. Одиссей, возвращаясь на родину, похоже, не имеет других подданных, кроме слуг, являющихся его собственностью. Когда Одиссей убил некоторых вождей, за оружие берутся их слуги и вступают в борьбу, которая, по мнению поэта, не заслуживает порицания. У феаков

верховная власть принадлежит Алкиною; мы видим, что он приходит на совет вождей, и отмечаем, что не он созвал совет, а вожди вызвали царя на совет. Поэт описывает собрание общины феаков. На нем собрались только главы семей, лично приглашенные через вестников, как в Риме на *comitia calata* — собрания, торжественно созывавшиеся жрецами; все занимают места, и царь, адресуясь к членам совета, называет их царями — скипетроносцами. «В вас не погибла, я вижу, порода родителей ваших. Род от царей вы, конечно, ведете, питомцев Зевеса, скипетр носящих...»¹

В родном городе Гесиода², Аскре, где земля была каменной и обожженной солнцем, мы находим класс людей, которых поэт называет вождями или царями. Это они творят суд над народом.

Пиндар тоже показывает нам класс вождей у кадмейцев; в Фивах он восхваляет священный род спартов, от которого вела свою родословную бедная, но знатная семья Эпаминонда. Читая Пиндара, нельзя не поразиться аристократическому духу, который еще царил в греческом обществе во времена персидских войн, а потому можно представить, насколько могущественной была эта аристократия веком или двумя ранее. Более всего превозносит поэт происхождение своих героев, их семьи, и, скорее всего, такого рода восхваление имело в то время большое значение, а знатное происхождение казалось высшим благом. Пиндар рассказывает нам о знатных семьях, блиставших в то время в каждом городе. На одной только Эгине, по словам поэта, жили знатные роды Хариадов, Мидилидов, Теандридов, Эвксенидов, Балихидов. В Сиракузах поэт восхваляет знатный род жрецов-прорицателей Иамидов; в Агригенте — знатный род Эмменидов, и так во всех городах, о которых ему представляется случай упомянуть.

¹ Гомер. Одиссея. (Пер. В. Вересаева.)

² Гесиод — древнегреческий поэт. Наиболее значительное произведение Гесиода поэма «Труды и дни», написанная в форме увещаний, обращенных к брату Персу, который ведет с Гесиодом тяжбу о наследстве и которого Гесиод убеждает не надеяться на несправедливый суд подкупленных «царей» и свое пошатнувшееся состояние поправить упорным трудом.

Согласно Плутарху, в Эпидавре на протяжении долгого времени граждан, то есть тех, кто имел политические права, было не более ста восьмидесяти человек; все остальные были «вне города». Еще меньше граждан было в Геракле, где младшие члены рода не имели политических прав. Точно так же долгое время было в Книде, Истресе и Массалии. На острове Фера вся власть была сосредоточена в руках нескольких семей, которые считались священными. То же самое было в Аполлонии.

В Эрифрах правил знатный род Бусилидов. В городах на острове Эвбея господствующий класс назывался всадниками. Здесь уместно заметить, что в древности, как и в Средние века, сражаться на лошади считалось особой привилегией.

Монархия уже прекратила существовать в Коринфе, когда оттуда вышла колония для основания Сиракуз. Поэтому новый город ничего не знал о царской власти и с самого начала управлялся аристократией. Этот господствующий класс назывался геоморы, в переводе с греческого — землевладельцы. Он состоял из семей, которые в день основания города распределили между собой священные участки земли с соблюдением всех религиозных обрядов. Эта аристократия на протяжении долгого времени обладала неограниченной властью и сохраняла название «землевладельцы»; это, по-видимому, указывает на то, что низшие классы не имели права собственности на землю. Подобная аристократия долгое время господствовала в Милете и на Самосе.

Глава 5

ВТОРОЙ ПЕРЕВОРОТ. ИЗМЕНЕНИЕ В СТРОЕ СЕМЬИ. ИСЧЕЗАЕТ ПРАВО ПЕРВОРОДСТВА. РАСПАДАЕТСЯ РОД

Переворот, свергнувший власть царя, скорее изменил внешнюю форму правления, чем строй общества. Переворот был делом рук не низших классов, которые были заинтересованы в уничтожении древних институтов, а аристократии, которая стремилась сохранить их. Переворот

был предпринят не для того, чтобы разрушить древний уклад семьи, а, наоборот, чтобы сохранить его. Цари часто предпринимали попытки усилить влияние низших классов и ослабить влияние родов, и именно поэтому они были низвергнуты. Аристократия совершила политическую революцию только для того, чтобы не допустить социальную. Она захватила в свои руки власть не столько из стремления к господству, сколько для того, чтобы защитить свои древние институты, древние законы, власть отца, родовой строй и, наконец, частное право, которое установила древняя религия.

Это огромное усилие аристократии было направлено на то, чтобы встретить во всеоружии нависшую опасность. Однако, несмотря на все усилия и даже одержанную победу, опасность продолжала существовать. Древние институты пошатнулись, и внутреннему строю семьи предстояло подвергнуться серьезным изменениям. Древний родовой строй, основанный домашней религией, не был уничтожен сразу же после того, как совершился переход к городскому управлению. Люди не хотели, а вернее, не могли сразу отказаться от древнего родового строя, поскольку главы родов цеплялись за свою власть, а у низших классов не сразу появилось желание освободиться. Так правление древнего родового строя примирили с правлением города. На самом деле это были две абсолютно противоположные формы правления, и нечего было надеяться соединить их навечно; рано или поздно между ними должна была разгореться борьба. Семья, неделимая и многочисленная, была слишком сильна и независима, чтобы общественная власть не почувствовала желаний, и даже потребности, ослабить ее. Или община должна была прекратить существование, или со временем она должна была уничтожить семью.

Древний род со своим единственным очагом, своим верховным главой, своим неделимым владением существует до тех пор, пока сохраняется положение обособленности и нет никаких других форм общества, кроме рода. Но стоило людям объединиться в общину и создать город, как сразу уменьшилась власть главы рода, поскольку, хотя он по-прежнему был полновластным главой своего рода, он был вместе с тем членом сообщества, а значит, был

обязан идти на жертвы ради общих интересов, а общие законы требовали от него повиновения. По его собственному мнению, а главное, по мнению его подчиненных, он уже не обладал всей полнотой власти. В этом сообществе, основанном аристократией, низшие классы тоже имели некоторое влияние, хотя бы в силу многочисленности. Род, включавший несколько ветвей, являясь в комиции в окружении клиентов, имел, естественно, больший вес, чем семья, имевшая мало рабочих рук и мало воинов. Низшие классы вскоре осознали свою значимость и силу. У них появилось чувство собственного достоинства и желание изменить судьбу. Прибавьте к этому соперничество глав семей, боровшихся за влияние и старавшихся ослабить друг друга. И кроме того, честолюбивое стремление занять место в управлении городом. Ради достижения цели они ищут популярность и, добившись своего, пренебрегают или вообще забывают свое маленькое владение. Родовой строй постепенно расшатывается; те, в чьих интересах было поддерживать этот институт, стали меньше о нем заботиться, в то время как те, в чьих интересах было его изменить, стали смелее и сильнее.

Сила личного воздействия в семье, поначалу столь мощная, постепенно стала ослабевать. Право первородства — условие семейного единства — исчезло. Не следует думать, что какой-нибудь древний писатель сообщит нам точную дату этого глобального изменения. По всей вероятности, такой даты просто не существует. Процесс проходил медленно, постепенно, затронув сначала одну семью, затем следующую и, наконец, мало-помалу все семьи. Можно сказать, никто и не заметил, как это произошло.

Понятно, что люди не сразу, одним махом, перешли от неделимости отцовского наследства к равному разделу между всеми братьями. Наверняка был переходный период между этими двумя условиями в отношении собственности. Вполне возможно, что в Греции и Италии дела обстояли таким же образом, как в древнем индусском обществе, где религиозный закон, предписывая неделимость родового наследства, предоставил отцу возможность передать некоторую часть имущества младшим сыновьям; затем закон потребовал, чтобы старший сын получал, по

крайней мере, двойную долю, но тут же разрешил равный раздел, рекомендуя на этом и остановиться.

У нас нет никаких свидетельств, что все было именно так, но точно известно, что существовавшее в древности право первородства впоследствии исчезло.

В разных городах эти перемены происходили в разное время. В некоторых городах право первородства охранялось законом довольно длительное время. В Фивах и Коринфе это право существовало еще в VIII веке. Афинское законодательство тоже отдает некоторое предпочтение старшему сыну. В Спарте право первородства сохранялось до победы демократии. Были города, в которых оно исчезло только в результате восстания. В Геракле, Книде, Истресе и Массалии младшие ветви семьи взяли за оружие, чтобы одновременно уничтожить отцовскую власть и право первородства. С этого времени греческие города, насчитывавшие не более сотни человек, обладавших политическими правами, теперь насчитывали пятьсот и шестьсот граждан. Все члены аристократических семей стали гражданами, и им был открыт доступ в сенат и магистрат.

Трудно сказать, когда в Риме исчезли привилегии, связанные с происхождением. Возможно, цари в процессе борьбы с аристократией сделали все, что было в их власти, чтобы внести беспорядок и уничтожить родовой строй. В начальный период существования республики в сенат вошли сто новых членов. Тит Ливий высказал предположение, что это были плебеи. Однако он противоречит сам себе, поскольку тут же сообщает, что они происходили из сословия всадников, а первые шесть центурий состояли из патрициев. Тит Ливий пишет: «Затем, чтобы само многолюдство сената придало сил сословию, поредевшему из-за царских бесчинств, он (Брут) пополнил число сенаторов до 300 знатнейшими из всадников; с этого-то времени, говорят, и повелось, чтобы, созывая сенат, приглашать и отцов, и «приписанных» (ut in senatum vocarentur qui patres quique conscripti essent): последнее имя означало внесенных в список, то есть новых сенаторов»¹.

¹ Тит Ливий. История Рима от основания города. Кн. II, L, 10—11. (Пер. Н.А. Поздняковой.)

Получается, что новые сенаторы были из семей патрициев. Начиная с этого времени появились две категории сенаторов: *patres* (главы семей) — старые сенаторы и *conscripti* (приписанные), новые члены сената. А может, эта разница в названиях сенаторов свидетельствует о том, что новые сенаторы были представителями младших ветвей родов? Вполне возможно, что этот многочисленный и энергичный класс согласился помочь делу Брута и *patres* на том условии, что ему будут предоставлены гражданские и политические права. Таким образом, этот класс, благодаря тому что в его помощи нуждались *patres*, приобрел те права, который этот же класс отвоевал с оружием в руках в Геракле, Книде и Массалии.

Затем право первородства исчезло всюду. Этот крутой перелом положил начало преобразованию общества. Итальянские и эллинские роды утратили древнее единство. Отделились ветви родов; теперь у каждой из них была своя собственность, свое владение, собственные интересы и независимость. В латинском языке есть древнее выражение, относящееся к той эпохе; *familiam ducere* — говорили о тех, кто отделился от рода и стал во главе новой семьи; *ducere coloniam* — говорили о тех, кто покинул город и отправился основывать колонию. У брата, отделившегося от старшего брата, теперь был свой очаг, который, несомненно, он зажег от общего очага рода, как колония зажгла свой очаг от очага в пританее города. Род сохранил только определенную религиозную власть над семьями, которые отделились от него. Культ рода занимал господствующее положение по отношению к культам отделившихся семей. Семьям не позволяли забыть, что они произошли из данного рода; они продолжали носить его имя; в определенные дни собирались вокруг общего очага, чтобы воздать почести древнему предку или богу-покровителю. У них по-прежнему был общий глава религии, и, вероятно, старший сохранил за собой привилегию жреческого сана, который долгое время оставался наследственным. Во всем прочем семьи были полностью независимыми.

Распад родов имел важные последствия. Древняя священная семья, которая образовала такое тесно связанное, могущественное единое целое, ослабела, и теперь навсегда. Этот переворот проложил путь другим переменам.

Глава 6 КЛИЕНТЫ СТАНОВЯТСЯ СВОБОДНЫМИ

Какой была клиентела вначале и как была преобразована

ЭТО еще один переворот. Мы не знаем, когда он произошел, но он, безусловно, изменил строй семьи и самого общества. В древней семье под властью единого главы находились два неравных класса: младших членов семьи, то есть людей от рождения свободных, и слуг или клиентов, то есть людей более низкого происхождения, но связанных с главой семьи участием в домашнем культе. Первый из этих двух классов, как мы уже знаем, вышел из подчиненного состояния; второй класс тоже стремился стать свободным. Со временем ему это удалось; клиентела подверглась изменениям и, наконец, окончательно исчезла.

Древние писатели ничего не сообщают нам об этой грандиозной перемене, точно так же, как летописцы Средневековья не сообщили нам ничего о том, как происходило постепенное преобразование сельского населения. В жизни человеческих обществ было множество переворотов, воспоминание о которых не сохранил ни один из дошедших до нас документов. Авторы не замечали их только потому, что они происходили постепенно, незаметно, без видимой борьбы; это были основательные, скрытые перевороты, которые раскачивали основы человеческого общества и оставались незаметными даже для тех, кто, сам не ведая, принимал в них участие. История может заметить перемены только спустя длительный промежуток времени после того, как они произошли, когда, сравнивая две эпохи в жизни какого-то народа, она находит между ними серьезные различия, свидетельствующие о том, что они являются следствием грандиозного переворота.

Если мы поверим тому, как писатели изображают древнюю римскую клиентелу, то решим, что это был поистине институт золотого века. Кто мог быть человечнее патрона, защищавшего своего клиента перед судом, помогавшего, если клиент был беден, деньгами, заботившегося о воспитании и образовании детей клиента? Кто может быть трогательнее клиента, который, в свою очередь, поддер-

живает увязшего в долгах патрона, отдавая его долги и делая все возможное, чтобы заплатить выкуп? Но древние не испытывали таких сильных чувств. Бескорыстная помощь и преданность никогда не были у них нормой поведения. Значит, нам следует составить себе иное представление относительно клиентелы и патроната.

Точно известно, что клиент не мог уйти от патрона, не мог сам выбрать патрона, он переходил от отца к сыну в пределах одной семьи. Если бы мы знали только это, то и этого было достаточно, чтобы составить себе представление о клиенте, положение которого было не слишком завидным. Добавим еще, что клиент не был собственником земли; земля принадлежала патрону, который, как глава домашнего культа, а кроме того, как член гражданской общины, только один имел право быть собственником земли. Если клиент и обрабатывал землю, то делал это от лица патрона и для его выгоды. У клиента не было ни личного имущества, ни денег, ни собственности (того, что в Риме носило название *resulium*). Доказательством является то, что патрон мог забрать все это у клиента для уплаты собственных долгов или выкупа. Таким образом, у клиента не было ничего своего. Правда, патрон предоставлял клиенту и его детям «крышу над головой и еду», а клиент, в свою очередь, был обязан работать на патрона. Нельзя сказать, что он был рабом в прямом смысле этого слова, но у него был господин, которому он принадлежал и чьей воле подчинялся абсолютно во всем. На протяжении всей жизни он был клиентом, и его сыновья вслед за ним становились клиентами.

Есть некоторое сходство между клиентом древних времен и рабом Средневековья. В сущности, их повиновение имело под собой разную основу. Что касается раба, то это было право собственности одновременно и на землю, и на человека; в отношении клиента это был домашний культ, с которым клиент был связан, находясь под властью патрона, являвшегося жрецом этого культа. Во всем остальном подчиненное положение клиента и раба ничем не отличалось; клиент был связан со своим патроном, как раб со своим господином; клиент точно так же не мог покинуть семью, как крепостной — участок земли. Клиент и его дети, как и крепостной с детьми, принадлежали патрону. Одно место в

тексте «История Рима» Тита Ливия заставляет предположить, что клиенту запрещалось жениться на женщине из другого рода, как запрещалось крепостному жениться на женщине из другой деревни. Но точно известно, что клиент не мог жениться, не получив разрешения своего патрона. Патрон мог отобрать землю, которую обрабатывал клиент, и забрать у клиента деньги, как мог это сделать господин в отношении своего раба. Если клиент умирал, то все, что он имел, переходило патрону так же, как переходило господину все имущество умершего раба.

Патрон был не только господином, но и судьей; он мог осудить клиента на смерть. Кроме того, он был главой культа. Клиент согнулся под этой властью, физической и духовной, которая овладела и его душой, и его телом. Религия, надо отметить, налагала обязанности и на патрона, но он сам и оценивал выполнение этих обязанностей и, кроме того, за них законом не предусматривалась мера наказания. Клиент был полностью беззащитен; он не был гражданином, если он хотел предстать перед судом города, то туда его приводил и говорил за него патрон. Мог ли клиент искать защиту у закона? Он не знал священных формул, а если бы и знал, то основной закон гласил: никогда не свидетельствовать и не выступать против патрона. Без патрона — нет правосудия; против патрона — нет защиты.

Клиенты были не только в Риме, но и у сабинян и этрусков. Клиенты были в древнем эллинском роду и в италийском. Однако не следует искать их в дорийских городах, где рано исчез родовой строй и побежденные были связаны не с господином, а с участком земли. Клиентов мы находим в Афинах и в ионийских и эолийских городах под названием феты или пелаты¹.

¹ «Надо иметь в виду, что вообще государственный строй был олигархический, но главное было то, что бедные находились в порабощении не только сами, но также и дети и жены. Назывались они пелатами и шестидольниками, потому что на таких арендных условиях обрабатывали поля богачей. Вся же вообще земля была в руках немногих. При этом, если эти бедняки не отдавали арендной платы, можно было увести в кабалу и их самих, и детей. Конечно, из тогдашних условий государственной жизни самым тяжелым и горьким для народа было рабское положение. Впрочем, и всем остальным он был тоже недоволен, потому что ни в чем, можно сказать, не имел своей доли». *Аристотель*. Афинская политика. II, 2. (Пер. С.И. Радцига.)

В период господства аристократии пелаты не входили в гражданскую общину. Ограниченные семьей, которую не могли покинуть, пелаты подчинялись эвпатридам, обладавшим такой же властью, как и римские патроны.

Вполне можно предположить, что очень быстро между патроном и клиентом возникла ненависть. Легко представить, какой была жизнь в семье, где один был полноправным хозяином, а другой не имел никаких прав; где повиновение, безоговорочное и безнадежное, соседствовало с неограниченной властью; где у самого лучшего господина бывали приступы плохого настроения, а у самого покорного слуги приступы горечи и гнева. Одиссей был добрым господином; посмотрите, с какой отеческой нежностью он относится к Эвмею и Филетию. Однако именно он призывает предать смерти слугу, который, не узнав Одиссея, оскорбил его, и неверных служанок, запятнавших себя в его отсутствие. За смерть женихов Одиссей отвечает перед городом, но никто не спрашивает с него за смерть слуг.

Клиентела возникла и сохранялась в том состоянии обособленности, в котором семья жила долгое время. Домашняя религия была всемогущей. Человек, который по праву наследования был жрецом этой религии, казался низшим классам священной личностью. Он был больше чем человеком, он был посредником между людьми и Богом. Его уста произносили могущественные молитвы, священные формулы, которые вызывали благосклонность или навлекали гнев божества. Перед подобной силой следовало преклоняться; повиновение предписывалось верой и религией, и, кроме того, что могло подтолкнуть клиента к мысли об освобождении? Его мир ограничивался семьей, частью которой он являлся. В ней одной ему была гарантирована спокойная жизнь и пропитание; в ней одной у него хотя был и господин, но был и защитник; в ней одной у него был алтарь, к которому он мог подходить, и боги, которым ему разрешали молиться. Покинуть семью означало оказаться вне общественной организации и вне закона, а значит, потерять богов и отказаться от права возносить молитву.

Но после основания города клиенты из разных семей могли видаться друг с другом, советоваться, обмениваться желаниями, рассказывать об обидах, обсуждать своих господ, сравнивать их и задумываться о лучшей доле. Их

кругозор постепенно расширялся, простираясь за пределы семьи. Они видели, что и вне семьи существует общество, правила, законы, алтари, храмы, боги. Теперь уже уход из семьи не казался им непоправимым горем. Искушение становилось день ото дня все сильнее; собственное положение представлялось все более и более тяжелым, и они перестали верить в то, что власть господина является законной и священной. Тогда-то в сердцах этих людей возникло страстное желание стать свободными.

Правда, ни в одной истории города мы не нашли упоминаний об общем восстании клиентов. Если где-нибудь и была вооруженная борьба, то она происходила внутри семьи и была тщательно скрыта от посторонних глаз. Не одно поколение увидело предпринимаемые одной стороной энергичные попытки обрести независимость, и безжалостное подавление этих усилий другой стороной. В каждом доме разыгрывалась многоактная драма, восстановить которую не представляется возможным. Ясно одно: усилия низших классов не пропали даром. Неотложная необходимость постепенно заставила господ несколько ослабить свою власть. Когда власть перестает казаться подчиненным справедливой, требуется время, чтобы она перестала казаться такой и господам. Но проходит время, и господин, который больше не верит в законность своей власти, не старается защитить ее и, наконец, отказывается от нее. Вдобавок к тому, этот низший класс приносил пользу; обрабатывая землю, клиенты накапливали богатство своего патрона, с оружием в руках они участвовали в борьбе между соперничающими семьями. Следовательно, было разумно удовлетворить требования клиентов и пойти на уступки.

Положение клиентов постепенно улучшалось. Вначале они жили в доме господина и вместе обрабатывали общее поле. Затем каждому из них выделили отдельный участок земли. Клиент, вероятно, почувствовал себя более счастливым. Он все еще работал на своего господина; земля еще не принадлежала ему; скорее, он принадлежал земле. Тем не менее он долгие годы возделывал ее, и он любил эту землю. Между землей и клиентом установилась связь, не та связь, которую религия установила между собственностью и собственником, а другая, которую труд и даже страдания могут

установить между человеком, отдающим свои силы земле, и землей, отдающей человеку свои плоды.

Затем новое улучшение. Клиент возделывает землю уже не для господина, а для себя. Работая на условиях выплаты арендной платы, размер которой вначале, возможно, изменялся, но затем стал фиксированным, клиент стал пользоваться плодами своего труда. Его тяжелый труд стал до некоторой степени вознаграждаться, и он почувствовал себя более свободным и независимым. По словам римского историка Феста, *patres* выделяли участки земли приписанным (клиентам), словно те были их собственными детьми. Обратимся к Одиссее. Одиссей говорит Эвмею и Филетию: «Вам обоим я дам спутницу брачного ложа, именье. Вам отпущу и дома по соседству с собою». Клиент не имел права жениться без согласия господина, поэтому господин выбирал ему подругу, «спутницу брачного ложа».

Но этот участок земли, где теперь протекала его жизнь, где сосредоточились все его усилия, приносящие удовольствие, еще не был его собственностью, поскольку клиент не имел тех священных прав, которые позволяли ему стать собственником земли. Занятый им участок ограничивали священные межевые знаки бога Терма, которые некогда установила семья его господина. Эти неприкосновенные священные границы свидетельствовали о том, что поле священо с семьей господина священными узами и никогда не сможет стать собственностью освобожденного клиента. В Риме поле и дом с очагом, который занимал *villicus* (виллик — управляющий имением) — клиент патрона, охранял *Lar familiaris* (домашний лар), но он принадлежал не земледельцу, а его господину. Это одновременно устанавливало право на собственность патрона и религиозную подчиненность клиента, который до тех пор, пока принадлежал патрону, продолжал соблюдать его культ.

Клиент, получивший землю в свое владение, страдал от того, что не мог быть собственником земли и стремился стать им. Он хотел во что бы то ни стало избавиться от тех священных границ, делавших его поле, которое, казалось, должно было принадлежать ему по праву, вечной собственностью бывшего господина.

Мы точно знаем, что в Греции клиенты добились поставленной цели, но нам неизвестно, какими средствами.

Мы можем только предполагать, сколько потребовалось для этого времени и усилий. Возможно, те же социальные перемены, имевшие место в древности, произошли в средневековой Европе, когда рабы в сельской местности сделались крепостными с выделенными им участками земли, с произвольно назначаемыми им размерами оброка, затем крепостными, выплачивающими фиксированный оброк, и, наконец, крестьянами-собственниками.

В Афинах исчезает клиента. Деятельность Солона

Подобного рода переворот оставил четкий след в истории Афин. Ниспровержение царской власти привело к возрождению родового строя; семьи вернулись к обособленной жизни, и каждая семья приступила к образованию маленького государства во главе с эвпатридом и множеством клиентов в качестве подданных. Судя по всему, эти перемены привели к тяжелым последствиям, поскольку население Афин сохранило об этом периоде неприятные воспоминания. Народ чувствовал себя настолько несчастным, что предшествующий период казался чуть ли не золотым веком. Люди с сожалением вспоминали своих царей, начали выдумывать, что при монархии они были счастливы и свободны, обладали равными правами, и только после того, как свергли царей, появилось неравенство и начались страдания.

Люди частенько предаются подобного рода иллюзиям. Народное предание отнесло появление неравенства к тому времени, когда люди почувствовали к нему ненависть. Клиента, один из видов рабства, была таким же древним институтом, как и семья, но ее отнесли к той эпохе, когда люди впервые ощутили бремя и поняли несправедливость этого института. Можно с уверенностью сказать, что эвпатриды установили суровые законы клиента не в VII веке. Они их всего лишь сохранили, и вина их только в этом. Они сохраняли эти законы до тех пор, пока народ принимал их безропотно, и соблюдали их вопреки желанию народа. Эвпатриды этой эпохи были, возможно, более мягкими господами, чем их предки, тем не менее их ненавидели гораздо сильнее.

Похоже, что при господстве этой аристократии улучшились условия существования низшего класса, поскольку именно тогда он получил во владение участки земли на условии выплаты натуральной арендной платы, составлявшей одну шестую часть урожая. Таким образом, эти люди стали почти свободными; имея свой дом, выйдя из-под надзора господина, они смогли свободнее дышать и работать ради собственной выгоды.

Тем не менее эти люди, по мере того как улучшались условия их жизни, все острее чувствовали неравенство. Такова человеческая натура! Их мало беспокоило, что они не являлись гражданами и не имели права участвовать в управлении городом, а вот то, что они не могут стать собственниками земли, на которой рождались и умирали, задевало их значительно сильнее. Добавим к этому, что их вполне терпимому положению недоставало надежности, поскольку хотя они и были владельцами земли, но не было никакого закона, который бы официально подтверждал их право на эту землю и, как следствие, на независимость. У Плутарха мы находим, что бывший патрон мог предъявить права на бывшего слугу, если не была уплачена годовая арендная плата, или по какой-то другой причине, и этот человек мог снова попасть в положение сродни рабству.

Таким образом, на протяжении четырех или пяти поколений в Аттике решались серьезные проблемы. Вряд ли люди из низших классов могли оставаться в том неустойчивом и неопределенном положении, в котором они оказались благодаря незаметным переменам. Должно было произойти одно из двух: либо низшие классы, утратив это положение, должны были вновь связать себя с ненавистной клиентелой, либо, двигаясь вперед, окончательно освободиться и перейти в разряд землевладельцев и свободных людей.

Можно представить, сколько было предпринято усилий со стороны земледельцев, бывших клиентов, и какое было оказано сопротивление со стороны собственников, бывших патронов. Это не было гражданской войной, поэтому в афинских летописях нет упоминаний о борьбе. Это была внутренняя война, которая шла в каждом селении, в каждом доме; война наследственная, от отца к сыну.

Эта борьба в разных частях Аттики, похоже, имела разный исход в зависимости от качества почвы. На равнине,

где у эвпатридов были основные владения и где они сами постоянно находились, их власть над небольшой группой слуг, которые всегда были у них на глазах, сохранилась практически в полной неприкосновенности; таким образом, жители равнин — педиеи — показали себя приверженцами прежнего строя. Но диакрии — те, кто тяжким трудом обрабатывал землю в гористой местности вдали от своих господ, больше привыкшие к независимой жизни, более выносливые и смелые, затаили в сердце жгучую ненависть к эвпатридам и приняли твердое решение добиться свободы. Этим людям особенно возмущало то, что на их полях остались «священные границы», и они считали, что «их земля находится в рабстве». Что касается жителей приморской области, паралиев, то их не особенно привлекала возможность стать собственниками земли; у них было море, а значит, возможность завязывать отношения и торговые связи. Некоторые из них разбогатели и стали почти свободными, а потому не разделяли жгучих желаний диакриев и не испытывали особой ненависти к эвпатридам. В то же время у них не было бессильной покорности педиеев; они требовали более стабильного положения и гарантированных прав.

Солон, насколько было возможно, удовлетворил эти требования. Одна часть работы этого законодателя, которую древние писатели практически не донесли до нас, представляется наиболее важной. До Солона большая часть жителей Аттики владела землей, но положение земледельцев было шатким, и в любой момент они могли попасть в рабство. После Солона мы уже не находим этого класса земледельцев; право собственности доступно для всех; нет рабства; семьи низших классов навсегда освобождены из-под власти эвпатридов. Автором этих глобальных перемен был не кто иной, как Солон.

Согласно Плутарху, Солон всего лишь смягчил жестокий закон относительно долгов, отменив право кредитора обращать в рабство несостоятельного должника. Но давайте обратимся к сочинению писателя, жившего значительно позже этой эпохи, и внимательно ознакомимся с тем, что он пишет о долгах, которые приводили в расстройство не только Афины, но и другие города Греции и Италии. Трудно поверить, что во времена, предшествовавшие по-

явлению Солона, в обороте был значительный объем денежных средств, вызвавший появление большого числа кредиторов и должников. В те времена торговля была развита слабо, никто не знал о долговых обязательствах и кредиты, скорее всего, были редким явлением. Что мог предложить в качестве залога человек, ничем не владеющий? Ни в одном обществе не принято давать в долг без залога. Правда, существует мнение, основанное на доверии к переводчику Плутарха, что заемщик закладывал свою землю, но, даже допустив, что земля была его собственностью, он не мог этого сделать по той простой причине, что в то время залог недвижимости еще не был известен и, кроме того, противоречил самой природе права собственности. В должниках, о которых говорит Плутарх, следует видеть бывших клиентов, в их долгах — ежегодную арендную плату, которую они были обязаны платить своим бывшим господам, а под рабством, в которое они попадали, если не могли заплатить арендную плату, надо понимать клиентелу.

Возможно, Солон отменил арендную плату или, что более вероятно, значительно снизил ее. Кроме того, он ликвидировал долговое рабство и приказал снять все долговые камни, которые устанавливались ранее на земле должника. Крестьян, проданных за долги в рабство за границу, он велел разыскать и выкупить за государственный счет.

Но Солон на этом не остановился. До него бывшие клиенты, войдя во владение землей, не могли стать ее собственниками, поскольку на их полях продолжали возвышаться священные и неприкосновенные межевые знаки их бывших патронов. Для превращения арендной земли в собственную требовалось уничтожить эти знаки. Солон упразднил их. Свидетельством этой грандиозной реформы являются стихи самого Солона: «Это деяние превзошло все надежды, я сделал это с помощью богов. Я призываю в свидетельницы богиню-мать, черную землю, из которой я вырвал межевые знаки, ту землю, которая была рабыней, а стала свободной». Солон произвел серьезный переворот. Он отказался от древней религии, которая во имя непоколебимого бога Терма удерживала землю в руках небольшого числа людей. Он отобрал землю у религии и передал ее тем, кто работал на ней. Он уничтожил вместе с властью эвпатридов на землю их власть над людьми и потому смог сказать в своих стихах: «Я

сделал свободными тех, кто на этой земле терпел жестокое рабство и трепетал перед господином». Вероятно, это освобождение современники Солона назвали «избавлением от бремени». Последующие поколения, уже привыкшие к свободе, не хотели или не могли поверить, что их предки были рабами, и объясняли, что выражение «избавление от бремени» всего-навсего означает отмену долгов. Позвольте добавить еще одну фразу Аристотеля, который, не сообщая подробностей о деяниях Солона, просто говорит: «Он уничтожил рабство».

Преобразование клиентелы в Риме

ДОЛГИЙ период римской истории тоже был заполнен борьбой между клиентами и патронами. Правда, Тит Ливий ничего не сообщает об этой борьбе, поскольку не имел привычки внимательно отслеживать изменения в различных институтах; кроме того, летописи жрецов и подобные им документы, откуда черпали сведения древние историки, а уже от них Тит Ливий, возможно, ничего не сообщали об этой внутренней борьбе.

Но, по крайней мере, точно известно, что в Риме в самом начале были клиенты; у нас есть абсолютно достоверное свидетельство той зависимости, в которой патроны держали своих клиентов. Если спустя несколько столетий мы попробуем отыскать этих клиентов, то уже не найдем их. Название еще существует, но самой клиентелы уже нет. Совсем не похожи на древних клиентов плебеи времен Цицерона, которые называли себя клиентами богатых людей только для того, чтобы иметь право на *sportula* — подарки, или, точнее, подачки от них.

Намного больше напоминают древних клиентов вольноотпущенники. В период поздней республики, как и в ранний период истории Рима, человек, освобожденный от рабства, не становился сразу свободным и гражданином; он оставался в подчинении у господина. Раньше его называли клиентом, теперь стали называть вольноотпущенником; изменилось только название. Что касается господина, то не изменилось даже название; как прежде его называли патроном, так и продолжали называть. Вольно-

отпущенник, как некогда клиент, по-прежнему связан с семьей; он носит ее имя, как носил его клиент. Он зависит от своего патрона; он обязан выказывать ему не только признательность, но и верно служить. Патрон имеет право вершить суд над вольноотпущенником, как раньше над клиентом; за неблагодарность, приравненную к преступлению, он может снова обратить его в рабство. Так что вольноотпущенник очень напоминает древнего клиента. Между ними единственная разница: клиентела была наследственной, от отца к сыну, а зависимость вольноотпущенника заканчивалась во втором, самое большее, в третьем поколении. Клиентела еще не исчезла; она захватывает человека в тот момент, когда он освобождается от рабства, но только клиентела уже не является наследственной. Уже одно это являлось значительной переменой, но мы не можем сказать, когда это произошло.

Мы можем легко найти улучшения, постепенно происходившие в положении клиента, и этапы на пути к обретению им права собственности. Сначала глава рода выделял клиенту участок земли для обработки. Затем клиент становился временным владельцем участка при условии, что он принимает участие во всех расходах своего бывшего господина. Суровость древнего закона, обязывающего клиента платить выкуп за патрона, помогать деньгами при наделении дочери патрона приданым, при расходах на общественные потребности, оплачивать наложенные на патрона судом штрафы, доказывает, что в те времена, когда был издан этот закон, клиент уже был временным владельцем земельного участка. Затем клиент делает следующий шаг: после его смерти его сын имел право вступить во владение землей; если у клиента не было сына, то после смерти клиента земля возвращалась патрону. Затем следующий шаг: клиент, не имеющий сына, получает право составить духовное завещание. Но тут нет однозначного решения. В отдельных случаях патрон забирает себе половину имущества, иногда воля завещателя выполняется полностью. В любом случае завещание имеет силу. Таким образом, клиент если еще не может назвать себя собственником, но, по крайней мере, обладает правом довольно широко, насколько возможно, пользоваться собственностью.

Но это еще не полное освобождение. Нет никаких свидетельств, дающих возможность установить эпоху, когда клиенты окончательно отделились от семей патрициев. В «Истории» Тита Ливия есть место (книга II, 16), в котором говорится, если понимать его буквально, что в ранние годы республики клиенты были гражданами. Весьма вероятно, что они уже были гражданами во времена царя Сервия Туллия; возможно, они даже голосовали в куриальных комициях с раннего периода истории Рима. Однако из этого вовсе не следует, что они были абсолютно свободными людьми, так как возможно, что патриции нашли выгодным для себя дать клиентам политические права, но отказав им в гражданских правах.

В Риме, похоже, не было переворота, который сразу освободил клиентов, как это было в Афинах. Все происходило крайне медленно и незаметно и не нашло никакого отражения в официальных законах. Клиентела постепенно ослабила хватку, и клиент незаметно отделился от патрона.

Царь Сервий Туллий провел реформу в пользу клиентов: он изменил устройство войска. До Сервия войско делилось на трибы, курии и роды; это было патрицианское войско, в котором каждый родоначальник командовал своими клиентами.

Сервий разделил войско на центурии; все население Рима на классы, или разряды, по имущественному цензу; теперь каждый занимал место согласно своему разряду. В результате клиент уже не сражался бок о бок с патроном; патрон перестал быть для клиента военачальником, и клиент стал привыкать к независимости.

Это изменение привело к изменению структуры комиций. Раньше собрание делилось на курии и роды, и клиент голосовал, если он вообще голосовал, под надзором своего господина. Теперь в комициях, как и в войске, было деление на центурии, и клиент уже не находился в одной центурии с патроном. Правда, древний закон приказывал, чтобы он голосовал точно так же, как его патрон, но разве можно было проверить, за что он голосовал?

Решение отделить клиента от патрона в самые важные минуты жизни, во время боя или когда шло голосование — это был серьезный шаг, значительно ослабивший

власть патрона, а то, что осталось от его власти, постоянно оспаривалось. Как только клиент почувствовал вкус свободы, он захотел полностью насладиться ею. Он стремился отделиться от рода и присоединиться к плебеям, которые были свободными людьми. Сколько ему представлялось случаев! При царях он был уверен, что найдет в их лице помощников, поскольку у них не было иной цели, как ослабить роды. Во времена республики он нашел покровительство у плебеев и трибунов. Тогда очень многие клиенты получили свободу, и роды не смогли их вернуть. В 472 году до н. э. было еще очень много клиентов, поскольку плебеи жаловались, что их голоса в центуриатных комициях дают возможность чаще весов склоняться в пользу патрициев. «Волерон... предложил народу закон о том, чтобы плебейские должностные лица избирались в собраниях по трибам. В безобидном на первый взгляд предложении речь шла о предмете отнюдь не мало-значительном; но о том, чтобы отобрать у патрициев возможность через посредство своих клиентов добиваться избирать угодных себе трибунов»¹.

Примерно в то же время, когда плебеи отказались вступать в ряды войска, патриции были в состоянии сформировать войско из своих клиентов. Однако похоже, что клиентов было недостаточно для возделывания патрицианских земель, и патрициям приходилось заимствовать рабочую силу из плебейской среды. Вполне возможно, что создание института трибунов, обеспечив клиентам защиту от бывших патронов и упрочив положение плебеев, ускорило процесс освобождения клиентов. В 372 году уже не было никаких клиентов, и Манлий мог сказать плебеям: «Сколько было вас, клиентов, вокруг одного патрона, столько же будет теперь против одного врага»².

С тех пор мы больше не встречаем в истории Рима древних клиентов, людей, наследственно связанных с родом. Древняя клиентела уступила место клиентеле нового типа, добровольной, практически фиктивной связи, которая уже не влекла за собой тех обязательств, что были раньше. Мы

¹ Тит Ливий. История Рима от основания города. Кн. II, 56. (Пер. М.Л. Гаспарова.)
² Там же. Кн. VI, 18. (Пер. М.Л. Гаспарова.)

уже не находим в Риме трех классов — патрициев, клиентов и плебеев. Остались только два; клиенты слились с плебеями.

Ветвью, выделившейся из рода Клавдиев, были Марцеллы. Они носили имя Клавдии, но поскольку не были патрициями, то могли входить в состав рода только в качестве клиентов. Они очень рано получили свободу и обогатились; нам неизвестно, как им удалось сначала добиться высоких плебейских должностей, а затем занять высокие должности в городе. В течение нескольких веков род Клавдиев, похоже, не вспоминал об имеющихся у них древних правах на эту ветвь. Но во времена Цицерона Клавдии неожиданно вспомнили о них. Вольноотпущенник или клиент Марцеллов умер, оставив собственность, которая, согласно закону, должна была вернуться к патрону. Патриции Клавдии утверждали, что Марцеллы, сами клиенты, не могли иметь своих клиентов, а их вольноотпущенники и их собственность должны перейти главе патрицианского рода, тому единственному, кто имеет права на патронат. Это заявление вызвало удивление общественности и привело в замешательство юристов; даже Цицерон считал вопрос очень непростым. Четыре века назад такой вопрос не вызвал бы никакого удивления, и Клавдии выиграли бы процесс. Но во времена Цицерона законы, на которые они ссылались, выдвигая требования, были настолько древними, что о них успели забыть, и суд, не колеблясь, вынес решение в пользу Марцеллов. Древней клиентелы больше не существовало.

Глава 7

ТРЕТИЙ ПЕРЕВОРОТ. ПЛЕБЕИ ВХОДЯТ В СОСТАВ ГОРОДА

Общая история этого переворота

Изменения, происшедшие со временем в структуре семьи, повлекли за собой изменения в структуре города. Древняя аристократическая священная семья ослабела. С исчезновением права первородства семья утратила единство и силу; с освобождением большинства клиентов она потеряла большую часть подданных.

Теперь люди из низших сословий не распределялись по родам; живя вне родов, обособленно, они сформировали единое целое. В результате видоизменился город. Вместо того чтобы, как в древности, являться единым собранием небольших государств, каковыми являлись семьи, образовался союз, с одной стороны, между членами патрицианских родов, а с другой — между представителями низших классов. Таким образом, столкнулись два сословия, два враждующих общества. Больше не было скрытой борьбы внутри каждой семьи, как в предыдущую эпоху; теперь в каждом городе велась открытая война. Один из враждующих классов стремился сохранить религиозный строй города и оставить управление и жречество в руках священных семей. Другой класс, находясь вне закона, вне религии и политики, стремился разрушить древние преграды.

Вначале перевес был на стороне родовой аристократии. Правда, у нее уже не было прежних подданных, но осталась ее религия, прежняя структура, привычка командовать, традиции и наследственное чувство собственного достоинства. Аристократия не сомневалась в правомерности своих действий, считая, что, защищаясь, она защищает религию. Со стороны народа была только многочисленность. Народ все еще сдерживала привычка с уважением относиться к аристократии, от которой было не так-то легко избавиться. Кроме того, у народа не было лидеров; было множество отдельных групп, не связанных между собой, вместо единой, хорошо отлаженной организации. Если вспомнить, что в те времена любое сообщество строилось исключительно на наследственной религии семьи и люди не имели понятия ни о какой иной власти, кроме как власти, установленной культом, то сразу становится понятно, почему плебеям, стоявшим вне религии, потребовалось много времени для создания нормально функционирующей, дисциплинированной организации. Этот низший класс поначалу, в силу слабости и нерешительности, не видел другого способа борьбы с аристократией, как противопоставить ей монархию.

В городах, где народ объединился еще во времена правления древних царей, люди из всех имеющихся у них сил поддерживали царей и ратовали за увеличение их власти. В Риме народ потребовал реставрации монархии после Ро-

мула, заставил избрать царем Тулла Гостилия, избрал на царство Луция Тарквиния Приска (Тарквиния Древнего), любил Сервия Туллия и сожалел о свержении Луция Тарквиния Гордого. После повсеместного свержения царей и установления господства аристократии народ не просто сожалел о царях, а стремился восстановить монархию в новой форме. В Греции на протяжении VI столетия народу удавалось назначать вождей; не имея возможности называть их царями, поскольку этот титул предполагал выполнение религиозных функций и его могли носить только члены священных семей, народ называл их тиранами¹.

Это слово, каким бы ни был его первоначальный смысл, не было заимствовано из религиозного языка. Его нельзя было использовать применительно к богам; его не произносили в молитвах. Для людей оно означало нечто совершенно новое — оно означало власть, полученную не из культа, могущество, которое не было установлено религией. Появление этого слова в греческом языке отмечает появление нового принципа, неизвестного предыдущим поколениям, — принципа повиновения человека человеку. До этого времени глава государства одновременно был и религиозным главой; городом управлял только тот, кто имел право совершать жертвоприношения и призывать богов. Повинуясь этому человеку, народ повиновался лишь религиозному закону и не подчинялся никому, кроме божества. Власть, данная человеку другими людьми, по самой своей природе была неизвестна древним эвпатридам и стала понятна только тогда, когда низшие классы сбросили ярмо аристократии и предприняли попытку создать новую форму правления.

Приведем несколько примеров. В Коринфе «народ с трудом выносил правление Бакхиадов; Кипсел, разделяя их ненависть и видя, что народ ищет вожда, способного повести их к свободе», предложил себя в качестве вожда. Народ принял предложение, сделал его тираном, изгнал Бакхиадов и стал повиноваться Кипселу. В Милете тираном был некий Тразибул; Митилена повиновалась Питтаку, Самос — Поликрату. В VI веке мы находим тиранов в Аргосе,

¹ В тех случаях, когда эти вожди из народа были родом из религиозных семей, их называли царями. (Примеч. авт.)

Эпидавре, Мегаре; в Сикионе тираны правили без перерыва на протяжении ста тридцати лет. Мы находим тиранов в Кумах, Кротоне, Сибарисе. В 485 году в Сиракузах низший класс захватил власть в свои руки и изгнал аристократию, но не смог управлять городом и в конце года был вынужден избрать тирана.

Всюду эти тираны с большей или меньшей жестокостью проводили одну и ту же политику. Тиран Коринфа однажды обратился за советом по вопросу управления к тирану из Милета. Тот вместо ответа срезал верхушки колосьев, возвышавшиеся над остальными. Принцип правления этих тиранов заключался в том, чтобы рубить головы тех, кто возвышается над толпой, и уничтожать аристократию, опираясь на народ.

Сначала римские плебеи устраивали заговоры, чтобы восстановить власть Тарквиния. Затем пытались установить правление тиранов и обращали взоры поочередно на Публиколу, Спурия Кассия и Манлия. Обвинения, так часто выдвигаемые патрициями в адрес представителей своего сословия, пользующихся популярностью, не были голословными. Страх высших классов свидетельствует об устремлениях плебеев.

При этом следует отметить, что если народ в Греции и Риме и стремился восстановить монархию, то вовсе не из преданности этому строю. Ненависть к аристократии была сильнее нелюбви к тиранам. Для народа монархия была средством, с помощью которого можно было установить новую форму правления и отомстить аристократии, но это правление, строившееся исключительно на силе, не опиралось на священные традиции, а потому не нашло отклика в сердцах людей. Люди привели к власти тирана, поскольку нуждались в нем, когда вели борьбу; одержав победу, ему оставили власть или из благодарности, или по необходимости. Но по прошествии нескольких лет, когда сглаживались воспоминания о жестокости олигархии, тирана свергали. Этот способ правления никогда не вызывал симпатии у греков; его использовали как временную меру в надежде на то, что народ найдет лучшую форму правления и почувствует в себе достаточно сил для самоуправления.

Постепенно низший класс набирал силу. Иногда процесс идет, казалось бы, незаметно, тем не менее он опре-

делает будущее целого класса и преобразует общество. Приблизительно в VI веке до н. э. Греция и Италия обнаружили новый источник богатства. Земля уже не могла удовлетворить возросшие потребности человека. Развивался вкус к прекрасному, появилось стремление к роскоши. Развивались ремесла и искусство, промышленность и торговля. У людей постепенно накапливалось движимое имущество; когда стали чеканить монеты — начали накапливаться деньги. Появление денег произвело огромный переворот. Деньги не подчинялись тем же условиям, что земельная собственность. Они могли переходить из рук в руки без соблюдения религиозных формальностей и беспрепятственно попадали в руки плебеев. Религия, наложившая ограничения на землю, не имела власти над деньгами.

Люди из низших классов осваивали другие виды деятельности, помимо обработки земли: ремесла, мореплавание, торговлю. Вскоре среди них появились зажиточные и богатые люди. Невиданное дело! Раньше только главы родов могли быть собственниками, а теперь бывшие клиенты и плебеи богатели и, мало того, выставляли напоказ свое богатство. Плебеи богатели, аристократия разорялась. Во многих городах, особенно в Афинах, часть членов аристократического сословия впала в нищету. В обществе, где богатство переходит в другие руки, высший класс находится под угрозой свержения. Кроме того, в результате этих перемен произошло расслоение в народной среде, как это и должно случаться в любом человеческом обществе. Некоторые семьи заняли видное положение; некоторые люди приобрели вес в обществе. В плебейской среде сформировалась своего рода аристократия. В этом не было ничего плохого; беспорядочная народная масса начала принимать форму хорошо организованного общества. Теперь плебеи имели возможность выбирать вождей из своих рядов; у них отпала необходимость обращаться к патрициям и брать первого честолюбца, желавшего взять власть в свои руки. У плебейской аристократии вскоре появились те качества, которые обычно появляются у людей, наживших богатство собственным трудом; у них появилось чувство собственного достоинства, стремление к мирной жизни и та житейская мудрость, когда, желая улучшений, с опаской отно-

сятся к рискованным предприятиям. Представители новой аристократии взяли бразды правления в свои руки, и плебеи испытывали гордость, что они выросли в их среде. Плебеи отказались от тиранов, как только почувствовали, что в их сословии есть люди, способные создать лучший режим правления. Как мы скоро увидим, на какое-то время богатство стало основой социальной организации.

Необходимо сказать еще об одном изменении, поскольку оно в значительной степени способствовало усилению влияния низшего класса, — об изменении в структуре войска. В первые века истории городов главной составляющей войска была конница. Настоящим воином был тот, кто сражался верхом или на колеснице. В бою от пеших воинов было мало пользы, и они не слишком ценились. По этой причине древняя аристократия повсеместно сохранила за собой право сражаться верхом. В некоторых городах они даже присвоили себе звание всадники. *Celeres*, центурии всадников Ромула, эти рыцари ранней истории Рима, были патрициями. У древних конница всегда считалась благородным родом войск. Однако и пехота постепенно приобретала значение. Успехи в оружейном деле позволили оснастить пехоту более совершенным оружием, что в сочетании с муштрой и дисциплиной сделало пехоту способной оказывать сопротивление коннице. Пехота сразу же заняла ведущее положение в бою, благодаря большей маневренности. С этого времени главную силу войска составляли легионеры и гоплиты¹, а они были плебеями. Но не надо забывать, что сражения шли не только на суше, но и на море, и судьба городов зачастую зависела от гребцов, то есть от плебеев. А класс, который в состоянии защитить народ, в состоянии отстаивать свои права и пользоваться за-

¹ Гоплит — древнегреческий тяжеловооруженный пеший воин. Вооружение: гоплон — большой круглый тяжелый щит, правильное название «аргивский», но знаменитый историк Питер Конолли дал ему название гоплон от слова гоплит. Щит из-за тяжести при бегстве бросали первым, поэтому потеря щита считалась большим позором. Большой щит использовали и как носилки, на которых несли погибших, с чем связывают происхождение фразы «со шитом или на шите», принадлежавшей, по легенде, некой спартанке Горго; прямой меч ксифос либо махайра (короткий кривой меч с обратным изгибом); трехметровое копье — ксистон. Доспехи: тяжелая кираса либо линотракс, книмиды-поножи, глухой шлем, известный как коринфский.

конным влиянием. Общественный и политический строй нации всегда определенным образом связаны с типом и структурой собственной армии.

И наконец, низшему классу удалось создать собственную религию. Эти люди наверняка испытывали религиозное чувство, которое неотделимо от нашей природы и вызывает потребность в молитвах и поклонении, а потому они страдали, оказавшись вне религии; согласно древнему закону, каждый бог принадлежал только одной семье, и право совершать молитву передавалось по наследству. Вот почему они прилагали все усилия, чтобы обрести свой культ.

У нас нет возможности подробно описать усилия, которые они предпринимали, те средства, которые придумывали, все трудности, встававшие на их пути. Эту работу продельвал каждый человек, и она долгое время оставалась тайной для окружающих; мы можем увидеть только результат. Иногда плебейская семья воздвигала свой очаг; она или сама осмеливалась зажечь его, или доставала где-нибудь священный огонь. Тогда у нее появлялся свой культ, свое святилище, свой бог-покровитель, свое жречество по примеру патрицианских семей. Иногда плебей, не имея домашнего культа, получал доступ в храмы города. В Риме те, у кого не было своего очага, а как следствие, никаких домашних праздников, совершали ежегодные жертвоприношения богу Квирину¹.

Когда высшее сословие упорно не желало впускать в храмы низшее сословие, последнее воздвигало собственные храмы. В Риме на Авентинском холме у них был храм, посвященный Диане, и святилище Плебейской Скромности. Вот что рассказывает Тит Ливий об истории появления этого святилища: «Молебствия эти запомнились ссорой,

¹ К в и р и н был первоначально божеством сабинян. Был принесен в Рим сабинскими переселенцами, заселившими Квириналь-ский холм. Первоначально был богом войны, подобным Марсу. В более позднее время идентифицировался с Ромулом, первым римским царем. В начальный период истории Римского государства Квири-н, вместе с Юпитером и Марсом, входил в триаду главных римских богов, каждый из которых имел своего верховного жреца. Праздник бога Квирина — Квириналии — устраивался 17 февраля. Одно из наименований римских граждан — квири-ты — происходит от имени бога Квирина. О культе Квирина рассказывает в своей «Истории» Тит Ливий.

случившейся между матронами в святилище Скромности Патрицианской, что на Бычьем рынке возле круглого храма Геркулеса. Матроны не допустили там к обрядам Виргинию, дочь Авла, за ее брак не с патрицием, ведь она была из патрицианского рода, но замужем за консулом из плебеев Луцием Волумнием. Краткий спор женские страсти превратили в яростное противоборство, когда Виргиния с истинной гордостью заявила, что в храм Патрицианской Скромности она вошла и как патрицианка, и как скромница, и как жена единственного мужа, за которого ее выдали девицею, и не пристало ей стыдиться ни его самого, ни его должностей, ни его подвигов. Свои гордые слова подкрепила она славным деянием. На Долгой улице, где она жила, она выгородила в своем жилище место, достаточно просторное для небольшого святилища, воздвигла там алтарь и, созвав плебейских матрон, посетовала на обиду от патрицианок и сказала: «Этот алтарь я посвящаю Плебейской Скромности и призываю вас, матроны, так же состязаться меж собою в скромности, как мужи нашего государства — в доблести; постарайтесь же, если это возможно, чтобы этот алтарь славился перед тем и святостью большею, и почитательницами чистейшими». Алтарь этот чтился почти по тому же чину, что и первый, более древний: только матрона, признанная безупречно скромной и единойбрачной, имела право приносить на нем жертвы». Восточные культы, которые в VI столетии хлынули в Грецию и Рим, пользовались у плебеев большим успехом. Эти культы, как буддизм, не делали различий ни между кастами, ни между народами. Наконец, часто плебеи создавали себе богов, подобных богам патрицианских курий и триб. Так, царь Сервий воздвиг алтари в каждом городском квартале, чтобы народ имел возможность совершать жертвоприношения, а Писистратиды установили гермы на улицах и площадях Афин. Это были боги демократии. У плебеев, которые раньше были толпой, не имевшей культа, появились свои религиозные церемонии и праздники. Плебеи получили возможность молиться, а это имело большое значение в обществе, где религия определяла положение и достоинство человека.

Как только низшее сословие преодолело эти этапы, когда в плебейской среде появились богатые люди, воины и

жрецы, когда народ получил все, что дает человеку чувство собственного достоинства и ощущение силы, когда, наконец, народ заставил аристократию считаться с собой, было уже невозможно удерживать его вне социальной и политической жизни. Пришлось открыть доступ в город.

Вступление низших классов в город было переворотом, заполнившим собой период с VII по V век до н. э. истории Греции и Италии.

Усилия народа повсеместно увенчались победой, но средства и пути ведения борьбы были разными. В одних случаях народ, почувствовав свою силу, восставал с оружием в руках и врвался в город, где ему запрещалось жить. Захватив город, плебеи либо изгоняли аристократию и занимали их дома, либо довольствовались провозглашением равноправия. Так было в городах Сиракузы, Эритр, Милет.

В других случаях народ не шел на такие жесткие меры. Без вооруженной борьбы, с помощью морального давления он заставлял аристократию идти на уступки. Затем избирался законодатель и изменялся государственный строй. Так произошло в Афинах.

В отдельных случаях низший класс достигал своей цели постепенно, без переворотов. Так, в Кумах число граждан, вначале весьма незначительное, сначала увеличилось за счет представителей из народа, которые имели достаточно средств, чтобы держать лошадей. Позже увеличилось до тысячи, и, наконец, в городе установилась демократическая форма правления.

В некоторых городах цари решали вопрос с допуском плебеев в город; так было в Риме. В других городах это было делом народных тиранов, как в Коринфе, Сикионе, Аргосе. Когда аристократия одерживала верх, ей хватало благоразумия оставлять низшим классам звание граждан, которое им дали цари или тираны. На Самосе аристократии удалось одолеть тиранов, только освободив низшие классы. Потребуется слишком много времени на перечисление различных форм борьбы, которые использовались в ходе этого грандиозного переворота. Результат всюду был один и тот же: низший класс вошел в город и стал частью государства.

Поэт Феогид дает четкое представление об этом перевороте и его последствиях. Он рассказывает нам, что в его

родном городе, Мегаре (Мегарах), два типа людей. Одних он называет «хорошими, благородными», имея в виду аристократов, других «плохими, подлыми», имея в виду низший класс. Вот как поэт описывает прежнее положение низшего класса: «Встарь ни законов они не разумели, ни тяжб»¹, то есть не имели прав гражданства.

Им не разрешалось даже приближаться к городу; «козьими шкурами плечи покрыв, за плугом влачили, стадо дубравных² лосей прочь от ворот городских в страхе шарахалось...»

Они не принимали участия в священных трапезах, и не имели права вступать в брак с членами «хороших» семей.

Но как все изменилось! Аристократия свергнута; «ныне рабы — народ-самодержец, челядь — кто прежде был горд доблестных предков семьей»³.

Нет больше древних законов, их заменили странные новые законы.

Ныне несчастья добрых становятся благом для низких
Граждан; законы теперь странные всюду царят;
Совести в душах людей не ищи; лишь бесстыдство и наглость,
Правду победно поправ, всею владеют землей⁴.

Богатство стало единственным объектом людских желаний, поскольку оно дает власть. Мужчина из знатного рода женится на дочери богатого плебея, как и женщина из знатного рода выходит замуж за плебея.

А замуж ничуть не колеблется лучший
Низкую женщину брать, — только б с деньгами была!
Женщина также охотно выходит за низкого мужа, —
Был бы богат! Для нее это важнее всего.
Деньги в почете всеобщем. Богатство смешало⁵ породы.
Знатные, низкие — все женятся между собой⁵.

Феогид, выходец из аристократического рода, безуспешно пытался противиться ходу событий. У него, осужденного на изгнание, лишенного собственности, единственной формой протеста были его стихи. Но если он и

¹ Феогид. Стихотворения. (Пер. Вяч. Иванова.)

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. (Пер. В. Вересаева.)

⁵ Там же.

не надеялся на успех, то, по крайней мере, никогда не сомневался в правоте своего дела. Он признал поражение, но при этом сохранил уверенность в собственной правоте. По его мнению, происшедший переворот был преступлением против морали. Ему, аристократу, казалось, что на стороне этой революции не было ни справедливости, ни богов, что она покушалась на религию.

Что справедливо, что нет — не ведают низкие люди,
Страха не знают совсем, кары не ждут впереди...
Кончено! Предано все, и погублено все, и пропало.
Только не будем винить, Кирн, никого из богов.
Нет же! Людская корысть, и измена, и спесь, и насилье
В горе и зле погребли нашу старинную мощь I.

Эти сетования бесполезны, и он сам это прекрасно знает. Его жалобы не что иное, как добродетельный поступок, поскольку от предков перешла к нему «священная традиция», которую он обязан продолжать. Но все его старания напрасны; традиция будет предана забвению; сыновья аристократов забудут о своем благородном происхождении, и в скором времени все увидят, как они соединяются узами брака с девушками из плебейских семей, как они будут пить на их праздниках, и есть за их столом, и скоро проникнутся их чувствами. Сожаление — это все, что осталось греческой аристократии времен Феогида, но и это сожаление должно было вскоре исчезнуть.

Действительно, после Феогида от аристократии осталось только воспоминание. Знатные семьи продолжали благочестиво сохранять домашний культ и память о предках, но это и все. Еще оставались люди, которые занимались тем, что выискивали своих предков, но их высмеивали. Они сохранили обычай делать надписи на могилах, что умерший был выходцем из благородной семьи, но не делали никаких попыток восстановить рухнувшую систему. Исократ абсолютно справедливо заметил, что в его время знатные афинские семьи сохранились только в гробницах.

Так постепенно преобразовывался древний город. Вначале это было сообщество какой-нибудь сотни родоначальников. Позже число граждан увеличилось, поскольку младшие ветви добились равенства. Затем освобожденные

I Феогид. Стихотворения. (Пер. С. Анта.)

клиенты, плебеи, весь тот народ, который на протяжении веков оставался вне религиозной и политической ассоциации, иногда даже вне священной городской ограды, сломал преграды и проник в город, где вскоре занял господствующее положение.

История этого переворота в Афинах

После свержения царской власти на протяжении четырех веков Афинами управляли эвпатриды. История хранит молчание об этом долгом периоде, известно только, что власть эвпатридов была ненавистна низшим сословиям и что народ пытался изменить создавшееся положение.

В 598 году всеобщее недовольство и некоторые признаки, указывающие на близость переворота, возбудили честолюбивые замыслы эвпатрида Килона, который взялся свергнуть власть своего сословия и стать народным тираном. Усилия архонтов помешали исполнению его плана, однако волнения не прекращались. Эвпатриды тщетно использовали все имеющиеся у них в запасе религиозные средства. Напрасно говорили, что боги разгневаны и появились призраки. Напрасно устроили очищение города от преступлений и воздвигли два алтаря — Насилию и Дерзости, чтобы умиловить этих божеств, чье пагубное влияние взволновало умы. Все было тщетно. Им не удалось укротить народный гнев. С Крита призвали благочестивого Эпименида, таинственную личность, слышную сыном богини, и он совершил несколько очистительных церемоний. Эвпатриды надеялись таким способом поразить воображение людей, оживить религию и, соответственно, укрепить аристократию. Но это не произвело никакого впечатления на народ; религия эвпатридов больше не имела влияния на умы; народ упорно продолжал требовать проведения реформ.

В течение последующих шестнадцати лет против эвпатридов вели войну несдержанные жители гор и терпеливые, но упорные богатые жители приморья. Наконец, самые благоразумные представители трех сторон согласились дать Солону поручение положить конец разногласиям, чтобы предотвратить еще большие беды. Солон по счастливой случайности принадлежал одновременно к эвпатридам по

происхождению, и к торговому сословию по роду деятельности в годы юности. В своих поэтических произведениях он предстает человеком полностью свободным от предрассудков своего сословия. Его стремление жить в мире, склонность к богатству и роскоши, любовь к удовольствиям — все это отдалило его от эвпатридов. Он принадлежал к новым Афинам.

Мы уже говорили о том, что Солон приступил к осуществлению реформ с освобождения земли от древнего господства религии эвпатридов. Он разорвал оковы клиентов. Столь значительные изменения в социальном строе повлекли за собой изменения в политическом строе.

Впредь, по меткому выражению самого Солона, низшим классам требовался щит для защиты недавно обретенной свободы. Таким щитом были политические права.

К сожалению, мы не обладаем достаточными сведениями о конституции Солона, однако похоже, что с того времени все афиняне стали принимать участие в собраниях, а сенат состоял не только из эвпатридов; можно даже предположить, что архонтов выбирали не только из древней жреческой касты. Эти важные нововведения разрушили все древние городские законы. Теперь низшая каста наравне с эвпатридами принимала участие в голосовании, могла занимать места в магистратуре, в управлении городом. Новая конституция не брала в расчет право первородства. Общество по-прежнему было разделено на классы, но деление было произведено в зависимости от имущественного положения. Пришел конец власти эвпатридов. Теперь эвпатрид ничего не значил, если не был богат; он имел влияние только благодаря богатству, а не происхождению. С этого момента поэт мог сказать: «В бедности аристократ не пользуется авторитетом»; публика в театре аплодировала словам актера: «Какого происхождения этот человек? Богатого, только богатые теперь аристократы».

У этой системы было два вида врагов: эвпатриды, сожалевшие об утрате привилегий, и бедняки, по-прежнему страдавшие от неравенства.

Едва Солон закончил реформирование, как снова начались волнения. По словам Плутарха, бедные показали себя ярыми врагами богатых. Новая форма правления вызвала у них, возможно, такое же недовольство, как и

правление эвпатридов. Кроме того, видя, что эвпатриды по-прежнему могут быть архонтами и сенаторами, многие решили, что переворот не доведен до конца.

Солон поддерживал республиканскую форму правления, но народ продолжал питать безотчетную злобу против этой формы правления, при которой на протяжении четырех столетий он не видел ничего, кроме господства аристократии. По примеру многих греческих городов народ хотел иметь тирана.

Эвпатрид Писистрат, преследуя личные честолюбивые цели, обещал бедным провести раздел земли и этим привлек их на свою сторону. Однажды он явился в народное собрание и, притворившись, что его ранили эвпатриды, попросил выделить ему охрану. Присутствовавшие на собрании представители высших классов хотели выступить и изблечить его во лжи, но «народ был готов прибегнуть к насилию, чтобы поддержать Писистрата; увидев это, богатые в страхе разбежались». Итак, одним из первых решений, принятых недавно созданным народным собранием, было решение об оказании помощи человеку, стремившемуся стать владыкой своего отечества.

Впрочем, господство Писистрата, похоже, не стало препятствием на пути Афин в заданном направлении. Наоборот, основным результатом его правления стала защита от реакции новой социально-политической реформы. Эвпатридам так никогда и не удалось вернуть утраченную власть.

Народ не проявил особого желания вновь обрести свободу. Дважды знать и богатые, объединив усилия, свергли Писистрата; дважды он возвращал себе власть. Писистрат настолько укрепил свое положение, что после его смерти власть в Афинах без всяких потрясений перешла к его сыновьям. Понадобилось вмешательство в дела Атики войска лакедемонян, чтобы положить конец господству этой семьи.

На мгновение у древней аристократии появилась надежда воспользоваться падением Писистратов, чтобы вернуть себе привилегии. Но эти надежды не оправдались, более того, по аристократии был нанесен удар такой силы, который не шел ни в какое сравнение с прежними. Клисфен, из знатного рода Алкмеонидов, но из семьи, которую на протяжении трех поколений презирала и не признавала

аристократия, нашел верное средство отнять у аристократии то небольшое, что еще осталось от ее могущества. Солон оставил древнюю религиозную организацию афинского общества. Население делилось на двести или триста родов, на двенадцать фратрий и четыре трибы. В каждой из этих групп был, как и в предшествующий период, свой наследственный культ, свой жрец из эвпатридов и свой глава, тоже исполнявший обязанности жреца. Это были постепенно исчезающие остатки прошлого, но благодаря этому сохранялись обычаи, традиции, правила, различия между людьми, которые существовали при древнем социальном строе. Все эти группы были установлены религией и, в свою очередь, поддерживали религию, то есть власть знатных семей. В каждой из этих групп было два класса. С одной стороны, эвпатриды, по праву рождения владевшие жречеством и властью; с другой стороны, люди, находившиеся в подчиненном положении, уже не рабы и не клиенты, но все еще удерживаемые религией под властью эвпатридов. Тщетно законы Солона провозглашали, что все афиняне свободны. Древняя религия завладевала человеком на выходе с народного собрания, где он свободно отдавал свой голос, и говорила: «Ты связан культом с эвпатридом; ты обязан оказывать ему уважение и подчиняться ему; Солон освободил тебя как члена города, но как член трибы ты должен повиноваться эвпатриду; твоим главой, как члена фратрии, тоже является эвпатрид; в семье, в роду, в котором ты родился и откуда не можешь уйти, ты тоже находишь власть эвпатрида». Что было толку в том, что политический закон сделал человека гражданином, если религия и обычаи удерживали его на положении клиента? Правда, уже в течение нескольких поколений многие люди находились вне этих групп, одни — потому что прибыли из чужой страны, другие — потому что ушли из рода или трибы, чтобы стать свободными. Но эти люди страдали по другой причине: с точки зрения морали они занимали более низкое положение по сравнению с другими людьми, в их независимости было нечто постыдное. Итак, после политической реформы Солона требовалось провести реформу в религиозной сфере. Клисфен решил эту задачу, заменив четыре древние религиозные трибы десятью новыми, которые разделил на демы.

Эти трибы и демы внешне напоминали древние трибы и роды. В каждой из этих групп был свой культ, свой жрец, свой судья, свои собрания для совершения религиозных церемоний и собрания для обсуждения общих проблем. Но между этими группами было два существенных отличия. Во-первых, все свободные афиняне, даже те, которые не входили в состав древних триб и родов, были вписаны в демы. В результате этой реформы получили культ те, у кого его раньше не было, и вошли в религиозную ассоциацию те, кто раньше был исключен из любой ассоциации. Во-вторых, распределение по трибам и демам производилось не на основании происхождения, как прежде, а в соответствии с местом жительства. Происхождение не имело никакого значения; все были равны, все привилегии были забыты. Теперь культ новых триб и демов уже не был наследственным культом древней семьи; собрания больше не проходили вокруг очага какого-нибудь эвпатрида. Трибы или демы уже не почитали древнего эвпатрида как божественного предка; у триб появились новые эпонимы из числа древних героев, о которых в народе сохранилась добрая память; что же касается демов, то в качестве богов-покровителей они все выбрали Зевса, хранителя оград, и Аполлона. С тех пор не было никаких оснований для наследственного жреческого сана в демах, как это было в родах, как не было основания для того, чтобы жрецом обязательно был эвпатрид. В новых группах ежегодно избирался жрец и глава группы, и каждый член по очереди занимал эти должности.

Эта реформа окончательно свергла аристократию эвпатридов. Больше не существовало религиозных каст, не было привилегий, связанных с происхождением, ни в религии, ни в политике. Закончилось преобразование афинского общества.

Уничтожение древних триб, замена их новыми, в которые был открыт доступ всем людям и где все были равны, не является исключительным случаем, характерным только для истории Афин. Подобные перемены имели место в Кирене, Сикионе, Элиде, Спарте и, вероятно, во многих других греческих городах. Из всех средств, способных ослабить древнюю аристократию, Аристотель выбирает, с его точки зрения, самое действенное: «Для демокра-

тии полезны... те установления, которыми воспользовался в Афинах Клисфен в целях усиления демократии, равно как и основатели демократического строя в Кирене. Следует вводить новые филы и фратрии, притом увеличить их число; с другой стороны, следует частные святыни объединить в небольшое количество святынь общих и вообще придумать так хитро, чтобы все граждане как можно больше перемешались между собой, а прежние соединения распались»¹.

Можно сказать, что после проведения реформы во всех городах была окончательно уничтожена древняя форма общественной организации и создана новая. Это изменение в общественных группах, установленных древней наследственной религией и ею же объявленных неизменными, отмечает окончание управления городом религией.

История этого переворота в Риме

В Риме с давних пор плебеям придавалось большое значение. Положение города между латинами, сабинянами и этрусками обрекло его на бесконечные войны, а для ведения войн требовалось многочисленное население. Вот почему цари приглашали и принимали всех чужеземцев независимо от их происхождения. Войны следовали беспрерывно одна за другой, и поскольку постоянно ощущалась потребность в людях, то считалось самым обычным в случае победы переправить жителей побежденного города в Рим. Какова же была судьба тех, кого уводили вместе с добычей? Если среди них были патрицианские или жреческие семьи, то патриции спешили присоединить их к себе. Что касается простых людей, то некоторые из них становились клиентами знати или царя, а остальные пополняли ряды плебеев.

Но в состав этого класса входили и другие группы людей. В Рим, удачно расположенный с точки зрения торговли, стекалось много чужеземцев. Там находили прибежище недовольные судьбой или положением сабиняне, этруски и латины. Все они входили в состав плебеев. Клиент, кото-

¹ *Аристотель. Политика. (Пер. С.А. Жебелева.)*

рому удалось уйти из рода, становился плебеем. Патриций, вступивший в неравный брак или совершивший один из тех проступков, которые приводили к лишению прав, попадал в низший класс. Все незаконнорожденные исключались религией из знатных семей и причислялись к плебеям.

Благодаря этому постоянно росла численность плебеев. Борьба, разгоревшаяся между патрициями и царем, усилила их значимость. Цари и плебеи быстро поняли, что у них общие враги. Цари поставили перед собой цель избавиться от древней формы управления, которая ограничивала их власть. Плебеи поставили перед собой цель разрушить древние преграды, которые отделяли их от всех религиозных и политических сообществ. С молчаливого согласия сторон был заключен союз: цари защищают плебеев, плебеи поддерживают царей.

Предания и свидетельства древних относят первые серьезные успехи плебеев к периоду господства Сервия Туллия. Ненависть, которую испытывали патриции к этому царю, ясно показывает, какой была его политика. Сервий по своему усмотрению раздавал плебеям землю, правда, не в *ager Romanus*, а захваченную у неприятеля; тем не менее предоставление права собственности семьям, которые до этого времени могли обрабатывать только чужую землю, было важным нововведением.

Еще важнее было то, что Сервий издал законы для плебеев, которые никогда не имели законов. Эти законы по большей части касались договоров, которые плебеи могли заключать с патрициями. Это было началом общего права, а для плебеев началом равенства.

Позже этот же царь по-новому разделил все население Рима. Не трогая три древние трибы, на которые делились согласно происхождению патрицианские семьи и их клиенты, он сформировал четыре новые трибы, в которых все население было распределено согласно месту жительства. Подобную реформу мы уже видели в Афинах и знакомы с результатами этой реформы; такими же они были и в Риме. Плебеи, не входившие в древние трибы, были приняты в состав новых триб. Эта народная масса, до этого времени постоянно перемещавшаяся, нечто вроде кочевого населения, не имевшая никакой связи с городом, теперь, разделенная по трибам, имела четкую организацию.

Образование этих триб, в которые входили представители обоих классов, обозначило вступление плебеев в город.

Каждая триба имела свой очаг и совершала свои жертвоприношения. Сервий установил часовни ларов во всех общественных местах Рима, на каждом перекрестке, в сельских районах. Они были божествами тех, у кого никогда раньше не было своих божеств. Плебей отмечал религиозные праздники своего квартала и своего селения (*compitalia*, *pagalia*)¹ точно так же, как отмечал патриций жертвоприношения своего рода и своей курии. У плебеев появилась религия.

В то же самое время произошло важное изменение в священной церемонии очищения. Все свободные жители Рима, все те, кто входил в состав новых триб, принимали участие в этом священном акте. Впервые все люди — патриции, клиенты, плебеи — собрались вместе. Царь обошел это смешанное собрание с пением священных гимнов; впереди него бежали жертвенные животные. По окончании церемонии все присутствующие стали гражданами.

До Сервия в Риме было только два класса: жреческая каста патрициев с их клиентами и класс плебеев. Не было известно никакого другого различия, кроме установленной древней религией. Сервий установил новый принцип деления населения — по имущественному цензу. Он разделил все население Рима на две категории: на тех, кто владел каким-нибудь имуществом, и тех, у кого ничего не было. Первую категорию он разделил на пять классов, или разрядов, и люди распределялись в них в зависимости от степени их состоятельности. Таким образом, была утверждена аристократия богатства взамен установленной религией аристократии по происхождению².

¹ Компиталии (*compitalia*, от *compitum* — перекресток) — древнеримские праздники в честь ларов, покровителей перекрестков. Происходили в середине зимы, за несколько дней до сатурналий.

Паганалии (*pagalia*, от *pagus* — село, деревня) — древнеримские сельские праздники в честь полевых божеств.

² Современные историки, как правило, говорят о шести классах. В действительности их было всего пять. Бедняки не выделялись в отдельный класс. Кроме того, следует отметить, что слово *classis* на древнем языке имело иное значение, нежели в современном; оно относилось к войску, а это показывает, что деление Сервия было скорее военным, чем политическим. (*Примеч. авт.*)

Тот же принцип деления римского населения Сервий применил к военной службе. До него если плебеи и сражались, то не в рядах легиона. Но точно так же, как Сервий сделал плебеев собственниками и гражданами, он смог сделать их легионерами. С этого времени войско состояло не только из членов курий; все свободные мужчины, все те, у кого была хоть какая-нибудь собственность, вошли в состав войска; не несли службу только неимущие. Вооружение каждого воина и его позиция во время сражения не зависели от того, патриций он или плебей; войско делилось на классы, как и население, по имущественному цензу. Первый класс, имевший полное вооружение (шлем, панцирь, круглый бронзовый щит и поножи), и два следующих, которые имели по крайней мере щит, шлем и меч, составляли три первых ряда легиона. Четвертый и пятый классы, легковооруженные, составляли ряды велитов и пращников. Каждый класс делился на группы, называвшиеся центуриями. В первом классе, сообщают источники, центурий было восемьдесят, в остальных четырех по двадцать или тридцать в каждом. Нововведения коснулись и конницы. Если раньше центурии всадников состояли только из молодых патрициев, то Сервий набрал определенное количество наиболее богатых плебеев, которые сражались верхом, и сформировал из них двенадцать центурий.

Но нельзя было провести реформирование армии, не внося изменений в политический строй. Плебеи понимали, что они постепенно приобретают вес в государстве: у них было оружие, начальники и дисциплина; у каждой центурии был свой центурион и свое священное знамя. Эта военная организация действовала на постоянной основе и в мирное время не распускалась. Правда, по возвращении из похода воины покидали ряды, поскольку закон запрещал строем входить в город. Но по первому сигналу граждане с оружием в руках отправлялись на Марсово поле, где каждый находил свою центурию, своего центуриона и свое знамя. Однажды спустя двадцать пять лет после правления Сервия Туллия созвали войско, но не для выхода в поход. Когда войско собралось и все заняли свои места в центуриях во главе с центурионом и со знаменем в середине, слово взял магистрат. Он зачитал законы и предложил голосовать.

Первыми отдали свои голоса шесть патрицианских центурий и двенадцать центурий плебейских всадников; за ними пехотные центурии первого класса, а затем остальные. Таким образом, в скором времени были созданы центуриатные комиции, где каждый воин имел право голоса и почти не было разницы между плебеем и патрицием.

В результате этих реформ произошли серьезные изменения в государственном строе Рима. Патриции с их наследственным культом, их куриями и их сенатом остались, но плебеи уже начали привыкать к независимости, они накапливали богатство, служили в армии и имели религию. Плебеи постепенно набирали силу.

Патриции отомстили за себя. Сначала они убили Сервия Туллия, позже изгнали Луция Тарквиния. Победа над царской властью была победой над плебеями.

Патриции попытались отнять у плебеев все, чего им удалось добиться при царях. Первым делом у них отобрали земли, которые раздал им Сервий Туллий, и следует отметить, что единственная причина, по которой патриции решили обобрать новых владельцев земли, заключалась в том, что они были плебеями¹.

Патриции возродили древний закон, согласно которому право собственности основывалось только на наследственной религии, не позволявший человеку, не имевшему религии и предков, использовать право на землю.

Плебеи лишились и законов, которые для них издал Сервий Туллий. Патриции не уничтожили систему деления на классы и центуриатные комиции только потому, что, во-первых, было непозволительно дезорганизовывать армию в военное время, а во-вторых, они сумели обставить комиции такими формальностями, что спокойно могли управлять выборами. Они не осмелились отобрать у плебеев звание граждан и учли их при переписи населения. Но совершенно ясно, что, разрешив плебеям входить в состав города, они не оставили им ни политических прав, ни религии, ни законов. Осталось только название, но фактически плебеи были исключены из города.

Однако не стоит огульно обвинять патрициев и полагать, что они спокойно обдумывали план, нацеленный на

¹ *Луций Кассий Гемина. Анналы. Кн. II. (Примеч. авт.)*

угнетение и уничтожение плебеев. Патриций, происходивший из священной семьи и чувствовавший себя наследником культа, не представлял другой социальной системы, кроме той, которая была установлена правилами древней религии. По его мнению, составной частью любого общества был род со своим культом, своим наследственным главой, своей клиентелой. Для него гражданская община не могла быть ничем иным, кроме как собранием родоначальников. Ему и в голову не приходило, что может существовать другая политическая система, кроме той, что опирается на культ, или другие магистраты, кроме тех, кто совершают общественные жертвоприношения, или другие законы, кроме тех священных формул, которые предписаны религией. Бессмысленно было убеждать патриция, что у плебеев с некоторых пор есть религия и они совершают жертвоприношения ларам перекрестков. На это он бы ответил, что религия плебеев не имеет отличительного признака истинной религии, она не наследственная, их очаги не являются древними очагами, а лары — их настоящими предками. Он бы еще добавил, что плебеи, создавая свой культ, сделали то, на что не имели никакого права, что, создавая культ, они нарушили религиозные принципы, что они позаимствовали только внешнюю форму, отбросив самое существенное — наследственность культа, а в итоге их представление о религии не имеет ничего общего с религией.

Патриций упорно настаивал на том, что людьми должна управлять только наследственная религия, а раз у плебеев нет религии, то непонятно, как ими управлять. Он не понимал, как осуществлять власть над этим классом. К ним нельзя было применять священный закон; правосудие было священной областью, запретной для плебеев. Пока были цари, они брали на себя обязанность управлять плебеями, и делали это в соответствии с определенными правилами, не имевшими ничего общего с правилами древней религии; эти правила им диктовали необходимость или общественный интерес. Но переворот положил конец царской власти, власть узурпировала религия, в результате весь плебейский класс оказался вне социальных законов.

Патриции установили форму правления в соответствии со своими принципами, но они и не думали создавать то же самое для плебеев. У патрициев не хватило решимости

изгнать плебеев из Рима, но они не нашли способа сформировать из плебеев надлежащее общество. Мы находим в Риме тысячи семей, на которых не распространялись законы, которые не могли занимать государственные должности; эти семьи оказались вне государственного строя. Появился могущественный, организованный, величественный город, то есть общество патрициев с оставшимися на тот момент клиентами, а рядом жило множество плебеев, которые не были народом, *populos*, и не составляли единое целое. Консулы, главы патрицианского города, поддерживали порядок; плебеи повиновались; слабые, как правило, бедные, они подчинились власти патрицианского сословия.

Вопрос, от которого зависело будущее Рима, заключался в следующем: как плебеи могли сформировать нормальное общество?

Патриции, находившиеся во власти жестких принципов своей религии, видели только одно средство решить эту проблему, а именно принять плебеев, в качестве клиентов, в священный родовой строй. Похоже, что была предпринята одна попытка в этом направлении. Вопрос о долгах, волновавший в тот период Рим, можно объяснить только в том случае, если мы увидим в нем более важный вопрос — о клиентеле и рабовладении.

Римские плебеи, у которых отняли земли, лишились средств существования. Патриции рассчитывали, что, пожертвовав небольшим количеством денег, они смогут поставить этот обедневший класс в полную зависимость от себя. Плебей занимал. Делая заем, он отдавал себя кредитору, проще говоря, продавал себя. Эта продажа совершалась, как и сделка, *per aes et libram*, то есть с соблюдением торжественных формальностей при передаче человеку права собственности на какую-нибудь вещь. Плебеи, правда, принимали меры предосторожности, чтобы не попасть в рабство. В основанном на доверии договоре они оговаривали право сохранять положение свободного гражданина до дня возврата долга, а в день выплаты долга освобождаться от всякой зависимости. Но если в назначенный день должник не погасил долг, то договор терял силу. Плебей попадал в полное распоряжение кредитора, который приводил его к себе домой и делал из него клиента или слугу. Кредитор не считал, что поступает жестоко по отношению

к должнику; идеальным обществом, по его мнению, был родовой строй, и все способы, которые позволяют ввести в это общество человека, являются правильными и законными. Если бы патрициям удалось осуществить этот план, то в скором времени плебеи исчезли, и римская община стала союзом патрицианских родов, которые бы поделили между собой огромное количество клиентов.

Оковы клиентелы внушали плебеям ужас. Плебей отчаянно отбивался от патриция, когда тот, вооруженный долговым обязательством, хотел сделать из него клиента. Клиентела была для плебея равносильна рабству, а дом патриция казался ему тюрьмой — *ergastulum*¹.

Неоднократно плебеи, попавшие в руки патрициев, зывали к собратьям, выкрикивая, что они свободные люди, и показывая следы от ран, полученных при защите Рима. План патрициев только взбудоражил плебеев. Они чувствовали опасность и изо всех сил стремились выйти из того неприятного положения, в котором оказались после падения царской власти. Плебеи хотели иметь законы и права.

Но, по-видимому, вначале они не стремились пользоваться законами и правами патрициев. Возможно, они, как и патриции, считали, что между их классами не может быть ничего общего. Никто и не помышлял о гражданском и политическом равенстве. Плебеям, точно так же, как и патрициям, никогда не приходила в голову мысль о возможности подняться до уровня патрициев. Они были далеки от того, чтобы требовать равенства прав и законов; поначалу они, похоже, отдавали предпочтение полной разобщенности двух классов. В Риме они не видели возможности улучшить свое положение; они видели единственный способ изменить ситуацию — уйти из Рима.

Из слов, которые вкладывает в уста плебеев древний историк Дионисий Галикарнасский, становится ясно, какими они руководствовались соображениями: «Так как патриции единолично желают владеть городом, то пусть пользуются им как хотят. Для нас Рим — ничто. У нас нет ни очагов, ни жертвоприношений, ни отечества. Мы покидаем чужой город; никакая наследственная религия не связывает нас с

¹ Эргастул (*ergastulum*) — в Древнем Риме частная тюрьма для рабов.

этим местом. Нам подойдет любая страна; там, где мы найдем свободу, будет наше отечество». И плебеи ушли из Рима и поселились на Священной горе, вне пределов *ager Romanus*.

Уход плебеев вызвал бурю в сенате; мнения разделились. Одни патриции открыто заявили, что уход плебеев их нисколько не огорчает. Отныне патриции останутся в Риме только со своими клиентами, по-прежнему преданными им. Риму придется отказаться от будущего величия, зато патриции будут единолично владеть городом. Им больше не придется заниматься плебеями, к которым неприменимы общепринятые правила управления и которые доставляют одни неудобства. Возможно, их надо было изгнать вместе с царями, но раз они сами решили уйти, то не стоит противиться их решению, а надо только радоваться.

Группа сенаторов, менее преданных древним законам, те, которые думали о величии Рима, были огорчены уходом плебеев. Рим терял половину своих воинов. Что станет с городом, окруженным со всех сторон врагами — латинами, сабинянами и этрусками? Плебеи хорошие воины: почему бы не использовать их в интересах города? Эти сенаторы хотели ценой ряда уступок, всех последствий которых они, возможно, не могли предположить, вернуть в город тысячи людей, боевой состав легионов.

По прошествии нескольких месяцев плебеи поняли, что не могут жить на Священной горе. Они обеспечивали себя всем самым необходимым для существования, но у них отсутствовало то, что требовалось для создания организованного общества. Они не могли основать город, поскольку у них не было жреца, который мог совершить религиозные церемонии, необходимые при основании города. Они не могли избрать магистратов, поскольку у них не было пританея с вечным огнем, где магистрат мог совершать жертвоприношения. Они не могли найти основания для своих социальных законов, поскольку единственные законы, которые им были известны, вытекали из патрицианской религии. Одним словом, у плебеев не было никаких составляющих, необходимых для основания города. Они поняли, что, став независимыми, они не стали от этого более счастливыми; они осознали, что здесь,

как и в Риме, им не удастся образовать нормальное общество и решить столь важную для них проблему. Они ничего не выиграли оттого, что покинули Рим, и, обособившись на Священной горе, не смогли найти тех законов и прав, к которым так стремились.

Выяснилось, что патриции и плебеи, не имея почти ничего общего, не могли тем не менее жить друг без друга. Они встретились и заключили договор. Похоже, этот договор был заключен на тех же условиях, что договоры, заключавшиеся по окончании войны между народами. И в самом деле, патриции и плебеи не были ни одним народом, ни членами одной общины. Согласно этому договору патриции не согласились предоставить плебеям право принимать участие в религиозной и политической жизни города, но плебеи, похоже, этого и не добивались. Просто было принято решение, что в будущем плебеи, организовав некое подобие правового общества, будут выбирать вождей из своей среды. Так зародился плебейский трибунал, новый институт, абсолютно не похожий ни на один институт, ранее известный городу.

По своей природе власть трибуна отличалась от власти магистрата: она не вытекала из культа города. Трибун не совершал религиозных обрядов. Он избирался без ауспий, и для его назначения не требовалось согласия богов. У трибуна не было ни курульного кресла, ни тоги с пурпурной каймой, ни венка, ни каких-либо других знаков отличия, по которым в древних городах отличали магистратов и жрецов. Трибунов никогда не причисляли к римским магистратам. Какова же природа и принцип власти трибуна? Нам придется отбросить современные понятия и привычки и перенестись в древние времена, чтобы попытаться понять, чем руководствовались эти люди, создавая институт трибунов. До этого времени люди относились к политической власти всего лишь как к придатку жречества. Когда они захотели установить власть, не связанную с культом, и избрать вождей, которые не были жрецами, они были вынуждены прибегнуть к определенному ухищрению. В день, когда состоялось избрание и назначение первых трибунов, они совершили необычную религиозную церемонию. Историки не описывают обряды этой церемонии, а только сообщают, что

в результате трибуны были объявлены *sacrosancti* — священными¹.

С этого момента трибуны попадали в число тех людей, к которым религия запрещала прикасаться. С этого момента никто не мог толкнуть трибуна, не нарушив тем самым закона и не осквернив себя нечестием. Согласно Плутарху, если какой-нибудь благочестивый римлянин, патриций, сталкивался в общественном месте с трибуном, то по возвращении домой должен был очиститься, «словно его тело было осквернено от одного прикосновения». Этот священный характер сохранялся за трибунами на все время пребывания в должности и передавался ими вновь избранным преемникам совершенно так же, как консулы передавали вновь избранным консулам ауспиции и право совершать священные обряды. В 449 году, после того как трибуна́т на два года прекратил свое существование, для избрания новых трибунов потребовалось возобновить религиозную церемонию, которую совершили на Священной горе.

Мы не можем достаточно глубоко проникнуть в мысли древних, чтобы сказать, вызывала ли эта сакральная традиция у патрициев почтение к личности трибуна или, напротив, внушала ужас. Более вероятно второе предположение. Однако с уверенностью можно сказать, что трибун являлся неприкосновенной личностью, и считалось, что патриций, дотронувшийся до трибуна, совершил акт крайней непочтительности.

Неприкосновенность гарантировалась законом, который гласил, что никто не может совершать насилия над трибуном, его нельзя ни ударить, ни убить; тот, кто совер-

¹ «Священными законами являются те, в которых установлено, что если кто-нибудь что-нибудь против них сделает, то посвящается (*sacer*) кому-нибудь из богов, так же как и его имущество. Есть и такие, которые говорят, что священными являются законы, установленные на Священной горе». Эти законы связаны с сакральной санкцией *sacer esto*: «да будет посвящен в жертву богам». Эта формула означала посвящение нарушителя закона кому-либо из богов и передачу его имущества в храм Цереры. По отношению к человеку формула *sacer esto* означала его сакральную неприкосновенность: «*Sacrosanctus* говорит оттого, что, когда дается религиозная клятва (*iusiurandum*), установлено, что если кто-либо ее нарушит, то должен быть подвергнут наказанию смертью». *Черкашин В.И.* Архаический пласт древнегреческой и древнеримской религиозной протопублицистики.

шит одно из этих действий в отношении трибуна, осквернит себя и его имущество перейдет в собственность храма Цереры, и его можно безнаказанно убить. Закон заканчивался словами, неясный смысл которых способствовал успешному развитию трибуна́та: «Ни магистрат, ни частное лицо не имеют права совершить что-нибудь против трибуна». Все граждане поклялись всегда соблюдать этот закон, призвав богов обрушить свой гнев на их головы, если они нарушат его, а кто окажется виновным в посягательстве на трибуна, тот «будет запятнан величайшим нечестием».

Если с плебеем плохо обошелся консул, приговорив его к тюремному заключению, или кредитор, забравший его в свой дом, появлялся трибун, вставал между плебеем и патрицием и протягивал руку в направлении патриция (*intercessio*). Кто бы посмел совершить что-либо против трибуна?

Но эта исключительная власть действовала только в его личном присутствии; если его не было рядом, с плебеями можно было обращаться как угодно. Трибун не имел никакой власти над местом, куда не могли дотянуться его руки, не могли добраться его взгляды и речи.

Патриции не дали плебеям права, они только согласились на то, чтобы некоторые из них, то есть трибуны, обладали правом неприкосновенности. Однако уже этого было достаточно, чтобы в какой-то мере обезопасить остальных. Трибун был своего рода живым алтарем, у которого искали защиты.

Трибуны, естественно, стали вождями плебеев и получили право вершить суд. На самом деле трибун не имел права призывать на свой суд даже плебеев, но мог схватить человека, а попав к нему в руки, человек обязан был повинаться. Достаточно было просто находиться в пределах слышимости голоса трибуна; его нельзя было ослушаться; любой был обязан подчиниться ему, будь то патриций или консул.

Трибун не имел политической власти. Не будучи магистратом, не мог созывать куриатные или центуриатные комиции. Он не мог вносить предложения в сенат, вначале даже не предполагалось, что он может туда являться. У него не было ничего общего с настоящей гражданской общи-

ной, то есть с гражданской общиной патрициев, где за ним не признавалось никакой власти. Он не был трибуном народа, он был трибуном плебеев.

В Риме по-прежнему было два общества — гражданская община и плебеи; первая — организованная, имеющая свои законы, магистратов и сенат, вторая — многочисленная, без прав и законов, но нашедшая в своих неприкосновенных трибунах защитников и судей.

В последующие годы мы видим, как трибуны набираются храбрости и присваивают права, которыми их не наделяли. У них не было права созывать народные собрания, а они их созывали. Их не приглашали в сенат, а они являлись: сначала сидели у дверей, а потом проходили внутрь зала заседаний. Никто не давал им права судить патрициев, а они судили и выносили приговор. И все это в результате неприкосновенности, которой они обладали как священные личности. Патриции обезоружили себя в тот день, когда, совершив торжественные обряды, объявили, что тот, кто прикоснется к трибуну, осквернит себя. Закон гласил, что никто не может ничего совершить против трибуна. Следовательно, если трибун созывал плебеев и плебеи собирались, то никто не мог распустить это собрание. Если трибун являлся в сенат, никто не мог заставить его удалиться. Если он хватал консула, никто не мог вырвать консула из его рук. Никто не имел власти над трибуном, кроме другого трибуна.

Как только у плебеев появились свои вожди, они тут же стали собирать совещательные собрания. У этих собраний не было ничего общего с собраниями, которые проводили патриции. Плебеи в своих комициях распределялись по трибам; место жительства, а не религия или имущественное положение, определяло место каждого члена собрания. Собрание не начиналось с жертвоприношения; религия не принималась в расчет. Они ничего не знали об ауспациях, и мнение авгура или понтифика не могло заставить людей покинуть собрание. Это были плебейские комиции, и в них не было и следа от древних правил и патрицианской религии.

Правда, поначалу эти собрания не занимались решением общегородских вопросов; они не назначали магистратов и не принимали законы. Они обсуждали только вопросы,

касающиеся плебеев, назначали своих вождей и проводили плебисциты. В Риме долгое время издавалось два вида постановлений: *senatusconsulta* — постановления, принятые сенатом для патрициев, и плебисциты — решения, принятые на плебейских собраниях для плебеев. Плебеи не подчинялись постановлениям, принятым сенатом, а патриции не подчинялись плебисцитам. В Риме было два народа.

У этих двух народов, живших вместе в одном городе, по-прежнему не было почти ничего общего. Плебей не мог стать консулом, патриций — плебейским трибуном. Плебей не принимал участия в собраниях по куриям, патриций — в собраниях триб.

Эти два народа даже не понимали друг друга, не имея, как говорится, общих точек соприкосновения. Если патриций говорил от имени религии и законов, то плебей отвечал, что не знает этой наследственной религии и законов, вытекающих из нее. Если патриций ссылался на древний обычай, то плебей ссылался на законы природы. Они упрекали друг друга в несправедливости; каждый был прав с точки зрения собственных принципов и не прав с точки зрения принципов и верований другого. Собрания по куриям и собрания *patres* вызывали у плебеев стойкое отвращение. Собрания триб, с точки зрения патриция, были незаконными сборищами, осуждаемыми религией. В консульстве плебей видел деспотичную власть; трибунал, по мнению патриция, был чем-то нечестивым, противоречащим всем принципам, он не понимал, как это может вождь не быть жрецом, да еще выбранный без ауспаций. Трибунал нарушил священный порядок города; он был таким же разрушителем, как ересь в религии. «Боги будут против нас, — заявил один патриций, — пока в нашей среде будет эта язва, которая разъедает нас и все глубже проникает в наше общество». На протяжении века история Рима заполнена разногласиями между этими двумя народами, которые, казалось, говорили на разных языках. Патриции упорно не допускали плебеев до участия в политической жизни, плебеи создавали свои институты. Двойственность римского населения с каждым днем становилась все более очевидной.

Однако все-таки было то, что связывало два этих народа; этим связующим звеном была война. Патриции боялись

лишиться воинов. Они оставили плебеям звание граждан, исключительно для того, чтобы зачислять их в легионы. Кроме того, они позаботились о том, чтобы неприкосновенность трибунов не распространялась на них за пределами Рима, и приняли решение, согласно которому трибуны не могли покидать город — их власть была ограничена городской чертой Рима. Таким образом, в войске не было двоевластия; перед лицом врага Рим становился единым.

Затем, благодаря появившемуся после изгнания царей обычаю созывать войско для обсуждения общественных проблем и для избрания магистратов, проводились смешанные собрания, на которых присутствовали патриции и плебеи. Эти центуриатные комиции приобретали все большее значение и вскоре стали называться большими комициями. Действительно, в сложившейся ситуации противоборства куриатных и трибных собраний было вполне естественным, чтобы центуриатные комиции стали своего рода нейтральной территорией, на которой обсуждались общие проблемы.

Плебей не обязательно был бедным. Зачастую он был выходцем из семьи, происходившей из другого города, где она была богатой и влиятельной. Оказавшись в Риме, семья не лишилась богатства и того чувства собственного достоинства, которое свойственно богатым людям. Иногда, особенно в царское время, плебей мог стать богатым благодаря собственному труду. Когда Сервий Туллий разделил все население на классы согласно имущественному положению, некоторые плебеи вошли в первый класс. Патриции не решились, или не смогли, отменить это деление на классы. Таким образом, были плебеи, которые сражались бок о бок с патрициями в первых рядах легиона и голосовали наравне с патрициями в первых центуриях.

Этот класс, богатый, высокомерный и вместе с тем осторожный, которого не радовали беспорядки, скорее он их опасался, который многое терял с падением Рима и мог извлечь большую пользу, если Рим процветал, был естественным посредником между двумя враждующими классами.

Плебеи, похоже, ничего не имели против установления имущественных различий в своей среде. Спустя тридцать шесть лет после создания трибуна количество трибунов увеличилось до десяти, чтобы в каждом классе было по два

трибуна. Плебеи признали деление Сервия и стремились сохранить его. Даже беднейшая часть плебеев, которая не входила в состав классов, не выражала протеста; они оставили привилегии богатым и не требовали, чтобы из их среды выбирали трибунов.

Что касается патрициев, то их мало беспокоило то влияние, которое приобретало богатство, поскольку они сами были богаты. Римские патриции, более здравомыслящие и удачливые, чем афинские эвпатриды, уничтоженные в тот день, когда управление перешло в руки богатых, никогда не относились с пренебрежением ни к земледелию, ни к торговле, ни к ремеслам. Они неустанно заботились об увеличении своего состояния. Трудолюбие, бережливость и расчетливость всегда входили в число их достоинств. Кроме того, каждая победа над врагом, каждое завоевание увеличивали их богатство, поэтому они не видели большой беды в объединении власти с богатством. Привычки и природа римской аристократии не позволяли им испытывать презрение к богатым, даже если это были плебеи. Богатые плебеи сблизилась с ними, жили рядом; между патрициями и богатыми плебеями установились взаимовыгодные и дружеские отношения. Постоянное общение привело к обмену информацией. Плебей объяснял патрицию желания и права своего класса, заставляя патрицию понять плебеев. Постепенно патриций менял свое отношение к плебеям; он уже не был так уверен в собственном превосходстве. Когда аристократия начинает сомневаться в законности своего господства, то у нее либо не хватает смелости, чтобы защищать его, либо она защищает его очень плохо. Как только аристократия утратила веру в свое исключительное положение, можно сказать, что это сословие было наполовину побеждено.

Богатый класс, вышедший из плебейской среды, от которой еще не отделился, оказывал на плебеев влияние несколько иного рода. Богатые плебеи желали усиления римского могущества и объединения двух сословий. Кроме того, они были честолюбивы; они понимали, что при существующем положении у них нет будущего, поскольку они будут навсегда прикованы к низшему классу, в то время как объединение сословий откроет перед ними путь, которому не видно конца. Они изо всех сил старались придать мыслям

и устремлениям плебеев другое направление. Вместо того чтобы упорно пытаться создать свое, отдельное сословие, вместо того чтобы создавать для себя законы, которые никогда не признали бы другие сословия, вместо того чтобы разрабатывать кодекс, который никогда не будет официально принят, они внушали плебейм проникнуть в патрицианскую общину, чтобы пользоваться их законами, институтами и званиями. С этого времени плебеи задумались об объединении сословий на условиях равенства обеих сторон.

Однажды вступив на этот путь, плебеи выступили с требованием издать свод законов. В Риме, как во всех городах, были неизменные святы законы; хранителями этих законов были жрецы. Но эти законы, являвшиеся частью религии, применялись только к членам религиозной общины. Плебей не имел права знать их и, можно предположить, не имел права ссылаться на них. Эти законы существовали только для курий, родов, для патрициев и их клиентов, но не для остальных людей. Они не признавали права собственности за теми, у кого не было *sacra* — священнодействий, жертвоприношений, они не предоставляли правосудия тем, у кого не было патронов. Вот этот исключительно религиозный характер законов плебей и хотели упразднить. Они потребовали не только изложить законы в письменной форме и обнародовать, но и чтобы эти законы были в равной степени применимы как к патрициям, так и к плебейм.

Похоже, что сначала трибуны хотели, чтобы эти законы были составлены плебейми. Патриции ответили, что трибуны, очевидно, не знают, что такое закон, иначе они не стали бы выдвигать подобное требование. «Совершенно невозможно, — сказали они, — чтобы плебеи составляли законы. Вы, у которых нет ауспий, кто не совершает никаких религиозных актов, что есть у вас общего со священными плебеями, среди которых числятся законы?» Приязания плебеев показали патрициям невыносимыми. В древних летописях, которые изучали Тит Ливий и Дионисий Галикарнасский, упоминается о появлении в этот период истории ужасных предзнаменований — огненном небе, летающих по воздуху привидениях, кровавом дожде. Намерение плебеев создавать законы было самым что ни на есть дурным предзнаменованием. Восемь лет республика

пребывала в напряженном ожидании, наблюдая за двумя этими классами, каждый из которых удивлялся настойчивости другого. Затем трибуны предложили компромисс. «Раз вы не хотите, чтобы плебеи писали законы, — сказали они, — давайте выберем законодателей от каждого класса». Они считали, что идут на большую уступку, но согласно строгим правилам патрицианской религии этого было слишком мало. Сенат ответил, что ни в коем случае не противится изданию свода законов, но он может быть составлен только патрициями. В конечном итоге был найден способ примирить интересы плебеев с требованиями религии, на которые ссылались патриции. Было решено, что все законодатели будут из патрициев, но, прежде чем свод законов будет обнародован и войдет в силу, он будет представлен на рассмотрение и одобрение всех классов.

Сейчас не время анализировать свод законов децемвиров. Следует только заметить, что труд законодателей, предварительно представленный на форуме, обсуждался всеми гражданами, а затем был принят центуриатной комицией, то есть собранием, в котором принимали участие оба сословия. Закон, принятый всеми классами, с тех пор применялся ко всем. В том, что сохранилось от этого свода законов, мы не находим ни единого слова, которое бы указывало на неравенство между плебейми и патрициями, ни в праве на собственность, ни в договорах и обязательствах, ни в судопроизводстве. С этого времени плебей предстал перед тем же судом, что и патриций, вел дела в суде, как патриций, и на него распространялись те же законы, что и на патриция. Не могло быть более радикального переворота, чем этот; все изменилось в Риме — повседневные привычки, нравы, отношения между людьми, понятие о собственном достоинстве, правовые нормы.

Требовалось составить еще несколько законов. Для их составления назначили новых децемвиров; среди них было три плебея. И вот после того, как было столь решительно заявлено, что только класс патрициев имеет право создавать законы, события развивались столь стремительно, что уже через год среди законодателей оказались плебеи.

Наблюдалось явное стремление к равенству. Общество катилось по наклонной плоскости и уже не могло остановиться. Появилась необходимость создать закон, запреща-

ющий браки между сословиями, — верное доказательство того, что религия и нравы были уже не в силах воспрепятствовать подобным союзам. Но этот закон, вызвавший всеобщее неодобрение, тут же пришлось отменить. Правда, некоторые патриции, ссылаясь на религию, продолжали упорствовать. «Наша кровь осквернится, наследственный культ каждой семьи будет уничтожен; никто не будет знать своего происхождения, какие должен совершать жертвоприношения; это приведет к уничтожению всех институтов, человеческих и божественных». Плебеи не принимали в расчет эти доводы, они казались им простыми придирками, не заслуживающими внимания. Обсуждать догматы веры с людьми, у которых не было религии, пустая трата времени. К тому же трибуны весьма справедливо заметили: «Если ваша религия действительно столь влиятельна, то зачем вам этот закон? От него никакой пользы, уничтожьте его, и сможете, как и раньше, не вступать в союз с плебеями». И закон отменили.

Сразу участились браки между двумя сословиями. Богатые плебеи были нарасхват; достаточно привести в пример Лициниев, которые вступили в родственный союз с тремя патрицианскими родами, Фабиями, Корнелиями и Манлиями¹.

Стало ясно, что закон был единственной преградой, разделявшей два сословия. С этого времени кровь патрициев смешивается с кровью плебеев.

Самое трудное было сделано, как только удалось завоевать равенство в частной жизни, и казалось естественным, что должно быть равенство и в политической жизни. Плебеи задались вопросом, почему для них закрыт доступ к должности консула; они не видели причины, почему им отказывают в ней.

Однако причина была, и достаточно серьезная. Консулы обладали не только высшей гражданской и политической властью, но и выполняли обязанности жрецов. Для того чтобы стать консулом, было недостаточно представить свидетельства своих способностей, храбрости, честности; консул должен был уметь совершать обряды обще-

¹ Тут Ливий. История Рима от основания города. Кн. VI, 34, 39. (Примеч. авт.)

ственного культа. Требовалось самым тщательным образом соблюдать обряды, чтобы удовлетворить богов. Только патриции обладали священными качествами, дававшими им право произносить молитвы и призывать на город покровительство богов. Плебей не имел ничего общего с культом, поэтому религия запрещала ему быть консулом — *nefas plebeium consulem fieri* (нечестиво делать плебея консулом).

Можно представить себе удивление и негодование патрициев, когда плебеи впервые высказали притязания на консульскую должность. Казалось, самой религии угрожает опасность. Аристократия предприняла немало усилий, чтобы объяснить плебеям, какое важное значение имеет религия для города, что она основала город, что религия руководила всеми общественными действиями, управляла совещательными собраниями, предоставила республике магистратов. Кроме того, эта религия, согласно древнему обычаю (*more majorum* — по обычаю предков), была родовым наследием патрициев, только они знали и могли совершать религиозные обряды, и, наконец, что боги не примут жертвоприношений от плебеев. Наконец, предложение избирать консулов из плебеев равносильно желанию уничтожить религию города. С этого времени культ будет осквернен, и город не будет жить в мире со своими богами¹.

¹ «По птицегаданию основан этот город, без птицегадания ничто не обходится в войне и при мире, дома и в походе — кто этого не знает? Кто же по заветам предков вершит птицегадания? Конечно патриции, ибо для плебейских должностей нет птицегадания при выборах. Птицегадания настолько неотторжимы от нас, что не только выборы на любую патрицианскую должность никогда без них народом не вершатся, но и мы сами, без народного голосования, назначаем интеррекса только по птицегаданию; даже частными гражданами мы совершаем птицегадания, которых плебеи не совершают даже и на своих должностях! Так чего же хочет тот, кто, учреждая плебейских консулов, отнимает у патрициев это право совершать птицегадания? Только полного их уничтожения! Пускай они теперь насмеются над священнодействиями: что, мол, с того, если куры не клюют, если позже вылетят из клетки, если птица дурно закричит — это пустяки! Но предки наши, не пренебрегая этими пустяками, сделали это государство великим. А мы теперь, как будто нам нужды нет ладить с богами, оскверняем все обряды. Что ж, давайте из толпы избирать и понтификов, и авгуров, и царей-жрецов; возложим на первого попавшегося фламинскую шапку, лишь бы это был человек; передадим и священные щиты, и святилища богов, и заботу о богах тем, для кого все это запретно». Тут Ливий. История Рима от основания города. Кн. VI, 41. (Примеч. авт.) (Пер. Н.Н. Казанского.)

Патриции использовали все свое влияние и ловкость, чтобы не позволить плебеям занять должности магистратов. Они защищали одновременно свою религию и свою власть. Как только они поняли, что плебеи все-таки могут занять должности консулов, они отделили от нее самую главную религиозную обязанность консула, состоявшую в совершении обряда очищения граждан; так появилась должность цензора. Когда патриции поняли, что больше не могут сопротивляться домогательствам плебеев, они заменили консулов военными трибунами. Плебеи проявили невиданное терпение; они тридцать пять лет ждали исполнения своего желания. Очевидно, они с меньшим пылом добивались высших государственных должностей, чем продемонстрировали в борьбе за трибунат и свод законов.

Но если плебеи не испытывали особого интереса к этим вопросам, то плебейская аристократия была весьма честолюбива. Тит Ливий сохранил для нас историю, относящуюся к этому периоду. «У Марка Фабия Амбуста, мужа влиятельного как в своем кругу, так и в простом народе, ценившего его за то, что он не презирал плебеев, были две дочери, старшая замужем за Сервием Сульпицием, младшая — за Гаем Лицинием Столоном, человеком хотя и знаменитым, но из плебеев. И уже то, что Фабий не гнушался такого родства, снискало ему расположение простого народа. Случилось как-то, что сестры Фабии сидели в доме Сервия Сульпиция, в то время военного трибуна, и, как обычно, проводили время в разговорах, когда Сульпиций возвратился с форума домой и его ликтор, согласно обычаю, постучал фасками¹ в дверь. Непривычная к этому, младшая Фабия испугалась, насмешив старшую, которая удивилась, что сестра не знает

¹ Ф а с ц и и (иначе фаски, фасцы, или ликторские пучки) — атрибут власти царей, в эпоху Римской империи — высших магистратов. Перетянутые красным шнуром либо связанные ремнями пучки вязовых или березовых прутьев. Первоначально символизировали право магистрата добиваться исполнения своих решений силой. Вне пределов города в фасции втыкался топор (часто секира), символизировавшие право магистрата казнить и миловать подданных. Право ношения фасций закреплялось за ликторами. Бенито Муссолини, ведомый идеей восстановления Римской империи, избрал после Первой мировой войны фасции символом своей партии, отсюда ее название — фашистская. Символ ликторской фасции используется на эмблеме Федеральной службы исполнения наказаний РФ.

такого обычая. Этот-то смех и уколел женскую душу, по-датливую для мелочей. Толпа поспешающих следом и спрашивающих, «не угодно ли», показала ей счастье сестрина брака и заставила стыдиться собственной доли, ибо ложному нашему тщеславию претит малейшее превосходство даже в ближних. Когда она, только что уязвленная в самое сердце, расстроенная, попала на глаза отцу и тот стал расспрашивать: «Здорова ли?» — она хотела скрыть причину печали, не слишком согласную с сестринским долгом и почтением к мужу. Но отец ласковыми расспросами добился, чтобы она призналась: причина ее печали в том, что соединена она с неровней и отдана замуж в дом, куда не войдут ни почет, ни угождение. Утешая дочь, Амбуст приказал ей быть веселее: скоро и она в своем доме увидит такие же почести, какие видит у сестры. Тут он начал совещаться с зятем при участии Луция Секстия, юноши решительного, которому для исполнения надежд недоставало одного — быть патрицианского рода. Повод для задуманных новшеств был очевиден — огромное бремя долгов: только поставив своих людей у кормила власти, плебеи могли бы надеяться облегчить это зло. К осуществлению этой мысли и надо готовиться; ведь плебеи, дерзая и действуя, уже стали на ту ступень, откуда — стоит только приналечь — они могут достичь самых вершин и сравняться с патрициями как в почестях, так и в доблестях. В настоящее время решили они стать народными трибунами, а с этой должности они сами откроют себе путь ко всем другим»¹.

На основании этой истории можно сделать два вывода. Во-первых, плебейская аристократия, живя вместе с патрициями, прониклась их честолюбием и стремилась к таким же почестям. Во-вторых, были патриции, которые поощряли и возбуждали честолюбие этой новой аристократии, связанной с ними самыми тесными узами.

По-видимому, Лициний и Секстий не рассчитывали, что плебеи станут усиленно добиваться для них консульских должностей, поэтому сочли необходимым предложить три закона. «Первый закон — о долгах: чтобы, вычтя из суммы долга то, что начислялось как проценты, остаток погашать

¹ Тит Ливий. История Рима от основания города. Кн. VI, 34, 35. (Примеч. авт.)

равными долями три года. Второй — о земельном ограничении: чтобы никто не имел во владении сверх пятисот югеров поля; третий — чтобы не быть выборам военных трибунов и чтобы, по крайней мере, второй консул избирался из плебеев»¹.

Очевидно, первые два закона были предназначены для того, чтобы расположить к себе плебеев и заставить их активно поддержать и третий закон. Но плебеи проявили недюжинную проницательность. Они поддержали законы о долгах и распределении земли, не уделив внимания закону о консульстве. Лициний объяснил, что эти законы связаны между собой и должны быть или вместе приняты, или вместе отклонены. Плебеи, естественно, предпочли принять все законы, чем все потерять. Но того, что плебеи приняли законы, было недостаточно. В то время требовалось, чтобы сенат созвал большую комицию, а затем утвердил принятое комицией постановление. В течение десяти лет сенат отказывался удовлетворить их требование. В конце концов произошло событие, о котором Тит Ливий упоминает только вскользь: «Начался мятеж в городе, еще грознее войны»; похоже, плебеи взялись за оружие, и на улицах Рима разгорелась гражданская война. «Ожесточенная борьба вынудила диктатора и сенат принять требования народных трибунов. И вот, вопреки знати, проведены были консульские выборы, на которых Луций Секстий первым из плебеев был избран в консулы». С этого времени ежегодно одного из консулов избирали плебеи, и вскоре они добились и других государственных должностей. Плебей носил тогу с широкой пурпурной каймой, его сопровождали ликторы с фасциями.

Он вершил правосудие, был сенатором, управлял городом, командовал легионами.

Оставались еще жреческие должности, и казалось, что их уж точно нельзя отобрать у патрициев, поскольку право возносить молитвы и прикасаться к священным предметам было наследственным. Знание обрядов, как и боги, передавалось по наследству. Подобно тому как домашний культ был наследственным и в нем не мог принимать уча-

¹ Тит Ливий. История Рима от основания города. Кн. VI, 34. (Примеч. авт.)

стие посторонний, так и городской культ принадлежал только тем семьям, которые образовали гражданскую общину. В ранний период истории Рима никому, конечно, не могло прийти в голову, что плебей мог быть верховным жрецом. Но со временем взгляды и представления подверглись изменению. Плебеи, устранив из религии наследственный характер, стали использовать ее в своих интересах. Они создали себе домашних ларов, алтари на перекрестках, очаги триб. Сначала патриции относились с презрением к этой пародии на их религию. Но с течением времени дело приняло серьезный оборот: плебеи пришли к убеждению, что даже в религиозном отношении они ничем не отличаются от патрициев.

Столкнулись два противоборствующих мнения. Патриции упорно настаивали на наследственном жреческом сане и наследственном праве поклоняться божеству. Плебеи, освободив религию и жречество от древнего закона наследственности, утверждали, что каждый человек имеет право произносить молитвы, а поскольку он является гражданином, то имеет право совершать обряды городского культа. Отсюда следует вывод, что плебей может быть жрецом.

Если бы жреческие функции были полностью отделены от управления и политики, плебеи, возможно, не стали бы с таким упорством их добиваться, но жречество, управление, политика — все это было неразрывно связано. Жрец был магистратом, понтифик — судьей, авгур мог распустить народное собрание. Плебеи не могли не понять, что без жречества у них не было реального гражданского и политического равенства, поэтому они требовали разделения жреческих функций между двумя классами, как это было сделано с консульскими должностями.

Трудно было в качестве возражения выдвигать религиозную неспособность плебеев, поскольку уже в течение шестидесяти лет плебейские консулы совершали жертвоприношения, плебейские цензоры — обряд очищения, плебеи-победители — священные обряды триумфа. В качестве магистратов они уже завладели определенными жреческими обязанностями, и трудно было спасти от них остальные. В среде патрициев пошатнулась вера в принцип религиозной наследственности. Тщетно некоторые патри-

ции ссылались на древние правила и говорили: «Культ будет искажен и осквернен презренными людьми. Вы посягаете на самих богов. Берегитесь, как бы их гнев не обрушился на наш город». Но похоже, что эти аргументы не оказывали особого влияния на плебеев и даже на большинство патрициев не производили особого впечатления. Победу одержали плебеи, и было решено, что отныне половина жрецов и авгуров будет избираться из плебеев.

Это было последнее завоевание низшего класса; у него больше не осталась желаний. Патриции утратили даже свое религиозное превосходство. Теперь их ничто не отличало от плебеев; от патрициата осталось только воспоминание. Древний принцип, на котором была основана римская гражданская община, исчез. От древней наследственной религии, которая так долго управляла людьми и создала сословные различия, осталась только внешняя форма. Плебеи боролись против нее в течение четырех столетий — и при царях, и в период республики — и одержали победу.

Глава 8

ИЗМЕНЕНИЯ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ. ЗАКОНЫ ДВЕНАДЦАТИ ТАБЛИЦ. ЗАКОНЫ СОЛОНА

По своей природе законы не могут быть абсолютными и неизменными; они, как любое творение человека, меняются и преобразовываются. У каждого общества свои законы, которые создаются и развиваются вместе с ним и которые, наконец, отражают развитие его институтов, нравов и религиозных верований.

Древние люди находились во власти религии, и чем она была примитивнее, тем большее влияние оказывала на их умы. Эта религия создала их законы и политические институты. Со временем общество видоизменилось. На смену патриархальному строю, созданному этой наследственной религией, пришел строй гражданской общины. Незаметно распался род. Отделились от рода младшие ветви, отделились слуги от господ. Низший класс набрал силу, взялся за оружие, одержал победу над аристократи-

ей и добился равноправия. Перемены в социальном строе неизбежно повлекли за собой изменения в законах; насколько эвпатриды и патриции были преданы древней семейной религии, настолько низшие классы ненавидели эту наследственную религию, которая так долго удерживала их в подчиненном положении, и эти древние законы, с помощью которых аристократия безнаказанно их угнетала. Мало того что они испытывали ненависть к этой религии и созданным ею законам, они еще и не понимали их. У них не было верований, на которых были основаны законы, а потому они казались им бесосновательными. Они сочли эти законы несправедливыми, и их дальнейшее существование стало невозможным.

Если мы мысленно перенесемся в то время, когда многочисленный класс плебеев вошел в состав города, и сравним законы того времени с древними законами, то сразу заметим серьезные изменения. Первое и самое существенное состоит в том, что законы были обнародованы и понятны всем. Это уже не были таинственные священные песнопения, повторяемые с благоговением из века в век, которые записывались только жрецами и знать которые имели право только члены религиозных семей. Законы покинули священные книги, утратили религиозное таинство; их язык стал понятен каждому.

Но нечто еще более важное обнаруживается в этих законах. По своему характеру и принципам, лежащим в их основе, эти законы отличались от древних законов. Древний закон был религиозным постановлением, он считался откровением, данным богами предкам, божественному основателю, священным царям, магистратам-жрецам. В новом своде законов законодатель уже не говорит от имени богов. Римские децемвиры получили власть от народа, и тот же народ наделил Солон правом создать законы. Теперь законодатель выполнял волю народа, а не являлся представителем религиозных традиций. Впредь закон исходил из интересов народа, и основанием для издания закона служило одобрение большинства.

Отсюда напрашиваются два вывода. Во-первых, закон больше не являлся неизменной и неоспоримой формулой, поскольку, став творением человека, мог подвергаться изменениям. Законы Двенадцати таблиц гласят: «Всякий раз

считать правомочной ту волю народа, какую он изъявит последней, а голосование — тоже воля народа»¹.

Из всех сохранившихся до наших дней текстов этих законов приведенный выше отрывок наиболее важен, поскольку лучше всего указывает на характер изменений в законодательстве. Закон больше не был священным обычаем — *mos*, он стал обычным текстом — *lex*, и поскольку был актом волеизъявления народа, то мог по воле народа подвергаться изменениям.

А во-вторых, закон, который прежде был частью религии и, следовательно, наследием священных семей, теперь стал общим достоянием всех граждан. Плебей мог ссылаться на него в суде. Единственное, что римский патриций, более упорный и хитрый, чем афинский эвпатрид, попытался утаить от народа, — это процедура судопроизводства, но даже и это было в скором времени обнаружено.

Итак, изменился характер гражданского права. Теперь оно уже не содержало постановлений предшествующего периода. Пока законами управляла религия, то и отношения между людьми развивались в соответствии с религиозными правилами. Но низший класс ничего не понимал в древних законах, касающихся права на собственность, права наследования, абсолютной власти отца, общего происхождения от одного предка по мужской линии, и хотел покончить с ними раз и навсегда.

Понятно, что такого изменения гражданского права невозможно достигнуть сразу. Если иногда человеку удается сразу изменить политические институты, то законодательство и частное право он может изменять только медленно и постепенно. Это доказывает история как римского, так и афинского права.

Как мы уже говорили, Законы Двенадцати таблиц создавались в период социальных преобразований; их создавали патриции, но по требованию плебеев. Таким образом, это законодательство уже не было древним римским правом, но в то же время не являлось еще и преторским правом. Это был промежуточный вариант.

¹ *Тит Ливий*. История Рима от основания города. Кн. VII, 17. (Пер. Н.В. Брагинской.)

Этот свод законов сохранил некоторые пункты древнего права. Во-первых, относительно власти отца. Он оставил за отцом право судить сына, осуждать сына на смерть и продавать его. При жизни отца сын не мог достичь совершеннолетия. Во-вторых, относительно права наследования. «Если кто-нибудь, у кого нет подвластных ему лиц, умрет, не оставив распоряжений о наследнике, то пусть его хозяйство возьмет себе (его) ближайший агнат. Если (у умершего) нет агнатов, пусть (оставшееся после него) хозяйство возьмут (его) сородичи».

Что касается когнатов, то есть родственников по женской линии, это законодательство их еще не признает; они не наследуют друг другу, ни мать не наследует детям, ни дети — матери.

В-третьих, относительно эмансипации (выхода из-под родительской опеки) и усыновления. Отделившийся сын не принимает участия в семейном культе и, как следствие, теряет право на наследование. Все, что касается усыновления, осталось без изменений.

Теперь рассмотрим пункты, не совпадающие с древним правом.

Во-первых, признается право возбуждать иск о разделе наследства (*actio familiae erciscundae*) после смерти отца семейства.

Во-вторых, отец может продать сына, но не более трех раз. Закон гласит: «Если отец трижды продаст сына, то пусть сын будет свободен (от власти) отца». Это первый удар, нанесенный римским законодательством по отцовской власти.

Одно из наиболее существенных изменений относится к праву передачи собственности согласно собственной воле. До этого времени наследником, прямым и очевидным, являлся сын; в отсутствие сына ближайший агнат; в отсутствие агната собственность передавалась в род (отголосок времен, когда род, представлявший собой единое целое, был единственным собственником владения). Законы Двенадцати таблиц отказались от этого устаревшего закона; они рассматривали собственность как принадлежность отдельного человека, а не рода, а потому признавали за человеком право распоряжаться собственностью по своему желанию.

Не следует думать, что в древнем законе ничего не говорилось о завещании. Человек уже в то время мог выбрать наследника, не являвшегося членом его рода, но при условии, что собрание курий утверждало его выбор. Новое законодательство освобождает завещание от этого обременительного правила и придает ему более удобную форму, а именно форму фиктивной (мнимой) продажи. Человек делал вид, что продает свою собственность тому, кого выбрал наследником; в этом случае у него не было необходимости обращаться в народное собрание.

Такая форма завещания была доступна и плебеям. Плебеи, не имевшие ничего общего с куриями, до этого времени были лишены возможности составлять завещание. Теперь, пользуясь процессом фиктивной продажи, они получили возможность распоряжаться своей собственностью. Но самым примечательным в истории римского законодательства этого периода является то, что в результате введения новых процессуальных форм действие законов распространилось на низшие классы. Правила и формальности, предписанные древним законом, по-прежнему применялись только к религиозным семьям, но появились новые правила и формы судопроизводства, применимые к плебеям.

По этой же причине и в силу тех же потребностей были внесены изменения в закон о браке. Совершенно ясно, что плебеи не заключали священный брак; их брачный союз основывался на взаимном согласии сторон (*mutuus consensus*) и на обоюдном решении соединить жизнь (*affectio maritalis*). Заключение брака не сопровождалось ни религиозными, ни гражданскими церемониями. В конечном итоге плебейский брак стал наиболее распространенной формой брака и был узаконен, но вначале законы патрицианской общины не признавали его законной силы. Это имело очень важные последствия. Супружескую и отцовскую власть, по мнению патрициев, устанавливала только религиозная церемония, которая приобщала жену к культуре мужа, а поскольку плебейский брак обходился без религиозной церемонии, то, значит, плебеи не имели этой власти. Закон не признавал его семьи, и для него не существовало частного права. Такое положение вещей по понятным причинам не устраивало плебеев, и выход был найден. Специально для плебеев была придумана процедура, которая преследовала ту же цель, что

и священный брак. В этом случае, как в вопросе о завещании, прибегли к фиктивной продаже. Муж покупал жену (*coemptio*, коэмпция — купля), и с этого момента закон признавал ее частью собственности мужа. Жена была «под рукой мужа»¹ и находилась при нем на положении дочери.

Мы не можем утверждать, что эта процедура не была более древней, чем Законы Двенадцати таблиц. Бесспорно лишь то, что новое законодательство признало ее законной и тем самым предоставило плебеям частное право аналогичное патрицианскому праву, хотя и основанное на иных принципах. *Usus* и *coemptio* — две формы одного и того же акта. Любой предмет мог быть приобретен одним из двух способов — путем покупки или взятием в пользование; то же самое в отношении поступления в фиктивную собственность женщины в качестве жены. «Через пользование поступала под руку та, что на протяжении года, без перерыва, будучи замужем, упорно держалась этого состояния, ибо она как бы в результате годичного владения приобреталась через пользование, переходила в фамилию мужа и заступала место дочери», то есть пользование устанавливало между мужем и женой те же правовые отношения, как купля (*coemptio*) или религиозный обряд. Нет необходимости добавлять, что сожительству должен был предшествовать брак, по крайней мере плебейский, который заключался по обоюдному согласию сторон. Ни *coemptio*, ни *usus* не устанавливали духовной связи между супругами; они устанавливали правовые отношения. *Coemptio* и *usus* не были, как это принято говорить, формами заключения брака; они были всего лишь средством приобретения супружеской и отцовской власти².

¹ «Под рукой» могли состоять только женщины. Обычный комментирующий перевод «во власти мужа», «в супружеской власти» не вполне точен, ибо если муж сам состоял в отеческой власти, то и его жена оказывалась во власти не самого мужа, а лица, в чьей власти он состоял. Происхождение состояния *in manu* римские юристы прочно связывают с уже не практиковавшимся во времена империи (а начавшим выходить из употребления много раньше) переходом жены из фамилии отца в фамилию мужа.

² Гай рассматривает *coemptio malrimonii causa* (коэмпция в видах брака) вместе с вторичным институтом — *coemptio fiducia causa* (коэмпция в видах уговора), суть которого состояла в том, что, совершая с кем угодно коэмпцию, женщина формально оказывалась под рукой, а затем, в соответствии с уговором, отпускалась тем, с кем совершила

Но супружеская власть древних времен приводила к таким последствиям, которые в эпоху, к изучению которой мы подошли, стали казаться чрезмерными. Мы узнали, что жена безоговорочно подчинялась мужу, и власть мужа простиралась настолько далеко, что он имел право расторгнуть брак, продать жену и даже убить. Вот что сообщает по этому поводу Гай: «Итак, все свободные лица, мужского ли они или женского пола, находящиеся под властью родителя, могут быть манципированы отцом тем же самым способом, которым можно манципировать рабов. То же самое применяется к тем лицам, которые находятся *in manu*. Именно женщины могут быть манципированы своими коэмпционаторами (фиктивными мужьями) таким же образом, как дети своим отцом, впрочем, лишь настолько, что, хотя бы у коэмпционатора была в качестве дочери единственно та женщина, которая вышла за него замуж, тем не менее, однако, этим последним может быть манципирована даже та, которая не состоит за ним в замужестве и потому не занимает места дочери»¹.

Итак, жена, оказавшись под рукой мужа, полностью отделялась от родной семьи. В глазах закона она лишалась права наследования в родной семье и утрачивала с ней родственную связь. Это имело смысл во времена существования древнего закона, когда религия запрещала одному и тому же человеку входить в состав двух родов, приносить жертвы двум очагам, наследовать в двух семьях. Теперь появилась мысль ограничить власть мужа, и для этого имелось несколько отличных поводов. Так, Законами Двенадцати таблиц было определено, что «женщина, не желавшая установления над собой власти мужа (фактом давностного с нею сожителства), должна была ежегодно отлучаться из своего дома на три ночи и таким образом прерывать годичное давностное владение (ею)». Таким образом, жена сохраняла связь с семьей и могла наследовать семейное имущество.

Даже не вдаваясь в подробности, мы видим, что Законы Двенадцати таблиц сильно отличаются от древнего права.

коэмпцию, из-под власти или передавалась для этого нужному ей человеку, чтобы тот, отпустив ее, остался бы ее опекуном. Цицерон называл коэмпцию в видах уговора «извращенным и злокозненным» изобретением юристов. (Примеч. авт.)

¹ Гай. Институции. Кн. I, 117, 118. (Примеч. авт.)

Римское законодательство изменялось вместе с формами управления и социальным строем. Постепенно, почти с каждым поколением, происходили какие-то перемены. По мере получения низшими классами политических прав подвергались постепенному изменению правовые нормы. Сначала разрешили браки между патрициями и плебеями. Затем закон Папирия отменил старую процедуру по долговым обязательствам: теперь ни один римский гражданин не мог быть обращен в рабство иначе, как по приговору суда. Тит Ливий пишет: «Для римских плебеев этот год был как бы новым началом свободы, потому что уничтожено было рабство за долги... Консулам приказано было предложить народу, чтобы никто не содержался в колодках или оковах, кроме действительных преступников, пока они не подвергнутся наказанию; за долги же должно отвечать имущество должника, а не тело его. Таким образом, закабаленные были освобождены и запрещено на будущее время брать должников в кабалу». И наконец, претор, двигаясь дальше по пути, открытому Законами Двенадцати таблиц, создает новое право, не продиктованное религией, которое непрерывно приближалось к естественному праву¹.

Аналогичный переворот произошел в афинском законе. Известно, что в Афинах с интервалом в тридцать лет было издано два свода законов: законы Дракона и законы Солона.

Законы Дракона были написаны в разгар борьбы двух классов, до поражения эвпатридов. Солон составлял свои законы, когда низший класс одержал победу. Вот почему так велика разница между этими сводами законов.

Дракон был эвпатридом; он испытывал те же чувства, что все представители его касты, и был сведущ в религиозном праве. Он, похоже, всего лишь записал древние обычаи, без каких-либо изменений. Его первый закон гласил: «Людам надлежит почитать богов и героев страны и приносить им ежегодно жертвы, не отклоняясь от обрядов

¹ Понятие естественное право (*лат.* *lex naturalis*) принадлежит к числу самых древних категорий философии права и юриспруденции. Естественное право римских юристов представляет собой также ту часть действующего права, которая, будучи обусловлена самой природой, отличается необходимостью и всеобщностью распространения. Таковы, например, нормы, определяющие различие людей в зависимости от возраста, разделение вещей на различные юридические категории в связи с различием их естественных свойств и тому подобное.

предков». Сохранились его законы об убийстве. Они предписывали, чтобы виновный был отлучен от храма; ему запрещалось прикасаться к очистительной воде и священным сосудам, используемым во время священных церемоний.

Свод законов, введенный им, был так суров, что возникло крылатое выражение «драконовские меры», относящиеся к чрезвычайно строгим наказаниям. Их диктовала неумолимая религия, которая видела в каждом проступке преступление против бога, и в каждом преступлении против бога — преступление, которое нельзя ни простить, ни искупить. Воровство наказывалось смертью, поскольку было посягательством на собственность религии.

Сохранилась любопытная статья, относительно права личной мести, которая показывает, каким духом было проникнуто законодательство Дракона. Преследовать за убийство было обязанностью не общественной власти, а родственников жертвы или членов его рода, что свидетельствует о том, каким могущественным еще был в ту эпоху род; он не позволял вмешиваться общине в его дела, даже для того, чтобы отомстить за убитого. Человек все еще принадлежал больше семье, чем общине.

Из тех сведений, которыми мы располагаем, можно сделать вывод, что законодательство Дракона было всего лишь воспроизведением древнего права. В нем чувствовалась суровость и непреклонность древнего неписаного закона. Легко предположить, что оно установило более четкую границу между классами, поскольку низший класс всегда относился к нему с ненавистью и спустя тридцать лет потребовал разработать новое законодательство.

Законы Солона абсолютно не похожи на законы Дракона; легко понять, что они соответствуют серьезному социальному перевороту. Первое, что бросается в глаза, — эти законы сделаны для всех. Они не устанавливают различий между эвпатридами, простыми свободными людьми и фетами; ни в одной из сохранившихся статей закона они даже не упоминаются. В своих стихах Солон с гордостью сообщает, что издал одни законы «для великих и малых мира сего».

Законы Солона, подобно Законам Двенадцати таблиц, во многом отличаются от древнего права, но некоторые статьи закона остаются без изменений. Нельзя сказать, что римские децемвиры списали афинские законы, но оба законо-

дательства, плоды творчества одного и того же периода, в результате одного и того же социального переворота, не могли не иметь общие черты. Это сходство скорее в духе, в каком написаны оба законодательства; сравнение статей показывает большое различие между ними. Есть пункты в законах Солона, которые ближе к древнему праву, чем Законы Двенадцати таблиц, а есть такие, которые отступают от древнего права намного больше, чем Законы Двенадцати таблиц.

Согласно древнему закону, наследником являлся только старший сын. Закон Солона отступает от этого правила; его закон предписывает разделить наследство между братьями. Но законодатель еще не настолько отступает от древнего закона, чтобы позволить и сестре получить часть отцовского наследства. Законодатель подчеркивает, что раздел должен быть совершен между сыновьями.

Далее, если у отца не было сыновей, а только дочь, то она не являлась наследницей после смерти отца; наследником был ближайший агнат. В этом Солон подчиняется древнему закону, но ему удастся, по крайней мере, дать дочери возможность пользоваться наследством, обязывая наследника жениться на ней.

Древнее право не знало родства по женской линии. Солон включает его в новое законодательство, но оценивает его ниже, чем родство по мужской линии. «Если отец оставит после себя только дочь, то наследует ближайший агнат, который женится на его дочери. Если он не оставит после себя детей, то наследует его брат, а не сестра, — единокровный, но не единоутробный. Если у него нет ни братьев, ни сыновей братьев, наследство переходит к сестре. Если нет ни братьев, ни сестер, ни племянников, то наследуют двоюродные братья и племянники. Если нет двоюродных братьев со стороны отца (то есть родственников по мужской линии), то наследство переходит к побочным родственникам по женской линии (то есть к когнатам)». Таким образом, женщины получили право наследовать, но их права не шли ни в какое сравнение с правами мужчин. Закон четко определил положение мужчин и женщин по вопросу наследования: «Мужчины и потомство по мужской линии исключают из наследования женщин и их потомство». Но все-таки родство по женской линии было признано и нашло свое место в законодательстве — верное доказательство того, что есте-

ственное право заявило о себе почти столь же громко, как древняя религия.

Кроме того, Солон ввел нечто совершенно новое в афинское законодательство, а именно вопрос о завещании¹.

До Солона собственность обязательно переходила ближайшему агнату или, за неимением его, к членам его рода, поскольку собственность рассматривалась как принадлежность семьи, а не отдельного человека. Однако во времена Солона появилось другое представление о праве на собственность. Распад древнего рода превратил владение в личную собственность конкретного человека, поэтому законодатель разрешил распоряжаться своим имуществом и выбирать себе наследников. Однако, уничтожив право рода на имущество членов рода, он не уничтожил права самой семьи — сын остался необходимым наследником. Если отец оставлял после себя только дочь, то он мог выбрать наследника, но с условием, что этот наследник женится на его дочери. Бездетный человек мог завещать свое имущество как ему заблагорассудится. Последнее правило было абсолютно новым для афинского законодательства, и мы можем оценить, как изменились в то время взгляды на семью.

Древняя религия дала отцу верховную власть в собственном доме. Древнее афинское право зашло так далеко, что разрешило ему продавать и даже убивать сына. Солон, согласуясь с новыми взглядами, ограничил эту власть. Достоверно известно, что он запретил отцу продавать дочь и, вероятно, наложил тот же запрет и на продажу сына. По мере того как древняя религия утрачивала свое могущество, слабея и власть отца; в Афинах это произошло раньше, чем в

¹ «Солон прославился также законом о завещаниях. До него не было позволено делать завещания; деньги и дом умершего должны были оставаться в его роде; а Солон разрешил тем, кто не имел детей, отказывать свое состояние, кому кто хочет, отдавая преимущество дружбе перед родством, любви перед принуждением, и сделал имуществом действительной собственностью владельца. Но, с другой стороны, он допустил завещания не во всех случаях, а лишь в тех, когда завещатель не находился под влиянием болезни или волшебного зелья, не был в заключении и вообще не был вынужден какой-либо необходимостью или, наконец, не подпал под влияние какой-либо женщины. Солон вполне правильно считал, что между убеждением, ведущим ко вреду, и принуждением нет никакой разницы, и ставил наравне обман и насилие, удовольствие и страдание, потому что все это одинаково может лишить человека рассудка» (Плутарх. Солон. (Пер. С.И. Соболевского).

Риме. Поэтому афинское право не удовлетворялось тем, чтобы сказать, как Закон Двенадцати таблиц, что после трехкратной продажи сын становится свободным. Афинское законодательство разрешило сыну по достижении определенного возраста освободиться из-под власти отца. Обычай, если не законы, незаметно добился того, чтобы сын становился совершеннолетним еще при жизни отца. Известен афинский закон, предписывавший сыну оказывать помощь старому и немощному отцу. Этот закон свидетельствует о том, что сын владел собственностью и, следовательно, освободился от отцовской власти. В Риме не было подобного закона, поскольку сын никогда ничем не владел и всегда находился под властью отца.

Что касается женщин, то законы Солона соответствуют древнему праву, запрещая им делать завещание, поскольку женщина никогда не была настоящей собственницей и имела только право пользоваться имуществом. Но, разрешая женщине требовать часть наследства в качестве приданого, эти законы отступают от древнего права.

В этом законодательстве были и другие изменения и нововведения. В отличие от законов Дракона, в которых не разрешалось преследовать за убийство по суду никому, кроме членов семьи убитого, Солон предоставил это право каждому гражданину. Так исчезло еще одно правило древнего патриархального права.

Таким образом, в Афинах, как и в Риме, право подвергалось изменениям. Для нового социального строя создавалось новое законодательство. Изменились верования, нравы, институты, а потому законы, которые раньше казались разумными и справедливыми, перестали казаться такими и были постепенно отменены.

Глава 9

НОВЫЙ ПРИНЦИП УПРАВЛЕНИЯ. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Переворот, свергший господство жреческого класса и поднявший низший класс до уровня древних родоначальников, ознаменовал начало нового периода в истории го-

родов. Произошла своего рода перестройка общества. Причем не только власть перешла от одного класса к другому. Произошел отказ от древних принципов и принятие новых правил, которым предстояло управлять человеческим обществом. Правда, город сохранил внешний вид предшествующего периода. Остался республиканский строй; почти везде магистраты сохранили свое древнее название. В Афинах по-прежнему были архонты, в Риме — консулы. Ничего не изменилось в церемониях общественной религии; трапезы в пританее, жертвоприношения перед началом собраний, ауспиции и молитвы — все это осталось неизменным. Нет ничего необычного в том, что, отказавшись от старых институтов, человек захотел сохранить внешнюю форму.

В действительности изменилось все. Институты, законы, верования, нравы отличались от тех, что были в предшествующем периоде. Древний строй исчез, увлекая за собой строгие правила; с установлением нового строя изменилась и жизнь людей.

На протяжении долгих веков существовал единственный принцип управления — религиозный; всем управляла религия. Следовало найти другой принцип, который, подобно прежнему, мог управлять обществом и по возможности предохранять его от колебаний и столкновений. Принципом, на котором впредь основывалось управление городом, стала общественная польза, общественные интересы.

Остановимся подробнее на новой идее, зародившейся в людских умах и оставившей след в истории. Раньше в основе общественного строя лежали не интересы общества, а религия. Обязанность общества состояла в четком выполнении обрядов культа; отсюда одни получали право повелевать, а другие обязанность повиноваться. Отсюда же появились правила отправления правосудия и судопроизводства, правила проведения общественных совещаний и правила ведения войны. Города не задавались вопросом, приносят ли пользу созданные ими институты; эти институты создавались, поскольку этого требовала религия. Ни общественная польза, ни удобство не являлись побудительными причинами для их создания, если жреческий класс пытался защитить их, то не во имя общественной пользы, а во имя священной традиции. Но в тот период, о котором

мы ведем разговор, священная традиция уже не властвует над умами, а религия не управляет людьми. Единственным руководящим принципом, который был выше личных интересов и заставлял подчиняться, был принцип общественного блага. Теперь на смену древней религии пришло то, что латины называли *res publica* — общественное дело. Вот что теперь лежит в основе всех институтов и законов, вот на чем основываются все важные постановления и с какой точки зрения оцениваются действия, предпринимаемые гражданской общиной. Теперь при рассмотрении дел в сенате или в народных собраниях, когда обсуждается закон, форма правления, пункт частного права или политический институт, уже никого не интересует, что предписывает религия. Теперь задаются вопросом, что требуют общественные интересы.

Солону приписывают высказывание, которое точно характеризует этот новый строй. Как-то Солон спросили, считает ли он, что обеспечил своему отечеству наилучшее устройство. «Нет, — ответил Солон, — но наиболее подходящее для него». Такая постановка вопроса была чем-то совершенно новым. Древние законы, основанные на правилах культа, объявлялись непогрешимыми и непреложными. Они отражали суровость и непреклонность религии. Ответ Солон означал, что в будущем политический строй будет подчиняться потребностям, нравам и интересам людей. Теперь не стоял вопрос об абсолютной истине (истине в последней инстанции)¹; впредь законы управления должны были стать гибкими и поддающимися изменению.

Говорят, Солон хотел, чтобы его законы действовали не более ста лет.

Требования общественного блага не так абсолютны, ясны и определены, как требования религии. Они всегда требуют обсуждения; их сложно сразу осознать. Наиболее простой и верный способ узнать, в чем состоит общественный интерес, — созвать людей и посоветоваться с ними. Считалось, что это самый надежный способ, который использовался практически ежедневно. В предшествующий

¹ Религия — это всеобщее созерцание, ощущение, сознание, постигающее абсолютную истину. Она направляет все желания и поступки индивидуума.

период совещательные собрания придавали самое важное значение ауспциям; мнение царя, жреца, священного магистрата было всесильным. Голосовали мало, скорее чтобы соблюсти формальность, чем для того, чтобы выяснить мнение каждого. Теперь каждый вопрос ставился на голосование; требовалось узнать мнение всех и каждого, чтобы понять, в чем состоит общественный интерес. Голосование превратилось в рычаг управления. Путем голосования решалось, что полезно и даже что справедливо; какие нужны институты и правила порядка. Общее голосование было выше магистратов и выше законов; оно стало верховной властью города.

Изменился характер правления. Теперь его основная функция заключалась не в совершении религиозных церемоний, а в том, чтобы поддерживать внутренний порядок и внешнее могущество. То, что раньше имело второстепенное значение, вышло на первый план. Политику предпочитали религии, и управлять людьми стали сами люди. В результате появились новые государственные институты, или, по крайней мере, изменился характер прежних институтов. Это можно увидеть на примере Афин и Рима. В Афинах в период господства аристократии архонты в основном были жрецами. Столь незначительны были обязанности, связанные с судопроизводством, проведением в жизнь законов и ведением войн, что без ущерба совмещались со жреческими обязанностями. Когда афиняне отказались от древних религиозных способов управления, они не уничтожили должности архонтов, поскольку с пиететом относились ко всему, что было связано с древностью. Оставив архонтов, они ввели новых должностных лиц, обязанности которых больше соответствовали требованиям времени, так называемых стратегов. Слово стратег означает командующего войском, но его обязанности не ограничивались решением чисто военных вопросов. Он обладал полномочиями распорядиться финансами и вершить суд во вверенном ему войске, а также строить внешние отношения в пределах, необходимых для достижения задач, поставленных перед вверенным ему войском. Можно сказать, что в руках архонтов находилась государственная религия и все связанное с ней, а у стратегов — политическая власть. Архонты сохранили власть в том виде, как ее понимали в древно-

сти; стратеги получили власть, вызванную новыми потребностями. Пришло время, когда у архонтов было только подобие власти; вся власть сосредоточилась в руках стратегов. Эти новые магистраты уже не были жрецами, разве что совершали обязательные церемонии в военное время. Управление городом все активнее стремилось отделиться от религии.

Стратегов избирали не только из эвпатридов. Кроме обычной квалификации, которая предъявлялась ко всем афинским магистратам, стратег должен был иметь собственность в Аттике и законных сыновей в возрасте не моложе десяти лет; в отличие от архонтов стратегов не спрашивали, есть ли у них домашний культ и происходят ли они из неоскверненной семьи. Архонты выбирались жеребьевкой, то есть гласом божьим. Иначе обстояло дело со стратегами. Управление становилось все более сложным, и благочестие уже не являлось основным качеством, а поскольку стратегу требовалось обладать такими качествами, как ловкость, рассудительность, храбрость, умение командовать, то выбор с помощью жеребьевки был недостаточен для избрания стратега. Город больше не желал зависеть от так называемого желания богов; он сам хотел выбирать своих вождей. То, что архонт, как жрец, назначался согласно воле богов, было вполне естественно, но стратег, в чьих руках находилось материальное благополучие города, должен был избираться людьми.

Если мы подробнее рассмотрим институты Рима, то увидим, что и там происходили такие же изменения. До такой степени усилилась власть народных трибунов, что управление республикой, во всяком случае, во всем, что касалось внутренних дел, перешло в их руки. Между этими трибунами, у которых не было никаких жреческих функций, и стратегами большое сходство. Консулат остался, но тоже подвергся изменениям, постепенно утратив все жреческие функции. Правда, из уважения к древним правилам и традициям консул продолжал совершать религиозные церемонии, введенные предками, но понятно, что, когда консулами стали плебеи, совершение этих церемоний превратилось в пустую формальность. Должность консула предусматривала все меньше и меньше жреческих обязанностей и все больше и больше управленческих. Процесс медленный, не-

заметный, но полностью изменивший римские институты. Консулат во времена Сципионов, конечно, был не тем, что во времена Публиколы. Учреждение сенатом в 443 году должности военного трибуна было, возможно, переходом между консулатом первого и второго периода.

Кроме того, следует отметить, что изменения коснулись способа избрания консулов. Действительно, раньше голосование по центуриям при избрании консулов, как мы видели, было простой формальностью. По сути, новый консул избирался старым консулом, который передавал ему ауспиции, предварительно получив согласие богов. Центурии голосовали за двух или трех кандидатов, которых представлял действующий консул; кандидатуры не обсуждались. Как бы народ ни относился к кандидату, он был вынужден голосовать за него. В период, о котором мы говорим сейчас, избрание проходило иначе, хотя порядок оставался прежним. Перед началом собрания совершалась религиозная церемония, а затем происходило голосование, но теперь уже церемония была простой формальностью, основным стало голосование. Кандидатов еще представлял действующий консул, но он был обязан, если не по закону, то, по крайней мере, согласно обычаю, представить всех кандидатов и объявить, что ауспиции одинаково благоприятны для всех. Таким образом, центурии избирали тех, кого хотели. Избрание консулов больше не зависело от богов; решение принимал народ. К богам и ауспициям обращались только с тем условием, что они будут беспристрастны относительно всех кандидатов. Выбирает народ.

Глава 10

ПОПЫТКИ АРИСТОКРАТИИ БОГАТСТВА УПРОЧИТЬ СВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ. УСТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ. ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРЕВОРОТ

Государственный строй, пришедший на смену господству религиозной аристократии, вначале не был демократическим. Мы видим, например, что в Афинах и в Риме свершившийся переворот не был делом рук самых низших классов. Правда, были города, где эти классы восстали, но

им не удалось упрочить свое положение; доказательством служат длительные беспорядки, в которые были втянуты Сиракузы, Милет и Самос. Новый строй установился только там, где уже существовал высший класс, способный на какое-то время взять в свои руки власть, утраченную эвпатридами и патрициями. Какой же была эта новая аристократия? Наследственная религия не принималась в расчет, и не было других оснований для социальных различий, кроме богатства. Люди еще не дошли до понимания, что равенство должно быть абсолютным, а потому потребовалось разделение на классы в зависимости от имущественного положения.

Солон считал, что нет лучшего способа покончить с древним различием, основанным на наследственной религии, чем установить новое деление, основанное на имущественном положении. Он разделил граждан на четыре разряда, или класса, наделив их разными правами. Для достижения высших должностей требовалось быть богатым; чтобы заседать в сенате или в суде, надо было входить во второй или в третий класс.

Так же обстояли дела и в Риме. Мы видели, что Сервию удалось уничтожить власть патрициев только путем создания новой аристократии. Он создал двенадцать центурий, набрав всадников из наиболее богатых плебеев. Так появилось сословие всадников, ставшее самым богатым сословием Рима. Остальные плебеи, не вошедшие в сословие всадников, были разделены на пять классов, согласно имущественному положению. Беднейшие граждане в расчет не брались. У них не было политических прав и если они и появлялись в центуриатных комициях, то, можно с уверенностью сказать, не имели права голосовать. Республиканский строй сохранил различия, установленные царем, и поначалу казалось, что плебеи не испытывают желания устанавливать между собой равенство.

То, что мы видели в Афинах и в Риме, происходило практически во всех городах. В Кумах, например, политические права сначала получили те, кто, имея лошадей, сформировал что-то вроде сословия всадников; затем те, кто согласно имущественному цензу следовал за ними, увеличив число граждан, обладавших политическими права, всего на тысячу человек. В Регии на протяжении долгого времени управ-

ление сосредоточилось в руках тысячи самых богатых людей. В Турии требовалось обладать огромным богатством, чтобы войти в состав правящей верхушки. В своих произведениях Феогнид показывает, что в Мегарах на смену аристократам пришли богачи. В Фивах правами граждан не могли обладать ни ремесленники, ни купцы.

Таким образом, политические права, которые в предшествующую эпоху были связаны с происхождением, стали на какое-то время связаны с богатством. Во всех городах образовалась аристократия богатства, но не в результате какого-то расчета, а только в силу человеческой природы. Человек, вырвавшись из строя, где неравенство было нормой, не мог сразу перейти к строю с полным равноправием.

Следует отметить, что новая аристократия строила свое превосходство не только на богатстве. Она стремилась создать военный класс. Новые аристократы взяли на себя обязанность не только управлять городом, но и защищать его. У них было лучшее вооружение, и они смело шли в бой, стараясь подражать сверженной аристократии. Во всех городах конница формировалась из самых богатых людей; из состоятельных людей формировались отряды гоплитов или легионеров.

Бедняки не состояли на военной службе, самое большее, их использовали как застрельщиков, или пелтастов, и гребцов. Таким образом, структура войска полностью соответствовала политической структуре города. Опасности были соразмерны привилегиям, и материальные силы были в тех же руках, что и богатство¹.

Почти во всех городах, история которых нам известна, был период, в течение которого богатый или, по крайней

¹ Нет ничего странного в зависимости между военной службой и политическими правами. В Риме центуриатное собрание было не чем иным, как войском. Достоверно известно, что мужчины, по возрасту не подлежавшие призыву на военную службу, не имели права голосовать в центуриатных комициях. Историки не сообщают нам, был ли подобный закон в Афинах, но есть цифры, говорящие о многом. Фукидид пишет, что в начале войны у Афин было 13 тысяч гоплитов, если к ним добавить, следуя данным Аристофана (комедия «Осы»), порядка тысячи всадников, то получается примерно 14 тысяч воинов. Плутарх говорит, что в то время было 14 тысяч граждан. Следовательно, пролетариат не входил в число граждан. В 430 году в Афинах государственный строй еще не был полностью демократическим. (*Примеч. авт.*)

мере, зажиточный класс взял управление в свои руки. Эта политическая система имела свои достоинства, как их имеет любая система, когда находится в соответствии с нравами и верованиями своего времени. Жреческая аристократия предыдущего периода, несомненно, сослужила хорошую службу, создав законы и органы управления городом. Она дала возможность человеческим сообществам в течение нескольких столетий жить в мире и сохранять достоинство. Заслуга аристократии богатства состоит в другом: она придала обществу новый импульс. Заработав богатство собственным трудом, новая аристократия уважала и стимулировала тружеников. Новый государственный строй придавал огромное значение трудолюбивым, деятельным и умелым людям, что благотворным образом сказалось на развитии промышленности и торговли. Кроме того, он способствовал интеллектуальному развитию, поскольку для приобретения богатства, которое наживалось или утрачивалось, как правило, в зависимости от способностей человека, в первую очередь требовались знания. Так что нет ничего странного в том, что в этот период Греция и Рим расширили границы духовного и культурного пространства.

Богатому классу не удалось удерживать власть так же долго, как древней наследственной аристократии. У него не было таких возможностей. Богачи не были священными личностями, как древние эвпатриды. Они господствовали, не опираясь на верования и не интересуясь волей богов. Они не обладали способностью воздействовать на сознание людей, заставляя их подчиняться. Человек преклоняется только перед тем, кого считает правым, или перед тем, кто, по его представлению, стоит значительно выше его самого. Он мог долго подчиняться власти эвпатридов, которые произносили молитвы и общались с богами, но богатство не внушало ему благоговейный страх. Богатство обычно рождает зависть, а не уважение. Неравенство, установившееся в результате различия в имущественном положении, вскоре стало казаться несправедливым, и люди приложили все усилия, чтобы уничтожить его.

Кроме того, уже невозможно было остановить начавшиеся ранее перевороты. Старые основы были разрушены, не осталось ни традиций, ни обычаев. Ни один государ-

ственный строй не может долго находиться в нестабильном состоянии. Новая аристократия подверглась атакам, как в свое время старая; бедные хотели быть гражданами и предприняли все усилия, чтобы войти в состав государства.

Невозможно вникнуть во все подробности новой борьбы. История городов, по мере удаления от их основания, становится все более разнообразной. В них происходят перевороты, но они не похожи друг на друга. Однако одну особенность можно отметить. В городах, где основной составляющей богатства была земельная собственность, богатый класс дольше пользовался уважением и удерживал власть, и, напротив, в городах, где, как, например, в Афинах, богатых землевладельцев было немного и люди наживали богатство главным образом благодаря торговле и промышленности, раньше пробудились страстные желания и надежды низших классов, и аристократия в скором времени подверглась нападению.

В Риме богатый класс оказал более серьезное сопротивление, чем в Греции, по причинам, о которых мы расскажем чуть позже. Изучая греческую историю, мы с удивлением отмечаем, насколько слабо защищалась новая аристократия. Правда, она не могла, как эвпатриды, противопоставить своим противникам весомый аргумент в виде традиций и благочестия. Она не могла призвать на помощь предков и богов. У нее не было веры в законность своего привилегированного положения.

У аристократов было превосходство в военной силе, но в конечном итоге они утратили и это превосходство. Государственный строй мог существовать дольше, если бы каждое государство могло держаться обособленно или, по крайней мере, жить в мире и спокойствии. Но война разрушает государственные структуры и ускоряет процесс изменений. Между греческими и итальянскими городами шли непрекращающиеся войны. Основная тяжесть военной службы ложилась на плечи богатого класса, поскольку он решал основную задачу во время сражений. Зачастую он возвращался из похода, понеся большие потери, и, следовательно, был не в состоянии оказать сопротивление восставшему народу. Например, в Таренте, после того как высший класс понес большие потери в войне с япигами, в городе сразу

установилась демократия. Вот что пишет по этому поводу Аристотель: «Государственные перевороты происходят также вследствие несоразмерного возвышения. Известно, что тело состоит из частей и должно увеличиваться в своем росте соразмерно, чтобы сохранялась пропорциональность. В противном случае оно гибнет, если, например, нога будет длинной в четыре локтя, а остальное тело всего в две пяди; а иногда тело примет вид другого живого существа, если при этом будет развиваться так же несоразмерно не только в количественном, но и в качественном отношении. Точно так же и государство состоит из отдельных частей; из них некоторые вырастают зачастую незаметно, хотя бы, например, масса неимущих в демократиях и полициях. Происходит это иной раз и в силу случайных обстоятельств. Так, например, в Таренте после поражения и гибели многих знатных в борьбе с япигами, немного спустя после персидских войн, из политики возникла демократия. В Аргосе после поражения, нанесенного аргосцам Клеоменом Лаконским в битве «седьмого дня», пришлось принять в число граждан некоторое количество периеков. В Афинах знатные уменьшились в числе после неудачных сухопутных битв, потому что ко времени лаконской войны в войске служили по списку. Случается это, хотя и реже, и в демократиях, когда увеличивается число состоятельных или возрастает вообще имущественное благосостояние — демократический строй переходит в олигархический и династический»¹.

Что касается Рима, то его непрерывные войны в значительной степени объясняют происходившие в нем перевороты. Сначала войны разрушили патрицианское сословие; из трехсот семей, которые эта каста насчитывала при царях, осталась едва ли третья часть после завоевания Самниума. Затем война забрала первых плебеев, тех богатых и храбрых плебеев, которые заполняли пять классов и составляли легионы.

Одним из последствий войны было то, что городам почти всегда приходилось призывать на военную службу низшие классы. Вот почему в Афинах и во всех приморских городах, которые участвовали в морских сражениях, придавалось большое значение низшему классу, то значение, в

¹ Аристотель. Политика. Кн. V. (Примеч. авт.)

котором ему отказывал государственный строй. Феты, принятые на службу в качестве гребцов, матросов и даже воинов, почувствовав, что отечество нуждается в них, проявляли чудеса храбрости. Так было положено начало афинской демократии. Спарта всеми силами старалась избежать войны. Фукидид показывает, с какой неохотой она начинает военную кампанию. Помимо воли она втянута в Пелопоннесскую войну, но сколько она предпринимает усилий, чтобы выйти из нее! Дело в том, что Спарте пришлось вооружить неодамодов, лаконцев и даже илотов, а она прекрасно понимала, какой подвергает себя угрозе, давая оружие в руки угнетаемых классов. По возвращении войска с войны она будет вынуждена либо уступить требованиям своих же илотов, либо найти способ, не поднимая шума, расправиться с ними. Плебеи ложно обвинили римский сенат, заявив, что он постоянно находится в поисках новых войн. Для этого сенат был слишком мудр. Он прекрасно понимал, во что ему обойдутся эти войны, сколько придется сделать уступок и понести потерь на форуме. Но Рим был окружен врагами, и войн было не избежать.

Войны, вне всякого сомнения, постепенно сокращали разрыв между аристократией богатства и низшими классами. В результате очень скоро обнаружилось несоответствие между государственным и общественным строем. Кроме того, следует отметить, что привилегии противоречили принципу, которым в то время руководствовались люди. Принцип общественного блага по своей сути не допускал сохранения неравенства в обществе. Он должен был привести общество к демократии.

Где-то раньше, где-то позже, но все свободные люди получили политические права. Как только римские плебеи стали проводить комиции, они были вынуждены позволить беднейшему классу принимать в них участие и уже не могли придерживаться деления на классы. Таким образом, в большинстве городов появились действительно народные собрания и всеобщее избирательное право.

В то время избирательному праву придавалось несравнимо большее значение, чем в современных государствах. Обладая этим правом, любой гражданин принимал участие во всех делах: назначал магистратов, создавал законы, выносил судебные постановления, решал вопросы, связан-

ные с объявлением войны и мира, разрабатывал союзные соглашения. С установлением всеобщего избирательного права управление стало действительно демократическим.

Последнее замечание. Правящему классу, возможно, удалось бы избежать появления демократии, если бы он смог создать то, что Фукидид называет управлением немногих и свободой для всех. Но греки не имели ясного представления о свободе; им ничего не было известно о гарантии прав личности. От Фукидида, которого никак нельзя заподозрить в том, что он с энтузиазмом относился к демократическому строю, нам известно, что во времена олигархического правления народ подвергался притеснениям, жестоким наказаниям в результате несправедливо вынесенных приговоров. Этот историк пишет, что «демократический строй был необходим для того, чтобы защитить бедных и обуздать богатых». Греки не знали, как привести в соответствие гражданские и политические права. Для того чтобы защитить личные интересы бедных, казалось необходимым предоставить им избирательные права, чтобы они имели возможность быть судьями и занимать государственные должности. Если к тому же мы вспомним, что у греков государство обладало неограниченной властью, то поймем, какое огромное значение придавал каждый человек, даже самый незаметный, получению политических прав, поскольку это давало ему возможность принимать участие в управлении. Верховный орган государства был настолько всемогущим, что человек мог что-то собой представлять только в том случае, если входил в состав этого верховного органа. От этого зависели его положение и безопасность. Он добивался получения политических прав не для того, чтобы обладать подлинной свободой, а чтобы получить, по крайней мере, то, что могло ее заменить.

Глава 11

ПРАВИЛА ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ. ПРИМЕР АФИНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Перевороты следовали один за другим; люди все больше отступали от древней системы, и управлять ими становилось все труднее. Требовались соответствующие времени,

более подробные правила, более сложный организационный аппарат. Все это мы можем рассмотреть на примере управления Афинами.

В Афинах насчитывалось большое количество должностных лиц. Во-первых, сохранились все должностные лица предыдущей эпохи: архонт, по имени которого назывался год и который следил за непрерывностью домашних культов; царь, совершавший жертвоприношения; полемарх, начальник войска, который, кроме того, занимался делами, связанными с иностранцами; шесть тесмотетов, которые, согласно Аристотелю, «записывали законы (то есть положения обычного права) и хранили их для суда над преступниками»; десять архонтов, которые советовались с оракулами и совершали определенные жертвоприношения; далее те, кто сопровождал царя во время религиозных церемоний; десять атлотетов, которые избирались на четыре года для подготовки праздника Панафиней (Панафинейские игры) в честь покровительницы города богини Афины; и, наконец, пятьдесят пританов, членов государственного совета, которые следили за поддержанием священного огня общественного очага и совершением священных трапез. Из всего вышеперечисленного следует, что Афины были верны традициям древних времен, и совершившиеся перевороты не смогли уничтожить этого суеверного благоговения. Никто не осмеливался разорвать связь с древней религией; демократия продолжила культ, созданный эвпатридами.

Далее следовали магистраты, созданные специально для демократии, которые не были жрецами и заботились о материальных интересах города. Во-первых, стратеги, в ведении которых находились военные и политические вопросы; затем десять астиномов, которые наблюдали за благоустройством города и порядком на улицах; десять агорономов, которые следили за благоустройством мест торговли в городе и в Перее и следили за строгим соблюдением правил торговли; пятнадцать ситофилаков, осуществлявших надзор за торговлей хлебом в зернах, мукой и печным хлебом; пятнадцать метронов, которые следили за правильностью мер и весов; десять хранителей казны; десять полетов вели контроль за поступлениями в казну; коллегия одиннадцати, осуществлявшая надзор над тюремными помещениями и распоряжавшаяся исполнением наказаний, преимущественно

но смертной казни. Кроме того, большая часть этих должностей повторялась в каждой трибе и каждом деме. Самая небольшая группа населения в Аттике имела своего архонта, жреца, секретаря, полета и военачальника. Чиновники встречались и в городе, и вне города практически на каждом шагу.

Все они избирались сроком на один год, так что почти каждый мог надеяться, что в свое время займет какую-нибудь должность. Магистраты-жрецы избирались путем жеребьевки. Магистраты, следившие за общественным порядком, избирались народом. В любом случае принимались меры предосторожности и против прихоти жеребьевки, и против прихоти всеобщего голосования. Каждый вновь избранный чиновник подвергался испытанию либо в сенате, либо представ перед магистратами, сложившими полномочия, либо перед ареопагом; от него не требовалось доказательств его способностей или талантов; интересовались его честностью и его семьей; каждый магистрат был обязан иметь земельную собственность.

Казалось бы, эти магистраты, избранные своими же согражданами и всего лишь на один год, не могли пользоваться значительным влиянием и властью. Однако достаточно обратиться к Фукидиду и Ксенофону, чтобы убедиться, что им подчинялись и они пользовались большим уважением. Древние люди, и даже афиняне, отличались дисциплинованностью и умением подчиняться. Возможно, это было результатом привычки к повиновению, которая появилась в период жреческого правления. Людей приучили с уважением относиться к государству и всем тем, кто в той или иной мере представлял его. Им в голову не приходило проявить неуважение к магистрату, поскольку они сами его избирали; народное голосование считалось одним из самых священных источников власти.

Выше магистратов, обязанность которых состояла в наблюдении за исполнением законов, стоял сенат (буле). Это был просто совещательный орган, своего рода государственный совет; он не принимал законов, не обладал верховной властью. Состав сената ежегодно обновлялся, и это никого не беспокоило, поскольку от членов сената не требовалось ни особых способностей, ни опыта. В него избиралось по пятьдесят человек от каждой трибы; члены совета, пританы,

по очереди исполняли священные обязанности и в течение года обсуждали политические и религиозные дела города. Сенаторы избирались жеребьевкой, возможно, по той причине, что сенат был собранием пританов, то есть жрецов священного огня. Справедливости ради следует заметить, что после избрания жеребьевкой каждый подвергался испытанию, и если находили, что кто-то не соответствует этой должности, то его отстраняли.

Выше сената было народное собрание. Вот оно-то и обладало верховной властью. Но подобно тому, как в правильно устроенной монархии монарх принимает меры предосторожности против собственных капризов и ошибок, так и при демократии имелись правила, которым она подчинялась.

Народное собрание созывали стратеги или пританы. Народные собрания проходили на холме Пникс. С утра жрецы обходили холм, совершая жертвоприношения и призывая покровительство богов. Народ сидел на каменных скамьях. В центре возвышалась трибуна, на которой находились пританы и проедры, председательствующие на собрании. После того как все рассаживались по местам, вперед выступал жрец и произносил: «Храните молчание, благоговейное молчание. Молите богов и богинь (в этом месте он называл имена главных божеств страны), чтобы все совершилось как можно лучше на этом собрании для большей пользы Афин и благоденствия граждан». Народ, или кто-нибудь от имени народа, отвечал: «Мы молим богов о защите нашего города. Да восторжествует мнение мудрейшего. Да будет проклят тот, кто попытается дать дурной совет, кто попытается изменить постановления и законы или откроет наши тайны врагам».

После этого глашатай, по приказу председателя собрания, объявлял, какие вопросы должно обсудить собрание. Вопросы, которые представлялись для обсуждения народу, предварительно рассматривались и обсуждались в сенате. У народа не было того, что на современном языке называется инициативой. Сенат представлял готовый проект постановления; народ мог отклонить или принять его, но не мог обсуждать никаких других вопросов.

Глашатай зачитывал предложенный закон, и начиналось обсуждение. Глашатай спрашивал: «Кто хочет высту-

пить?» Ораторы, по старшинству, поднимались на трибуну. Выступить мог любой, вне зависимости от благосостояния и профессии, но при условии, что он обладает политическими правами, не имеет долгов перед государством, ведет правильный образ жизни, состоит в законном браке, владеет земельной собственностью в Аттике, выполняет обязанности по отношению к родителям, принимал участие во всех военных походах, куда его отправляли, и никогда не бросал свой щит ни в одном из сражений.

После выяснения этих подробностей ораторы предавались красноречию. Афиняне, по словам Фукидида, не считали, что слова вредят делам. Наоборот, они хотели, чтобы им все подробно объясняли. Времена изменились, и теперь людям приходилось обдумывать и взвешивать возможные последствия. Все более или менее непонятные вопросы подлежали обсуждению, поскольку только в процессе обсуждения можно было установить истину. Народ хотел, чтобы каждое рассматриваемое дело представляли со всех сторон с указанием доводов за и против. Огромное значение придавалось ораторам; говорят, что ораторам платили за каждую произнесенную с трибуны речь. Аристофан, по крайней мере, дает понять, что все так и было. Мало того, народ внимательно слушал ораторов. Не следует представлять себе афинян как шумную, бурлящую толпу, совсем наоборот. Аристофан в комедии «Всадники» описывает неподвижно сидящих на каменных скамьях людей и слушающих ораторов с раскрытым ртом. Историки и ораторы часто описывают народные собрания. Редко можно встретить упоминание о том, что кто-то прервал выступление оратора; люди внимательно слушали, был ли это Перикл или Клеон, Эсхин или Демосфен; они, замерев, слушали, говорил ли оратор приятное или упрекал в чем-то. С достойным похвалы терпением народ позволял высказывать самые противоречивые мнения. Не было ни отдельных выкриков, ни рева толпы. Что бы ни говорил оратор, ему всегда давали возможность закончить речь.

Если Эллада считалась родиной красноречия, то в Спарте о нем практически не было известно. Там были иные принципы управления. В Спарте еще правила аристократия, установившая традиции, которые освобождали от долгих прений по каждому вопросу. В Афинах народ хотел, что-

бы его держали в курсе дел. Он решался на принятие решения только после длительных дебатов; он действовал только в том случае, если был убежден, или считал, что его убедили. Необходимо обсуждение, чтобы запустить систему всеобщего голосования; красноречие — пусковой механизм демократической формы правления. Вот почему ораторы вскоре стали называться демагогами — народными вождями; они действительно заставляли народ действовать и принимать решения.

В Афинах было семь специальных магистратов, называемых блюстителями законов. Они наблюдали за ходом собрания, сидя на возвышении, и, казалось, представляли сам закон, который был выше народного собрания. Если они видели, что оратор посягает на закон, то останавливали оратора на полуслове и немедленно распускали собрание. Народ, даже не проголосовав, расходился.

Еще был закон, правда редко используемый, согласно которому наказанию подвергался оратор, признанный виновным в том, что дал народу плохой совет. Был закон, запрещавший подниматься на трибуну оратору, трижды предлагавшему решения, противоречащие действующим законам.

Афины прекрасно понимали, что только уважение законов может сохранить демократию. Обязанность ежегодно пересматривать действующие законы и докладывать обо всех замеченных противоречиях была возложена на тесмотетов. Они представляли свои предложения в сенат, который имел право отклонить их, но не вносить в законы. В случае одобрения сенат созывал народное собрание и сообщал предложения тесмотетов. Но сам народ ничего не мог решать сразу; обсуждение откладывалось на другой день. Назначали пять ораторов, задача которых состояла в том, чтобы защищать существующие законы и отметить все трудности, связанные с предложенным нововведением. В назначенный день народ заслушивал сначала ораторов, защищавших существующие законы, а затем тех, кто поддерживал проект внесенных поправок. Заслушав всех ораторов, народ еще не принимал решение. Он ограничивался тем, что назначал весьма многочисленную комиссию, состоящую исключительно из людей, занимавших судебские должности. Комиссия заново пересматрива-

ла предложения, опять заслушивала ораторов, совещалась и выносила решение. Если она отклоняла предложение, то ее решение не подлежало обжалованию. Если она одобряла его, то опять созывалось народное собрание; на этот раз проводилось голосование, и проект становился законом.

Однако, несмотря на все предосторожности, все-таки могли быть приняты неправильные или неразумные решения, но все дело в том, что новый закон носил имя автора, который впоследствии мог быть привлечен к суду и понести наказание. Народ, как истинный правитель, считался непогрешимым, но любой оратор всегда отвечал за данные им советы.

Таковы были правила, которым подчинялась демократия. Но не следует думать, что народ никогда не допускал ошибок. Независимо от формы правления — монархической, аристократической или демократической — бывают дни, когда господствует разум, а бывают дни, когда господствуют страсти. Ни один государственный строй не может подавить человеческие слабости и пороки. Чем тщательнее разработаны правила, тем яснее видно, насколько трудно и опасно управлять обществом. Сохранить демократию можно было только с помощью благоразумия и предусмотрительности.

Приходится только удивляться, сколько потребовалось усилий, чтобы сохранить демократию. Афиняне были невероятно трудолюбивыми людьми. Давайте посмотрим, как проводит время афинянин. Один день он проводит на собрании дема, где обсуждает религиозные и политические дела этого небольшого общества. На следующий день он идет на собрание трибы, где обсуждается вопрос о проведении религиозного праздника, или решаются финансовые вопросы, или принимается декрет, или выбираются начальники или судьи. Три раза в месяц он принимает участие в общих народных собраниях; он не имеет права пропускать их. Собрания были многочасовыми. Он приходил туда не только для того, чтобы проголосовать; придя утром, он должен был оставаться там до окончания собрания и заслушивать всех ораторов. Он имел право голосовать только в том случае, если присутствовал с самого начала и заслушал все речи. Голосование для него

было одним из самых серьезных дел. То стоит вопрос об избрании политических и военных начальников, то есть тех, кому будут вверены на целый год его жизнь и его интересы; то решается вопрос об установлении налога или изменении закона, то решается вопрос о войне, и он должен голосовать, хорошо понимая, что в этой войне ему придется проливать свою кровь или послать проливать кровь своего сына. Личные интересы неразрывно связаны с государственными. Человек не может быть равнодушным или легкомысленным. Он знает, что если ошибется, то вскоре будет наказан и что при каждом голосовании он рискует своим имуществом и своей жизнью. В тот день, когда было принято решение о злополучной сицилийской экспедиции, не было ни одного гражданина, который бы не понимал, что кто-то из его близких должен будет принять в ней участие и что он должен тщательно взвесить, какие выгоды и опасности представляет эта война. Удар, нанесенный отечеству, отзывался на каждом гражданине, унижая его чувство собственного достоинства, делая его более беззащитным. Вот почему следовало все тщательно обдумать.

Обязанности гражданина не ограничивались голосованием. Когда наступал его черед, он занимал общественную должность в деме или трибе. Через два года на третий он был гелиастом и весь год проводил в суде, слушая дела и вынося решения. Едва ли был гражданин, который бы дважды за свою жизнь не призывался в члены сената, «совета пятисот», или буле. Тогда ему приходилось заседать ежедневно с утра до вечера в течение года; он принимал отчеты магистратов, встречался с иностранными послами, составлял инструкции для афинских послов, изучал все вопросы, которые должны были рассматриваться народным собранием, готовил постановления. Наконец, его могли избрать, с помощью жеребьевки или голосования, магистратом, архонтом, стратегом или астиномом. Мы видим, какая трудная обязанность быть гражданином демократического государства. У него почти не оставалось времени на личную жизнь. Как справедливо заметил Аристотель, человек, который вынужден трудиться, чтобы зарабатывать на жизнь, не может быть гражданином. Таковы были требования демократии. Гражданин, подобно современ-

ному чиновнику, всецело принадлежал государству. Он отдавал ему свою кровь на войне и свое время в мирные дни. Он не мог отложить общественные дела, чтобы уделять больше внимания собственным; он, скорее, должен был пренебречь личными делами ради работы на благо города-государства. Люди проводили жизнь, управляя собой. Демократия могла существовать только при условии непрерывного труда всех граждан. Даже при малейшем ослаблении рвения демократия могла погибнуть.

Глава 12 **БОГАТЫЕ И БЕДНЫЕ. ДЕМОКРАТИЯ ГИБНЕТ. НАРОДНЫЕ ТИРАНЫ**

Когда в ходе переворотов установилось равенство и пропала необходимость бороться за права, разгорелась борьба за финансовые интересы. Этот новый период в истории городов начался в разных городах в разное время. Где-то он последовал сразу после установления демократии; где-то спустя несколько поколений. Но все города рано или поздно стали жертвами этой прискорбной борьбы.

По мере удаления от древнего строя увеличивался класс бедняков. Раньше, когда каждый человек входил в состав рода и имел господина, практически не существовало такого понятия, как нищета. О человеке заботился его господин; тот, кому он повиновался, должен был, в свою очередь, обеспечивать его всем необходимым. Но перевороты, разрушившие род, изменили условия жизни. В тот день, когда человек сбросил оковы клиентелы, он столкнулся с нуждой и жизненными трудностями. Жизнь стала более независимой, но потребовала большего трудолюбия и зависела от многих случайностей. Теперь каждый должен был сам заботиться о своем благополучии, у каждого был свой круг деятельности и свои обязанности. Один, благодаря своей деятельности или везению, становился богатым, другой оставался бедным. Имущественное неравенство неизбежно появляется в любом обществе, которое не желает сохранять патриархальный или родовой строй.

Демократия не только не уничтожила бедность, а наоборот — сделала ее более заметной. Равенство политических прав еще ярче проявило неравенство имущественного положения.

Поскольку не было власти, которая бы стояла одновременно выше богатых и бедных и могла заставить их жить в мире, требовалось найти такие экономические принципы и условия труда, при которых оба класса были бы вынуждены жить в согласии друг с другом. Например, чтобы каждый класс нуждался в другом; чтобы богатый мог обогащаться только за счет труда бедного, а бедный находил средства к существованию, продавая свой труд богатому. Тогда бы имущественное неравенство побуждало человека к деятельности, развивало его способности, не приводило к разложению общества и гражданской войне.

Но во многих городах не было ни промышленности, ни торговли, а следовательно, не было источников увеличения общественного богатства, чтобы выделить из него какую-то часть бедным, при этом ни у кого ничего не отнимая. Почти все доходы от торговли утекали в карманы богатых. В промышленности рабочими были рабы. Известно, что богатые афиняне и римляне имели ткацкие, оружейные и другие мастерские, в которых работали только рабы. Даже свободные профессии были практически недоступны для граждан. Часто врачами были рабы, которые лечили больных, принося доход своему хозяину. Рабами были многие архитекторы, кораблестроители, мелкие государственные чиновники. Рабство было бичом, от которого страдало само свободное общество. Гражданину было крайне сложно найти работу; отсутствие занятий порождало лень. Видя, что работают только рабы, он начал с презрением относиться к труду. Таким образом, привычка к зависимости, предрассудки, склонность к лени — все это вместе мешало бедняку выбраться из нищеты и зарабатывать на жизнь честным путем. Не могут мирно сосуществовать богатство и бедность.

Бедный пользовался равенством, обладая политическими правами, но ежедневные мучения заставили его прийти к мысли, что куда предпочтительнее было бы равенство в имущественном положении. Вскоре он понял, что равенство, которым он обладал, могло помочь ему полу-

чить то, чего у него не было, и что, распоряжаясь голосованием, мог бы с таким же успехом распоряжаться городским богатством.

Он начал с того, что решил извлекать пользу из своего права на голосование. Он потребовал, чтобы оплачивали его присутствие на собрании и за исполнение обязанностей судьи. Если город не располагал достаточными средствами и не мог пойти на такие расходы, то у бедняка были в запасе другие способы добыть деньги. Он продавал свой голос, а поскольку голосовать приходилось довольно часто, он вполне мог жить на эти деньги. В Риме открыто шла торговля голосами; в Афинах ее предпочитали скрывать. В Риме, где бедняки не входили в состав суда, они продавали себя в качестве свидетелей, а в Афинах — в качестве судей. Все это не только не помогало выбраться из нищеты, но еще и приводило к деградации личности.

Когда оказалось, что и этих средств недостаточно, бедные прибегли к более энергичным мерам. Они повели борьбу с богатством. Сначала эта борьба велась в рамках закона. На богатых возложили все государственные расходы, они были обременены налогами, их обязали строить триремы¹ и устраивать праздники для народа.

Затем возросли денежные штрафы, и за малейший проступок следовала конфискация имущества. Никто не знает, сколько человек было приговорено к изгнанию только потому, что они были богаты. Имущество изгнанника поступало в общественную казну, а затем распределялось между бедными. Но даже этого было недостаточно, поскольку бедняков становилось все больше и больше. Тогда бедняки, пользуясь правом голосования, издали постановление об отмене долгов, или о проведении массовой конфискации.

В прежние времена люди уважительно относились к праву собственности, поскольку оно основывалось на религиозной вере. Пока собственность была связана с куль-

¹ Т р и р е м а, триера — класс боевых кораблей, которые использовались античными цивилизациями Средиземноморья, в особенности финикийцами, античными греками и древними римлянами. Триремы получили свое название из-за трех рядов весел, которые, предположительно, располагались одно над другим в шахматном порядке, каждым веслом управлял один человек.

том и с семейными богами, никто не помышлял о том, чтобы отнять у человека его участок земли. Но после переворотов древние верования были преданы забвению. Собственность больше не была священной и неприкосновенной. Ее уже рассматривают не как дар богов, а как подарок судьбы. Появляется желание завладеть ею, отнять у счастливого обладателя, и это желание, которое в прежние времена расценивалось как отсутствие благочестия, теперь начинает казаться справедливым. Каждый думает только о собственных желаниях и ими оценивает свои права.

Мы уже видели, что город, особенно у греков, обладал неограниченной властью, что ни о какой свободе не шло и речи, а личные права ничего не стоили по сравнению с волей государства. Отсюда следовало, что большинством голосов могло быть принято решение о конфискации собственности, и греки не видели в этом ничего незаконного и несправедливого. Любое требование государства было справедливым. Отсутствие личной свободы было причиной несчастий и беспорядков в Греции. Рим потому и пострадал меньше, что более уважительно относился к правам человека.

Плутарх рассказывает, что в Мегарах после восстания было принято постановление об отмене долгов, обязывавшее заимодавцев даже возвратить взимавшиеся с должников проценты.

В Мегарах, как и в других городах, сообщает Аристотель, народ, захватив власть в свои руки, начал с конфискации собственности нескольких богатых семей. Но, однажды вступив на этот путь, он уже не мог остановиться. Каждый день требовалась новая жертва, и, наконец, богатых, у которых все отняли и изгнали, стало так много, что они образовали войско.

В 412 году, пишет Фукидид, «самосские демократы умертвили около двухсот человек, все из числа знатных граждан, четыреста человек приговорили к изгнанию, а землю и дома их обратили в свою пользу».

В Сиракузах народ, едва освободившись от тирании Дионисия, принял постановление о разделе земель.

В этот период греческой истории гражданские войны разделили население на два лагеря, бедных и богатых. Бед-

ные хотят завладеть богатством, богатые пытаются сохранить или вернуть его. В любой гражданской войне, пишет Полибий¹, богатство переходит из рук в руки.

Каждый демагог поступал так же, как Молпагор, о котором с ненавистью пишет Полибий: «Среди кианов был некто Молпагор, человек, умевший красно говорить и ловко действовать, по характеру льстивый перед народом и корыстолюбивый. Заискивая перед толпой, он возбуждал ее подозрение против людей достаточных, из коих одних погубил, других вынудил покинуть родину, имущество же их присваивал государству и раздавал народу». И дальше: «...толпа, привыкнув кормиться чужим и в получении средств к жизни рассчитывать на чужое состояние, выбирает себе в вожди отважного честолюбца, а сама вследствие бедности устраняется от должностей. Тогда водворяется господство силы, а собирающаяся вокруг вождя толпа совершает убийства, изгнания, переделы земли, пока не одичает совершенно и снова не обретет себе властителя и самодержца». В Мессене демократы, совершив переворот, изгнали богатых и произвели передел земли. Согласно Полибию, в результате переворота у них «водворилось народовластие, и знатные граждане находились в изгнании, так как далее управление государством перешло к людям, коим достались по жребию участки земли изгнанной знати»².

В древности высшим сословиям не хватило сообразительности приучить бедняков к труду и тем самым помочь им выбраться из нищеты и не допустить морального разложения. Правда, некоторые предпринимали попытки в этом направлении, но эти попытки не увенчались успехом. В результате города находились «во взвешенном состоянии» между переворотами; один переворот лишал богатых их имущества, другой — возвращал им богатство. Так продолжалось от Пелопоннесской войны до завоевания Греции римлянами.

¹ Полибий — греческий историк, государственный деятель и военачальник, автор «Всеобщей истории» в 40 томах, охватывающих события в Риме, Греции, Македонии, Малой Азии и в других регионах с 220 года до н. э. по 146 год до н. э. Из книг «Истории» полностью сохранились только первые 5, остальные дошли в более или менее подробных изложениях.

² Полибий. История. Кн. XV, 21; кн. VII, 10. (Примеч. авт.)

В каждом городе богатые и бедные были врагами, которые жили рядом, причем одни жаждали богатства, а другие наблюдали, как с завистью смотрят на их богатство. Между ними не было никаких отношений, они не оказывали друг другу никаких услуг, не было ничего, что бы их объединяло. Бедные могли завладеть богатством, только отняв его у богатых. Богатые могли защитить свое богатство только с помощью силы и хитрости. Они с ненавистью смотрели друг на друга. В каждом городе было две группы заговорщиков: бедные объединили усилия от алчности, богатые от страха. Аристотель говорит, что богатые дали друг другу такую клятву: «Клянусь, что я буду вечным врагом народа и сделаю ему столько зла, сколько смогу».

Трудно сказать, какая из двух сторон совершила больше преступлений и проявила больше жестокости. Они не испытывали друг к другу никаких чувств, кроме ненависти. Гераклид Понтийский сообщает о жестокостях, сопровождавших эту борьбу: «В Милете шла война между богатыми и бедными. Сначала верх одержали демократы. Они прогнали богачей, загнали их детей на гумно, где их растоптали быки. Когда знать вновь захватила власть (в ее среде также шли раздоры), то виновники гибели ее детей вместе с их детьми были обмазаны смолой и сожжены»¹.

А что же простые люди? Они уж точно были не в ответе за это насилие и злодеяния, однако именно их они затронули в первую очередь. Больше не было никаких руководящих органов, а простые люди могли жить только в условиях четко соблюдаемых законов. Отсутствовало управление, у власти были отдельные фракции. Теперь магистраты пользовались своей властью не для создания мира и порядка, а для удовлетворения интересов какой-нибудь одержимой жаждой наживы партии. У властей не было

¹ Насколько нам известно, Афины были единственным греческим городом, в котором не велась жестокая война между богатыми и бедными. Как только начались перевороты, здравомыслящие афиняне сразу поняли, что только труд может спасти общество. Солон указал, что все люди, у которых нет никаких занятий, будут лишены политических прав. Перикл потребовал, чтобы на строительстве общественных зданий (Парфенон, Пропилеи, Одеон) использовался труд свободных людей, а не рабов. *(Примеч. авт.)*

ни законных прав, ни священного характера; ни о каком добровольном повиновении не шло и речи; люди только и ждали возможности отомстить угнетателям. Город, по словам Платона, превратился в собрание людей, где одна группа властвовала, а другая была порабощена. Форма правления называлась аристократической — когда богатые были у власти, и демократической, когда у власти были бедные. В действительности истинной демократии больше не было.

Демократия исказилась с того дня, как в дело вмешались материальные интересы. Демократия с богатыми у власти превратилась в жестокую олигархию, демократия с бедными у власти стала тиранией. В период с V до II века до н. э. борьба шла во всех городах Греции и Италии, за исключением Рима. Мы можем легко отличить тех, кто хотел уничтожить республиканскую форму правления, вызывавшую ненависть части народа, и тех, кто стремился ее сохранить. Богатые, более просвещенные и высокомерные, сохраняли преданность республиканскому строю, в то время как бедные, для которых политические права не представляли особой ценности, в качестве вождя охотно признавали тирана. Когда после нескольких гражданских войн бедный класс понял, что его победы ни к чему не приводят, противная сторона всегда возвращается к власти и после многочисленных взаимных конфискаций и реституций приходится возобновлять борьбу, бедный класс пришел к мысли об установлении монархического строя, более удовлетворяющего его интересам, который, навсегда уничтожив аристократическую партию, даст бедным возможность в будущем пользоваться плодами своих побед.

С этого времени партии изменили названия; они больше не были аристократическими и демократическими; одни боролись за свободу, другие за тиранию. Но как бы они ни назывались, это по-прежнему была борьба между богатством и бедностью. Свободой назывался тот строй, при котором у власти были богатые, защищавшие свое состояние, а тиранией — строй их противников.

В истории Греции и Италии практически все тираны были выходцами из народа, и аристократия была их врагом. «Тиран становится из среды народа против знатных, —

Глава 13

ПЕРЕВОРОТЫ В СПАРТЕ

пишет Аристотель, — чтобы народ не терпел от них никакой несправедливости... Тираны в основном являются демагогами... Средством достижения тирании является приобретение доверия толпы, а доверие можно приобрести, объявив себя ненавистником богатых». Так поступили Писистрат в Афинах, Феаген в Мегарах, Дионисий в Сиракузах.

Тиран всегда воюет с богатыми. В Мегарах по приказу Феагена были перерезаны большие стада скота, принадлежавшие местной знати. В Кумах Аристомем отменил долги, отобрал землю у богатых и распределил ее между бедными. Так же поступили Никоклес в Сикионе и Аристомем в Аргосе. Писатели изображают всех этих тиранов невероятно жестокими. Вряд ли они были такими от рождения; они стали жестокими под давлением обстоятельств. Тираны удерживали власть только до тех пор, пока могли удовлетворять требования ненасытной толпы и управлять ее страстями.

Что представлял собой тиран греческого города? Этот человек, не имевший посредников в лице чиновников и министров, напрямую общался со своими подданными. Он не занимал такого высокого и независимого положения, как правитель большого государства. Он испытывал те же чувства, что и обычный человек. Охотно извлекал выгоду от конфискации; был подвержен приступам гнева; был мстителен; испытывал чувство страха; понимал, что его окружают враги, а общественное мнение одобряет убийство, если жертвой становится тиран. Можно предположить, каким было правление подобного человека. За исключением двух или трех достойных уважения личностей, тираны, правившие во всех греческих городах в IV и III веках, потворствовали низменным инстинктам толпы и уничтожали всех, кто возвышался над толпой благодаря своему происхождению, богатству или заслугам. Тиран обладал неограниченной властью. Греки смогли убедиться, как легко республиканский строй, если он без должного уважения относится к правам личности, превращается в деспотизм. Древние предоставили такую власть государству, что в тот день, когда эту власть взял в свои руки тиран, народ оказался беззащитен, и тиран стал законным властителем их жизней и имущества.

Не следует думать, что Спарта на протяжении десяти веков не пережила ни одного переворота. Фукидид сообщает, что ее раздирали разногласия больше, чем любой из греческих городов; «Лакедемон после его заселения дорийцами... больше всех городов... страдал от междоусобных распрей»¹.

Нам почти ничего не известно об этих внутренних разногласиях только потому, что правительство Спарты придерживалось правила окружать себя глубочайшей тайной; по словам Фукидида, «по причине скрытного характера, свойственного их государственному строю»².

Однако тех сведений, которыми мы обладаем, вполне достаточно, чтобы, по крайней мере, утверждать, что, если история Спарты и отличается существенным образом от истории других городов, она тем не менее пережила такие же перевороты.

Дорийцы были уже сложившимся народом, когда вторглись на Пелопоннес. Что заставило их покинуть свою страну? Действительно ли это было вторжением в чужую страну, или это была внутренняя революция? Мы этого не знаем. Но можно с уверенностью сказать, что в тот период жизни дорийцев у них уже не было родового строя. Мы не находим у них древней семейной организации, следов патриархального быта, религиозной аристократии, наследственной клиентелы. Мы видим только воинов, равных по положению, под властью царя. Вполне вероятно, что первый социальный переворот уже произошел, или по пути в Спарту. Если мы сравним дорийское общество IX столетия с ионийским обществом той же эпохи, то увидим, что первое подверглось изменениям намного раньше, чем второе. Ионийское общество позже вступило на путь переворотов, но прошло по нему значительно быстрее.

Хотя у дорийцев к моменту прибытия в Спарту уже не было родового строя, они еще не могли полностью отка-

¹ Фукидид. История. Кн. I, 18. (Примеч. авт.)

² Там же. Кн. V, 68. (Примеч. авт.)

заться от него; у них сохранились некоторые древние институты, такие, к примеру, как право первородства и неотчуждаемость наследства. В результате в спартанском обществе появилась аристократия.

Согласно преданиям, когда появился Ликург, в Спарте было два класса, и эти классы враждовали между собой. Царская власть, естественно, стремилась принять сторону низшего класса. Ликург, который не был царем, стал во главе аристократии и одним ударом ослабил власть царя и надел ярмо на шею народа.

Нас не должны вводить в заблуждение разглагольствования некоторых древних и многих современных писателей о замечательных спартанских институтах, о неизменной удаче, сопутствовавшей спартанцам, о равенстве, совместном проживании. Из всех городов, когда-либо существовавших на земле, Спарта, вероятно, была единственной, где правление аристократии отличалось особой деспотичностью и где почти ничего не знали о равенстве. Что уж говорить о равном разделе земли. Если этот раздел и имел место, то можно с уверенностью сказать, что, по крайней мере, во времена Аристотеля у некоторых были огромные поместья, а у других не было ничего, или почти ничего; в Лаконии насчитывалась едва ли тысяча собственников.

Если мы рассмотрим только спартанское общество, без учета илотов и лаконцев, то увидим иерархию классов. Во-первых, неодамоды, по-видимому, бывшие рабы, получившие свободу; затем эпевнакты, которых принимали в войско для заполнения нанесенной войной брешы в рядах спартанцев; чуть выше стоят мотаки, очень напоминающие клиентов, которые жили в доме господина, повсюду сопровождали его, вместе с ним работали, отдыхали и сражались; далее класс незаконнорожденных, которые хоть и происходят от настоящих спартанцев, но отделены от них религией и законом, и, наконец, класс низших, скорее всего состоявший из младших сыновей, лишенных наследства. Над этими классами находился класс аристократов, называвшийся классом равных. Эти люди действительно занимали равное положение и стояли намного выше остальных. Нам неизвестно, сколько человек относилось к этому классу, мы только знаем, что он был очень

незначительный. Как-то один из врагов равных насчитал шестьдесят равных в четырехтысячной толпе, заполнявшей общественную площадь. Только равные принимали участие в управлении городом. По словам Ксенофонта, те, кто не входил в состав этого класса, были вне государства. Демосфен сообщает, что человек, входивший в состав класса равных, уже только благодаря этому становится «одним из правителей города». «Их называют равными, — продолжает он, — поскольку между олигархами должно существовать равенство».

У нас нет точной информации о составе сената, совета, управлявшего Спартой. Скорее всего, должности были выборными, но в выборах принимали участие только равные. Избрание в сенат считалось высшей наградой за достойную жизнь, посвященную общественному благу. Нам неизвестно, что именно понималось под достойной жизнью — богатство, происхождение, заслуги, каким был возрастной ценз. Очевидно, одного происхождения было недостаточно, раз проводились выборы. Можно предположить, что в городе, «который очень любил деньги и где богатым было позволено все», основное значение имело богатство»¹.

Только равные имели гражданские права, только они принимали участие в собраниях; только они в Спарте были тем, что понимается под словом народ. Из этого класса выбирались сенаторы, пользовавшиеся огромной властью. Недаром Демосфен говорит, что в тот день, когда человек входит в состав сената, он становится властителем толпы. Этот сенат, в котором цари были простыми членами сената, управлял государством точно так, как всегда управляло аристократическое сословие. Ежегодно избирались магистраты, выбор которых зависел от аристократии, имевшей неограниченную власть. Таким образом, в Спарте была республиканская форма правления: у нее были все внешние признаки демократии: царь-жрецы, ежегодно избираемые магистраты, сенат и народное собрание. Но народ состоял всего лишь из двухсот, или трехсот, человек.

¹ Во времена Аристотеля это стало притчей во языцех. (Примеч. авт.)

Таким было управление в Спарте со времен Ликурга и особенно после учреждения должности эфоров. Аристократия, состоявшая из нескольких богачей, надела железное ярмо на илотов, лаконцев и даже большую часть спартанцев. С присущей ей ловкостью, энергией, беспринципностью, не заботясь о соблюдении моральных норм, она удерживала власть в течение пяти веков, но она возбуждала сильную ненависть, и ей пришлось подавить много восстаний.

Нам ничего не известно о заговорах илотов, как, впрочем, известны и далеко не все заговоры спартанцев. Мудрое правительство стремилось сделать все возможное, чтобы стереть из памяти даже воспоминание о них. Тем не менее история не забыла некоторые из этих заговоров. Известно, что колонистами, основавшими Тарент, были спартанцы, пытавшиеся свергнуть правительство. По неосмотрительности поэт Тиртей открыл всей Греции, что во время мессенских войн группа заговорщиков задумала добиться раздела земель. Вот что рассказывает об этом Аристотель: «...когда одна часть населения оказывается слишком бедной, а другая, напротив, слишком благоденствует; это бывает чаще всего во время войн; и это случилось в Лакедемоне во время мессенской войны, что ясно видно из стихотворения Тиртея под названием «Благозаконие», некоторые, терпя бедствие из-за войны, требовали передела земли».

Что спасало Спарту, так это бесконечные раздоры между низшими классами. Илоты враждовали с лаконцами, мотаки презирали неодамонов. Они не могли создать коалицию, а у аристократии было достаточно сил, чтобы справиться с каждым из враждебных классов.

Цари пытались сделать то, что не мог сделать ни один из классов. Все, кто стремился выйти из зависимого положения, в котором их удерживала аристократия, искали поддержки у низших классов. Во время персидской войны Павсаний задумал упрочить царскую власть и улучшить положение низших классов, свергнув олигархию. Спартанцы казнили Павсания, обвинив в сговоре с персидским царем; но его настоящим преступлением, скорее всего, было желание освободить илотов. В истории можно насчитать большое количество царей, изгнанных эфорами. Нетрудно догадаться о причине их изгнания. Согласно Аристотелю,

спартанские цари, чтобы иметь возможность выступать против эфоров и сената, становились демагогами¹.

В 397 году до н. э. заговор едва не привел к свержению правительства олигархов. Руководителем заговора был некто Кинадон, не принадлежавший к классу равных. Каждого, кого он хотел привлечь к заговору, Кинадон приводил на агору² и заставлял пересчитывать всех граждан; их было около семидесяти, включая эфоров и сенаторов.

Тогда Кинадон говорил своему спутнику: «Эти люди наши враги; остальные четыре тысячи, заполняющие площадь, наши союзники». На этот раз илоты, лаконцы, неодамоды объединились и стали сообщниками Кинадона. Все испытывали такую ненависть к своим господам, что не было среди них ни одного, кто бы не заявлял, что «с удовольствием съест их живьем». Но для правительства Спарты не существовало тайн. Эфоры объявили, что во время совершения жертвоприношений от имени города прорицатель заявил, что боги указывают на какой-то ужасный заговор. Заговорщиков арестовали и тайно казнили. Олигархия была спасена.

С одобрения правительства неравенство продолжало усиливаться. Пелопоннесская война и походы в Азию способствовали увеличению денежного потока, хлынувшего в Спарту, но деньги распределялись неравномерно, те, кто и так были богаты, обогащались еще больше. Одновременно

¹ «Так как власть эфоров чрезвычайно велика и подобна власти тиранов, то и сами цари бывали вынуждены прибегать к демагогическим приемам». *Аристотель*. Политика. Кн. II, 14. (*Примеч. авт.*)

² Агора — рыночная площадь в древнегреческих полисах, являвшаяся местом общегражданских собраний (которые также по месту проведения назывались агорами). На площади, обычно располагавшейся в центре города, находились главный городской рынок (делившийся на «круги» по различным видам товаров) и нередко правительственные учреждения. Агору, как правило, окружали также галереи с ремесленными мастерскими, храмы; иногда по периметру площади возводились статуи. Очень часто агора являлась административным и экономическим центром города. Изначально агора представляла собой открытую площадь посреди городской застройки со стихийной планировкой; однако в классическую эпоху положение агоры стало более обособленным, и позднейший тип агоры — полностью обособленный, с регулярной планировкой — сообщался с городом лишь посредством ворот. Планировка агоры оказала влияние на архитектуру форумов в Древнем Риме. Одна из крупнейших и известнейших агор — афинская с развалинами многочисленных торговых и общественных построек VI—I веков до н. э.

с этим исчезают мелкие собственники. Если во времена Аристотеля было порядка тысячи землевладельцев, то спустя сто лет их осталось около сотни. Вся земля находилась в руках нескольких собственников, которые для обработки земли использовали труд рабов, и это в то время, когда не было ни промышленности, ни торговли. Получалось, что бедным негде было зарабатывать на жизнь. Таким образом, в Спарте были те немногие, у которых было все, и все остальные, у которых не было ничего. В «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха мы находим описание спартанского общества. «Начало порчи и недуга Лакедемонского государства восходит примерно к тем временам, когда спартанцы, низвергнув афинское владычество, наводнили собственный город золотом и серебром. И однако, пока семьи, сохраняясь в том числе, какое установил Ликург, соблюдали такое правило наследования, что отец передавал свое владение только сыну, этот порядок и это имущественное равенство каким-то образом избавляли Спарту от всяких прочих бед. Когда же эфором стал некий Эпитадей, человек влиятельный, но своенравный и тяжелый, он, повздоривши с сыном, предложил, чтобы впредь каждый мог подарить при жизни или оставить по завещанию свой дом и надел кому угодно. Эпитадей внес этот законопроект только ради того, чтобы утолить собственный гнев, а остальные приняли его из алчности и, утвердив, уничтожили замечательное и мудрое установление. Сильные стали наживаться безо всякого удержу, оттесняя прямых наследников, и скоро богатство собралось в руках немногих, а государством завладела бедность, которая, вместе с завистью и враждою к имущим, приводит за собою разного рода низменные занятия, не оставляющие досуга ни для чего достойного и прекрасного. Спартиатов было теперь не более семисот, да и среди тех лишь около ста владели землею и наследственным имуществом, а все остальные нищею и жалкою толпой сидели в городе, вяло и неохотно поднимаясь на защиту Лакедемона от врагов, но в постоянной готовности воспользоваться любым случаем для переворота и изменения существующих порядков»¹.

¹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Агис и Клеомен 5 (Примеч. авт.)

Олигархия перешла границы допустимого. Переворот был неизбежен, и, наконец, демократия разорвала оковы. Понятно, что после многовекового гнета демократия не могла остановиться на политических реформах, а должна была первым делом заняться социальными реформами.

Небольшое количество истинных спартанцев (не более семисот) и деморализация, как следствие долгого притеснения, объясняют, почему требование перемен исходило не от низших классов. Оно исходило от царя. Агис пытался совершить этот неизбежный переворот с помощью законных средств, что сильно осложняло его задачу. Он представил в сенат, то есть представителям самого богатого класса, два законопроекта: об отмене долгов и разделе земли. Как ни странно, но сенат не отклонил его законопроекты. Возможно, Агис принял меры, чтобы его предложения были приняты. Законы были приняты, оставалось привести их в исполнение, а реформы подобного рода настолько трудно осуществить, что даже настроенные самым решительным образом люди терпят неудачу. Столкнувшись с сопротивлением эфоров, Агис был вынужден прибегнуть к крайним мерам. Он сместил с должностей эфоров и назначил на их место новых. Он вооружил своих приверженцев и на год установил господство террора. За это время ему удалось провести закон о долгах и сжечь долговые расписки на общественной площади. Но произвести раздел земли Агис не успел. Причина нам неизвестна; может, Агис испытывал неуверенность, посчитав, что зашел слишком далеко, а может, олигархия умело сфабриковала обвинения против Агиса. Как бы то ни было, но народ отвернулся от Агиса и тем самым подписал ему смертный приговор. Эфоры казнили Агиса, и была восстановлена аристократическая форма правления.

Клеомен подхватил предложение Агиса, но действовал более умело и, в отличие от Агиса, не терзался сомнениями. «Клеомен был и честлюбив, и благороден, и не менее Агиса склонен по натуре к воздержности и простоте, но мягкости и крайней осторожности Агиса в нем не было, — напротив, в душе его как бы сидело острие, подстрекавшее волю, и он неудержимо рвался к цели, которая однажды представлялась ему прекрасной. А прекраснее всего, казалось ему, — править охотно подчиняющимися своему царю подданными».

ми; вместе с тем он считал прекрасным и взять верх над непокорными, направляя их к добру силой». Он начал с того, что убил эфоров и отменил должность эфора, одинаково ненавистную и царям, и народу, и изгнал богатых. За этим переворотом последовал следующий. Клеомен заново поделил землю и предоставил гражданские права четырем тысячам лаконцев. Примечательно, что ни Агис, ни Клеомен не считали, что совершили перевороты, и оба, ссылаясь на древнего законодателя Ликурга, утверждали, что возвращали Спарте «вкус отеческих обычаев». Государственное устройство Клеомена было, конечно, далеко от древних обычаев. Царь действительно обладал неограниченной властью и правил наподобие тех тиранов, которые в то время властвовали во всех греческих городах; народ в Спарте, удовлетворившись получением земель, похоже, мало беспокоился о политической свободе. Но это продолжалось недолго. Клеомен хотел распространить демократическое правление на весь Пелопоннес, в то время как Агис пытался установить свободу и правление мудрой демократии. Во всех городах начались волнения; имея перед глазами пример Спарты, народ надеялся на отмену долгов и раздел земли. Неожиданное восстание низших классов заставило Агиса изменить планы. Он решил, что может рассчитывать на Македонию, царь которой Антигон Досон в то время проводил политику, направленную на уничтожение тиранов. Агис призвал его в Пелопоннес. Антигон Досон и ахейцы одержали победу над Клеоменом при Селласии. Спартанская демократия вновь потерпела поражение, и македонцы восстановили в Спарте прежний государственный строй (222 год до н. э.).

Однако олигархия исчерпала силы. Народные волнения не прекращались. Как-то три эфора, поддерживавшие партию народа, убили двух своих товарищей; на следующий год все эфоры были представителями партии олигархов. Народ взялся за оружие и убил этих эфоров. Олигархи были против царей; народ хотел иметь царей. Царя избрали, но он не был членом царского рода; невиданный для Спарты случай. Этого царя по имени Ликург дважды свергли с престола; в первый раз народ, поскольку он отказал в разделе земли, второй раз аристократия, поскольку подозревала его в желании произвести раздел. Нам ничего не известно о его дальнейшей судьбе, но после него правил тиран

Маханид, а это служит доказательством того, что верх одержал народ.

Филопмен, собрав почти все военные силы Ахейского союза, разбил крупное войско спартанцев, а самого Маханида убил в бою. Спартанская демократия тут же избрала другого тирана, Набиса. Он дал права граждан всем свободным жителям Спарты, подняв лаконцев до уровня спартанцев. Он зашел так далеко, что освободил илотов. Набис, как это было принято у тиранов греческих городов, стал вождем бедных; он изгонял или убивал тех, кто благодаря богатству возвысился над остальными гражданами.

Набис установил такой порядок в Лаконии, какого она давно не видела. Он подчинил Мессению, часть Аркадии и захватил Аргос. Он построил флот, что никак не согласовывалось с древними традициями спартанской аристократии. С помощью этого флота он установил господство на островах, окружавших Пелопоннес, и умудрился распространить свое влияние до острова Крит. Овладев Аргосом, он первым делом конфисковал собственность богатых, отменил долги и произвел раздел земель. Полибий сообщает нам, какую ненависть испытывал Ахейский союз к этому демократическому тирану. Ахейцы убедили римского консула Тита Квинкция Фламинина начать войну с Набисом под предлогом «освобождения городов». Десять тысяч лаконцев, не считая наемников, взялись за оружие, чтобы защитить Набиса. Потерпев поражение, Набис хотел заключить мир, но народ воспринял его решение в штыки: дело тирана было делом всей демократии. Фламинин, как победитель, лишил Набиса части войска, но оставил править в Лаконии, то ли потому, что невозможность восстановления древней формы правления была очевидна, то ли потому, что Риму было выгодно оставить некоторых тиранов в качестве противовеса Ахейскому союзу. Позже Набис был предательски убит этолианином, но его смерть не стала причиной восстановления олигархической формы правления. Введенные им в социальный строй перемены сохранились и после его смерти, и даже Рим отказался восстанавливать в Спарте прежнюю форму правления.

Часть пятая

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ИСЧЕЗАЕТ

Глава 1

НОВЫЕ ВЕРОВАНИЯ. ФИЛОСОФИЯ МЕНЯЕТ ПРИНЦИПЫ И ПРАВИЛА ПОЛИТИКИ

Мы уже видели, как у древних сложился общественный строй. Древнейшая религия основала сначала семью, а затем гражданскую общину, город. Она установила семейное право и управление родом, затем гражданское право и общественное управление. Государство было тесно связано с религией; оно вышло из нее и слилось с ней. Вот почему в древнем городе все политические институты были религиозными институтами, праздники — церемониями культа, законы — священными формулами, цари и магистраты — жрецами. По этой же причине не существовало такого понятия, как личная свобода, и человек даже не помышлял о том, чтобы выйти из-под власти всесильного города. Границы города, некогда установленные национальными богами, очерчивали территорию государства. Каждый город-государство обладал не только политической независимостью, но и имел свой культ и свои законы. Религия, право, управление — все было общественным.

Теперь нам предстоит разобраться, как исчез этот строй, то есть каким образом управление, религия и право отбросили общественный характер после того, как изменились принципы построения человеческого общества.

Две главные причины лежат в основе исчезновения формы правления, созданной Грецией и Италией. Одна лежит в духовной сфере, другая — в материальной. Первая связана с изменением верований, вторая — с римским завоеванием. Оба события относятся к одному периоду.

Древняя религия, символом которой был очаг и наследственная могила и которая создала древнюю семью, а затем основала город, со временем изменилась и устарела. Человек развивался в интеллектуальном отношении, у него появилось представление о нематериальной природе; стало более определенным понятие человеческой души, и почти одновременно с этим возникло представление о божественном разуме.

Продолжали они по-прежнему верить в древние боже-ства, в умерших, живущих в могилах, в ларов, которые прежде были людьми, в священных предков, которым следовало совершать подношения? Безусловно, нет. Эти верования уже казались слишком примитивными. Однако, при всей их примитивности, их не так-то легко было искоренить. Но начиная с V века до н. э. мыслящие люди стали освобождаться от древних заблуждений. Они по-иному стали смотреть на смерть. Одни считали, что смерть есть полное уничтожение и исчезновение сознания, другие верили, что смерть только перемена и переселение души из одного места в другое. Во всяком случае, ни те ни другие уже не думали, что умершие живут в могилах, питаются подношениями. Составив представление о высшем боже-стве, они перестали верить в божественность умерших. Теперь, по их представлениям, после смерти душа отправлялась или в Елисейские поля за наградой за праведную жизнь, или подвергалась наказанию за несправедную жизнь. Теперь они обожествляли только тех людей, которых благодарность или лесть поставили над человечеством.

Постепенно менялось представление о богах. От представления о невидимой силе, которую человек ощущал в самом себе, он перешел к представлению о силах более могущественных, которые он видел в природе, пока в своих рассуждениях не дошел до представления о высшем существе, не связанном с природой. С этого времени все мыслящие люди перестали поклоняться ларам и героям. Что касается очага, который, по-видимому, имел значение только потому, что был связан с культом мертвых, то и к нему интерес был утрачен. В домах остались очаги со священным огнем, которому продолжали поклоняться и совершать возлияния, но это скорей по привычке, чем из желания воскресить прежнюю веру.

Так же незаметно, как вера в домашний очаг, исчезла вера в общественный очаг города, или пританей. Теперь люди не понимали, какое значение имеет очаг; они забыли, что вечный огонь пританей олицетворял невидимую жизнь предков, основателей и национальных героев. Они продолжали поддерживать огонь, совершать общественные трапезы и петь древние гимны, но они уже не понимали смысла этих церемоний и, если можно так выразиться, просто отбывали повинность.

Изменились олицетворявшие силы природы божества, связанные с очагом. Первоначально являясь домашними, а затем ставшие городскими богами, они подверглись дальнейшему изменению. Люди, наконец, поняли, что различные существа, которых они называли именем Юпитер, могли быть одним существом; то же самое относилось к другим богам. От обилия богов кружилась голова, и человек испытывал потребность каким-то образом уменьшить их количество. Боги больше не принадлежали семье или городу; они стали принадлежать всему человеческому роду и наблюдать за вселенной. Поэты, переходя из города в город, обучали людей, вместо древних гимнов, новым песням, в которых не говорилось ни о ларах, ни о городских богах, а рассказывались легенды о великих богах неба и земли. Греки забыли свои древние семейные и национальные гимны ради новой поэзии, источником которой была не религия, а искусство и творческое воображение. В это же время несколько больших святилищ, такие как святилище в Дельфах и на Тилосе, стали центрами притяжения множества паломников; это еще одна причина, по которой люди забыли свои местные культы. Совершавшиеся там мистерии приучили людей относиться с пренебрежением к бессодержательной религии города.

Итак, медленно и незаметно совершалась интеллектуальная революция. Пока в установленные дни совершались жертвоприношения, жрецы не оказывали сопротивления, поскольку им казалось, что это не затрагивает древнюю религию: пусть изменения затрагивают понятия, пусть исчезает вера, лишь бы неизменными оставались обряды. Однако хотя ритуалы остались неизменными, но верования изменились, и семейная и общественная религия утратила власть над людьми.

Затем появилась философия и разрушила правила древнего государства, древнюю политик)¹.

Философия, оказав влияние на взгляды людей, неизбежно затронула основные принципы управления. Пифагор, имея смутное представление о Вседержителе, с презрением относился к местным культам, и этого было достаточно, чтобы он отверг старые способы управления и предпринял попытку основать новое общество.

Анаксагор создал учение о «мировом уме, все приводящем в порядок». Отвергнув древние верования, он отверг и древнюю форму правления. Он не выполнял обязанности гражданина, поскольку не верил в богов пританей; не участвовал в собраниях. Не был магистратом. Он навлек на себя обвинение в оскорблении богов. Его судили и приговорили к смерти, от которой его спасло только красноречие Перикла. Смертный приговор заменен был изгнанием.

Затем появились софисты, которые оказали большее влияние, чем два этих великих философа, Пифагор и Анаксагор. Софисты вели активную борьбу с древними заблуждениями. В борьбе, которую они вели со всем, что имело отношение к прошлому, они не пощадили ни институтов города, ни религиозных предрассудков. Они беззастенчиво изучали и обсуждали законы, которыми еще руководствовались государство и семья. Они ходили из города в город, распространяя свое учение о справедливости, менее ограниченной и избирательной, какой она была в древности, более человеческой, более разумной и избавленной от древних формул. Действия софистов вызвали бурю ненависти и злобы. Софистов обвинили в отсутствии религиозных и патриотических чувств. Эти странствующие софисты не имели четко сформулированного учения, но считали, что вправе вести борьбу с древними предрассудками. По словам Платона, они привели в движение то, что до этого времени было неподвижным. Источником всех чувств является человеческое сознание, вне человеческого сознания ничего не существует, заявляли софисты. Они объясняли грекам, что для управления государством недостаточно ссылаться на

¹ П о л и т и я — форма общественного управления, в которой, по мнению Аристотеля, правит большинство в интересах общей пользы. Данная форма управления соединяет в себе лучшие стороны аристократии и демократии, но свободна от их крайностей и недостатков.

древние обычаи и священные законы, а следует убеждать людей и влиять на их решения. Их противники ссылались на традиции, в свою очередь, софисты использовали в качестве оружия атональную риторику, то есть риторику словесного спора, состязания, которая направлена на победу одного и поражение другого.

Обретя способность размышлять, человек уже не хотел слепо верить, не желал, не раздумывая, подчиняться. Он усомнился в справедливости прежних социальных законов и институтов. Платон вложил в уста одного из софистов замечательные слова: «Мужи, собравшиеся здесь! Я считаю, что вы все тут родственники, свойственники и сограждане — по природе, а не по закону: ведь подобное родственно подобному по природе, закон же — тиран над людьми — принуждает ко многому, что противно природе». Софисты противопоставляли природу закону и обычаю, то есть подрывали основу древней политической системы. Напрасно афиняне изгнали Протагора и сожгли его сочинения; удар был нанесен, и учение софистов дало огромные результаты. Древние институты исчезли вместе с исчезновением власти национальных богов; появилась привычка свободно обсуждать все вопросы дома и на общественных площадях.

Сократ, с неодобрением относившийся к той крайности, в которую впали софисты в своем скептицизме, тем не менее принадлежал к их школе. Как и они, Сократ отвергал власть традиций и считал, что совесть диктует человеку правила поведения. Сократ отличался от софистов только в одном: он тщательно изучил такое понятие, как «совесть», или «сознание» (в этическом языке греков не проводилось заметного различия между «сознанием» и «совестью»), в стремлении найти положительную истину. Он поместил истину выше обычая, справедливость — выше закона. Он рассматривал отдельно мораль и религию. До Сократа люди понимали долг только как выполнение повелений древних богов. Сократ показал, что чувство долга заложено в сознании. Тем самым, вольно или невольно, он вел борьбу с культом города. Напрасно он старался присутствовать на всех праздниках и принимать участие в жертвоприношениях, его убеждения и слова противоречили его поведению. Сократ создал новую религию, отличную от религии города. Его справедливо обвиняли в том,

что «он нарушает законы государства, не признавая национальных богов и вводя новых». Его осудили на смерть за оскорбление обычаев и верований предков, или, как выражались в те времена, за то, что «развращает молодое поколение». Непопулярность Сократа и гнев его сограждан легко объясняются, если мы вспомним религиозные обычаи афинян, их общество, в котором было огромное количество жрецов, причем очень могущественных. Смерть Сократа не могла остановить переворот, начатый софистами и продолженный Сократом, правда проявившим большую сдержанность, чем софисты. С каждым днем греческое общество все больше освобождалось от власти древних верований и древних институтов.

После Сократа философы уже свободно обсуждали принципы и правила человеческих сообществ. Платон, Критон, Антисфен, Спевсипп, Аристотель, Теофраст¹ и многие другие написали трактаты о политике. Они занялись исследованием и решением глобальных задач, связанных с организацией государства, властью и повиновением, обязанностями и правами.

¹ Антисфен — древнегреческий философ, основатель и главный теоретик кинизма, одной из самых знаменитых сократических школ. Первый номиналист, отвергающий существование общих понятий и утверждающий, что идеи существуют только в сознании человека. Основной задачей философии, утверждал Антисфен, является исследование внутреннего мира человека, понимание того, что является для человека истинным благом. Сам Антисфен и его ученики доказывали, что благо для человека — быть добродетельным. Проповедовал аскетизм, естественность, приоритет личных интересов перед государственными. Отрицая традиционную религию и государство, он и Диоген первыми назвали себя не гражданами какого-либо определенного государства, а гражданами всего мира — космополитами.

Спевсипп — древнегреческий философ, племянник и ученик Платона. После смерти Платона руководил Платоновской академией. Не принял или не понял учения Платона об идеях и превратил платонизм в пифагореизм. В области этики Спевсипп проповедовал «несмутимость», с которой вполне сопоставима развитая концепция «невозмутимости» Эпикура. В области логики на материале биологии и ботаники проводил логическое различие родовых и видовых признаков.

Теофраст — древнегреческий философ, естествоиспытатель, теоретик музыки. Разносторонний ученый; являлся наряду с Аристотелем основателем ботаники и географии растений. Благодаря исторической части своего учения о природе выступает как родоначальник истории философии (особенно психологии и теории познания).

Легко приобретать привычки, но трудно от них отказываться. Платон частично находился под властью древних идей. Государство, которое он себе представлял, было все тем же древним городом с населением не более пяти тысяч человек; управление основывалось по-прежнему на древних принципах; так же не существовало такого понятия, как свобода. Цель, которую ставит перед собой законодатель, заключается не столько в развитии и совершенствовании человека, сколько в обеспечении безопасности и величия сообщества. Семья практически не берется в расчет. Единственным собственником является государство. Только оно свободно; есть только воля государства; только у него есть религия и верования, и каждый, кто не согласен с государством, должен погибнуть. Однако он высказывает и новые идеи. Следом за Сократом и софистами Платон заявляет, что в человеке заложены нравственные и политические принципы, что предания ничего не значат, что надо прислушиваться к голосу разума и что законы справедливы только в том случае, если соответствуют природе человека.

Аристотель высказывается более определенно: «Закон — это разум». Он учит, что мы должны делать не то, что находится в соответствии с обычаями отцов, а то, что хорошо само по себе. Он считает, что с течением времени должны изменяться институты. Аристотель не испытывает почтения к предкам. «Вообще же все люди стремятся не к тому, что освящено преданием, а к тому, что является благом; и так как первые люди — были ли они рождены из земли или спаслись от какого-нибудь бедствия — походили на обыкновенных людей, к тому же не одаренных развитыми мыслительными способностями, как это и говорится о людях, рожденных из земли, то было бы безрассудством оставаться при их постановлениях»¹.

Аристотель, как все философы, категорически отрицал религиозное происхождение человеческого общества; он не признавал, что местный культ является основой государства. «Государство не есть общность местожительства, оно не создается для предотвращения взаимных обид или ради удобств обмена. Конечно, все эти условия должны

¹ *Аристотель. Политика. Кн. II. (Примеч. авт.)*

быть налицо для существования государства, но даже и при наличии всех их, вместе взятых, еще не будет государства; оно появляется лишь тогда, когда образуется общение между семьями и родами ради благой жизни». Таким образом, философия отвергает древние принципы сообщества и ищет новую основу для социальных законов и идеи отечества.

Школа циников пошла еще дальше. Циники не признавали уз отечества. Диоген заявлял, что он гражданин мира, космополит, а Кратес говорил, что презирает другие мнения. Циники провозгласили совершенно новую для того времени истину, что человек является гражданином мира и что отечество не ограничивается территорией города. Они считали патриотизм предрассудком и отрицали такое понятие, как любовь к отечеству.

Чем дальше, тем больше философы уклонялись от участия в общественных делах. Сократ еще исполнял обязанности гражданина; Платон пытался работать на государство, внося изменения. Аристотель, более беспристрастный, ограничивался ролью наблюдателя; государство для него было объектом научных исследований. Эпикурейцы не уделяли внимания общественным делам. Не вмешивайтесь в них, говорил Эпикур, если только к этому вас не принудит какая-нибудь высшая власть. Циники не желали быть гражданами.

Стоики явились продолжателями платоно-аристотелевской линии в философии. Зенон, Клеанф, Хрисипп написали множество трактатов об управлении государством. Вот что сообщает нам один из древних писателей об их доктринах: «Зенон в своем трактате об управлении задался целью показать нам, что мы не являемся жителями такого-то дема или такого-то города, имеющего свои законы, а будто все мы принадлежим одному дему, или одному городу, и являемся согражданами». Стоики утверждали, что все люди граждане космоса как мирового государства. Из сказанного видно, как далеко ушли в своих рассуждениях философы со времен Сократа, который еще считал себя обязанным, насколько возможно, почитать богов государства. Даже Платон не видел другой формы управления, кроме существовавшей в то время. Зенон не признавал делений, установленных древней религией. Он верил в еди-

ного Бога Вселенной и в мировое государство, в котором живет весь человеческий род.

Стоический космополитизм уравнивал перед лицом мирового закона всех людей. Как стоицизм отвергает религию города, так он отвергает и рабство. Он не желает, чтобы человек приносился в жертву государству. Он четко определяет, что в человеке должно оставаться свободным. Он объяснял, что человек должен найти в себе самом долг, добродетель и награду. Стоицизм не запрещал человеку заниматься общественными делами, он даже призывал его участвовать в них, но в то же время предупреждал, что основные силы он должен направить на собственное совершенствование и что каким бы ни было государственное управление, его совесть должна оставаться свободной. Этот принцип, на который древний город никогда не обращал внимания, должен был со временем стать одним из самых священных правил политики.

Люди начинают понимать, что существуют другие обязанности, помимо обязанностей в отношении государства, другие добродетели, помимо гражданских. Древний город был настолько могущественным и деспотичным, что человек отдавал ему все свои силы и помыслы. Город был для него образцом красоты и заботы, и только ради него следовало совершать героические поступки. Но Зенон объяснил, что существует достоинство не только гражданина, но и человека; что помимо обязанностей перед городом у человека есть обязанности перед самим собой, а высшая заслуга состоит не в том, чтобы жить и умереть за государство, а в том, чтобы быть добродетельным и угодным богу. На первый план выдвигаются личные добродетели, задвигая общественные на второй план. Поначалу шла борьба с общим падением нравов и деспотизмом, но постепенно новые идеи настолько укоренились в умах, что стали могущественной силой, с которой было вынуждено считаться любое правительство; следовало изменить правила политики, чтобы освободить место для новых правил морали.

Так постепенно изменились верования; общественная религия, основа города, исчезала, а вместе с ней и тот общественный строй, каким он был в понимании древних. Люди незаметно отошли от строгих правил и преж-

ней формы правления. У людей появилось стремление к единению, к укрупнению сообществ; это было общей тенденцией на протяжении двух веков, предшествовавших нашей эре. Правда, плоды подобных переворотов созревают очень медленно, но мы увидим, изучая римское завоевание, что события развивались в одном направлении с этими идеями, имели ту же тенденцию к разрушению древнего общественного строя и к созданию новых форм правления.

Глава 2

РИМСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

На первый взгляд кажется странным, что среди тысячи городов Греции и Италии нашелся один, способный подчинить себе остальные. Тем не менее это легко объяснить. Мудрость Рима заключалась в том, что он сумел воспользоваться благоприятными обстоятельствами.

Римское завоевание можно разделить на два периода. Первый совпадает со временем, когда общественный дух был еще очень силен; в этот период Риму пришлось преодолеть наибольшее количество препятствий. Второй период относится к тому времени, когда общественный дух сильно ослаб, и завоевание прошло быстро и легко.

Основание Рима и его население

Необходимо сказать несколько слов об основании Рима и составе его населения, поскольку в этом кроется объяснение специфического характера римской политики и той исключительной роли, которая досталась именно этому городу.

Римское население было невероятно смешанным. Основную часть составляли латины, уроженцы Альбы, но сами эти альбанцы, судя по преданиям, которым у нас нет никаких оснований не доверять, состояли из двух соединившихся, но не слившихся народностей. Одна была коренной расой, истинными латинами. Другая — чужеземного происхождения, согласно преданиям, прибыла из Трои с

Энеем, жрецом-основателем; по всей видимости, она была немногочисленной, но, благодаря своему культу и своим институтам, весьма влиятельной.

Эти альбанцы, смесь двух рас, основали Рим на том самом месте, где раньше находился город Паллантиум, построенный греками. Население Паллантиума осталось жить в новом городе, и в городе сохранились обряды греческого культа. На месте Капитолия, согласно преданиям, раньше тоже был город, основанный греками, семьи которых отличались от остальной части римского населения на протяжении всего периода существования республики.

В Риме соединились и смешались все расы; там были латины, троянцы и греки; чуть позже появились сабины и этруски. Обратите внимание на холмы. Палатин, на котором проживали латины, до этого был местом основанной Эвандром колонии. На Капитолии, бывшем месте жительства спутников Геркулеса, стали проживать сабины Тация. Квиринал получил название от сабинских квиринов или от сабинского бога Квирина. На Делийском холме, похоже, с самого начала жили этруски. Рим являлся как бы федерацией нескольких городов, каждый из которых изначально относился к другой федерации. Рим был центром, где встретились латины, этруски, сабины и греки.

Первым римским царь был латин; вторым — сабинянин; пятый, согласно преданию, был сыном грека; шестой — этрусском.

Каким же был язык в Риме? Основу составляла латынь, но, кроме того, было множество сабинских корней, а греческих корней было больше, чем в любом из наречий Центральной Италии. Что касается названия города, то неизвестно, какому оно принадлежит языку. По мнению одних, Рим троянское слово, по мнению других — греческое. Есть основание считать его латинским, но некоторые древние полагали, что слово Рим этрусского происхождения.

Имена римских семей тоже свидетельствуют о большом разнообразии происхождения. Во времена Августа было около пятидесяти семей, предками которых были спутники Энея. Другие утверждали, что являются потомками выходцев из Аркадии, ушедших вместе с Эвандром; с неза-

памятных времен члены этих семей носили на своей обуви отличительный знак — маленький серебряный полумесяц. Семьи Поттицев и Пинариев были потомками тех, кого называли спутниками Геркулеса, и наследственный культ этого бога является доказательством их происхождения. Туллии, Квинции и Сервилии пришли в Рим из Альбы. Многие семьи присоединяли к именам прозвища, указывавшие на их чужеземное происхождение, например Сульпиции Камерины, Коминии Аврунки, Клавдии Регилленсы и Аквиллии Туски. Навции были троянского происхождения, Аврелии были сабинами, Цецилии были из Пренесте, Октавии из Велитр.

Рим с самого начала был связан со всеми известными ему народами. Он мог называть себя латинским с латинами, сабинским с сабинами, этрусским с этрусками и греческим с греками.

Национальный культ вобрал в себя несколько абсолютно разных культов, каждый из которых принадлежал одному из живущих в Риме народов. В Риме были греческие культы Эвандра и Геркулеса, и он с гордостью говорил о том, что владеет троянским палладиумом. Римские пенаты были в латинском городе Лавиний. Он с самого начала признал сабинский культ бога Конса. Другой сабинский бог, Квирина, так прочно обосновался в Риме, что римляне отождествляли его с Ромулом, основателем города. Кроме того, были этрусские боги, этрусские праздники, этрусские авгуры и даже их священные знаки отличия.

В то время, когда никто не имел права присутствовать на религиозных праздниках другого народа, римляне имели несравненное преимущество, поскольку могли принимать участие и в латинских празднествах, и в сабинских, и в этрусских, и в олимпийских играх. Когда два города имели общий культ, они назывались родственными городами; они были обязаны считать себя союзниками и помогать друг другу. В древности люди не знали иного союза, кроме того, который был установлен религией. Вот почему Рим так заботился о сохранении всего, что могло служить свидетельством прекрасных отношений с другими народами. Латинам он презентовал предания о Ромуле; сабинам — легенду о Тарпее и Тации; грекам — древние гимны, сложенные в честь матери Эвандра, гимны, кото-

рые римляне уже не понимали, однако продолжали петь. Римляне заботливо хранили все воспоминания об Энее, поскольку если через Эвандра они могли претендовать на родство с пелопоннесцами, то через Энея состояли в родстве более чем с тридцатью городами, разбросанными по Италии, Сицилии, Греции и Малой Азии, которые считали Энея своим основателем или были колониями основанных им городов, а потому имели общий с Римом культ. Какую выгоду извлекали римляне из этого древнего родства, можно увидеть на примере войны на Сицилии против Карфагена и в Греции против Филиппа.

Подведем итог. Население Рима представляло смесь нескольких народов, культ Рима состоял из нескольких культов, и национальный очаг представлял собрание нескольких очагов. Рим был практически единственным городом, общественная религия которого не изолировала его от других городов. Рим был связан со всей Италией и со всей Грецией. Практически не было народа, которого бы Рим не мог допустить к своему очагу.

Первые римские завоевания (753—350 годы до н. э.)

В период, когда повсюду общественная религия была могущественной, она оказывала влияние на политику Рима.

Рассказывают, что первым деянием нового города было похищение сабинянок — легенда, которая кажется невероятной, если вспомнить о святости брака у древних. Однако мы уже говорили о том, что общественная религия запрещала браки между жителями разных городов, если эти города не были связаны общим происхождением или общим культом. Первые римляне имели право заключать браки с жителями Альбы, но не имели права заключать браки с другими соседями, сабинянами. Ромул хотел получить не просто нескольких женщин, а право на смешанный брак, то есть право установить постоянные отношения с сабинянами, а для этого следовало установить религиозную связь между Римом и сабинянами. С этой целью Ромул признает культ бога Конса и устраивает

честь него праздник. Согласно преданию, во время праздника Ромул похищает женщин. Если бы Ромул это сделал, то браки нельзя было бы совершить в соответствии с обрядом, поскольку первым и самым необходимым актом обряда был *traditio in manum*, то есть передача дочери отцом, а украв женщин, Ромул не достиг бы своей цели. Но присутствие сабинян с семьями на религиозном празднике и участие в жертвоприношении устанавливали между этими народами такого рода связь, так что не было препятствий для *connubium*¹.

В похищении не было никакой необходимости; право на смешанный брак было естественным результатом совместного участия в празднике римлян и сабинян. Дионисий, изучавший древние тексты и гимны, уверяет, что сабинянки сочетались браком с соблюдением торжественных обрядов; это подтверждают Плутарх и Цицерон. Необходимо отметить, что первая попытка римлян в результате привела к уничтожению барьеров, установленных общественной религией между двумя соседними народами. До нас не дошла аналогичная легенда относительно Этрурии, но вполне вероятно, что у Рима были с этой страной такие же отношения, как с Лацием и Сабинией. Таким образом, римлянам удалось соединиться узами культа и крови со всеми соседями. Для римлян было важно получить право на *connubium* с жителями всех городов. Они прекрасно понимали значимость этого права, а это доказывает тем, что Рим не разрешал заключать браки между жителями подвластных ему городов².

Затем последовал период затяжных войн. Первой была война римлян с сабинянами Тация; она закончилась религиозным и политическим союзом двух маленьких народов. Затем война с Альбой. Историки сообщают, что рим-

¹ В широком смысле название римского брака вообще, в более тесном — понятие правоспособности к браку.

² «Трем народам из племени герников — алетринцам, веруланцам и ферентинцам — были возвращены их законы, ибо они предпочли их римскому гражданству, и дозволены были браки между собой, чем какое-то время из всех герников располагали они одни. Анагинцам и всем тем, кто поднял оружие против римлян, дано было гражданство без права голосования; право собирать совет и заключать браки было у них отнято». *Тит Ливий*. История Рима от основания города. IX, 43. (Примеч. авт.)

ляне осмелились напасть на этот город, хотя Рим был его колонией. Возможно, именно потому, что Рим был колонией, римляне сочли нужным разрушить Альбу. Действительно, каждая метрополия утверждала религиозное главенство над колониями, а религия в то время обладала такой большой властью, что, пока Альба удерживала свои позиции, Рим не мог стать независимым городом.

Разрушив Альбу, Рим не удовольствовался тем, что перестал быть колонией, захотел сам стать метрополией и унаследовать то право религиозного главенства, которое до этого имела Альба над тридцатью колониями Лация. Римляне вели затяжные войны, чтобы добиться главенства при совершении жертвоприношений на латинских праздниках. Это был способ добиться единственного известного в то время превосходства — религиозного.

Римляне построили храм Диане и обязали латинов приходить туда и совершать жертвоприношения; они даже привлекли к этому сабинян. Так римляне приучали два этих народа проводить вместе с ними и под их главенством праздники, читать молитвы, совершать священные трапезы. Рим объединил их под своей верховной религиозной властью.

Рим был единственным городом, который понял, как с помощью войны увеличить народонаселение. Римляне проводили политику, неизвестную остальной части греко-италийского мира; они присоединяли к Риму все завоеванные территории. Они уводили в Рим жителей захваченных городов и постепенно делали из них римлян. В то же время они отправляли колонистов в завоеванные страны, где те, создавая общины, сохраняли религиозную общность с метрополией, а этого было достаточно, чтобы заставить их подчинять свою политику политике Рима, повиноваться ему и помогать в войнах.

Одна из характерных особенностей римской политики состояла в привлечении к себе культов соседних городов. Рим завладел Юноной из Вей, Юпитером из Пренесте, Минервой из Фалерии, Юноной из Лавиния, Венерой из Самниума и многими другими, которые нам неизвестны. Тит Ливий описывает историю появления в Риме Юноны из Вей. «Под твоим водительством, о Пифийский Аполлон, и по твоему мановению выступаю я для ниспровер-

жения града Вейи и даю обет пожертвовать тебе десятину добычи из него. Молю и тебя, царица Юнона, что ныне обихоживаешь Вейи: последуй за нами, победителями, в наш город, который станет скоро и твоим. Там тебя примет храм, достойный твоего величия... Римляне приступили к вывозу даров божественных и самих богов, но проявили здесь не святотатство, а благоговение. Из всего войска были отобраны юноши, которым предстояло перенести в Рим царицу Юнону. Дочиста омывшись и облачившись в светлые одежды, они почтительно вступили в храм и сначала лишь набожно простирали к статуе руки — ведь раньше даже на это, согласно этрусскому обычаю, никто не посягал, кроме жреца из определенного семейства. Но затем кто-то из римлян, то ли по божественному наитию, то ли из юношеского озорства, произнес: «Хочешь ли, о Юнона, идти в Рим?» Тут все остальные стали кричать, что богиня кивнула. К этой легенде добавляют еще подробность, будто слышен был и голос, провещавший изволение. Во всяком случае, известно, что статуя была снята со своего места с помощью простых приспособлений, а перевозить ее было так легко и удобно, будто она сама шла следом. Богиню доставили на Авентин, где ей отныне предстояло находиться¹ всегда; именно туда звали ее обеты римского диктатора».

Монтескье хвалит римлян за то, что они не навязывали своих богов побежденным народам, считая это тонким политическим приемом. Но иначе и быть не могло, поскольку противоречило бы понятиям не только римлян, но и всех древних народов. Рим завоевывал богов побежденных народов и не отдавал им своих. Он хранил своих покровителей для себя и даже старался увеличить их количество. Он стремился завладеть по возможности большим количеством культов и богов-покровителей.

Культы и боги по большей части были взяты у побежденных, и через них Рим установил религиозные связи со всеми соседними народами. Узы общего происхождения, завоевание права *connubium* и права председательства на латинских праздниках, завоевание богов побежденных на-

¹ Тит Ливий. История Рима от основания города. Кн. V, 21, 22. (Пер. М.Л. Гаспарова.) (Примеч. авт.)

родов, притязание на право приносить жертвы в Олимпии и Дельфах — все это, по мнению многих, было подготовкой к завоеванию абсолютной власти. У Рима, как у каждого города, была своя общественная религия, источник римского патриотизма, но Рим был единственным городом, который заставил религию способствовать расширению собственного могущества. В то время религия каждого города обособляла его, запрещая устанавливать связи с другими городами; Рим искусно использовал религию для того, чтобы привлечь все и всех к себе и над всем и всеми установить господство.

Как Рим приобрел владычество (350—140 годы до н. э.)

Пока РИМ постепенно расширял свое влияние, пользуясь средствами, которые давала ему религия, во всех городах и в самом Риме произошел ряд социальных и политических изменений, сказавшихся одновременно на управлении людьми и на образе их мыслей. Мы уже говорили об этом перевороте, но сейчас важно отметить, что переворот совпал с расширением римского могущества.

Эти два события, случившиеся одновременно, оказали влияние друг на друга. Риму не дали бы так легко завоевания, если бы повсюду не угас общественный дух, и можно предположить, что общественная система не распалась бы так быстро, если бы римские завоевания не нанесли ей последний удар.

Изменения, затронувшие институты, нравы, верования, право, не обошли и патриотических чувств, изменив характер патриотизма, и это одна из причин, которая способствовала быстрому продвижению Рима к намеченной цели. Мы уже говорили о том, каким было чувство патриотизма в ранний период истории города. Патриотизм являлся частью религии; человек любил свое отечество, потому что любил богов-покровителей, потому что там был притаеный, священный огонь, праздники, молитвы, гимны, а вне отечества у него не было ни богов, ни культа. Этот патриотизм был верой и благочестием. Но когда у жреческой касты отняли власть, то вместе с древними верованиями исчез и этот вид

патриотизма. Еще оставалась любовь к городу, но она приняла другую форму.

Теперь отечество любили не за религию и богов, а за его законы и институты, за права и безопасность, которые оно давало своим гражданам. Мы видим из надгробной речи, которую Фукидид вкладывает в уста Перикла, какие причины заставляли любить Афины. «Наш государственный строй не подражает чужим учреждениям; мы сами скорее служим образцом для некоторых, чем подражаем другим. Называется этот строй демократическим потому, что он зиждется не на меньшинстве, а на большинстве. По отношению к частным интересам законы наши предоставляют равноправие для всех; что же касается политического значения, то у нас в государственной жизни каждый им пользуется предпочтительно перед другим не в силу того, что его поддерживает та или иная политическая партия, но в зависимости от его доблести, стяжающей ему добрую славу в том или другом деле; равным образом скромности звания не служит бедняку препятствием к деятельности, если только он может оказать какую-либо услугу государству. Мы живем свободною политическою жизнью в государстве и не страдаем подозрительностью во взаимных отношениях повседневной жизни; мы не раздражаемся, если кто делает что-либо в свое удовольствие, и не показываем при этом досады, хотя и безвредной, но все же удручающей другого. Свободные от всякого принуждения в частной жизни, мы в общественных отношениях не нарушаем законов больше всего из страха перед ними, и повинемся лицам, облеченным властью в данное время, в особенности прислушиваемся ко всем тем законам, которые существуют на пользу обижаемым и которые, будучи написанными, влекут общепризнанный позор... Повторяющимися из года в год состязаниями и жертвоприношениями мы доставляем душе возможность получить многообразное отдохновение от трудов, равно как и благопристойностью домашней обстановки, повседневное наслаждение которой прогоняет уныние... Мы нашей отвагой заставили все моря и все земли стать для нас доступными, мы везде соорудили вечные памятники содеянного нами добра и зла. В борьбе за такое-то государство положили свою жизнь эти воины, считая долгом чести остаться ему верными, и каждому

из оставшихся в живых подобает желать трудиться ради него...»¹

У человека еще есть обязанности по отношению к городу, но они зиждутся на другой основе. Человек по-прежнему жертвует жизнью, но уже не ради национального бога или очага предков, а ради защиты институтов и тех преимуществ, которые дает ему город.

Появился новый взгляд на патриотизм. Теперь человек испытывал привязанность не к пританею, богам и священной земле, а к институтам и законам и, поскольку в связи с нестабильным положением, которое в то время существовало во всех городах, институты и законы часто менялись, то и патриотизм стал чувством непостоянным и изменчивым, зависящим от обстоятельств и подверженным тем же колебаниям, что и правительство городов. Любовь к отечеству была не более чем любовью к существующему строю, и если кого не устраивали законы, то ничто уже не связывало его с отечеством.

Теперь для человека собственное мнение стало важнее отечества, и собственные победы и победы товарищей обрели для него большую важность, чем величие и слава его города. Любой, кого не устраивали институты родного города, предпочитал покинуть его ради города, в котором, по его мнению, эти институты были в силе. В то время люди начали свободно перемещаться из города в город; уже не было того страха перед изгнанием. Разве имело значение, что они лишатся пританея и очистительной воды? Теперь они мало думали о богах-покровителях и привыкли легко обходиться без отечества.

Оставалось сделать небольшой шаг, чтобы взять в руки оружие и направить его против родного города. Ради собственной победы люди заключали союз с городом, враждовавшим с их родным городом. Из двух аргивян одного устраивала аристократическая форма правления, и он предпочитал Спарту Аргосу, а другой отдавал предпочтение демократическому строю и Афинам. Ни тот ни другой не слишком заботились о независимости родного города и были готовы перейти под власть чужого города при условии, что этот город поддержит их партию в Аргосе. Фуки-

¹ Фукидид. История. Кн. 2. (Пер. С.И. Соболевского.) (Примеч. авт.)

дид и Ксенофонт ясно показывают, что именно эти умонастроения стали причиной развязывания Пелопоннесской войны и ее затяжного характера. В Платеях богатые были на стороне Фив, демократы на стороне Афин. «В начале весны триста с небольшим фиванских граждан под командою беотархов Пифангела, сына Филида, и Диемпора, сына Онеторида, вторглись с оружием в начале ночи в беотийский город Платеи, бывший в союзе с афинянами. Фивяны призвали и открыли им платейские ворота граждане Наклид и его сообщники с намерением захватить власть в свои руки, погубить неприязненных им граждан и подчинить город фивянам»¹.

В городе Корциры (Керкиры) народная партия была за Афины, а аристократия за Спарту. «Среди керкирян смуты наступили с того времени, как к ним возвратились пленники, взятые в морских битвах у Эпидамна и отпущенные на свободу коринфянами... пленникам было поручено склонить Керкиру на сторону коринфян. И действительно, эти керкиряне старались воздействовать на отдельных граждан, чтобы отторгнуть город от афинян»².

У афинян были союзники во всех городах Пелопоннеса, а у Спарты во всех ионийских городах. Фукидид и Ксенофонт сходятся во мнении, что не было ни одного города, в котором бы народ не поддерживал афинян, а аристократия спартанцев. «Теперь во всех государствах демократическая партия благосклонно настроена к вам (афинянам) и или вовсе не принимает участия в восстании олигархической партии, или же, если и бывает вынуждена примкнуть к восстанию, тотчас становится во враждебные отношения к восставшим. Поэтому, начиная войну, вы (афиняне) имеете союзника в лице народной массы враждебно настроенного к вам государства»³.

Эта война была тем общим усилием, которое предприняли греки для того, чтобы повсюду установить одинаковую форму правления под гегемонией одного города, но одни желали аристократического правления под покровительством Спарты, а другие демократического правления при

¹ Фукидид. История. Кн. 2. (Пер. С.И. Соболевского.) (Примеч. авт.)

² Там же. Кн. 3.

³ Там же.

поддержке Афин. То же самое было и во времена Филиппа. Во всех городах аристократическая партия желала владычества Македонии. Во времена Филомена роли поменялись, но чувства остались прежними; демократия перешла на сторону Македонии, а все, кто стоял за аристократию, присоединились к Ахейскому союзу. Таким образом, город перестал быть объектом желаний и привязанностей людей. Осталось мало греков, которые отказались бы пожертвовать общественной независимостью ради того, чтобы обрести те институты, которым они отдавали предпочтение.

Что касается честных людей, то бесконечные разногласия, свидетелями которых они были, вызывали у них отвращение к общественной системе. Они не испытывали привязанности к той форме общественного устройства, при которой бедные и богатые вели непрерывные войны, где народ прибегал к насилию, а аристократия отвечала ему с удвоенной силой. Эти люди стремились избавиться от режима, который не порождал ничего, кроме страданий и ненависти. Они чувствовали необходимость отказаться от общественной системы и найти какую-то другую форму правления. Многие мечтали о том, чтобы установить своего рода верховную власть над городами и чтобы эта власть заботилась о поддержании порядка и заставляла эти небольшие беспокойные общества жить в мире. Ради этого Фокион, истинный гражданин, советовал своим соотечественникам перейти под власть Филиппа, пообещав им за это мир и безопасность.

В Италии сложилось точно такое же положение, как в Греции. В такую же борьбу были вовлечены города Лаций, Сабина и Этрурия. И здесь исчезло такое понятие, как любовь к городу. И здесь любой человек охотно присоединялся к чужому городу ради достижения собственных целей.

Эти настроения способствовали успеху римлян. Они повсюду поддерживали аристократию, и аристократия, в свою очередь, была их союзницей. Позвольте привести несколько примеров. Род Клавдиев покинул сабинскую землю, поскольку его больше устраивали римские, нежели сабинские институты. В это время многие латинские семьи переселились в Рим, потому что им не нравился демократический строй Лация, а римляне недавно восстановили господство патрициев. В Ардее шла война между аристократией и пле-

беями; плебеи призвали на помощь вольсков, и аристократия сдала город римлянам. «Обеим сторонам казалось, что им мало собственных сил и оружия; знатные призвали на помощь осажденному городу римлян, плебеи — вольсков, чтоб вместе заставить Ардею сдаться. Предводительствуемые эквом Клуилием вольски первыми подошли к Ардее и обложили вражеские стены валом. Об этом известили Рим, и тотчас прибывает с войском Марк Геганий и в трех милях от врага начинает разбивать лагерь; а уже в середине дня он велит воинам подкрепить силы отдыхом. Наконец в четвертую стражу он выводит воинов из лагеря. Взявшись за дело, они справились с ним столь быстро, что к восходу солнца вольски обнаружили, что окружены римским валом, более прочным, чем их собственный, воздвигнутый вокруг города; а с противоположной стороны консул подвел вал к стене Ардеи, чтобы свои в городе могли сообщаться с ним. Предводитель вольсков, который не заготовил для своих воинов провианта, а предоставил им самим добывать его каждодневным грабежом у местных жителей, увидев, что вал разом лишил его всякой возможности предпринять что-либо, призвал консула и сказал, что если римляне пришли для снятия осады, то он уведет отсюда вольсков. Консул ответил, что побежденным подобает принимать условия, а не выдвигать их и что, раз вольски так легко решились напасть на союзников римского народа, уйти им отсюда так же просто не удастся. Он велит выдать полководца, сложить оружие и, признав поражение, повиноваться победителю; а иначе — останутся они или отступят — он, как непримиримый их враг, предпочтет известить Рим о разгроме вольсков, чем о непрочном мире с ними». Все закончилось тем, что «римский же полководец в Ардее, отрубив головы подстрекателям смуты и отобрав их имущество в казну ардеян, привел в порядок дела, расстроенные мятежом»¹.

Вражда царил в Этрурии; в Вейях свергли правительство аристократов; римляне напали на Вейи, и другие этрусские города, где господствовала жреческая аристократия, отказали вейянам в помощи. Согласно легенде, во время этой войны римляне захватили одного вейского жреца и заста-

¹ *Тит Ливий*. История Рима от основания города. Кн. IV, 9, 10. (Пер. В.М. Смирнова.) (Примеч. авт.)

вили его сказать, что римлянам необходимо сделать для того, чтобы одержать победу. Не говорит ли эта легенда о том, что этрусские жрецы сдали город римлянам?

Позже, когда Капуя восстала против Рима, отмечалось, что всадники, то есть аристократическое сословие, не принимали участия в восстании¹.

В 313 году аристократическая партия сдала римлянам города Авзону, Сору, Мишурны и Весцию².

Когда этруски создали коалицию против Рима, это означало, что у них установилась демократическая форма правления. Единственный город, им был Аретиум, отказался войти в состав коалиции по той причине, что там все еще господствовала аристократия. Приход Ганнибала в Италию вызвал волнения во всех городах, но дело было не в независимости. В каждом городе аристократы были за Рим, а плебеи за Карфаген. «Города Италии словно постигла одна болезнь: разногласие между чернью и знатью — сенат благоволил к римлянам, простой народ тянуло к карфагенянам»³.

Способ правления в Риме объясняет, почему аристократия поддерживала Рим. Перевоороты, совершавшиеся в других городах, совершались и в Риме, с той лишь разницей, что в Риме они совершались несколько медленнее. В 509 году, когда в латинских городах уже были тираны, в Риме господствовали патриции. Позже демократия стала набирать силу, но постепенно и проявляя сдержанность. Вот почему в Риме дольше, чем в других городах, сохранялась аристократическая форма правления и дольше возлагались надежды на аристократическую партию.

Но даже и тогда, когда в Риме верх одержала демократия, приемы и способы управления оставались аристократическими. В комициях по центуриям голоса распределялись в соответствии с имущественным положением. Почти так же было в комициях триб. Формально закон не допускал деления по имущественному положению, но фактически бедный класс был включен в состав четырех городских триб и

¹ *Тит Ливий*. История Рима от основания города. Кн. VIII, 11. (Примеч. авт.)

² Там же. Кн. IX, 24, 25. (Примеч. авт.)

³ Там же. Кн. XXIV, 2. (Примеч. авт.)

имел всего четыре голоса против тридцати одного голоса класса собственников. Кроме того, трудно представить себе собрание, которое бы проходило так спокойно, как эти комиции; никто, кроме председателя и тех, кому он давал слово, не имел права говорить. Не было никаких выступлений и обсуждений; обычно все сводилось к голосованию и подсчету голосов, самому сложному делу, требовавшему много времени и терпения. Следует добавить, что сенат ежегодно не обновлялся, как это делалось в демократических городах Греции. Сенаторы назначались пожизненно. Сенат был истинным олигархическим институтом.

Нравы были еще более аристократическими, чем институты. У сенаторов были свои места в театре. Только богатые служили в коннице, предпочтение отдавалось молодым людям из знатных семей. Сципиону не было шестнадцати, когда он уже командовал конным отрядом.

Господство богатого класса удерживалось в Риме дольше, чем в других городах. Это происходило по двум причинам. Первая заключалась в том, что вся выгода от великих римских завоеваний досталась и без того богатому классу; этому классу достались и все захваченные; этот класс завладел торговлей побежденных стран. С каждым поколением эти семьи становились все богаче и обладали все большей властью. Вторая причина заключалась в том, что римлянин, даже самый бедный, имел врожденное уважение к богатству. Клиентелы уже давно не существовало, но в определенном смысле она возродилась под видом почтения, оказываемого большим состоянием; у бедных вошло в обычай каждое утро приходить, чтобы поприветствовать богатых.

Из этого не следует, что в Риме не было, как в других городах, борьбы между богатыми и бедными, но она началась только во времена Гракхов, то есть когда завоевания уже почти закончились. Кроме того, эта борьба не была такой жестокой, как в других городах. Низшие сословия в Риме особенно не жаждали богатства. Они оказывали вялую поддержку Гракхам, отказываясь верить, что эти реформаторы работают ради них, и покинули их в решающий момент. Земельные законы, столь часто представлявшие угрозу для богатых, тоже мало волновали низшие классы. Совершенно ясно, что они не слишком стремились обладать землей; к

тому же если им предлагали раздел общественных земель, то они никогда и не думали лишать богачей их собственности. Частично от глубоко укоренившегося уважения, частично от привычки ничего не делать, они предпочитали жить рядом с богатыми.

Богатый класс проявил мудрость, приняв в свой круг наиболее знатные семьи покоренных и союзных городов. Все богатые семьи в Италии постепенно переселились в Рим. Богатое сословие приобретало все большее влияние и, наконец, стало во главе государства. Только богатые люди занимали государственные должности, поскольку нужно было затратить много собственных денег на содержание при себе штата писцов, глашатаев, охраны, низших служащих и т. д. Только богатые люди были сенаторами, поскольку для того, чтобы стать сенатором, надо было иметь крупную собственность. Удивительное дело, несмотря на демократичные законы, сформировалось аристократическое сословие, и народ, будучи всемогущим, позволил этому сословию подняться над собой и никогда не оказывал ему реального сопротивления.

В III и II веках до н. э. Рим был городом, управление которого было наиболее аристократическим, чем в любом из городов Италии и Греции. Кроме того, следует отметить, что если внутренние вопросы сенат был вынужден согласовывать с народом, то все вопросы, связанные с внешней политикой, он решал самостоятельно. Сенат принимал послов, заключал союзы, утверждал распоряжения военачальников, определял условия для побежденных, ведал управлением завоеванными территориями, одним словом, занимался тем, что в других городах находилось в ведении народных собраний. Поэтому иностранцы, вступавшие в отношения с Римом, никогда не имели никаких дел с народом. Они общались только с сенатом, и у них создалось мнение, что народ не имеет никакой власти. Это мнение выразил Набис в разговоре с Фламинином: «У вас по цензу набирают конников, по цензу — пехотинцев, и вы считаете правильным, что кто богаче, тот и командует, а простой народ подчиняется»¹.

¹ *Тит Ливий*. История Рима от основания города. Кн. XXXIV, 31. (Примеч. авт.)

Вот почему аристократия из всех городов стремилась в Рим, видела в нем защиту и была готова соединить свою судьбу с его судьбой. Это казалось столь естественным, поскольку ни для кого Рим не был чужим городом; сабиняне, латины, этруски видели в нем сабинский, латинский, этрусский город, а греки считали его греческим.

Стоило римлянам появиться в Греции, как аристократия тут же встала на их сторону. Вряд ли кто-то из них думал, что стоит перед выбором между независимостью и подчинением; для большинства стоял вопрос только о выборе между аристократической и народной партией. Во всех городах народная партия была за Филиппа, Антиоха или Персея, а аристократическая — за Рим. Обратимся к Полибию и Титу Ливию. Когда в 198 году Аргос открыл ворота македонцам, у власти находилась народная партия; в следующем году партия богатых отдает Опунт римлянам; у акарнанцев аристократия заключила союзный договор с римлянами, но год спустя этот договор был нарушен, потому что в промежутке перевес получила демократия; Фивы объединены с Филиппом, пока у власти народная партия, и сближаются с Римом, как только власть переходит к аристократам; в Афинах, в Деметриаде, в Фокее народ враждебно относится к римлянам; Набис, демократический тиран Спарты, воюет с ними; Ахейский союз, пока его делами руководит аристократическая партия, благосклонно относится к Риму; люди, подобные Филопемени и Полибию, желают национальной независимости, но в то же время предпочитают римское владычество демократии; даже в Ахейском союзе наступает момент, когда верх одерживает народная партия, и с этого времени союз становится врагом Рима; Диэй и Критотай были одновременно вождями антиримской народной партии и стратегами Ахейского союза; они храбро сражались при Скарфее и Левкопетре, скорее всего, не столько за независимость Греции, сколько за торжество демократии.

Все вышесказанное достаточно ясно показывает, как Риму удалось без особых усилий добиться владычества. Общественный дух мало-помалу исчезал. Любовь к независимости становилась очень редким чувством, и сердца всецело отдавались партийным интересам и партийным страстям. Незаметно забывалась гражданская община. Мало-помалу падали одна за другой перегородки, которые когда-то раз-

деляли городские общины и делали каждую из них маленьким обособленным миром, в пределах которого замыкались все помыслы и желания отдельной личности. Во всей Италии, так же как и во всей Греции, теперь различали лишь две группы людей: с одной стороны, аристократический класс, с другой — народную партию. Одна из этих групп была за господство Рима, другая боролась против него. Верх взяла аристократия, и Рим завоевал владычество.

Рим всюду разрушает общественную систему

Институты древнего города были ослаблены в ходе переворотов. Установив владычество, Рим первым делом окончательно разрушил древние институты и уничтожил все, связанное с ними. Это можно обнаружить, изучая условия, в которых оказались народы, попавшие под власть Рима.

Прежде всего нам не следует исходить из понятий современной политики и представлять себе, что различные народы последовательно входили в состав Римского государства, как это бывает в наши дни, когда завоеванные земли включаются в состав государства, расширяющего свои границы за счет новых территорий. Римское государство (*civitas romana*) не расширялось за счет завоеваний; оно состояло исключительно из фамилий, принимавших участие в религиозной церемонии ценза. Римская территория (*ager romanus*) не расширялась; она оставалась ограниченной нерушимыми межами, приданными ей некогда царями и из года в год освящаемыми церемонией амбравалии. С каждым новым завоеванием возрастала власть Рима, *imperiū romanū*, и увеличивалась территория, принадлежащая государству, *ager publicus*.

Пока существовала республика, никому не могло прийти в голову, что римляне и другие народы в состоянии образовать единую нацию. Рим, конечно, мог принять к себе побежденного, позволить жить в пределах своих стен и сделать его со временем римлянином; но он не мог ассимилировать чужой народ в состав своего собственного, целую территорию ввести в состав своей. Причина заключалась не в какой-то особой политике Рима, а в древнем принципе,

от которого Рим, как и всякое другое государство, хотел бы освободиться, но так и не смог до конца этого сделать. Вот почему покоренные народы не входили в Римское государство, а отдавались под римское владычество. Они не были связаны с Римом так, как в наши дни провинции связаны со столицей; Рим знал только две формы отношений между народами: подчинение или союз.

Может показаться, что у побежденных народов остались общественные институты, и мир превратился в большое объединение различных городов, подчинявшихся владычеству одного города. Однако это не так. Римское завоевание привело к серьезным изменениям в структуре всех городов.

С одной стороны, были подчиненные, *dedicīi*, те, кто, произнося формулу *deditio*, передавали римскому народу «самых себя, свои стены, свои земли, свои воды, свои дома, свои храмы, своих богов».

Таким образом они отказывались не только от общественного управления, но и от всего, что было связано с ним в древности, то есть от своей религии и своего частного права. С этого времени эти люди более не составляли политическое целое, у них не осталось ничего от правильного общественного устройства. Их город (*urbs*) продолжал существовать, но их государство (*civitas*) прекратило существование. Они продолжали жить вместе, но уже без институтов, законов и магистратов. Для поддержания общественного порядка Рим присылал своего префекта.

С другой стороны, были союзники — *foederatī* или *socii*. С ними обращались не так сурово. В день вступления под власть Рима они оговаривали право сохранить свою городскую структуру со своими магистратами, сенатом, пританеом, законами и судьями. Город считался независимым и его отношения с Римом, казалось, строились, как подобает строиться отношениям двух союзников. Однако в текст договора, заключавшегося при завоевании, Рим вносил следующую формулу: *majestatem populi romani comiter conservato*¹.

Эти слова устанавливали степень независимости союзного города по отношению к Риму, а расплывчатость фор-

¹ Цицерон. В защиту К. Бальба. 16. (Примеч. авт.)

мулировки приводила к тому, что степень независимости определял сильнейший, то есть Рим. Эти так называемые свободные города получали из Рима приказы, подчинялись проконсулам и платили налоги откупщикам. Городские чиновники отчитывались перед римскими наместниками провинций, которые также решали вопросы о созыве местных судей¹.

Но в самой природе древней общественной формы управления было заложено, что она либо должна быть полностью независимой, либо попросту прекратить существование. Между сохранением городских институтов и подчинением внешней силе имело место противоречие, на которое современный человек, возможно, не обратит особого внимания, но которое сразу бы бросилось в глаза человеку того времени. Свобода города и господство Рима были несовместимы; это была призрачная свобода, уловка, предназначенная для того, чтобы отвлечь мысли и внимание людей. Каждый город почти ежегодно посылал депутацию в Рим, и римский сенат решал даже самые мелкие и незначительные городские дела. Города по-прежнему имели своих свободно избираемых магистратов, архонтов и стратегов, но у архонта не было иного занятия, кроме как вписывать свое

¹ «Прежде всего решено было Македонии и Иллирии быть свободными, чтобы все народы видели: римское оружие не рабство свободным несет, а рабствующим — свободу, и чтобы все свободные племена под опекой народа римского чувствовали себя в вечной безопасности, а подвластные царям племена знали бы, что эти цари стали мягче и справедливее из почтения к народу римскому, и если цари их затеют войну с римским народом, то кончится это для римлян победой, а для подданных царских свободой. Македонские рудники — источник огромных доходов — и сельские имения решено было не сдавать больше на откуп: ибо где откуп, там и откупщики, а где откупщики, там либо право государства бессильно, либо союзники не располагают свободой. Ведь даже сами македоняне не могли извлекать из этого пользу; а уж где речь идет о поживе для управляющих, там не будет конца мятежам и смуте. И наконец, чтобы никогда в общемакедонском собрании, будь такое, не мог негодный льстец черни обратить свободу, дарованную со здоровой умеренностью, в пагубное своеволие, решено было Македонию разделить на четыре области, каждая со своим собранием, а дань народу римскому установить в половину той, что обычно платили царям. Подобные же поручения были даны и для Иллирии. Все остальное предоставлено было на усмотрение полководцев и сенатских легатов, которые, разбирая дела на местах, рассудят вернее». *Тит Ливий*. История Рима от основания города. XLV. (Примеч. авт.)

имя в общественный регистр для титулования года, а стратегу, бывшему некогда верховным главнокомандующим и главой государства, оставалось лишь следить за чистотой улиц и порядком на рынках.

Таким образом, общественные институты исчезли как у народов, называвшихся союзниками, так и у тех, которые считались покоренными; между собой эти народы отличались лишь тем, что у «свободных» народов институты сохранили внешнюю форму. В действительности гражданской общины в том виде, в каком ее понимали в древности, уже нигде не существовало, кроме как в стенах Рима.

Рим, повсеместно разрушая общественную систему, ничем не заменял ее. Лишая народы их институтов, Рим при этом не давал им своих собственных, как и не задумывался о создании новых. Не было создано ни одной конституции для какого-либо народа империи, как и не было желания ввести точные правила, согласно которым этими народами можно было бы управлять. Поскольку эти города не являлись частью римского города-государства, власть Рима над этими городами не была узаконена. Для Рима покоренные народы были чужаками, и по отношению к ним Рим пользовался незаконной и неограниченной властью, какую древнее общественное право давало граждану в отношении чужаков и врагов. Римская администрация долгое время руководствовалась этим принципом.

Рим посылал своих граждан в качестве наместников в провинции. Рим наделял этого гражданина *imperium* (империем) — абсолютной властью; это означает, что Рим на определенное время отказывался в его пользу от своей власти над данной страной. Наместник являлся олицетворением высшей власти. Он определял величину налогов; ему подчинялись вооруженные силы; он решал все проблемы юридической сферы: от назначения судей до непосредственного участия в судебных делах. Его отношения с подчиненными; или союзниками, не регулировались никакой конституцией. Он самовольно вершил суд, не руководствуясь никакими законами. Законы провинции не имели к нему отношения, поскольку он был римлянином, а римские законы не имели силы, поскольку он судил жителей провинции. Для того чтобы между ним и управля-

емым населением были законы, он сам должен был их создать. Наделенный *imperium* наместник автоматически обладал судебной властью. Наместники имели право, и возвели это в обычай, при вступлении в должность издавать свод законов, называвшийся эдиктом, с обязательным указанием норм, которых наместник обязывался придерживаться при исполнении своих обязанностей. Но поскольку наместники ежегодно менялись, то каждый год менялись и законы, по той простой причине, что единственным основанием закона было желание конкретного человека, наделенного на тот момент империем. Если приговор, вынесенный наместником, не был приведен в исполнение до отъезда наместника из провинции, то сам факт приезда нового наместника аннулировал вынесенный ранее приговор, и дело заново разбиралось в суде уже под председательством нового наместника.

Наместник был всемогущ. Он был олицетворением закона. Жители провинции могли обратиться в суд Рима с жалобой на жестокость или злоупотребления наместника только в том случае, если им удавалось найти римского гражданина, готового выступить в суде в качестве их патрона, поскольку они сами не имели права обращаться в римские суды. Они были чужаками; на юридическом и официальном языке они назывались *peregrine* — **Перегринами**; все, что закон говорил о *hostis* — чужеземцах, врагах, относилось и к ним.

Правовое положение жителей империи предстает в сочинениях римских юристов. Они рассматривались как народы, которые уже не имеют своих собственных законов, но еще не имеют римских. Для них, таким образом, не существует права ни в какой форме. В глазах римских правоведов провинциал не является ни мужем, ни отцом, то есть закон не признает за ним ни супружеской, ни отеческой власти. В отношении него не существует такого понятия, как собственность. Он не может быть собственником по двум причинам: во-первых, в силу его положения, поскольку он не является римским гражданином, а во-вторых — поскольку провинция не является римской территорией, а закон допускает полномочное право собственности только в границах *ager romanus*. Правоведы объясняют, что земля в провинции не может быть частной собственностью и что

люди могут только пользоваться землей и плодами своего труда¹.

То, что правоведы во II столетии говорили о земле провинций, относилось и к италийской земле до тех пор, пока ее население не получило право римского гражданства.

Не вызывает сомнений, что народы, как только они входили в Римскую империю, сразу утрачивали общественную религию, свое управление и свое частное право. Можно предположить, что на практике Рим смягчал разрушительность подчинения. Хотя римский закон и не признавал за подданными отеческой власти, но позволял пользоваться этой властью в обыденной жизни. Человеку не разрешалось называть себя собственником, но ему позволялось владеть землей; он обрабатывал землю, продавал ее и передавал по завещанию. Не говорилось, что это его земля, а говорилось, что это как бы его земля, *pro suo*. Она не являлась его собственностью, *dominium*, но относилась к его имуществу, *in bonis*. Таким образом, Рим изобрел оговорку в пользу подданных. Хотя традиции запрещали создавать законы для побежденных, римский гений не мог допустить полного распада общества. Формально провинциалы были вне закона, а фактически они жили так, словно законы у них были, но, несмотря на это, и даже с учетом терпимости завоевателей, все институты побежденных и их законы постепенно исчезли. Римская империя на протяжении нескольких поколений представляла уникальное зрелище: один-единственный город сохранял свои институты и свое право; все остальные, то есть более ста миллионов человек, не имели никаких законов или имели такие, которые не признавались господствующим городом. Однако мир не пребывал в состоянии хаоса, и общество, в отсутствие законов и принципов, поддерживалось с помощью силы, деспотизма и договоренностей.

¹ «Однако большинство юристов полагает, что землю в провинции нельзя сделать религиозной, так как *dominium* на эту землю принадлежит или римскому народу, или императору; мы же, как кажется, имеем только владение, или *узупрукт*. Тем не менее место это считается религиозным, хотя бы оно на самом деле не было таким. Равным образом вещи в провинции, не освященные властью римского народа, собственно не делаются *res sacrae*, но все-таки считаются *sacrae*». *Гай*. Институции. Кн. II, 7. (*Примеч. авт.*)

Таковы были последствия римского завоевания для народов, которые постепенно становились добычей Рима. Все, связанное с городом, исчезло: сначала религия, затем управление и, наконец, частное право. Все институты, уже давно находившиеся в подвешенном состоянии, были в конце концов разрушены, но им на смену не пришел ни новый общественный порядок, ни новая система управления. Образовался некий промежуток застоя между распадом общественного строя и появлением новой формы общества. Римская империя представляла собой смешение народов, где настоящий порядок был только в центре, а в остальных частях империи временный, искусственно созданный порядок, поддерживаемый исключительно с помощью принуждения. Покоренные народы смогли создать организованное общество, только завоевав те права и институты, которыми Рим хотел распоряжаться единолично. Для этого они должны были стать гражданами римского города-государства, занять в нем определенное положение и слиться с Римом, превратившись в единое целое. Это был длительный и трудоемкий процесс.

Завоеванные народы один за другим входят в состав Римского государства

Мы видели, насколько плачевным было положение подданных Рима и как они, должно быть, завидовали положению римского гражданина. И дело не только в задетом самолюбии, речь шла о куда более реальных и важных вещах. Человек, не являвшийся римским гражданином, не считался ни мужем, ни отцом; по закону он не мог быть ни собственником, ни наследником. Званию римского гражданина придавалось огромное значение; не имевший его оставался вне закона, и только тот, кто имел звание гражданина, входил в состав организованного общества. Вот почему это звание стало объектом самых горячих желаний. Латины, италийцы, греки, а позже испанцы и галлы стремились стать гражданами Рима — это был единственный способ получить права и приобрести хоть какой-то вес в обществе. Все эти народы, один за другим, примерно в том порядке, как они попадали под владычество Рима, начали добиваться того,

чтобы войти в состав Римского государства, и после долгих усилий они добивались поставленной цели. Этот медленный процесс вступления в состав Римского государства был последним актом долгой истории преобразования социального строя древних народов. Для того чтобы изучить каждый этап этих преобразований, мы должны вернуться в IV век до н. э.

Лаций завоеван; из сорока маленьких народов, населявших его, Рим уничтожил половину. У некоторых отнял земли, других назвал союзниками. В 340 году союзники поняли, что этот союз причиняет им только вред, что они вынуждены во всем повиноваться, обречены ежегодно проливать свою кровь и тратить свои деньги исключительно ради выгоды Рима. Они создали коалицию; и их вождь Анний с такой речью выступил в сенате: «...Да будет у нас единый народ и единое государство; чтобы власть была сосредоточена в одном месте, а народы объединились общим именем, одной стороне придется здесь уступить. На благо тех и других да будет вашему отечеству оказано предпочтение, и все мы станем зваться «римляне»¹.

Так, в 340 году Анний высказал пожелание, которое постепенно высказывали все народы Римской империи, но осуществиться которому удалось только спустя пять с половиной столетий. Однако для того времени это требование показалось дерзким; римляне объявили его чудовищным и преступным. Оно действительно противоречило древней религии и древнему закону городов. Консул Манлий, «придя в страшный гнев, заявил прямо, что если отцы-сенаторы окончательно обезумели и готовы принять законы, предлагаемые каким-то сетинцем, то он препоясается мечом, так явится в сенат и собственной рукою убьет любого латина, которого завидит в курии. После чего, оборотясь к образу Юпитера, он воскликнул: «Слушай, Юпитер, все это непотребство! Слушайте и вы, боги и законы! Взятый в полон и униженный сам, Юпитер, узришь ты в священном храме твоим иноземных консулов и сенат иноземцев! О том ли, латины, римский царь Туллий заключал договор с альбанцами, вашими предками? А после о том ли Луций Таркви-

¹ *Тит Ливий.* История Рима от основания города. Кн. VIII. (Пер. Н.В. Брагинской.) (Примеч. авт.)

ний — с вами самими? Неужто вовсе позабыли вы битву при Регилльском озере? Позабыли старые свои поражения и благодеяния, вам оказанные?»¹

Тем самым Манлий выразил то чувство отвращения, которое питали граждане к чужеземцам. Древний религиозный закон предписывал испытывать ненависть к чужеземцам, поскольку они ненавистны богам города. Латин, по мнению Манлия, не мог быть сенатором, поскольку местом собрания сената был храм, а римские боги не могли допустить присутствия чужеземца в своем святилище.

Началась война; побежденные латины были вынуждены сдаться; они отдали римлянам свои города, свои культы, свои законы и свои земли. И оказались в ужасном положении. Сенатор Камилл «доложил сенату о народах Лация и сказал так: «Отцы-сенаторы, все, чего следовало добиться в Лации войной и оружием, все это по милости богов и благодаря доблести воинов уже исполнено. Вражье войско разгромлено при Педе и Астуре, все латинские города и Антии во владениях вольсков, захваченные силой или сдавшиеся, находятся под охраной ваших отрядов. Осталось обсудить, каким способом навсегда заставить латинов блюсти мир и спокойствие, коль скоро снова и снова они тревожат нас своими мятежами. Бессмертные боги облекли вас такую властью, что от вашего решения зависит, быть ли впредь Лацию или не быть; а потому мир с латинами вы можете обеспечить себе либо жестокой расправой, либо милостивым прощением. Хотите быть жестоки к сдавшимся и побежденным? Тогда можно разорить весь Лаций, превратив в голую пустыню те края, откуда к нам являлось превосходное союзное войско, на которое и вы часто опирались во многих, причем крупных, войнах. Или вы хотите, по примеру предков, дать побежденным гражданство и тем умножить мощь Римского государства? Тогда перед вами сколько угодно способов с вящею славою дать возрасти нашему государству. Само собой разумеется, что власть, которой покоряются с радостью, более прочна. Но, какое бы решение вы ни вынесли, с ним нужно поспешить. Столько народов, колеблясь между страхом и на-

¹ *Тит Ливий.* История Рима от основания города. Кн. VIII. (Пер. Н.В. Брагинской.) (Примеч. авт.)

деждою, ждуг вашего приговора, что и вам следует поскорее снять с себя эту заботу, а их, замерших в ожидании, наказать или облагодетельствовать. Наше дело дать вам возможность разрешить все по своему усмотрению, а ваше — выбрать наилучшее для вас и всего государства»¹.

Тит Ливий не дает ясного объяснения, что было сделано. По его словам, латинам предоставили права римского гражданства, без права голосования и заключения браков. Следует отметить, что новых граждан не внесли в списки. Понятно, что сенат обманул латинов, назвав их римскими гражданами. Они попали в полное подчинение, выполняя обязанности граждан, но не имея гражданских прав. Некоторые латинские города восстали, требуя забрать это мнимое гражданство.

Мы ясно видим, что спустя столетие, хотя Ливий ничего нам об этом не сообщает, политика, проводимая Римом, изменилась. Рим, ранее лишивший латинов избирательного права и права заключать браки, отнял у них звание граждан, или, точнее, положил конец этому обману, и решил восстановить структуру городов, вернуть латинам их законы и их магистратов.

Рим предпринял ловкий ход, приоткрыв дверь, точнее, узкую щелку, позволяющую поданным войти в состав Римского государства. Тот из латинов, кто в течение года занимал высшую должность в своем городе, становился римским гражданином².

На этот раз давалось полноценное право римского гражданства без каких-либо оговорок; оно включало в себя избирательное право, право занимать должность магистрата, право вноситься в список граждан, право заключать брак. Рим решил разделить с чужеземцами свою религию, управление, законы, но его милость распространялась не на всех жителей городов, а на отдельных личностей. Рим принял в свой круг только лучших из лучших, самых богатых, самых знатных людей Лация.

Право гражданства ценилось высоко, во-первых, оно было полноценным, а во-вторых, давало привилегии. Че-

¹ *Тит Ливий.* История Рима от основания города. Кн. VIII. (Пер. Н.В. Брагинской.) (Примеч. авт.)
² *Аппий.* Гражданские войны. Кн. II, 26. (Примеч. авт.)

людей, получивший право гражданства, принимал участие в комициях самого могущественного города Италии; он мог стать консулом и командовать легионом. Это право давало возможность удовлетворить и более скромные желания; можно было с помощью брака объединиться с римской семьей; можно было поселиться в Риме и стать собственником; можно было заняться торговлей в Риме, который к тому времени стал одним из ведущих торговых городов мира. Можно было стать сборщиком налогов, то есть принять участие в тех огромных средствах, которые давали взимание податей и спекуляция общественными землями, *ager publicus*. Человек, где бы он ни жил, пользовался сильным покровительством; он вышел из-под власти общественных магистратов и был защищен от произвола римских магистратов. Вместе с правом гражданства человек приобретал почести, богатство и защиту.

Вот почему латины стремились добиться права гражданства и использовали все средства для достижения этой цели. В какой-то момент Рим обнаружил, что двенадцать тысяч латинов обманным путем получили права римского гражданства.

Обычно Рим закрывал на это глаза, считая, что благодаря этому увеличивается население города и восстанавливаются потери, понесенные во время войны. Но страдали латинские города; их самые богатые жители стали римскими гражданами, и Лаций обеднел. Налоги, от которых самые богатые жители освобождались как римские граждане, становились все обременительнее, и количество воинов, которых требовалось поставлять Риму, с каждым годом становилось все труднее набирать. Чем больше было тех, кто получал права римского гражданства, тем тяжелее было положение тех, кто не имел этих прав. Но вот настало время, когда латинские города потребовали, чтобы право римского гражданства перестало быть привилегией. Итальянские города, завоеванные уже около двух веков назад, находились почти в том же положении, что и латинские города; их богатые граждане становились римлянами, и они тоже потребовали предоставить им права римского гражданства. В этот период жизни подданных и союзников стала еще невыносимее в связи с тем, что римская демократия активно обсуждала вопрос, связанный с земельными законами. В

соответствии с этими законами ни подданный, ни союзник не могли быть собственниками земли, а большая часть итальянских земель принадлежала республике. Одна партия требовала, чтобы эти земли, почти сплошь заселенные италийцами, были отобраны государством и разделены между бедными гражданами Рима. Над италийцами нависла страшная угроза. Они остро ощутили необходимость получения гражданских прав, а получить их можно только в единственном случае — стать римскими гражданами.

Разгоревшаяся война получила название социальной; союзники Рима взяли за оружие, чтобы из союзников стать римлянами. Рим одержал победу, однако был вынужден предоставить то, что от него требовали, и италийцы получили права римского гражданства. Теперь они могли голосовать на форуме; в частной жизни они руководствовались римскими законами; были признаны их права на землю, и у них было абсолютное право собственности как на италийскую, так и на римскую землю. Затем они получили *jus Italicum* (италийское право); это право касалось не италийца, поскольку он уже стал римлянином, а италийской земли, на которую теперь распространялось такое же право собственности, как на *ager Romanus*.

С этого времени Италия стала единым государством; оставалось только включить в ее состав провинции.

Следует сделать различие между Грецией и западными провинциями. На западе были Галлия и Испания, которые до завоевания их римлянами ничего не знали о настоящей общественной системе. Римляне попытались создать у них эту форму правления, то ли думали, что так ими будет проще управлять, или для того, чтобы постепенно ассимилировать их с италийскими народами, было необходимо заставить их пройти тот же путь, который прошли италийцы. Вот почему императоры, подавлявшие политическую жизнь в Риме, всячески поддерживали эту форму правления в провинциях. В Галлии в каждом городе был свой сенат, свое аристократическое сословие, свои выборные магистраты; в каждом городе был даже свой местный культ, свой гений и свой бог-покровитель, вроде тех, что были в Древней Греции и в древней Италии. Но эта общественная система не препятствовала людям становиться римскими гражданами, напротив, она подготавливала их к этому. Искусно уста-

новленная между городами градация отмечала ступени, по которым им надо было незаметно добраться до Рима и, наконец, слиться с римлянами. Существовали следующие категории городов. Союзные города имели собственное правительство и свои законы, но не имели никаких правовых связей с римскими гражданами. Колонии обладали гражданским правом римлян, но не имели политических прав. Города, имевшие италийское право, то есть те города, которым Рим предоставил абсолютные права собственности на их земли, как если бы эти земли находились в Италии. Города, имевшие латинское право, то есть города, жители которых могли согласно некогда установленному в Лации обычаю стать римскими гражданами, если они занимали у себя в городе какую-то общественную должность. Различия были столь глубоки, что между жителями двух разных категорий невозможен был ни брак, ни какие-либо законные отношения. Однако императоры позаботились о том, чтобы города могли постепенно подниматься по ступеням и переходить с положения подданного или союзника к италийскому праву, а с италийского права к латинскому праву. Когда город достигал этого положения, его самые влиятельные семьи одна за другой становились римскими.

Греция тоже постепенно вошла в состав Римского государства. Вначале все города сохраняли форму и механизм общественного управления. В момент завоевания Греция выказала желание сохранить автономию, и автономия была ей предоставлена, возможно, даже на более долгий срок, чем она желала. После смены нескольких поколений она захотела стать римской, к этому ее подвигли тщеславие, честолюбие и общественные интересы.

Греки не испытывали к Риму той ненависти, какую обычно испытывают к чужеземному владыке. Они восхищались Римом; относились к нему с почтением; по собственной воле установили его культ и воздвигали храмы, как богу. Города забыли своих богов-покровителей и вместо них поклонялись богу Риму и богу Цезарю; им посвящались самые великолепные праздники; главной обязанностью высших магистратов было проведение с невероятной пышностью августовских игр. Людей приучали смотреть дальше своих городов; Рим казался им образцовым городом, настоящим отечеством. А родной город казался маленьким; его инте-

ресы мелкими и незначительными; предоставляемые почести не удовлетворяли самолюбие. Только римский гражданин был достоин уважения. Правда, во времена императоров это звание не давало никаких политических прав, зато давало большие преимущества; человек приобретал абсолютное право собственности, право наследования и все частное право Рима. Законы городов постоянно менялись; римляне относились к ним с презрением, да и сами греки не испытывали к ним особого уважения. Для того чтобы иметь постоянные законы, признанные всеми как священные, было необходимо иметь римские законы.

Мы не только не находим, чтобы вся Греция, но даже чтобы один греческий город официально потребовал так страстно желаемого права гражданства; греки, по отдельности, старались его обрести, и Рим охотно даровал им это право. Одни получали его по милости императора, другие покупали его. Это право предоставлялось тем, у кого было трое детей, или тем, кто служил в определенных отрядах. Иногда для его приобретения было достаточно построить торговое судно определенного тоннажа или привезти в Рим зерно. Самый простой и быстрый способ получить права гражданства состоял в том, чтобы продать себя в качестве раба римскому гражданину, поскольку раб, отпущенный на свободу, получал права римского гражданина. Вот что сообщает об этом Гай: «*Peregrini dediticii* называются те, которые некогда с оружием в руках сражались против римского народа, а затем, будучи побеждены, сдались. Следовательно, рабов, подвергшихся такому бесчестью и отпущенных на волю в каком бы то ни было возрасте и каким бы то ни было образом, никогда не будем считать римскими или латинскими гражданами, хотя бы они были в полной власти господ, но всегда будем их причислять к покоренным и сдавшимся римскому народу. Если же раб не подвергся такому бесчестью, то он, будучи отпущен на волю, делается или римским, или латинским гражданином. Именно Лицо, удовлетворяющее следующим трем условиям: если оно старше тридцати лет, было у господина по праву квиритов и получило свободу вследствие законного отпущения на волю, то есть или посредством *vindicta* (на основании юридического акта), или вследствие занесения в цензорский список, или в силу завещания, — то такое лицо признается

римским гражданином. В случае если одного из этих условий недостает, то оно будет латином»¹.

Человек, получивший права римского гражданина, уже не принадлежал ни в гражданском, ни в политическом отношении родному городу. Он мог продолжать жить в нем, но его считали иностранцем; он не подчинялся городским законам; не повиновался магистратам; не оказывал городу финансовую помощь. Он был чужим даже для своей семьи, если у членов его семьи не было прав римского гражданства. Он не наследовал семейную собственность. Это было следствием древнего принципа, запрещавшего человеку одновременно принадлежать двум гражданским общинам. Понятно, что спустя несколько поколений в каждом греческом городе появилось много людей, как правило, самых богатых, которые не признавали ни городское правительство, ни городские законы. Так медленно погибал общественный строй, как если бы смерть его была естественной. Настало время, когда город стал просто формой без содержания, где местные законы практически потеряли значение, а судьям было некому выносить приговоры.

Наконец, после того как восемь или десять поколений добивались права римского гражданства и все те, кто имел какое-то значение, получили его, появился императорский эдикт, даровавший это право всем свободным людям без исключения.

Удивительно, но никто не может сказать ни когда издан этот декрет, ни какой император является его автором. С небольшой долей вероятности честь издания этого эдикта приписывается Каракалле, императору, который не отличался возвышенными взглядами, впрочем, в первую очередь он преследовал фискальные цели. Мы не встречаем в истории более важного декрета. Он уничтожил различие, существовавшее со времени римского завоевания, между господствующим народом и подвластными народами; он уничтожил даже древнее различие, которое религия и право установили между городами. Между тем историки того времени обошли его своим вниманием, и все, что нам известно, мы почерпнули из двух довольно туманных

¹ Гай. Институции. Кн. II, 14—17. (Примеч. авт.)

отрывков правоведов и из одной фразы Диона Кассия¹: «Он сделал римлянами всех своих подданных на словах — чтобы оказать им благодеяние, на деле же — чтобы отсюда к нему притекало больше налогов, так как peregrini большинство их не платят».

Если этот эдикт не поразил современников и не привлек к себе внимание тех, кто тогда писал историю, то только потому, что изменения, которые он узаконил, начались уже давно. Неравенство между гражданами и подданными уменьшалось с каждым поколением и постепенно полностью исчезло.

Звание гражданин стало выходить из употребления, а если и использовалось, то только для обозначения положения свободного человека по отношению к положению раба. С этого времени все, входившие в состав Римской империи, от Испании до Евфрата, образовали один народ и одно государство. Исчезло различие между городами; между народами оно еще было, но в незначительной степени. Все жители этой огромной империи были римлянами. Галл отказался называться галлом, поспешив называться римлянином; так же поступили испанец, жители Фракии и Сирии. С этого времени было только одно отечество, только одно правительство и только один свод законов.

Мы узнали, как из века в век развивался город. Сначала в нем были только патриции и клиенты, позже в нем обосновался класс плебеев, затем появились латины, следом италийцы и, наконец, жители провинций. Одни завоевания не могли вызвать такие глобальные изменения; потребовалось изменение понятий и представлений, расчетливые, но непрерывные уступки императоров, преследование личных интересов. Постепенно исчезли все гражданские общины, и римская гражданская община, единственная не подвергшаяся разрушению, настолько преобразовалась, что превратилась в сообщество многих великих народов под властью единого властителя. Так исчез общественный строй.

¹ Дион Кассий Кокцеан — римский историк греческого происхождения, автор «Римской истории» в 80 книгах, охватывающих историю от основания города до времен Александра Севера.

Мы не планируем говорить о том, какая система управления пришла на смену этому строю, и выяснять, была ли эта перемена выгодна или губительна для народов. Мы остановимся на том моменте, когда установленные в древности формы общественной жизни навсегда исчезли.

Глава 3

ХРИСТИАНСТВО ИЗМЕНЯЕТ УСЛОВИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Победа христианства ознаменовала конец древнего общества. Одновременно с этим событием завершились социальные преобразования, начавшиеся, как мы выяснили, шестью или семью веками ранее.

Для того чтобы понять, насколько изменились принципы и основные правила политики, достаточно вспомнить, что древнее общество было создано древней религией, основным догматом которой была вера в то, что каждый бог оказывает покровительство только одной семье или одному городу. Это было время домашних и городских богов. Древняя религия создала законы; отношения между людьми, собственность, наследование, судопроизводство — все это основывалось не на чувстве справедливости, а на догматах религии и требованиях культа. Все та же религия установила правила управления людьми, власть отца в семье, царя или магистрата в городе. Все было связано с религией, то есть с тем представлением, какое создал себе человек о божестве.

Мы старались по возможности подробно рассмотреть древнюю общественную систему, где религия была повелительницей, и в общественной, и в частной жизни; где государство было религиозной общиной, царь — верховным жрецом, магистрат — священнослужителем, закон — священной формулой; где патриотизм был благочестием, изгнание — отлучением от религии; где не существовало понятия о свободе личности; где государство целиком поработило человека, его душу, тело и состояние; где понятия закона и долга, правосудия и привязанностей распространялись только в пределах городских границ; где не было возможности создать большое сообщество. Тако-

вы отличительные черты греческих и италийских городов в начальный период их истории.

Но, как мы выяснили, постепенно общество стало изменяться. Одновременно с изменением верований произошли изменения в управлении и праве. На протяжении пяти веков, предшествовавших христианству, ослабевала связь между религией, с одной стороны, и правом и политикой — с другой. Усилия угнетенных классов, ниспровержение жреческой касты, труды философов, развитие мысли расшатали древние основы человеческого сообщества. Люди неоднократно прилагали усилия, стремясь вырваться из рабства древней религии, в которую больше не верили; со временем право, политика и мораль разбили религиозные оковы.

Но причиной появления между ними пропасти стало исчезновение древней религии; если право и политика стали более независимыми, то только потому, что люди отказались от религиозных верований. Если религия больше не управляла обществом, то главным образом по той причине, что она утратила власть. Однако настал день, когда религиозное чувство ожило с новой силой и вера, в форме христианства, завладела душой человека.

Религиозное чувство не только ожило, но стало более возвышенным и менее приземленным. Если в древности люди находили богов в собственной душе, в природных явлениях и в небесных светилах, то теперь появилось представление о Боге как о существе, не имеющем ничего общего ни с человеком, ни с окружающим миром. Божественное существо находилось за пределами физического мира. Если раньше каждый человек создавал собственного бога, и богов было столько же, сколько семей и городов, то теперь Бог представлялся как существо единственное в своем роде, неподражаемое; он был творцом, оживившим мир, он один был способен удовлетворить имевшуюся у человека потребность в поклонении. На смену религии, которая была всего лишь собранием обычаев и обрядов, которые продолжали совершать, не понимая их смысла, формул, смысл которых зачастую был непонятен, поскольку устарел их язык, преданий, которые передавались из века в век и считались священными только потому, что были древними, пришла религия,

предложившая единственный объект поклонения — Все-вышнего и собрание догматов. Религия перестала быть материальной, она стала духовной. Христианство изменило суть и форму поклонения. Человек больше не приносил Богу пищу и напитки. Молитва уже не была колдовским заклинанием; она стала проявлением веры и смиренной мольбой. Изменилось отношение человека к божеству; страх перед богами уступил место любви к Богу.

Христианство не было ни домашней религией какой-то одной семьи, ни национальной религией какого-то города или народа. Эта религия не являлась принадлежностью какой-то касты или сообщества. С самого начала она обращалась ко всему роду человеческому. Две тысячи лет назад Христос сказал ученикам: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари»¹.

Это было столь необычно, что в первый момент ученики почувствовали некоторую растерянность; в Деяниях святых апостолов говорится, что вначале некоторые ученики отказались проповедовать новое учение другим народам. Они считали, как и древние евреи, что Бог евреев не станет принимать поклонение от чужеземцев; эти ученики, подобно древним римлянам и грекам, верили, что у каждого народа был свой бог, и проповедовать культ этого бога означает лишить себя своего собственного покровителя. Но Петр, выслушав этих учеников, ответил: «...и Сердцеведец Бог дал свидетельство, даровав им (язычникам) Духа Святого, как и нам (иудеям); и не положил никакого различия между (иудеями) и ими (язычниками), верою очистив сердца их»².

Святой Павел любил повторять этот великий принцип: «Неужели Бог есть Бог только иудеев, а не и язычников? Конечно, и язычников; потому что один Бог, Который оправдает обрезанных по вере и необрезанных через веру. Итак, уничтожаем ли мы закон верой? Нет, но закон утверждаем»³.

¹ Евангелие от Марка. Воскресение Христово. 16. (Примеч. авт.)

² Деяния святых апостолов, 15: 8—9. (Примеч. авт.)

³ Послание апостола Павла к римлянам, 3: 27—31. (Примеч. авт.)

Во всем этом было нечто абсолютное новое. В первые века истории человечества каждый народ имел своего бога. Евреи верили в единого бога Яхве, афиняне в афинскую Палладу, римляне в Юпитера Капитолийского. Правом совершать религиозные обряды было привилегией.

Чужеземец не допускался в храм; нееврей не мог входить в еврейский храм; лакедемонянин не имел права обращаться с молитвой к афинской Палладе. Справедливости ради следует отметить, что на протяжении пяти веков, предшествовавших христианству, все мыслящие люди боролись против этих несправедливых правил. Философы, начиная с Анаксагора, учили, что Бог, творец мира, принимает без различия поклонение всех людей. В Элевсинских мистериях участвовали посвященные из всех городов; они делились на четыре категории: священники, жрицы и иерофанты; посвящаемые в тайны первый раз; те, которые уже участвовали по крайней мере однажды в мистерии; те, которые в достаточной степени изучили секреты самых больших тайн Деметры. Культы Кибелы и Сераписа исповедовали разные народы. Евреи тоже стали принимать чужеземцев в свою религию; греки и римляне принимали их в свои общины. Христианство представило всем людям единого Бога, всемогущего Бога, который принадлежал всем людям, у которого не было избранного народа и который не делал различия ни между народами, ни между семьями, ни между государствами.

У этого Бога не было чужаков. Присутствие чужака больше не оскверняло храм и обряд жертвоприношения. Храм был открыт для всех, кто верил в Бога. Жречество перестало быть наследственным, поскольку религия не была наследственной. Культ перестал быть тайным; не скрывались ни обряды, ни молитвы, ни догматы. Напротив, стали обучать религии, причем не только желающих; учение старались донести до самых равнодушных. На смену принципа запрета пришел принцип проповедничества.

Это оказало огромное влияние как на отношения между народами, так и на государственное управление.

Теперь религия не разжигала ненависть между народами; она не требовала от гражданина враждебного отношения к чужеземцу; напротив, она учила его, что он должен относиться к чужеземцу и к врагу справедливо и даже до-

брожелательно. Рухнули барьеры между народами и племенами; исчез *romaeium* (помериум) ¹.

Апостол Павел говорит, что «Христос разрушил средостение, которое отделяло Бога и человека, как бы закрыл Собой пропасть, которая лежала между Богом и Его тварью». И еще: «Нет ни элина, ни иудея, ни обрезанного, ни необрезанного, ни варвара, ни скифа, ни раба, ни свободного, но Христос есть все и во всем».

Людам объясняли, что все они происходят от одного общего отца. Бог един, и един человеческий род; религия запретила людям ненавидеть друг друга. «Иисус сказал: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» ².

Что касается управления государством, то христианство не внесло в него никаких существенных изменений. В древние века между религией и государством существовала неразрывная связь; каждый народ поклонялся своему богу, и каждый бог управлял своим народом; один и тот же кодекс определял отношения между людьми и их обязанности по отношению к богам города. Религия управляла государством и назначала вождей с помощью жеребьевки или ауспиций. Государство, в свою очередь, наказывало за любое нарушение и отступление от культа города и во время совершения обрядов. В отличие от древней религии Христос сказал, что его царство не от мира сего. Он отделяет религию от управления. Теперь религия, перестав быть земной, как можно меньше вмешивается в земные дела. Христос сказал: «Отдавайте кесарю кесарево, а Божие Богу». Впервые так явно проводится различие между Богом и государством. В то время Цезарь был верховным понтификом и диктатором; он был хранителем и истолкователем римской религии. В его руках находился культ и догматы.

¹ Помериум — священная полоса свободного пространства по обе стороны городской стены (преимущественно с внешней), на которой возводились стены города. Бороздилась бронзовым плугом. Жители внутри помериума пользовались особыми привилегиями — обычай этрусков, заимствованный римлянами.

² Евангелие от Матфея, 22: 38—40. (Примеч. авт.)

Его личность считалась священной и божественной. Императоры, желая получить все атрибуты древней царской власти, не забывали и о божественном характере, который древние придавали царям-понтификам и жрецам-основателям. Христос разрывает связь, которую хотели восстановить язычество и империя. Он объявляет, что религия не есть государство и что повиноваться цезарю не то же самое, что повиноваться Богу.

Христианство завершает процесс ниспровержения местных культов, гасит огонь пританеев и окончательно уничтожает богов — покровителей города. Но самое главное, христианство отказывается от той власти, которую культы имели над гражданским обществом. Христианство утверждает, что между государством и религией нет ничего общего. Следует отметить, что на протяжении трех веков религия живет вне сферы деятельности государства; она умело обходится без его покровительства. За три столетия между государством и религией образовалась пропасть, и, поскольку сохранились воспоминания об этом периоде, это является неоспоримым фактом, который, как ни старалась некоторая часть духовенства, не удалось оспорить.

С одной стороны, политика окончательно освободилась от жестких правил, введенных древней религией. Людьми можно было управлять, не оглядываясь на священные обычаи, не обращаясь к ауспициям, не советуясь с оракулами, не подчиняя каждое действие требованиям культа. Никакая власть, кроме власти нравственного закона, не стесняла политическую деятельность. С другой стороны, хотя государство и могло более самостоятельно решать некоторые вопросы, но его власть стала более ограниченной, и вот по какой причине. Христианство учило, что только часть человека принадлежит обществу, только его тело и материальные интересы; что, являясь подданным тирана, он обязан подчиняться; как гражданин республики, он обязан жертвовать ради нее жизнью, но что касается души, то она свободна и связана только с Богом.

Стоицизм уже наметил это разделение; он вернул человека самому себе и заложил основу свободы совести. Но из того, что удалось достигнуть одной отважной секте, христианство создало всеобщее и неизменное правило для будущих поколений, из того, что предназначалось для утешения

отдельных лиц, оно сделало доброе дело всему человечеству.

Теперь, если вспомнить, что мы говорили о всемогуществе древнего государства, если принять во внимание, какой абсолютной властью обладал город, то мы увидим, что новый принцип стал источником появления такого понятия, как свобода личности.

Как только освободилась душа, самое трудное было сделано; свобода стала возможна в социальном строе.

Затем изменениям, как и политика, подверглись чувства и нравы. Изменились сложившиеся понятия о гражданских обязанностях. Теперь первейшая обязанность не заключалась в том, чтобы все свое время, все силы и жизнь отдавать государству; патриотизм больше не считался средоточием всех добродетелей, поскольку у души не было отечества. Человек понял, что у него есть и другие обязанности, кроме того чтобы жить ради государства и отдавать жизнь за государство. Христианство провело различие между общественными и личными добродетелями. Уменьшив значение первых, оно увеличило значимость вторых; оно поставило Бога, семью, человеческую личность выше отечества, а близких выше сограждан.

Существенным изменениям подверглось право. У всех древних народов право подчинялось религии и от нее получало все законы. У персов, индусов, евреев, греков, италийцев и галлов закон содержался в священных книгах или в религиозных преданиях, а потому каждая религия создавала право по своему подобию. Христианство было первой религией, которая не претендовала на то, что является источником права. Оно занималось обязанностями людей, а не их интересами. Люди увидели, что христианство не упорядочивало ни судопроизводство, ни порядок наследования, ни законы собственности, ни процесс заключения договоров. Оно находилось вне права. Право было независимым; источником правил могли быть природа, человеческое сознание, сильно развитое в человеке чувство справедливости. Право развивалось свободно, беспрепятственно видоизменяясь и совершенствуясь, следуя за изменением нравственных понятий, подчиняясь общественным интересам и потребностям каждого поколения.

В истории римского права есть наглядное доказательство благотворного влияния новой религии. На протяжении нескольких веков, предшествовавших торжеству христианства, римское право стремилось освободиться от религии и основываться на праве справедливости, но, действуя с помощью уловок, оно только ослабляло свою нравственную власть. Коренное преобразование законодательства, о необходимости которого заявили философы-стоики, на которое были направлены благородные усилия римских юристов, могло осуществиться только благодаря независимости, которую новая религия предоставила праву. Мы видим, как по мере распространения христианства в римском праве появляются новые законы, но уже не путем хитроумных уловок, а абсолютно открыто. Уже нет домашних пенатов, погасли священные огни, навсегда исчез древний строй семьи и все законы, связанные с этим строем. Отец утратил безграничную власть, которую давало ему жреческое достоинство, и сохранил только власть, данную природой. Жена, которую культ ставил в подчиненное положение, стала равной мужу в нравственном отношении. Существенным изменениям подвергся закон о собственности; исчезли священные границы полей; право собственности основывалось не на религии, а на труде; собственность стало легче приобрести; формальности, предписанные древним правом, были окончательно упразднены.

Таким образом, в силу единственного факта, что у семьи больше не было домашней религии, изменился ее строй и ее законы; точно так же, в силу единственного факта, что у государства не было больше своей официальной религии, изменились правила управления людьми.

Наше исследование останавливается на границе, которая отделяет историю древних городов-государств от истории современных государств. Мы изучили историю веры. Утверждается вера — создается человеческое общество. Изменяется вера — общество подвергается переворотам. Исчезает вера — общество видоизменяется. Таков закон древних времен.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение.</i> Необходимость изучения древнейших верований народов для понимания их институтов.....	7
---	---

Часть первая ДРЕВНИЕ ВЕРОВАНИЯ

<i>Глава 1.</i> Представления о душе и смерти.....	12
<i>Глава 2.</i> Культ мертвых.....	19
<i>Глава 3.</i> Священный огонь.....	22
<i>Глава 4.</i> Домашняя религия.....	31

Часть вторая СЕМЬЯ

<i>Глава 1.</i> Религия заложила основы древней семьи.....	37
<i>Глава 2.</i> Брак.....	39
<i>Глава 3.</i> Запрещение безбрачия. Расторжение брака в случае бесплодия. Неравенство между сыном и дочерью.....	46
<i>Глава 4.</i> Усыновление и выход из-под родительской опеки (из семьи).....	52
<i>Глава 5.</i> Родство. Что римляне называли агнацией (родство по отцу).....	54
<i>Глава 6.</i> Право собственности.....	58
<i>Глава 7.</i> Право наследования	
Характер и принцип права собственности у древних.....	71
Наследует сын, а не дочь.....	73
О наследовании по боковой линии.....	76

Выход из-под родительской опеки (эмансипация) и усыновление.....	78
Первоначально о завещаниях не было известно.....	79
Право первородства (право старшего сына на наследование имущества).....	82
<i>Глава 8.</i> Власть в семье	
Принцип и характер отцовской власти у древних.....	84
Права, составлявшие отцовскую власть.....	89
<i>Глава 9.</i> Этические нормы древней семьи.....	93
<i>Глава 10.</i> Род в Риме и в Греции.....	99
Что древние авторы сообщают нам о роде.....	101
Разбор некоторых мнений относительно того, что представляет собой римский род.....	105
Род — это семья, сохранившая свою первоначальную организацию и единство.....	108
Сначала семья (род) была единственной формой общества.....	111

Часть третья ГОРОД

<i>Глава 1.</i> Фратрия и курия. Триба.....	117
<i>Глава 2.</i> Новые религиозные верования	
Боги физической природы.....	120
Связь религии физической природы с развитием человеческого общества.....	122
<i>Глава 3.</i> Образование города.....	126
<i>Глава 4.</i> Город.....	134
<i>Глава 5.</i> Культ основателя. Легенда об Энее.....	142
<i>Глава 6.</i> Боги города.....	146
<i>Глава 7.</i> Религия города	
Общественные трапезы.....	155
Праздники и календарь.....	159
Перепись.....	161
Религия в народных собраниях, в сенате, в суде, в войсках.....	163
<i>Глава 8.</i> Обряды и летописи.....	167
<i>Глава 9.</i> Управление городом. Царь	
Религиозная власть царя.....	173
Политическая власть царя.....	176
<i>Глава 10.</i> Магистратура.....	180
<i>Глава 11.</i> Закон.....	186
<i>Глава 12.</i> Гражданин и чужеземец.....	194

<i>Глава 13.</i> Патриотизм. Изгнание.....	198
<i>Глава 14.</i> Общественный дух.....	201
<i>Глава 15.</i> Отношения между городами. Война. Мир. Союз богов.....	206
<i>Глава 16.</i> Римлянин. Афинянин.....	211
<i>Глава 17.</i> Всемогущество государства. Древним ничего не было известно о свободе личности.....	221

Часть четвертая
ПЕРЕВОРОТЫ

<i>Глава 1.</i> Патриции и клиенты.....	226
<i>Глава 2.</i> Плебеи.....	232
<i>Глава 3.</i> Первый переворот Царей лишают политической власти.....	237
История переворота в Спарте.....	239
Переворот в Афинах.....	242
Переворот в Риме.....	245
<i>Глава 4.</i> Аристократия управляет городами.....	251
<i>Глава 5.</i> Второй переворот. Изменение в строе семьи. Исчезает право первородства. Распадается род.....	255
<i>Глава 6.</i> Клиенты становятся свободными Какой была клиентела вначале и как была преобразована.....	260
В Афинах исчезает клиентела. Деятельность Солона.....	266
Преобразование клиентелы в Риме.....	270
<i>Глава 7.</i> Третий переворот. Плебеи входят в состав города Общая история этого переворота.....	274
История этого переворота в Афинах.....	285
История этого переворота в Риме.....	290
<i>Глава 8.</i> Изменения в частном праве. Законы Двенадцати таблиц. Законы Солона.....	314
<i>Глава 9.</i> Новый принцип управления. Общественные интересы и избирательное право.....	325
<i>Глава 10.</i> Попытки аристократии богатства упрочить свое положение. Установление демократии. Четвертый переворот.....	330
<i>Глава 11.</i> Правила демократического управления. Пример афинской демократии.....	337
<i>Глава 12.</i> Богатые и бедные. Демократия гибнет. Народные тираны.....	345
<i>Глава 13.</i> Перевороты в Спарте.....	353

Часть пятая
ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ИСЧЕЗАЕТ

<i>Глава 1.</i> Новые верования. Философия меняет принципы и правила политики.....	362
<i>Глава 2.</i> Римское завоевание Основание Рима и его население.....	371
Первые римские завоевания (753-350 годы до н. э.).....	374
Как Рим приобрел владычество (350-140 годы до н. э.).....	378
Рим всюду разрушает общественную систему.....	388
Завоеванные народы один за другим входят в состав Римского государства.....	394
<i>Глава 3.</i> Христианство изменяет условия управления.....	404